Фредерик
ПОЛ
ТОРГОВЦЫ
КОСМОСОМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фредерик Пол (1919-2013) – американский писатель, обладатель многочисленных премий: Хьюго, Небьюла, Локус, Мемориальные премии Джона Кэмпбелла и Теодора Старджона… Будучи горячим поклонником фантастики, в 19 лет он совместно с Айзеком Азимовым, Сирилом Корнблатом, Деймоном Найтом основал общество Футурианцев и начал издавать и редактировать журналы «Astounding Stories» и «Super Science Stories», в которых печаталось множество будущих «монстров» фантастики. Редакторская работа Ф. Пола очень быстро получила признание среди профессионалов, однако писательская известность пришла к нему в 1952-м, с выходом в свет «Торговцев космосом», а с 1972 года последовало множество наград – как за романы, так и за малую форму. Фредерик Пол блистательно тасует жанры и литературные направления: публицистика, детская НФ, приключенческая и остросоциальная фантастика, – но наибольшего эффекта добивается, описывая картины тревожного «близкого будущего», где гигантские торговые корпорации полностью подавили голос свободной личности, а реклама заменила жителям Земли культуру – мир торжествующего капитализма, где «Шоу Трумана» встречается с «Матрицей» и «Темным городом»…

- Фредерик Пол
  -
  - Фредерик Пол, Сирил Корнблат. Торговцы космосом
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
    - Глава четырнадцатая
    - Глава пятнадцатая
    - Глава шестнадцатая

        - Глава семнадцатая
        - Глава восемнадцатая
    - Фредерик Пол. Чума Мидаса
    - Рассказы
        - Фредерик Пол. Тоннель под миром
            - I
            - II
            - III
            - IV
            - V
            - VI
        - Фредерик Пол. Человек-схема
        - Фредерик Пол. День миллионный
        - Фредерик Пол, Сирил Корнблат. Родительское собрание
        - Фредерик Пол. Ловушка
        - Фредерик Пол. Переквалификация
        - Фредерик Пол. Ферми и стужа
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36

Фредерик Пол
Торговцы космосом

Frederik Pohl
THE SPACE MERCHANTS (with Cyril M. Kornbluth)
SHORT STORIES

© Frederik Pohl, Cyril M. Kornbluth, 2011
© Frederik Pohl, 1954, 1955, 1965, 1966, 1967, 1982, 1985
© Frederik Pohl; Cyril M. Kornbluth, 1972
© Школа перевода В. Баканова, 2019
© Перевод. В.Баканов, 2021
© Перевод. А. Корженевский, 2019
© Перевод. Г. Шокин, 2020
© Перевод. А. Кабалкин, 2021
© Перевод. К. Плешков, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Фредерик Пол, Сирил Корнблат. Торговцы космосом

Глава первая

В то утро, одеваясь, я прокручивал в уме длинный список недомолвок и преувеличений, из которых будет состоять мой сегодняшний отчет. Мой отдел – отдел готовой продукции – в последнее время охватила настоящая лихорадка болезней и увольнений. Много ли наработаешь, если работать некому? Впрочем, мои оправдания едва ли будут интересны правлению.

Я протер щеки и подбородок мылом для бритья, затем сбрызнул струйкой пресной воды. Расточительство, конечно, но я исправно плачу налоги, а от соленой воды лицо чешется. Однако прежде чем я успел смыть последние следы пены, струйка иссякла. Тихонько чертыхнувшись, я включил соленую. В последнее время такое часто случается: говорят, проделки консов. В нью-йоркской корпорации водоснабжения регулярно проводят проверки лояльности, да только проку от них мало.

На несколько секунд мое внимание привлек новостной экран над зеркалом для бритья. Вчерашняя речь президента… ракета на Венеру – приземистый серебристый корпус среди песков Аризоны… беспорядки в Панаме… Затем радиочасы отбили четверть часа, и я выключил новости.

Похоже, на совещание я снова опоздаю. И правлению это вряд ли понравится.

Пять минут я сэкономил, натянув вчерашнюю рубашку вместо того, чтобы застегивать запонки на свежей, и оставив сок киснуть на столе. И пять минут потерял, пытаясь дозвониться до Кэти. Увы, она так и не взяла трубку, и в офис я опоздал.

По счастью – и к большому моему удивлению – Фаулер Шокен тоже не пришел вовремя.

Шокен ввел за правило раз в неделю, за пятнадцать минут до начала рабочего дня, собирать совещание правления. Клерков и стенографисток это держит в тонусе, а самому Шокену никакого труда не составляет: он и так с утра на работе. А «утро» у него начинается с восходом солнца.

Однако сегодня я даже успел забежать к себе в кабинет и захватить подготовленные секретаршей сводки. Когда Фаулер Шокен вошел, вежливо извинившись за опоздание, я уже сидел на своем месте в конце стола: спокойный, в меру расслабленный, уверенный в себе, как и подобает члену правления «Фаулер Шокен ассошиэйтед».

– Доброе утро! – произнес Фаулер, и все одиннадцать членов правления ответили ему невнятным бормотанием.

Садиться Фаулер не стал. Должно быть, минуты полторы он

стоял, глядя на нас с отеческой лаской. Затем обвел комнату таким восхищенным взглядом, словно попал в райский сад.

– Я думаю сейчас о нашем конференц-зале, – негромко и задумчиво проговорил он.

Все мы огляделись. Конференц-зал у нас не слишком большой, но и не маленький: обычный, десять на двенадцать, прохладный и хорошо освещенный. Но лучшее, что в нем есть, – конечно, обстановка. Рециркуляторы воздуха искусно скрыты за фризами, на полу мягкий пушистый ковер, а мебель – вся, до последней досочки – изготовлена из настоящего природного, сертифицированного дерева.

– У нас, друзья мои, отличный конференц-зал! – продолжал Фаулер Шокен. – Так и должно быть: ведь «Фаулер Шокен ассошиэйтед» – крупнейшее рекламное агентство в городе. Годовой оборот у нас на десять порядков больше, чем у любой другой фирмы. И… – тут он обвел нас выразительным взглядом, – думаю, вы согласитесь, что жаловаться на жизнь нам не приходится. Все, кто сидит сейчас за этим столом, живут в собственных квартирах не менее чем из двух комнат. Даже холостяки! – Тут он мне подмигнул. – Что до меня самого, то и мне грех жаловаться. Теплое время года я провожу на летней квартире, выходящей окнами на один из крупнейших парков Лонг-Айленда. Из дому выезжаю только на велокадиллаке. Нужда давно забыла дорогу в мой дом. Уверен, каждый из вас может сказать о себе то же самое.

Тут над столом взметнулась рука, и Фаулер кивнул:

– Да, Мэтью?

Мэтт Ранстед из отдела маркетинговых исследований. Пронырливый тип, вечно лезет вперед!..

– Просто хотел отметить, что с каждым словом мистера Шокена согласен целиком и полностью!

– Спасибо, Мэтью, – кивнул Фаулер Шокен.

Похоже, он действительно был растроган: прошло несколько секунд, прежде чем он заговорил снова:

– Все мы помним тот долгий путь, что привел нас сюда. Помним первый баланс треста «Старрзелиус», помним, как наносили на карту маршруты «Индиастрии». Первый трест планетарного масштаба! Целый материк, превращенный в единый производственный комплекс! И там, и там «Шокен ассошиэйтед» стали первопроходцами. Никто не скажет, что мы плыли по течению. Нет: мы прокладывали новые пути! И теперь хочу спросить у вас, джентльмены, – и надеюсь услышать искренний ответ: неужели теперь мы сдаем позиции?

Лес рук взметнулся вверх: помоги мне Боже, поднял руку и я.

Фаулер испытующе вглядывался в наши лица. Затем кивнул человеку справа от себя:

– Бен, ты первый.

Бен Уинстон поднялся с места и заговорил звучным баритоном:

– Что касается отдела промышленной антропологии, то мы сдавать позиции не собираемся! Подробный отчет о нашей работе выйдет в сегодняшнем полуденном бюллетене, а пока расскажу вкратце. Согласно данным, полученным в полночь, все начальные школы к востоку от Миссисипи приняли наши рекомендации по составу школьных обедов. Соевые бургеры и восстановленное мясо… – при мысли о соевых бургерах и эрзац-мясе каждого из нас передернуло, – поставляются в контейнерах зеленого цвета, того же оттенка, что и упаковки продукции «Юниверсал». Однако конфеты, мороженое и детские сигаретки поступают в школы в красочных обертках с преобладанием красного, цвета «Старрзелиус». Когда эти дети вырастут… – Бен поднял глаза от своих заметок и торжественно закончил: – По нашим подсчетам, через пятнадцать лет, начиная с сегодняшнего дня, «Юниверсал» потерпит полный крах и ее продукция исчезнет с рынка!

Он сел под гром аплодисментов. Хлопал и Шокен, обводя нас сияющим взглядом. Я подался вперед и придал лицу Выражение Номер Один: энергия, решимость, готовность действовать. Однако не стоило трудиться: Шокен ткнул пальцем в соседа Уинстона, Харви Брюнера.

– Нет нужды объяснять вам, джентльмены, – начал Брюнер, надувая впалые щеки, – что у отдела психологии рекламы свои сложности. Могу поклясться, наше правительство битком набито консами! Знаете, что они устроили? Запретили использовать в звуковой рекламе ультразвуковые частоты, действующие на подсознание! Но мы их обошли: составили список слов-триггеров, привязанных ко всем основным травмам и неврозам современного американца. Они послушались болванов, помешанных на безопасности, и запретили проецировать рекламу на окна веломобилей. Но и тут мы нанесли ответный удар! Из наших лабораторий сообщают, – Брюнер кивнул в сторону директора отдела науки, – что скоро начнутся испытания новой визуальной системы, способной проецировать рекламу непосредственно на сетчатку глаза! Причем это еще не все! Мы движемся вперед семимильными шагами. Как пример приведу нашу работу с напитком кофиэст…

Тут он замолчал, а затем спросил полушепотом:

– Извините, мистер Шокен, наша служба безопасности проверяла конференц-зал?

Фаулер Шокен кивнул:

– Здесь чисто. Ничего, кроме обычных «жучков» от Госдепартамента и Палаты представителей. И, разумеется, все они «пишут» заранее подготовленную нами запись.

– Так вот, кофиэст, – расслабившись, продолжал Харви. – Рекламные образцы распространяем в пятнадцати ключевых городах. Предложение обычное: запас кофиэста на тринадцать недель, тысячу долларов наличными и недельный отдых на Лигурийской Ривьере для всех участников. Но – и это, по моему скромному мнению, делает нашу кампанию поистине гениальной – в каждой порции кофиэста содержится три миллиграмма простого алкалоида. Здоровью не вредит, но создает зависимость. Десять недель употребления – и потребитель у нас на крючке до конца жизни! Лечение будет стоить не меньше пяти тысяч баксов, так что проще и дешевле перейти на кофиэст: три чашки за завтраком, три за обедом, три за ужином и кружечку перед сном.

Фаулер Шокен просиял, а я снова нацепил на лицо Выражение Номер Один. Следующей за Харви сидела Тильди Мэтис, заведующая отделом копирайтинга, подобранная на эту должность самим Шокеном, однако женщинам Шокен на совещаниях слова не давал. А следом за Тильди сидел я.

Я уже составлял в уме первые фразы своего доклада, когда Фаулер Шокен с улыбкой покачал головой:

– Доклады всех отделов сегодня выслушивать не будем, мало времени. Главное, джентльмены, я получил ответ на свой вопрос – и этот ответ мне по душе. До сих пор вы смело встречали любой вызов. Верю, что не подведете и сейчас.

Он нажал кнопку на панели монитора и повернулся в своем вращающемся кресле. Свет в зале погас; проекция полотна Пикассо за спиной у Шокена поблекла, обнажив крапчатую поверхность экрана. На экране начало проступать другое изображение.

Эту картину я уже видел сегодня – утром, в новостях, над зеркалом для бритья.

Тысячефутовый монстр, уродливый отпрыск стройных «Фау-2» и приземистых лунных ракет прошлого: космический корабль для отправки на Венеру. Вокруг него высились стальные и алюминиевые леса: по ним ползали крохотные фигурки, и в руках у них вспыхивали совсем крошечные голубовато-белые огоньки сварочных аппаратов. Очевидно, мы смотрели запись: так выглядела ракета несколько недель назад. Сейчас, судя по новостям, она была вполне закончена и готова к полету.

– Этот корабль понесет человечество к звездам! –

торжественно, но не слишком точно сообщил громоподобный голос из динамиков.

Бесплотный голос я узнал: он принадлежал диктору из отдела звуковых эффектов. Да и происхождение текста опознавалось безошибочно. Вечно Тильди Мэтис набирает к себе в отдел безграмотных девиц, не способных отличить планету от звезды!

– Современный Колумб поведет этот корабль через океан пустоты, – продолжал диктор. – Шесть с половиной миллионов тонн стали и укрощенных молний: ковчег для восемнадцати сотен мужчин и женщин, готовых сделать новый мир своим домом. Кто же решится на это? Кто те счастливые первопроходцы, кому предстоит сделать плодородные земли нового мира своим владением? Знакомьтесь: супружеская чета, двое бесстрашных…

Диктор вещал дальше, а ракета на экране поблекла, уступив место просторному жилому отсеку в пригороде. Раннее утро. Отец убирает в стену кровать и складывает ширму, отгораживающую детскую, мать раздвигает стол и набирает на пищевом автомате код завтрака. За соком и детской кашей (и, разумеется, перед тремя дымящимися чашками кофиэста на первом плане) семья говорит о том, как смело и мудро они поступили, взяв билеты на Венеру. И под заключительный вопрос младшенького: «Мама, мама, а когда я вырасту, мы с моими маленькими сыночками и доченьками тоже полетим на Венеру?» – трогательная семейная сцена сменяется впечатляющими панорамными снимками Венеры будущего, тех далеких лет, когда вырастет этот малыш: изумрудные долины, хрустальные озера, белоснежные горные вершины.

Того, что на Венере нет воды, что ее атмосфера непригодна для дыхания, что от зеленых долин и горных озер первопроходцев отделяют десятилетия жизни в герметически закрытых клетушках и на гидропонике, диктор не отрицал, но особенно на этом не задерживался.

С началом ролика я инстинктивно нажал на часах кнопку таймера. Когда ролик закончился, взглянул на циферблат: девять минут! В три раза дольше, чем разрешено законом, – и на одну минуту дольше наших обычных рекламных роликов.

Лишь после того, как зажегся свет, все потянулись за сигаретами, а Фаулер Шокен снова заговорил, я начал понимать, как такое стало возможно.

Свою новую речь Фаулер начал, как принято в нашем деле – издалека. Заговорил об истории рекламного бизнеса, о том, какой долгий путь прошла реклама: от простых, написанных от руки объявлений о продаже готовых товаров до нынешних рекламных

империй, тех, что создают новые области производства и переделывают мир под свои коммерческие нужды. Снова упомянул и о славном пути нашей компании, «Фаулер Шокен ассошиэйтед». И наконец сказал:

– Джентльмены, есть старинное изречение: «Пусть устрицей мне будет этот мир!»[1] Так вот, мы съели эту устрицу. Да, съели, – повторил он, старательно гася окурок в пепельнице. – Мы покорили весь мир – буквально, и теперь, подобно Александру Македонскому, скорбим о том, что нет иных миров, чтобы завоевать и их. А здесь, – Шокен махнул рукой в сторону экрана у себя за спиной, – здесь раскинулся перед нами первый из этих новых миров!

Вы уже, наверное, поняли, что я терпеть не могу Мэтта Ранстеда. Мерзкий проныра, всюду сует свой нос. Подозреваю, что он расставил «жучки» даже у нас в компании. И, должно быть, о проекте «Венера» узнал заблаговременно – трудно поверить, что его патетическая речь была порождена приливом вдохновения. Мы все еще переваривали слова Фаулера Шокена, а Ранстед уже вскочил на ноги.

– Джентльмены, – вскричал он, – это поистине гениальный замысел! Не просто Индия, не просто новый континент – нет, целая планета на продажу! Приветствую вас, Фаулер Шокен – Клайв[2], Боливар[3], Джон Джекоб Астор[4] нового мира!

Как я и сказал, Мэтт успел первым, но за ним и все мы вскочили на ноги, восклицая примерно то же самое.

Вскочил и я. Ничего сложного, если тренируешься много лет. Кэти никогда этого не понимала, а я объяснял ей шутя, что это что-то типа религиозного ритуала: вроде как разбить о борт корабля бутылку шампанского или принести в жертву девственницу, чтобы посевы лучше росли. Впрочем, даже в шутках я старался не заходить слишком далеко. Вряд ли кто-нибудь из нас (быть может, кроме Мэтта Ранстеда) согласился бы подсаживать людей на наркотик только ради наживы. Но сейчас, гипнотизируя друг друга собственными возгласами, все мы чувствовали, что в самом деле готовы на любую жертву ради Святых Продаж.

Не поймите меня превратно: мы не преступники. Харви же пояснил, что алкалоиды в кофиэсте совершенно безвредны!

Когда все высказались, Фаулер Шокен нажал другую кнопку и показал нам план работы – обстоятельно, пункт за пунктом. Листал перед нами таблицы, графики, диаграммы, поступающие в ведение нового отдела «Фаулер Шокен ассошиэйтед» – отдела, который будет заниматься освоением и эксплуатацией Венеры. Рассказал о долгих переговорах с сенаторами, о закулисных

сделках, давших нам эксклюзивное право на богатства планеты, – тут я начал понимать, почему он рассчитывает выйти сухим из воды с девятиминутной рекламой. Объяснил, что правительство (кстати, странно, что мы по-прежнему думаем и говорим об этой бирже сделок и взаимных услуг как об отдельном институте, наделенном собственной волей) хочет видеть Венеру американской планетой и обращается ради этого к истинно американскому искусству – рекламе. Своим энтузиазмом Шокен заразил и нас. Я слушал и завидовал тому счастливчику, что возглавит отдел Венеры: такой работой любой из нас мог бы только гордиться.

Рассказал Фаулер и о проблеме с сенатором от «Дюпон кемикалз» и его сорока пятью голосами, и о том, как легко удалось справиться с сенатором от «Нэш-Келвинейтор», обладателем всего шести голосов. С гордостью поведал, как организовал фальшивую акцию консов против самого себя – и тем склонил на свою сторону министра внутренних дел, фанатичного антиконсервациониста. Визуальный отдел подготовил прекрасную презентацию, однако нам понадобился почти час, чтобы выслушать рассказ Фаулера и разобраться в планах и графиках.

Наконец Фаулер выключил проектор.

– Теперь вы знаете все. Вот наша новая кампания – и начнем мы ее немедленно. Прямо сейчас. Сделаю лишь еще одно объявление, а потом за работу!

Фаулер Шокен знает, как держать интерес аудитории. Неторопливо, очень неторопливо достал он листок бумаги и зачитал одну фразу – фразу, которую любой, самый мелкий клерк из отдела копирайтинга мог бы произнести и без шпаргалки.

– Руководителем отдела Венеры, – прочитал он, – назначаю Митчелла Кортни!

Вот так сюрприз! Ведь Митчелл Кортни – это я.

Глава вторая

Пока остальные члены правления расходились по своим кабинетам, я на несколько минут задержался у Фаулера. Прошло еще несколько секунд, пока лифт доставил меня из конференц-зала вниз, в мой кабинет на восемьдесят шестом этаже. Так что, когда я вошел, Эстер уже собирала вещи со стола.

– Поздравляю, мистер Кортни! – воскликнула она. – Теперь вы переезжаете на восемьдесят девятый. Вот здорово! У меня тоже будет отдельный кабинет!

Я поблагодарил ее и снял телефонную трубку. Прежде всего следовало собрать сотрудников и передать бразды правления отделом Тому Гиллеспи, моему заместителю. Впрочем, сначала я позвонил Кэти.

И снова она не взяла трубку.

Так что я собрал ребят и объявил о своем повышении. Провожали меня с подобающей грустью, но и с нескрываемой радостью – ведь теперь каждый из моих подчиненных тоже продвигался по служебной лестнице.

Было время обеда, и все вопросы по Венере я решил отложить до конца перерыва.

Я позвонил еще раз, затем наскоро перекусил в кафетерии компании, спустился на лифте в подземку и проехал шестнадцать кварталов на юг. Здесь, впервые за сегодняшний день, вышел на открытый воздух – и сразу потянулся за носовыми заглушками, однако, подумав, надевать их не стал. Моросил дождь, так что дышать можно было и открытым носом. Стояло лето, жаркое и влажное; по тротуарам сновали толпы народу, всем, как и мне, срочно требовалось куда-то попасть. Я плечом проложил себе путь через толпу, пересек улицу и вошел в здание.

Лифт доставил меня на четырнадцатый этаж. Дом был старый, система кондиционирования не отлаженная, и в мокром костюме меня пробила дрожь. На секунду я задумался о том, чтобы отказаться от заранее приготовленной легенды и сослаться на озноб, но решил, что лучше не стоит.

Я вошел в офис. Девушка в накрахмаленном белом халате подняла голову.

– Моя фамилия Силвер, – сказал я. – Уолтер П. Силвер. Я по записи.

– Да, мистер Силвер. Вы говорили, что случай у вас неотложный, что-то с сердцем.

– Совершенно верно. Не знаю, конечно, может быть, это что-то психосоматическое…

– Да, разумеется. – Она указала мне на стул. – Доктор Нейвин примет вас через пару минут.

Однако прошло десять минут. Сначала из кабинета вышла девушка, за ней вошел мужчина, ожидавший в очереди, и только после него медсестра объявила:

– Мистер Силвер, пожалуйста!

Я вошел. Кэти в белом докторском халате, строгая и очень красивая, сидела за столом и заполняла карточку пациента. Она подняла голову.

– Это ты?!

И ни малейшей радости в ее голосе не слышалось.

– Я соврал только в одном, – сказал я. – Назвался другим именем. Случай действительно неотложный – и связанный с моим сердцем.

Тень улыбки мелькнула у нее на лице, но растаяла, так и не достигнув губ.

– Это не медицинский случай.

– Я сказал твоей девушке в приемной, что, возможно, это психосоматика. Она ответила, что я все равно могу войти.

– Послушай, Митч, я не могу с тобой встречаться в рабочее время! Теперь, пожалуйста…

– Кэти, – заговорил я, присаживаясь напротив, – ты, похоже, не можешь со мной встречаться в любое время суток. В чем проблема?

– Никакой проблемы. Пожалуйста, Митч, уходи. Я врач, меня ждут пациенты.

– Никто тебя сейчас не ждет. А я звонил тебе все утро. И весь вчерашний вечер.

Кэти достала сигарету и закурила, не глядя на меня.

– Меня не было дома.

– Это я понял. – Наклонившись вперед, я взял у нее сигарету и затянулся. Она поколебалась, затем пожала плечами и вытащила другую. – Видимо, я не имею права спрашивать, где проводит время моя жена?

Кэти вспыхнула.

– Черт бы тебя побрал, Митч! Ты прекрасно знаешь…

Тут зазвонил телефон. На миг Кэти крепко зажмурилась, а потом сняла трубку – и в мгновение ока превратилась во врача, спокойного, профессионального и собранного.

Успокоив пациента, она снова повернулась ко мне. Телефонный разговор не продлился и минуты, но теперь Кэти полностью владела собой.

– Пожалуйста, уходи, – попросила она, затушив сигарету в пепельнице.

– Сначала скажи, когда мы увидимся.

– Я… у меня нет на тебя времени, Митч. И я тебе больше не жена. У тебя нет права меня преследовать. Я подам жалобу, тебе выпишут запрет на приближение ко мне или арестуют.

– В глазах закона я все еще женат, – напомнил я.

– А я – нет. Свое свидетельство о браке я сдала. И как только закончится год, Митч, мы с тобой распрощаемся.

Попробую зайти с другой стороны, сказал я себе. Кэти всегда отличалась любопытством.

– Я хотел рассказать тебе кое-что важное!

Я не просчитался. Наступило долгое молчание.

– И что же?

– Кое-что действительно грандиозное, – ответил я. – То, что стоит отпраздновать. Не буду скрывать, для меня это повод с тобой увидеться. Но не только. Пожалуйста, Кэти! Я очень тебя люблю – и обещаю не устраивать сцен.

– Н-нет, – отозвалась Кэти. Но я видел, что она колеблется.

– Пожалуйста!

– Ну… – Пока она размышляла, снова зазвонил телефон. – Хорошо, зайди ко мне домой. В семь. А теперь иди, меня ждут больные.

И сняла трубку, не удостоив меня даже взглядом на прощание.

Когда я вошел, Фаулер Шокен сгорбился над столом, погруженный в изучение последнего выпуска «Еженедельника Таунтон». Журнал мерцал и переливался ярчайшими красками: казалось, молекулы типографской краски на его обложке захватывают горстями световые частицы, а затем многоцветным фонтаном выплескивают их обратно в мир.

– Митч, – обратился ко мне Фаулер, помахав сияющим журналом, – что ты об этом скажешь?

– Дешевка, – не задумываясь, ответил я. – Если мы когда-нибудь опустимся до того, чтобы, как «Таунтон ассошиэйтед», спонсировать журналы – немедленно уволюсь.

– Хм…

Шокен перевернул журнал; сияющая обложка сверкнула в последний раз и погасла.

– Верно, трюк дешевый, – задумчиво произнес он. – Хотя надо отдать им должное – действенный. Мне нравится их изобретательность. Каждую неделю рекламу «Таунтона» видят шестнадцать с половиной миллионов читателей. И все становятся его клиентами! Надеюсь, насчет увольнения ты говорил не всерьез. Дело в том, что я только что поручил Харви разработать концепцию нового журнала «Шок». Первый номер выйдет осенью,

тиражом в двадцать миллионов. Нет-нет, – он поднял руку, милостиво прерывая мой сбивчивый поток извинений и объяснений, – не нужно извиняться, Митч. Понимаю, что ты имел в виду. Ты против дешевых рекламных трюков. Я тоже. Таунтон для меня – воплощение всего, что тянет наш бизнес назад и не позволяет ему занять в нашем обществе подобающее место, рядом с церковью, медициной и судом. Нет такого скверного трюка, на который не пойдет Таунтон. Сколько раз ему случалось и подкупать судей, и переманивать чужих служащих! А тебе, Митч, теперь нужно опасаться этого человека.

– Почему? То есть почему именно теперь?

– Да потому что Венеру мы украли у него из-под носа! – довольно рассмеялся Шокен. – Я тебе говорю, Таунтон – человек изобретательный. Ему пришла в голову та же идея, что и мне. И нелегко было убедить правительство, что Венера должна стать нашим детищем!

– Ясно, – ответил я.

В самом деле, мне многое стало понятно.

Наша представительская демократия сейчас, пожалуй, представительна, как никогда в истории. Однако правительство представляет население не столько *ad capita*, сколько *ad valorem*[5]. Если любите философские задачки, вот вам на пробу: верно ли, что голос каждого избирателя должен иметь равную цену, как гласят наши законы, как, по утверждениям некоторых историков, желали основатели нашей страны? Или же голоса избирателей следует различать сообразно их мудрости, весу, влиянию… проще говоря, по тому, сколько у них денег? Для вас, быть может, это вопрос философский, а я прагматик и, что еще важнее, получаю зарплату у Фаулера Шокена.

Однако кое-что меня беспокоило.

– Как вы полагаете, – спросил я, – Таунтон может решиться… э-э… на акции прямого действия?

– Безусловно, он попытается отобрать у нас Венеру, – расплывчато ответил Фаулер.

– Я не об этом. Помните, что случилось с компанией «Антарктик эксплотейшн»?

– Я там был. Сто сорок погибших с нашей стороны – и бог знает сколько со стороны противника.

– А это ведь всего один континент! Такие вещи Таунтон принимает очень близко к сердцу. За какой-то паршивый континент, покрытый льдом, он начал настоящую войну; что же он сделает из-за целой планеты?

– Нет, Митч, – терпеливо ответил Фаулер, – на такое он не пойдет. Война – это очень дорого. Кроме того, мы не даем ему

оснований – таких, на которые можно сослаться в суде. И в-третьих… пусть только попробует – мы прищемим ему хвост!

– Да, пожалуй, – ответил я, слегка приободрившись.

Не подумайте дурного: я – верный сотрудник «Фаулер Шокен ассошиэйтед». С юных лет стремлюсь жить, как учили меня в колледже, «ради Компании, ради Святых Продаж». Но индустриальные войны – штука невеселая, даже в нашей профессии. Всего несколько десятилетий назад в Лондоне одно шустрое агентство объявило войну корпорации «Бартон, Бартон, Дерби и Осборн» – и так энергично взялось за дело, что в живых остались только двое Бартонов и один малолетний Осборн. А на ступенях Главпочтамта, говорят, до сих пор видны пятна крови, оставшиеся с тех времен, когда «Юнайтед парсел» и «Американ экспресс» спорили за контракт на перевозку почты.

– Вот еще на что стоит обратить внимание, – снова заговорил Шокен. – На политиканов. Такого рода проекты притягивают их как магнит. Все наши популисты и крикуны, от консов до республиканцев, непременно захотят высказаться, за или против. Постарайся, чтобы все были за: может, они и психи, но смогут привлечь к нам людей.

– Даже консы? – воскликнул я.

– Нет-нет! Разумеется, я не про них. Я про нормальных, добропорядочных психов. Гм… – Шокен задумчиво кивнул; его белоснежная седина блестела в электрическом свете. – Пожалуй, распусти-ка ты слух, что полеты в космос глубоко противны идеям консервационизма. Потребляют слишком много топлива, ухудшают стандарты жизни… ну, придумаешь сам. Например: при производстве ракетного топлива используются органические материалы, которые консы считают нужным пускать на удобрения…

Приятно смотреть на профессионала за работой! С места в карьер Фаулер Шокен набросал схему будущей кампании: мне осталось только доработать детали. Отличная мысль: использовать в наших интересах консервационистов – фанатиков, уверяющих, что современная цивилизация якобы уничтожает Землю! Чушь собачья. Там, где истощаются природные ресурсы, на помощь приходит наука. Когда настоящего мяса стало не хватать, у нас уже были соевые бургеры. Когда истощились запасы нефти, мы изобрели велотакси.

Я и сам в молодости отдал дань консервационистским заблуждениям. Теперь вспоминаю об этом с улыбкой. Все их аргументы сводятся к одному: надо жить в согласии с Природой! Глупость несусветная. Если бы «Природа» хотела, чтобы мы ели свежие овощи, к чему ей снабжать нас витамином Р и

аскорбиновой кислотой?

Еще минут двадцать я слушал вдохновенную речь Фаулера Шокена и вышел из его кабинета с тем же чувством, что не раз и прежде. Шеф объяснил мне все, что надо знать. Дал все необходимые указания – мне осталось только их выполнить.

Правда, детали за мной. Ничего, свое дело я знаю туго.

Мы хотим, чтобы американцы колонизировали Венеру. Для этого требуются три вещи:

1) Колонисты.

2) Способ доставить колонистов на Венеру.

3) План работы, когда они туда прилетят.

В колонистах недостатка не будет благодаря рекламе. Девятиминутный ролик Шокена – отличный первый шаг: в том же духе мы построим всю кампанию. Потребителя всегда легко убедить, что там, где нас нет, трава зеленее. Я уже набросал примерный план кампании – простой, эффективный и с достаточно скромным бюджетом. Пусть денег у нас хватает – не стоит бросать их на ветер.

Второе – лишь отчасти наша проблема. Космические корабли строят «Республиканская авиация», «Телефонная компания Белла» и «Ю.С. Стил» – насколько я понимаю, по контракту от министерства обороны. Наша задача – не в том, чтобы сделать перелет на Венеру возможным, а в том, чтобы примирить население с неизбежными при этом затратами и стеснениями. Допустим, ваша жена узнает, что сгоревший тостер нечем заменить, поскольку весь нихром, из которого изготовляются его детали, ушел на двигатель венерианской ракеты. Или какой-нибудь неизбежный ворчун-конгрессмен от мелкой никчемной фирмочки, из тех, что всегда против, тряся над головой цифрами и графиками, заявляет, что правительство выбрасывает кучу средств и ресурсов на очередной безумный проект. Тут-то и начинается наша работа! Жену нам предстоит убедить, что ракеты важнее тостеров, а фирму, которую представляет конгрессмен, – что его тактика непопулярна и может лишить владельцев прибыли.

Начать кампанию под девизом «затянем пояса»? Эту мысль я тут же отверг: пострадают другие наши интересы. А как насчет нового религиозного движения – благоговейного поклонения далекой планете для восьмисот миллионов людей, которые сами туда не попадут?

Пожалуй, об этом стоит потолковать с Брюнером. И дальше на очереди пункт три: чем занять колонистов, когда они попадут на Венеру?

Вот что больше всего интересует Фаулера Шокена. Деньги

правительства, которыми будет оплачена кампания, – полезное дополнение к нашему ежегодному бюджету; однако не таков Фаулер Шокен, чтобы вести кампании ради разового выигрыша. Он смотрит дальше и мыслит глубже. Нам необходим собственный индустриальный комплекс на Венере; необходимы колонисты – и их дети, и дети их детей, – навеки причисленные к нашей пастве. Разумеется, Фаулер стремится повторить здесь, в большем масштабе, успех «Индиастрии». Он уже превратил всю Индию в один гигантский картель. Все, что там производят – каждую плетеную корзину, каждый слиток иридия, каждую порцию опиума, – продают через «Фаулер Шокен». И доход идет именно «Фаулер Шокен», никому иному. А теперь он хочет сделать то же самое с Венерой.

И вправду великий проект – на него не жаль потратить все доллары мира! Новая планета, размером с Землю, по имеющимся данным, богатая, как Земля, и вся, до последнего микрона и миллиграмма, наша!

Я взглянул на часы. Свидание с Кэти у меня в семь, а сейчас уже около четырех. Времени в обрез. Я позвонил Эстер, распорядился заказать мне билет на ближайший рейс до Вашингтона, а затем набрал номер человека, имя которого назвал мне Фаулер. Джек О'Ши, единственный, кто уже побывал на Венере. Голос его звучал молодо и звонко; он согласился со мной встретиться.

На взлетной полосе в Вашингтоне пришлось проторчать лишних пять минут: у рамок шла какая-то суета. Вокруг самолета сновали гвардейцы «Бринк экспресс», их командир у каждого выходящего пассажира проверял документы. Когда очередь дошла до меня, я спросил, что здесь происходит. Он задумчиво взглянул на мое удостоверение личности с коротким идентификационным номером, а затем отдал честь:

– Прошу прощения за беспокойство, мистер Кортни. Консы устроили теракт возле Топики. Нам поступила информация, что террорист летит на нью-йоркском рейсе, прибывающем в 16.05. Похоже, деза.

– А что взорвали на этот раз?

– Отдел сырья «Дюпона» – если вы в курсе, у нас с ними контракт на охрану их заводов, – открыл под каким-то кукурузным полем в тех краях новое месторождение угля. И вот на торжественном открытии шахты, едва гидравлический проходческий комбайн начал вгрызаться в пахотный слой, кто-то из толпы швырнул бомбу. Водителя комбайна, его помощника и вице-президента компании убило на месте. Приметы бомбиста запомнили, так что поймать его – дело нескольких дней.

– Удачи, лейтенант, – ответил я и поспешил в аэропорт, в комнату отдыха.

О'Ши уже ждал меня – сидел у окна в явном нетерпении, но просиял улыбкой, когда я извинился.

– Такое с каждым могло случиться, – заметил он и, закинув одну коротенькую ногу на другую, подозвал официанта.

Мы сделали заказ; затем О'Ши откинулся на стуле и произнес:

– Ну, что скажете?

Я посмотрел на него – сверху вниз, затем в окно. К югу от аэропорта мигала разноцветными огнями верхушка гигантской колонны мемориала Рузвельта; за ней виднелся крохотный невзрачный купол древнего здания Капитолия. Как истинный рекламщик я никогда за словом в карман не лез, но сейчас не знал, с чего начать.

О'Ши явно наслаждался моим замешательством.

– Так что же? – повторил он с усмешкой. Было очевидно, что это означает: «Приятно вам, важным господам, бегать за простым парнем вроде меня?»

Я решил идти напролом:

– Каково там, на Венере?

– Песок и пыль, пыль и песок, – не раздумывая, ответил О'Ши. – Разве вы не читали мой доклад?

– Читал, разумеется. Но хочу знать больше.

– Все есть в докладе. Боже правый, когда я вернулся, меня три дня допрашивали!

– Я о другом, Джек, – ответил я. – Кому нужны доклады? У меня в отделе исследований пятнадцать человек заняты только тем, что готовят выжимки из докладов, чтобы мне не приходилось читать их самому. Я хочу узнать нечто большее. Хочу *ощутить* Венеру. Понять, почувствовать, каково там. А это можно узнать только у вас – ведь вы единственный, кто там был.

– И иногда об этом жалею, – устало ответил О'Ши. – Что ж, с чего начать? Откуда я взялся, вы знаете: я единственный в мире лилипут с лицензией пилота. О корабле тоже знаете все. Видели доклады об исследовании привезенных мною образцов почвы и минералов. Не то чтобы они о чем-то говорили. Я ведь приземлялся только в одном месте. Может, в пяти милях оттуда геология уже совсем другая.

– Это все мне известно. Послушайте, Джек, давайте так. Предположим, вы хотите уговорить людей – множество людей – полететь на Венеру. Что вы им скажете?

– Навру с три короба! – рассмеялся он. – Ладно, выкладывайте начистоту. Что вы задумали и зачем вам я?

И я рассказал ему о планах «Шокен ассошиэйтед». Говорил и говорил, а он смотрел на меня круглыми детскими глазами на круглом личике. В чертах лица у лилипутов есть какая-то фарфоровая хрупкость и нежность, как будто природа, отказав им в росте, взамен этого награждает изяществом, совершенством черт, для обычных людей недоступным. Он потягивал свой напиток; я между делом отхлебывал свой.

Наконец я закончил речь, но по-прежнему не знал, на моей ли он стороне, а с ним это было важно. Джек О'Ши – не марионетка из госслужбы, которую Фаулер Шокен ловко дергает за ниточки. И не простой гражданин, которого можно подкупить какой-нибудь дешевой мишурой. Верно, Фаулер помог ему капитализировать славу первопроходца: организовывал издания книг, выступления, лекции, так что теперь Джек О'Ши немного нам обязан. Самую малость. Не более того.

– Я хотел бы вам помочь, – сказал он наконец, и дальше разговор пошел куда легче.

– Вы в состоянии нам помочь, – заверил я. – Ради этого я и прилетел. Скажите, что может предложить человеку Венера?

– Почти ничего, – ответил он, и гладкий фарфоровый лоб прорезала морщина. – С чего мне начать? Рассказать вам об атмосфере? Свободный формальдегид – знаете, то вещество, которое используют при бальзамировании. Или о климате? Средняя температура выше точки кипения воды – если бы на Венере была вода. Но ее там нет. А если и есть, то недоступна. Или о ветре? Меня несло над поверхностью Венеры со скоростью восемьсот километров в час.

– Нет, не совсем, – ответил я. – Для всех этих проблем мы уже ищем решения. Я хочу *почувствовать,* хочу понять, что вы ощутили, оказавшись там. О чем думали, как реагировали. Просто говорите. Говорите обо всем. Я скажу, когда услышу то, что хочу знать.

О'Ши задумался, прикусив бледно-розовую губу.

– Что ж, – сказал он наконец, – тогда давайте начнем с самого начала. Закажем еще по одной?

Подошел официант, принял заказ и вернулся с напитками. Некоторое время Джек молчал, барабаня пальцами по столу, потягивая рейнвейн с сельтерской. А потом заговорил.

Начал он действительно с самого начала – и к лучшему. Я хотел уловить душу события, то ускользающее субъективное чувство, что стояло за сухими строками его отчетов о полете на Венеру. Хотел поймать то, что придаст нашему проекту убедительность и силу.

Джек рассказывал о своем отце, двухметровом плечистом

химике-технологе, и о матери, пухлой домохозяйке. Слушая его, я ощутил и горе его родителей, и их разочарование, и непреклонную, беззаветную любовь к крошке-сыну, не доросшему и до метра. В одиннадцать лет перед ним впервые встал вопрос взрослой жизни и выбора профессии. Он помнил, как вытянулись лица родителей при первом его предложении, сделанном вскользь, с равнодушной миной, – неизбежном предложении подумать о цирке. К их чести, больше эта тема в семье не поднималась. Родители знали, что Джек хочет стать летчиком-испытателем, и принесли ради этого немалые жертвы. Они всегда поддерживали сына. Ни стоимость учебы, ни насмешки, ни унизительные отказы в одной летной школе за другой – ничто их не останавливало.

Разумеется, Венера окупила все.

Создатели космического корабля для полета на Венеру столкнулись с серьезной проблемой. Отправить ракету на Луну, за триста восемьдесят тысяч километров от Земли, оказалось не так уж сложно; теоретически ненамного сложнее было бы и запустить корабль через пространство на соседнюю планету. Вопрос заключался в орбитах и сроках полета, в том, как управлять кораблем и как привести его назад. Вот это обернулось задачкой потруднее.

Можно запустить корабль прямиком на Венеру так, что через несколько дней он попадет на место, – вот только потребуется столько топлива, сколько хватило бы на десять межпланетных перелетов. Можно плыть по орбите, словно дрейфуя по реке, выжидая, когда орбиты двух планет максимально сблизятся: это сэкономит топливо, но растянет путешествие на несколько месяцев. А за восемьдесят дней человек съедает вдвое больше, чем весит сам, вдыхает в девять раз больше своего веса и выпивает столько воды, что в ней мог бы плавать рыбацкий катер.

Возникает резонный вопрос: что, если очищать воду от продуктов распада и использовать вторично, если делать то же самое с воздухом и с едой? Увы. Необходимое для этого оборудование будет весить больше, чем воздух, еда и вода вместе взятые. Так что пилот-человек отпадает.

И команда конструкторов начала работу над автоматическим пилотом. Робот был изготовлен – и справлялся очень неплохо. Увы, несмотря на миниатюрность его контактов и реле, весил он четыре с половиной тонны.

Конструкторы уже готовы были опустить руки, как вдруг кому-то пришла гениальная мысль: самый совершенный сервомеханизм – пилот-лилипут двадцати пяти килограммов весом! Джек О'Ши весит втрое меньше обычного человека –

значит, втрое меньше съедает и втрое меньше потребляет кислорода. Ему хватит обычных очистителей воздуха и воды, низкоэффективных, зато легких и компактных. Вместе со всем необходимым снаряжением Джек уложился в лимит веса – и заслужил себе неувядающую славу.

– Меня воткнули в ракету, словно палец в перчатку, – рассказывал он, вздыхая; от двух бокалов вина малыш Джек слегка опьянел. – Вы, наверное, представляете себе, как выглядит корабль снаружи. Но знаете, как меня запихивали в кресло пилота? Собственно, никакое это не кресло, а скорее, костюм ныряльщика. Во всем корабле только в этом костюме и был воздух. А вода поступала по трубке прямо мне в рот. Все ради экономии веса.

В этом костюме Джек провел восемьдесят дней. Костюм кормил его, подавал воду, удалял углекислый газ и отходы жизнедеятельности. При необходимости мог вколоть новокаин в сломанную руку, пережать поврежденную бедренную артерию, накачать воздух в разорванное легкое. Словно во чреве матери – только в чертовски неудобном чреве.

Тридцать три дня в костюме туда, сорок один день обратно. И шесть дней между ними – оправдание всей этой авантюры.

Сажать корабль Джеку пришлось вслепую. Плотные газовые облака, закрывающие планету, не позволяли ничего увидеть и сбивали с толку радары. Лишь в тысяче футов от Земли он сумел разглядеть под собой что-то, кроме мельтешения желтой пыли. Тогда он сел и выключил двигатели.

– Выйти наружу я, конечно, не смог. Первым человеком, ступившим на землю Венеры, станет кто-то другой. Подозреваю, кто-нибудь, кому не особенно нужно дышать. Зато я первым увидел Венеру.

Он пожал плечами, пробормотал себе под нос крепкое словцо: вид у него был смущенный.

– О том, какова она, мне десятки раз рассказывали на лекциях, но я так и не понял. Думал, это что-то вроде Пейнтед-Дезерт[6] на Земле. Впрочем, возможно, так и есть: ведь в Пейнтед-Дезерт я тоже не бывал. На Венере дуют ветра. Страшные ветра, разрушающие горы. Скалы из мягкого камня крошатся в пыль: так начинаются пыльные бури. А из тех скал, что потверже, ветер создает удивительные статуи, настоящие монументы самых причудливых форм и расцветок. Таких гор, таких расщелин, как там, невозможно вообразить. Можно подумать, что ты в пещере, хотя там не так темно. Однако свет тоже… необыкновенный. Он оранжевый, как пламя костра. Яркий, очень яркий, какой-то… угрожающий, что ли. Знаете, нечто

отдаленно похожее можно увидеть в земных небесах жарким летом, на закате, перед грозой. Только на Венере не бывает гроз – там нет воды. – Поколебавшись, он добавил: – А молнии есть. Много молний. Но ни капли дождя… Не знаю, Митч, – оборвал он себя, – вам вообще все это интересно?

Ответил я не сразу. Сначала взглянул на часы – и отметил, что мне пора на обратный рейс, затем, нагнувшись, выключил спрятанный в портфеле диктофон.

– Вы мне очень помогли, Джек, – ответил я. – Но нам нужно больше. Сейчас мне пора бежать. Скажите, не сможете ли вы на время переехать в Нью-Йорк и со мной поработать? Все, что вы рассказали, я записал на пленку, однако нам понадобятся и визуальные образы. Кое-что наши художники смогут извлечь из привезенных вами фотографий, но этого будет мало. А вы можете сообщить намного больше, чем самый совершенный фотоаппарат. – О том, что наши художники не станут изображать Венеру такой, как есть, я упоминать не стал. – Что скажете?

Джек с видом невинного ангелочка откинулся на стуле, пару минут истязал меня рассказом о своем напряженном графике на ближайшие несколько недель и наконец согласился. Выступление в «Шрайнерс» можно и отложить, сказал он, а с «литературными неграми» ничто не мешает встречаться не в Вашингтоне, а в Нью-Йорке. Мы договорились встретиться завтра. Громкоговоритель объявил о прибытии моего самолета.

– Я вас провожу. – Джек соскользнул со стула и бросил на стол купюру для официанта.

Вместе мы прошли по узким коридорам и вышли на взлетное поле. Вокруг слышались охи и ахи: многие узнавали Джека. Он шагал, выпятив грудь и ухмыляясь во весь рот. На поле было уже почти темно; в свете городских огней чернели мощные силуэты самолетов. От грузового терминала неторопливо летел в нашу сторону грузовой вертолет, огромный пятидесятитонник: алюминиевая корзина у него под брюхом ярко блестела, отражая огни внизу. Вертолет был всего в каких-нибудь пятнадцати метрах над нами: мне пришлось придержать шляпу, чтобы ее не снесло ветром.

– Чертовы водилы! – проворчал Джек, поднимая глаза на вертолет. – Почему для них не сделают отдельную взлетную полосу? Только из-за того, что у вертолета хорошая маневренность, эти лихачи считают, что могут летать где угодно. Если бы я так вел самолет, я бы… Берегитесь! – отчаянно закричал он вдруг.

И изо всех сил толкнул меня своими маленькими ручками в спину. Толчок был такой силы, что я невольно пробежал

несколько шагов вперед. Затем обернулся в недоумении, не понимая, что происходит.

– Какого чер… – начал я – но не услышал собственного голоса.

Все потонуло в рокоте вертолетного мотора, свисте винта, вспарывающего воздух, а затем – в самом оглушительном грохоте, какой мне когда-либо доводилось слышать. Грузовая корзина вертолета рухнула на бетон в каком-то метре от нас. При падении она разбилась, и упаковки овсяных хлопьев «Старрзелиус» покатились во все стороны.

Один алый цилиндр с хлопьями подкатился к моим ногам. Машинально я его поднял.

Вертолет взмыл вверх и устремился прочь. В какую сторону он полетел, я не заметил.

– Да помогите же им, бога ради! – заорал Джек, дернув меня за руку.

На летном поле мы были не одни. Из-под смятого алюминиевого листа торчала рука с портфелем; сквозь шум в ушах пробивались крики и стоны человеческой боли. Так вот о чем говорит Джек! Корзина упала на людей!.. Он подтащил меня к груде искореженного металла; вдвоем мы попытались приподнять ее и отодвинуть. Я порвал пиджак и поцарапал руку, прежде чем появились служащие аэропорта, приказали нам отойти и взялись за дело сами.

Дальше – провал в памяти: помню уже, как сижу у стены терминала на чьем-то чемодане, а Джек О'Ши что-то взволнованно мне говорит. Помню, он ругал вертолетных пилотов – бездарей и неучей, ругал меня за то, что я не видел, как открылись блокираторы, и стоял как дурак, когда он кричал мне бежать. И еще много всякой всячины. Помню, как он выхватил и отбросил в сторону упаковку хлопьев, которую я машинально сжимал в руке. Прежде психологи не замечали за мной робости или излишней чувствительности; однако теперь я был в шоке – и оставался в шоке, когда Джек сажал меня в самолет.

Помню, как стюардесса сообщила, что на летном поле погибли пятеро, раздавленные алюминиевой корзиной. Тут я снова начал что-то соображать. Но это было уже на полпути в Нью-Йорк. А до того единственное, что помнил, единственное, что казалось мне важным, были слова Джека – слова, которые он повторял снова и снова, с гневом и горечью на фарфоровом личике:

– Слишком много людей, Митч. Чертовски много людей! Так что я с вами. Нам нужно больше места, Митч. Нужен простор. Нужна Венера.

Глава третья

Кэти жила в Бенсонхерсте, ближе к центру, в не слишком большой удобной квартире. Обстановка в ней скромная, но уютная, очень домашняя: кому об этом знать, как не мне? Я нажал на кнопку звонка под табличкой «Доктор Нейвин» и улыбнулся, когда Кэти открыла дверь.

Увы, она не улыбнулась в ответ, а лишь сказала:

– Ты опоздал, Митч.

И еще:

– Я думала, ты сначала позвонишь.

Я вошел в квартиру и сел.

– Опоздал, потому что едва не погиб, а не позвонил, потому что опаздывал. Такое объяснение тебя устраивает?

Она задала вопрос, на который я надеялся, и я рассказал, как несколько часов назад оказался на волосок от смерти.

Кэти настоящая красавица. Лицо у нее милое и приветливое, безупречно уложенные волосы выкрашены в два оттенка светлого блонда. Даже когда она серьезна, в ее глазах прячется улыбка. Много раз я всматривался в ее лицо – и сейчас, рассказывая, как чудом разминулся с грузом овсяных хлопьев, не спускал с нее глаз, силясь прочесть мысли.

В целом зрелище меня разочаровало. Без сомнения, Кэти обо мне встревожилась. Однако сердце ее открыто сотне людей – и на ее лице я не заметил ни следа тревоги большей, чем если бы речь шла о жизни любого старого знакомого.

Так что я перешел к другой важной новости: о проекте «Венера» и о том, что им руковожу я.

Эту новость она восприняла куда лучше: изумилась, и обрадовалась, и издала радостный возглас, и даже поцеловала меня от избытка чувств. Но когда я поцеловал ее в ответ (об этом я мечтал несколько месяцев), Кэти отстранилась и перешла на другой конец комнаты, будто бы для того, чтобы заказать в пищевом автомате напитки.

– Ты заслужил угощение, Митч, – сказала она. – По меньшей мере шампанское. Митч, милый, новость просто чудесная!

Я не мог упустить такой шанс.

– А что, если нам отпраздновать мое повышение? По-настоящему отпраздновать?

В карих глазах отразилась настороженность.

– Хм… – сказала она. И потом: – Хорошо, Митч. Едем вместе в город. Плачу я – и, пожалуйста, не возражай. Однако ровно в двенадцать мне придется тебя покинуть. Сегодня у меня ночное

дежурство в больнице, а завтра с утра операция по удалению матки, так что слишком увлекаться танцами и выпивкой не стоит.

И все же она улыбалась.

Как уже не раз за последние несколько месяцев, я решил не торопить события. Не искушать судьбу.

– Отлично! – ответил я, не покривив душой. Повеселиться в городе вдвоем с Кэти – тоже очень неплохо. – Можно от тебя позвонить?

К тому времени, как мы получили шампанское, я уже заказал билеты на гипнофильм, столик в ресторане и место в ночном клубе, чтобы закончить вечер. На лице Кэти отразилось сомнение.

– Митч, очень уж насыщенная программа для пяти часов, – заметила она. – Я не смогу удалять матку, если у меня будут дрожать руки!

Но я ее уболтал. В конце концов, Кэти боец, ее нелегко выбить из колеи. Однажды мы всю ночь орали друг на друга, а наутро она отлично сделала трепанацию черепа!

Ужин меня не порадовал. Не хочу выглядеть привередой, презирающим все, кроме свежего белка; однако я определенно не готов платить за эрзац-мясо как за настоящее! Мы заказали шашлык, и выглядел он вполне нормально, но вкус-то не спрячешь. Я извинился перед Кэти, а ресторан мысленно занес в черный список. Впрочем, Кэти только посмеялась. Зато гипнофильм после ужина оказался выше всяких похвал. Обычно от гипноза у меня болит голова; на этот раз я легко вошел в транс, да и после фильма неплохо себя чувствовал.

Ночной клуб был битком набит, и, как оказалось, администрация перепутала время нашего заказа. Пришлось пять минут ждать в холле. Я попросил Кэти вычесть это время из нашего пятичасового срока, но она очень решительно покачала головой.

Однако когда официант с поклонами и цветистыми извинениями провел нас к местам за стойкой и принес напитки, Кэти наклонилась ко мне и поцеловала. И я понял, что все не так уж плохо.

– Спасибо, Митч, – сказала она. – Чудесный был вечер. Получай повышения почаще, мне это нравится.

Я зажег сигарету для нее и для себя, открыл рот для ответа – и промолчал.

– Что же ты? Говори.

– Просто хотел сказать, что нам с тобой всегда было весело вместе.

– Ну да, я так и поняла. А я хотела на это ответить: знаю, к чему ты клонишь. Ответ по-прежнему «нет».

– Так я и думал, – вздохнул я. – Ладно, пошли отсюда.

Кэти заплатила по счету, и мы вышли на улицу, на ходу вставляя носовые заглушки.

– Такси, сэр? – поинтересовался швейцар.

– Да, пожалуйста. Двойное, – ответила Кэти.

Он подул в свисток, подзывая велотакси на двоих, и Кэти назвала основному водителю адрес больницы.

– Можешь доехать со мной, Митч, – предложила она.

Швейцар подтолкнул велотакси сзади, и оба водителя синхронно заработали ногами, набирая скорость.

Не спрашивая ее, я поднял полог и отгородил нас от окружающего мира. На миг все стало как в те далекие дни, когда мы только познакомились: уютная темнота, легкий пыльный запах тканого полога, ритмичный скрип велосипедных цепей. Но только на миг.

– Митч, лучше не говори ничего! – предупредила Кэти.

– Прошу тебя! – начал я, тщательно подбирая слова. – Просто позволь мне кое-что сказать. Всего пару слов.

Она промолчала.

– Мы с тобой были женаты восемь месяцев. Да, верно, – поспешил добавить я, видя, что она хочет меня перебить, – это был не постоянный брак. Но предварительные брачные обеты мы принесли. Помнишь почему?

Она немного помолчала, а затем ответила со вздохом:

– Потому что любили друг друга.

– Верно, – согласился я. – Я любил тебя, а ты меня. У нас обоих работа, отнимающая очень много времени и сил; мы понимали, что работу будет нелегко совмещать с семейной жизнью, так что решили сначала заключить временный брак. Подождать год, посмотреть, что из этого выйдет, и, если все будет хорошо – пожениться по-настоящему. – Я коснулся ее руки; она не отодвинулась. – Кэти, милая, как ты считаешь: может быть, мы знали, что делали? Может быть, стоит, по крайней мере, дать себе этот год? У нас осталось еще четыре месяца. Давай попробуем. Если год закончится, а ты по-прежнему будешь готова отозвать свое согласие – что ж, по крайней мере, я не скажу, что ты не дала мне шанс. Что до меня, я ждать не хочу. Я уже подал заявление на постоянный брак. И мое решение не изменится.

В этот миг мы проезжали мимо фонаря, и я увидел у нее на лице странное, непонятное мне выражение.

– Черт возьми, Митч, – ответила она с тяжелым вздохом, – я прекрасно знаю, что твое решение не изменится. Это меня и пугает. Что мне сделать, чтобы открыть тебе глаза? Обругать последними словами? Сказать, что ты эгоистичная свинья,

бессовестный манипулятор, макиавеллист, грубый, несдержанный? Что с тобой невозможно жить? Я считала тебя хорошим человеком, Митч. Идеалистом, для которого убеждения и принципы дороже денег. У меня были серьезные причины так думать. Ты сам так говорил, и очень убедительно. И с моей работой готов был мириться. Заинтересовался медициной – так мне казалось: по три раза в неделю приходил смотреть, как я оперирую, при мне рассказывал всем своим друзьям, как горд, что женился на женщине-хирурге. Три месяца мне потребовалось, чтобы понять, что это на самом деле для тебя значит. Жениться на домохозяйке может любой, а вот взять в жены первоклассного хирурга и превратить ее в домохозяйку – такое под силу только Митчеллу Кортни! – Ее голос задрожал. – Я не могла с этим смириться, Митч. И никогда не смогу. Не надо со мной спорить, не надо улещивать и уламывать. Не сработает. Я врач. Иногда от меня зависит человеческая жизнь. Митч, если во время работы я буду переживать из-за ссор с мужем, пострадают мои пациенты. Как ты не понимаешь?

Из ее груди вырвался звук, похожий на рыдание.

– Кэти, – тихо спросил я, – неужели ты меня больше не любишь?

Долгое, долгое мгновение в велотакси царила тишина. Затем Кэти рассмеялась – коротко и невесело.

– Приехали, Митч, – сказала она. – И уже полночь.

Я поднял полог, мы вышли из такси.

– Подождите здесь, – попросил я водителей и вместе с Кэти дошел до дверей.

Она не поцеловала меня на прощание, не спросила, когда увидимся снова. Минут двадцать я стоял в холле, чтобы убедиться, что она действительно останется здесь. Потом вышел и попросил подбросить меня до ближайшей станции подземки. Настроение было отвратное, и оно не улучшилось, когда старший водитель, получая плату, поинтересовался как ни в чем не бывало:

– Скажите, мистер, а что такое мак… мак-ки-авеллист?

– Это по-испански «не твое собачье дело», – не слишком вежливо ответил я. И в подземке мрачно размышлял о том, каких вершин богатства нужно достичь, чтобы иметь возможность купить себе уединение.

На следующее утро я явился на работу в том же мрачном настроении. Эстер понадобилось потрудиться, чтобы я не откусил ей голову в первые же несколько минут. Хорошо хоть утром не было совещания! Вручив мне почту и подборку внутриофисных

сообщений за ночь, Эстер тактично скрылась. А через некоторое время появилась вновь, неся на подносе чашку кофе – настоящего кофе, выросшего на кофейной плантации.

– Офис-менеджер варит его тайком в туалете, – объяснила она. – Обычно сердится, когда мы его выносим – боится, будут проблемы с отделом кофиэста. Но вы у нас теперь звезда, так что…

Я поблагодарил ее, передал ей пленку с записью рассказа Джека О'Ши и взялся за работу.

Прежде всего нужно выбрать пробную площадку для испытаний нашей новой рекламы – а это требует тесного сотрудничества с Мэттом Ранстедом. Еще одна головная боль! Мэтт – глава отдела маркетинговых исследований, так что нам с ним предстоит работать в тесном взаимодействии. Вот только он никакого желания взаимодействовать со мной не проявляет.

Я включил проектор, вывел на экран карту Южной Калифорнии. Мэтт и двое его безликих помощников ждали со скучающим видом, дымя сигаретами и стряхивая пепел на пол моего кабинета.

Я очертил световой указкой области, в которых хотел провести тестовые исследования.

– От Сан-Диего до Тихуаны; половина пригородов Лос-Анджелеса, и до границы Монтерея. Здесь будут наши контрольные точки. Тестовые исследования проведем на всей территории Калифорнии-Мехико, начиная от Лос-Анджелеса и южнее. Мэтт, здесь придется поработать тебе. Рекомендую использовать как штаб наш офис в Сан-Диего. Там сейчас работает Тернер, он парень надежный.

– И от декабря до декабря ни снежинки, – проворчал Мэтт. – Там не удастся продать пальто, даже если вручать прекрасную рабыню в подарок!.. Господи боже, Митч, почему ты не оставишь маркетинговые исследования тем, кто в них разбирается? Неужели не понимаешь, что здесь климат обнулит все наши усилия?

Младший из его желторотых помощников вякнул что-то в поддержку босса, но я его остановил. По выбору мест для тестовых исследований мне придется консультироваться с Ранстедом – это его работа. Но проект «Венера» мой, и руководить им буду я. Так что я ответил довольно резко:

– Соотношение федеральных и региональных доходов, средний возраст населения, плотность населения, здоровье, психическая устойчивость, распределение по возрастным группам, уровень и причины смертности – по всем семи основным параметрам штат Калифорния-Мехико идеален. Как будто самим

Богом создан, чтобы стать идеальной площадкой для тестирования рекламы! Эта крохотная вселенная с населением меньше ста миллионов воспроизводит в себе все основные социальные сегменты Северной Америки. Я не собираюсь перекраивать свой проект, – добавил я с ударением на «свой», – и пробные исследования проведу там, где считаю нужным.

– Ничего не выйдет, – настаивал Мэтт. – Температура – важнейший фактор, это любому понятно!

– Я – не «любой», Мэтт. Я главный.

Мэтт затушил сигарету и встал.

– Тогда поговорим с Фаулером, – бросил он и двинулся к дверям.

Мне оставалось только пойти следом. Выходя, я слышал, как старший из его помощников снимает телефонную трубку и просит секретаршу Фаулера предупредить его о нашем приходе. Да уж, команду Ранстед себе подобрал на славу! На несколько секунд я задумался о том, как сколотить такую же команду для себя, а потом перешел к мыслям о том, как провести разговор с Фаулером.

Однако с раздорами среди подчиненных Фаулер сталкивался не раз – и прекрасно знал, что с ними делать. Есть у него особая техника, которую он сейчас и применил.

– А вот и вы! – воскликнул шеф, едва мы вошли. – Те, кто мне сейчас как раз очень нужен! Мэтт, можно огоньку? У меня тут проблема с ребятами из АГИ. Уверяют, что наше средство «бэби-стоп» вредит американской демографии, грозят подать против нас иск, если мы не свернем программу. Одна птичка мне напела, что эту идею подсказал им Таунтон…

И Шокен углубился в перипетии своих взаимоотношений с Американским гинекологическим институтом. Я слушал вполуха: другая наша программа, «Мальчик или девочка?» – надежный способ определения пола до родов, – повысила рождаемость в стране по меньшей мере на двадцать процентов. Ясно было, что эти ребята ничего от нас не добьются. Видимо, так же думал и Ранстед.

– Фаулер, – ответил он, – тут нет предмета для иска. Продаем же мы одновременно и алкоголь, и средства от похмелья! Мы делаем для демографии все возможное, и у них нет оснований к нам цепляться. И потом, какое отношение это имеет к отделу маркетинговых исследований?

Фаулер добродушно рассмеялся в ответ.

– В этом-то и дело! – воскликнул он. – Я хочу бросить им жирную кость. Они ждут от нас, как обычно, вялых оправданий, а я хочу дать им самим во всем разобраться. Засыпь их цифрами и

диаграммами, доказывающими, что «бэби-стоп» не заставляет супругов отказываться от детей, а лишь позволяет отложить деторождение до момента, когда они смогут обеспечить ребенка всем необходимым. Иными словами, до тех пор, когда при увеличении их расходов общий уровень жизни и, следовательно, покупательная способность останутся прежними. Пусть выкусит Таунтон! Верно, адвокатов за представление интересов двух конфликтующих сторон одновременно лишают лицензии. Многие на этом погорели. Но нужно позаботиться о том, чтобы любые попытки применить тот же принцип к нашей профессии угасли в зародыше. Сможешь это провернуть для старика, Мэтт?

– Смогу, чего уж там, – проворчал Мэтт. – А что с Венерой?

Фаулер подмигнул мне:

– А что у нас с Венерой? Ты уже загонял беднягу Мэтта?

– Век бы его не видать, – ответил я. – Из-за этого я к вам и пришел. Мэтт боится Южной Калифорнии.

Ранстед отбросил сигарету; она упала на дорогой нейлоновый ковер.

– Какого хре… – воинственно начал он.

– Спокойнее, спокойнее, Мэтт, – обратился к нему Фаулер. – Объясни все по порядку.

Ранстед злобно уставился на меня.

– Я просто сказал, что для тестового обкатывания нашей рекламы Южная Калифорния не подходит. В чем главная разница между Венерой и Землей? На Венере жарко! Нам нужна пробная площадка с умеренно континентальным климатом. Жара на Венере может соблазнить жителя Новой Англии, но никогда не соблазнит жителя Тихуаны. В Калифорнии-Мехико люди уже страдают от жары!

– Гм, – проговорил Фаулер Шокен. – Вот что я тебе скажу, Мэтт. В этом вопросе нужно разобраться, а ты в ближайшее время будешь готовить презентацию для АГИ. Назначь надежного человека, который сможет заменить тебя в проекте «Венера», пока ты занят другим. И завтра после обеда на совещании отдела мы все обсудим. Теперь же… – он взглянул на часы на столе, – сенатор Дэнтон ждет встречи со мной уже семь минут. Вы согласны?

Мэтт был явно не согласен – но что ему оставалось? А я приободрился на весь остаток дня.

Пока все шло гладко. Прислали справку из отдела научных разработок, подготовленную на основе доклада Джека О'Ши и других доступных материалов – о перспективах венерианского производства. Перспективы были. Как краткосрочные – вроде сувенирных глобусов Венеры, изготовленных из органики,

плавающей в густом бульоне так называемого венерианского «воздуха», – так и долгосрочные. Например, анализы показывали присутствие на Венере чистого железа. Не 99 %, даже не 99,9 %, а абсолютно чистого – такого, какое не встретишь на кислородной планете вроде Земли. Ученые будут счастливы – и хорошо за него заплатят!

Кроме того, наш научный отдел обнаружил интересное приспособление, называемое вихревой трубой Хильша. Это устройство способно охлаждать дома первопроходцев за счет энергии жарких венерианских ураганов. Известно оно с 1943 года, но до сих пор никого не интересовало, ибо никто не понимал, как его использовать. Никто до сих пор не сталкивался с мощными горячими ветрами – кроме нас.

Трейси Колльер, парень из научного отдела, прикомандированный к проекту «Венера», начал рассказывать мне что-то о химических фиксаторах азота. Я слушал, время от времени кивая. Насколько я понял, идея состояла в следующем: платиновая «губка», наложенная на почву, вместе с постоянными мощными электрическими разрядами в атмосфере вызовет «осадки» – «снег» из нитратов и «дождь» из углеводородов, что очистит атмосферу от формальдегида и аммиака.

– И сколько это будет стоить? – осторожно спросил я.

– Да сколько захотите. Сами знаете, платина не изнашивается. Один грамм платины выполнит всю работу за миллион лет. Возьмете больше платины – получится быстрее.

Я не особенно его понял, но ясно было, что новость хорошая. Я похлопал парня по плечу, отослал и продолжил работать.

Из отдела промышленной антропологии пришли новости похуже. Бен Уинстон начал со мной спорить.

– Кто захочет жить в раскаленной банке из-под сардин? – говорил он. – Да никто! Это противно всем нашим инстинктам. Кому понравится пролететь сто миллионов километров ради шанса провести остаток жизни в консервной банке, когда можно спокойно остаться на Земле? На Земле, где есть коридоры, лифты, улицы, наконец, крыши. Столько свободного места! Нет, Митч, это противно человеческой природе!

Я пытался его урезонить, однако Бен все твердил об американском образе жизни. Даже подошел со мной к окну и указал на расстилавшийся перед нами городской пейзаж: сотни и сотни ярдов крыш, где люди могут гулять свободно, без громоздких кислородных шлемов, защищенные лишь простыми антипылевыми заглушками в носу.

Наконец я потерял терпение.

– Разумеется, полететь на Венеру захотят очень многие! –

ответил я. – Если Венера никому не интересна, с какой стати люди сметают с прилавков книги Джека О'Ши? Почему избиратели голосуют за миллиардные расходы на строительство ракеты? Бог свидетель, не мне тебя учить работать, но проведи опрос среди покупателей книг, среди тех, кто снова и снова смотрит выступления Джека О'Ши по телевизору, кто приходит на его выступления, а потом обсуждает их в коридорах. Сам О'Ши у нас на зарплате, насядь на него; выведай все о колонии на Луне – что за люди туда переселились? Так мы и узнаем, какой аудитории адресовать рекламу. Возражения?

Возражений не было.

Эстер, спланировавшая мое расписание в этот первый день, сотворила чудо: до конца дня мне удалось плодотворно пообщаться со всеми отделами. Однако работать с документами вместо меня она не могла, и к концу дня у моего правого локтя выросла стопка бумаг в шесть дюймов высотой. Эстер предложила помочь – но что она тут могла сделать? Я попросил у нее бутерброды и еще кофе, а потом отправил домой.

Закончил я уже ближе к полуночи. Перед тем как идти домой, забежал в круглосуточную закусочную на пятнадцатом этаже, тесную комнатушку, где кофе вонял дрожжами, из которых был приготовлен, а в ветчине на бутерброде ясно ощущался вкус сои.

Скоро я понял, что это не беда – настоящая беда ждала впереди. Едва я открыл дверь в свою квартиру, как раздался страшный грохот и что-то ударило в дверной косяк рядом с моей головой. Я вскрикнул и пригнулся. За окном мелькнула фигура человека, болтающегося на веревке с револьвером в руке.

Мне хватило глупости броситься к окну и уставиться на улетающий вертолет с висящей под ним человеческой фигурой. В эту минуту я представлял собой прекрасную мишень. По счастью, убийце, висящему на веревке под брюхом вертолета, не удалось прицелиться.

Удивляясь собственному спокойствию, я набрал номер корпорации «Защита в большом городе».

– Сэр, вы наш подписчик? – спросила девушка-оператор.

– Да, черт возьми! Уже шесть лет. Пришлите сюда кого-нибудь! Побольше и с оружием!

– Минуточку, мистер Кортни… Кортни, правильно? Сотрудник рекламного агентства, звездный класс?

– Да, звездный класс, – скрипнув зубами, подтвердил я.

– Благодарю вас, сэр. Передо мной ваши данные, сэр. К сожалению, сэр, у вас имеется задолженность. Видите ли, сэр, для граждан звездного класса у нас введены особые тарифы,

связанные с опасностью индустриальных войн. Ваш нынешний тариф… – И она назвала цифру, от которой у меня глаза полезли на лоб.

Но я не стал выплескивать гнев на девушку. В конце концов, она-то в чем виновата?

– Благодарю вас, – ответил я мрачно и повесил трубку.

Затем загрузил в читальный аппарат Красную книгу потребителя, открыл раздел «Охранные агентства» и принялся обзванивать все подряд. В трех или четырех местах мне дали от ворот поворот, а потом наконец какой-то сонный частный детектив согласился приехать на разовой основе.

Появился он через полчаса. Я заплатил ему наличными, но за свои деньги не получил ничего, кроме поиска несуществующих отпечатков пальцев и кучи вопросов, на которые у меня ответов не было. Наконец он ушел, сказав на прощание, что «займется этим делом».

Я лег в постель, но заснуть сумел далеко не сразу. В голове крутился один вопрос, ответа на который я не знал: кому понадобилась смерть скромного и безобидного рекламщика?

Глава четвертая

На следующее утро, призвав на помощь все свое мужество, я отправился вниз по коридору в кабинет Фаулера Шокена. Мне нужен был ответ – и, возможно, у него ответ есть. Вполне может быть, что за этот вопрос он вышвырнет меня из кабинета. Но я хотя бы попытаюсь узнать правду.

Время я, как оказалось, выбрал не лучшее. Навстречу мне распахнулась дверь, и из кабинета с перекошенным лицом вылетела Тильди Мэтис.

– «Переписать»! – рявкнула она. – Я душу продала этому старому черту, работаю на него день и ночь – и что слышу вместо благодарности? «Все переписать!» «Текст хороший, но от вас мне нужно нечто большее, чем просто хороший текст!» И дальше: «Мне нужны краски, нужна мощь и красота, нужно скромное человеческое тепло, нужен экстаз, нужна нежность и печаль вашего женского сердца – и все это в пятнадцати словах!» Ну, я ему покажу пятнадцать слов! – прорыдала она, проносясь мимо меня. – Он у меня узнает – сладкоречивый святоша, патриархальный патерналист, Молох, пожирающий гениев…

Тут дверь захлопнулась, и дальше я уже ничего не слышал. А жаль: подбирать слова Тильди была мастерица, хотелось бы послушать.

Я кашлянул, постучал и вошел. Фаулер приветствовал меня добродушной улыбкой: столкновение с Тильди не оставило на нем следа. Откровенно говоря, вглядываясь в его доброе румяное лицо, в лучистые глаза, я почти уверился, что он ничего не знает. Но отступать было поздно.

– Фаулер, я всего на минуту, – сказал я. – Хотел спросить, не вели ли вы в последнее время жесткую игру с «Таунтон ассошиэйтед»?

– Я всегда играю жестко, – подмигнул он. – Жестко, но честно.

– Я имею в виду очень жесткую игру. Жесткую и грязную. Например, не пытались ли вы подстрелить кого-нибудь из его людей?

– Митч! Что ты такое говоришь?!

– Я спрашиваю потому, – упрямо продолжал я, – что вчера вечером меня едва не убили. За окном собственной квартиры меня поджидал вертолет, а на нем вооруженный киллер. И я не вижу никаких других версий, кроме возмездия от Таунтона.

– Таунтона можешь исключить! – безмятежно ответил Фаулер.

Я глубоко вздохнул.

– Шеф, – заговорил я, – прошу вас, скажите откровенно: вы не получали Объявления Войны? Возможно, я нарушаю субординацию, но я должен об этом спросить. Дело не только во мне. Речь идет о проекте «Венера».

Румяные яблочки на щеках Фаулера куда-то исчезли; в этот миг я ощутил, что и должность моя, и принадлежность к звездному классу висят на волоске.

– Митч, – ответил он, – когда я дал тебе звездный класс, то думал, ты понимаешь, какая ответственность с этим связана. Это ведь не просто работа. Я знал, что ты парень с головой. Знал, что ты сможешь жить согласно Коммерческому кодексу.

– Да, сэр, – помедлив, ответил я.

Фаулер сел и закурил «Старр». Секунду поколебавшись, протянул пачку и мне.

– Митч, ты еще молод, на уровень звездного класса поднялся совсем недавно. Но у тебя талант. Ты произносишь пять слов – и через несколько недель или месяцев жизнь полумиллиона потребителей полностью меняется. В твоих руках власть, Митч, абсолютная власть. Знаешь старинное изречение? Власть просветляет. Абсолютная власть просветляет абсолютно.

– Да, сэр, – ответил я.

Все старинные изречения я знал назубок. И еще знал, что рано или поздно дождусь ответа.

– Видишь ли, Митч, – продолжал он мечтательно, помахивая сигаретой. – Наряду с привилегиями у нас есть и обязанности. И связанные с ними риски. Одно без другого не существует. Не будь индустриальных войн, вся система сдержек и противовесов вылетела бы в трубу.

– Фаулер, – собравшись с духом, заговорил я, – вы же знаете, я не против системы. Система работает – вот что главное. Понятно, что без индустриальных войн нам не обойтись. Понятно, что, если Таунтон начал с нами войну, вы обязаны действовать по правилам. Вы не можете объявить об этом открыто, иначе все наши сотрудники бросят работу и разбегутся кто куда в поисках укрытия. Но, Фаулер, весь проект «Венера» – у меня в голове. Так удобнее, понимаете? Если я начну все записывать, это замедлит работу.

– Разумеется.

– Предположим, вы получили Объявление Войны. Предположим, меня Таунтон выведет из строя первым. Что будет с проектом «Венера»?

– Да, пожалуй, ты прав, – признался шеф. – Что ж, Митч, буду с тобой откровенен. Я не получал Объявления.

– Спасибо, Фаулер, – искренне ответил я. – Тем не менее кто-то в меня стрелял. И тот несчастный случай в Вашингтоне… что, если это был вовсе не несчастный случай? Как вы полагаете, Таунтон способен предпринять что-то подобное без Объявления Войны?

– Ничего похожего он раньше не делал. Хотя, правда, и я его до такой степени не провоцировал… Нет, не думаю. Таунтон – старый мошенник, любит дешевые трюки, но правила игры он знает. Убийство в ходе индустриальной войны – мелкое правонарушение. Но убийство без Объявления Войны – преступление против Коммерческого кодекса. Хм… послушай, может, ты просто положил глаз на чужую жену или что-нибудь в этом роде?

– Нет, – ответил я. – У меня сейчас на редкость унылая и добропорядочная жизнь. Все это какая-то бессмыслица. Скорее всего, просто ошибка. Так или иначе, я рад, что стрелок промахнулся.

– Я тоже, Митч, я тоже очень рад! Но хватит о твоей частной жизни, перейдем к делу. Ты встречался с О'Ши?

Покушение на меня шеф, как видно, тут же выбросил из головы.

– Встречался. Сегодня он приезжает сюда. Будем работать в тесной связке.

– Замечательно! Если правильно разыграем карту, часть его славы достанется «Фаулер Шокен ассошиэйтед»! Держись за парня обеими руками, Митч. Ну, дальше ты сам знаешь, что делать.

Я понял, что разговор окончен.

О'Ши ждал меня в предбаннике перед кабинетом. И явно не скучал: вокруг столпилась большая часть нашего женского персонала, а он, взгромоздившись на стол, что-то им вещал свысока. Взгляды наших девиц были очень красноречивы. Да, перед ними лилипут меньше метра ростом, зато у него есть деньги и власть – что еще нужно для популярности? Выбирай кого захочешь! На миг я задумался о том, сколько девушек перебывало в его постели после славного возвращения на Землю.

Обычно с дисциплиной у нас все в порядке, но сейчас мне пришлось несколько раз громко откашляться, чтобы девицы разошлись по своим местам и вернулись к работе.

– Доброе утро, Митч, – поздоровался О'Ши. – Ну как, пришел в себя после той истории?

– Конечно. Только вслед за той историей сразу попал в другую. Кто-то едва меня не пристрелил.

Я рассказал ему о покушении, и Джек нахмурился.

– Ты не думал нанять телохранителя? – спросил он.

– Думал, конечно. Но не стану. Скорее всего, меня просто с кем-то перепутали.

– А тот вертолет с грузом? Пилот тоже с кем-то тебя перепутал?

– Джек, – сказал я, немного помолчав, – давай поговорим о чем-нибудь другом. От этой темы мне не по себе.

– Как скажешь, – ухмыльнулся он. – Что ж, над чем мы будем работать?

– Прежде всего над словами, – ответил я. – Нам нужны слова о Венере – слова, которые найдут отклик в душах людей. Заставят их расправить плечи и навострить уши. Заставят задуматься о переменах, о космосе, о других мирах. Слова, благодаря которым люди ощутят недовольство своей нынешней жизнью и надежду, что все можно изменить. Слова, которые помогут им ощутить, что их чувства высоки и благородны. Слова, внушающие радостный трепет от того, что на свете есть «Индиастрия», и трест «Старрзелиус», и «Фаулер Шокен ассошиэйтед». Слова, которые в то же время возбудят их недовольство и гнев против «Юниверсал продактс» и «Таунтон ассошиэйтед».

Джек смотрел на меня, открыв рот.

– Ты ведь не всерьез! – сказал он наконец.

– Ты теперь в наших рядах, – просто ответил я. – Ты имеешь право знать. Вот так работает реклама. Так она сработала и с тобой.

– О чем ты?

– Джек, на тебе костюм и ботинки от «Старрзелиус». Значит, ты у нас на крючке. Над тобой работали Таунтон и «Юниверсал», работали Шокен и «Старрзелиус» – и ты выбрал «Старрзелиус». Мы тебя поймали. Все прошло тихо и гладко, ты даже ничего не заметил, но как-то само собой у тебя сформировалось убеждение, что в одежде и обуви «Старрзелиус» есть нечто особенное, чего не хватает одежде и обуви «Юниверсал».

– Да я вообще не смотрю рекламу! – гневно возразил он.

Я усмехнулся:

– В этих словах и заключена наша полная и окончательная победа.

– Слово даю, – сказал О'Ши, – как только вернусь к себе в номер, всю одежду отправлю в мусоросжи…

– И чемоданы? – спросил я. – Чемоданы от «Старрзелиус»?

На миг он осекся.

– Да, и чемоданы! А потом сяду на телефон и закажу себе полный комплект чемоданов, новой одежды, обуви и всего необходимого от «Юниверсал». И вы меня не остановите!

– Джек, да мне и в голову не придет тебя останавливать! Для нас это еще лучше. Вот послушай, что будет дальше. Ты закажешь полный комплект всех необходимых вещей от «Юниверсал». И некоторое время будешь их носить – с чувством смутного, трудноопределимого беспокойства. Первой дрогнет твоя потенция, ведь наша реклама – хоть ты ее и не читаешь – убедила тебя, что настоящие мужчины носят только «Старрзелиус». Потом ты начнешь «случайно» терять вещи от «Юниверсал». Брюки от «Юниверсал» тоже как-то случайно порвешь – и разозлишься на то, что они такие непрочные. В чемоданах от «Юниверсал» будет постоянно не хватать места. А потом ты, друг мой, отправишься в магазин и, как-то вдруг позабыв этот наш разговор, купишь себе «Старрзелиус»!

О'Ши неуверенно рассмеялся:

– Хочешь сказать, вы управляете людьми при помощи одних слов?

– Слов и образов. Зрелищ, и звуков, и запахов, и вкусов, и прикосновений. Однако сильнее всего слова. Ты любишь стихи?

– Что? Нет, конечно! Кто вообще сейчас читает стихи?

– Я не про современных поэтов – насчет них ты прав. Я про великих лириков: Китса, Суинберна, Уайли.

– М-м… случалось, – осторожно признался О'Ши. – А что?

– Я тебе советую пообщаться с одним из величайших современных мастеров слова: с женщиной по имени Тильди Мэтис. Правда, она не знает, что она поэт. Считает себя начальником отдела копирайтинга. Не развеивай ее заблуждение, это сделает ее несчастной. «Невеста непорочная молчанья, дитя неспешно льющихся веков…»[7] Что-то подобное могла бы писать Тильди, будь сейчас век поэзии, а не рекламы. Корреляция очевидна: реклама идет вверх – акции лирической поэзии падают. Людей, умеющих подбирать слова – слова певучие, волнующие, трогательные, – немало в любую эпоху. Но в век, когда в рекламном бизнесе им очень хорошо платят, все они уходят в рекламный бизнес, а поэзию оставляют бездарям и сумасбродам, что соревнуются в чудачествах, тщетно стараясь привлечь к себе внимание.

– Зачем ты мне все это рассказываешь? – спросил он.

– Повторяю, Джек: теперь ты с нами. А вместе с властью приходит ответственность. Наша профессия – управлять человеческими душами. Ради этого мы ищем таланты – и берем их к себе на службу, чтобы придать им правильное направление. Играть чужими жизнями, как играем мы, можно лишь ради высочайших идеалов.

– Понимаю, – задумчиво ответил он. – Что ж, о моих мотивах

не беспокойся. Я с вами не ради славы и не ради денег. Я здесь для того, чтобы человечество вновь обрело простор, а с ним и достоинство.

– Вот и отлично! – ответил я, нацепив на лицо Выражение Номер Один.

Однако про себя недоумевал. Сам-то я под «высочайшими идеалами» имел в виду Святые Продажи.

Я набрал номер Тильди.

– Поговори с ней. Ответь на ее вопросы. Можешь и сам ее спрашивать, о чем захочешь. Непринужденный, дружеский, даже задушевный разговор – вот что вам нужно. Поделись с ней своими переживаниями. И она, сама того не зная, облечет их в совершенную поэтическую форму, которая найдет доступ прямиком к сердцам и душам читателей. Раскройся перед ней полностью.

– Разумеется. А она-то, Митч, – она передо мной полностью раскроется? – поинтересовался Джек. Сейчас он напоминал статуэтку молодого, полного надежд сатира.

– Вот на это не надейся, – покачал головой я. Все у нас знали, что мужчины Тильди не интересуют.

После обеда – впервые за четыре месяца – мне позвонила Кэти.

– Что-то случилось? – спросил я, напрягшись. – Тебе нужна помощь?

Она рассмеялась:

– Да нет, Митч. Ничего такого. Просто хотела узнать, как ты, и поблагодарить за чудесный вечер.

– А как насчет еще одного чудесного вечера?

– Ужин сегодня у меня. Подойдет?

– Еще бы! Конечно, разумеется, подойдет! Какого цвета будет на тебе платье? Хочешь, куплю тебе настоящий цветок?

– Что ты, Митч, не надо широких жестов! Наш конфетно-букетный период давно позади, а что денег у тебя больше, чем у Господа Бога, я и так знаю. Хотя я действительно хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

– Все что угодно!

– Приведи с собой Джека О'Ши. Сможешь устроить? Я видела в новостях, что сегодня утром он прилетел в наш город, и сразу поняла, что он будет работать с тобой.

– Ну… да, – отозвался я, изрядно обескураженный. – Да, хорошо. Свяжусь с ним и тебе перезвоню. Ты в больнице?

– Да. И спасибо тебе огромное. Очень хочу с ним познакомиться!

Я заглянул в кабинет к Тильди, где и обнаружил Джека.

– Ты сегодня улетаешь? – спросил я.

– Хм… очень может быть, – ответил Джек. Он явно тоже что-то понял насчет Тильди.

– У меня другое предложение. Как насчет тихого домашнего ужина со мной и моей женой? Жена у меня, так случилось, красавица, прекрасно готовит, разговор поддержать умеет, да к тому же первоклассный хирург.

– Идет.

Так что я позвонил Кэти и сказал, чтобы к семи ждала меня вместе с нашей «звездой».

Джек вошел ко мне в кабинет в шесть часов, ворча себе под нос:

– Да уж, я заслужил хороший ужин. Эта ваша мисс Мэтис… Ну и штучка! Хотя, знаешь, что-то в ней есть. Она вообще когда-нибудь спускается на грешную землю или так всю жизнь и витает в облаках смога?

– Скорее второе, – ответил я. – Но прежде чем вздыхать по ней, вспомни, что Китс попался на крючок ветреной девице, Байрон умудрился заразиться гонореей, а во что превратил собственную жизнь Суинберн, и вспомнить страшно. Надо ли пояснять, как опасно связываться с поэтами?

– Не надо! Расскажи лучше о своей жене. Что у вас за семья?

– Временный брак, – ответил я. И сам расслышал в своем голосе нотку горечи.

Он вздернул брови.

– Я человек старомодного воспитания. Никогда не понимал, какой смысл в условных браках.

– Я тоже, – ответил я. – По крайней мере, для меня в этом точно смысла нет. Если Тильди тебя еще не просветила, сообщаю: моя талантливая красавица жена не хочет превращать наш временный брак в окончательный, мы не живем вместе, и если за четыре месяца она не передумает, между нами все будет кончено.

– Нет, Тильди меня не просветила, – ответил он. – А ты, кажется, действительно об этом жалеешь?

Тут я едва не дрогнул. Едва не предался жалости к себе и не начал искать у него сочувствия. Едва не пустился в долгий рассказ о том, как мне тяжело, как я люблю Кэти, как она ко мне безжалостна, как я все перепробовал… Но в следующий миг осознал, что собираюсь все это выложить лилипуту, в котором нет и метра. Парню, который если когда-нибудь и женится, в любой момент может превратиться в предмет насмешек, в беспомощную игрушку своей жены.

– Жалею, но не слишком, – ответил я. – Ладно, Джек, пошли. Пропустим по стаканчику – и в подземку.

Никогда еще Кэти не была прелестнее, чем в тот вечер; и я пожалел, что послушал ее и не истратил двухдневный заработок на букет живых цветов.

Она поздоровалась с О'Ши, и тот немедленно объявил:

– А вы мне нравитесь! У вас нет этого особого женского блеска в глазах. Ну, такого, знаете, который как бы говорит: «Ах, какой милашка!» Или: «Ох, должно быть, он богат и несчастен!» Или: «Ну почему бы не попробовать, это же так экзотично!» Одним словом, я нравлюсь вам, а вы мне.

Как вы, должно быть, уже догадались, он был немного пьян.

– Не хотите ли кофе, мистер О'Ши? – спросила Кэти. – Я буквально разорилась, чтобы достать настоящие свиные сосиски с настоящим яблочным соусом. Вы обязаны их попробовать!

– Кофе? – переспросил он. – Нет, мэм, мне, пожалуйста, кофиэст. Пить кофе было бы с моей стороны предательством великой империи «Фаулер Шокен ассошиэйтед», которой я присягнул на верность. Верно, Митч?

– Сегодня этот грех тебе простится, – ответил я. – К тому же Кэти не верит, что безвредный алкалоид в кофиэсте действительно безвреден.

По счастью, Кэти стояла в углу кухни, спиной к нам – и то ли не услышала моих слов, то ли умело притворилась, что не слышала. Дело в том, что алкалоид в кофиэсте в свое время стоил нам четырехчасовой баталии. Она называла меня «отравителем детей», я ее – «мракобеской»; звучало немало и других слов, более коротких, но столь же выразительных.

Натуральный кофе вызвал восхищение даже у избалованного богатством О'Ши. Ужин был великолепен, и после него атмосфера стала гораздо непринужденнее.

– Вы, наверное, и на Луне были? – спрашивала Кэти.

– Собираюсь на днях, – любезно отвечал О'Ши.

– На Луне смотреть нечего, – вмешался я. – Пустая трата времени и денег. Один из самых неудачных наших проектов. По-моему, мы затеяли его только для того, чтобы набраться опыта перед проектом «Венера». Шахты и несколько тысяч шахтеров – больше ничего.

– Я вас на минутку покину, – проговорил О'Ши и вышел.

Я не мог упустить такой шанс.

– Кэти, милая, – быстро заговорил я, – спасибо, что пригласила меня к себе. Скажи, это что-то значит?

Она быстро потерла друг о друга большой и указательный пальцы. По этому бессознательному жесту я понял: все, что скажет Кэти дальше, будет ложью.

– Возможно, Митч, – мягко ответила она. – Только не дави на

меня. И не торопи.

Тут я расчехлил свое секретное оружие.

– Врешь! Ты всегда делаешь пальцами вот так, – и я показал ей как, – когда собираешься соврать. По крайней мере, соврать мне, не знаю, как насчет других.

Она коротко рассмеялась в ответ:

– Что ж, откровенность за откровенность. Не знаю насчет твоих клиентов и сослуживцев, но, собираясь солгать мне, ты всегда задерживаешь дыхание и смотришь мне прямо в глаза.

Вернулся О'Ши – и сразу почувствовал, что непринужденность между нами исчезла.

– Мне, наверное, пора, – заметил он. – Митч, мы идем вместе?

Кэти кивнула, и я ответил:

– Да.

У дверей все вежливо попрощались, и Кэти поцеловала меня в щеку. Поцелуй был долгий, теплый – казалось, ей не хотелось от меня отрываться. Из тех поцелуев, какими скорее ждешь начать вечер, чем закончить. Я почувствовал – да, точно почувствовал, – что сердце у нее забилось быстрее! Однако в следующий миг она спокойно закрыла за нами дверь.

– Так как, ты не думал нанять охрану? – спросил О'Ши.

– Меня просто с кем-то перепутали, – упрямо ответил я.

– Может, зайдем к тебе и там еще выпьем? – немного подумав, предложил он.

Было бы смешно, если бы не было так грустно: Джек О'Ши, парень весом в двадцать пять килограммов, собрался защищать меня от неведомых убийц!

– Конечно, – ответил я, и мы вместе спустились в метро.

Ко мне в комнату он вошел первым и включил свет. Все было спокойно. Потягивая виски, сильно разбавленный содовой, Джек кружил по квартире, осматривал запоры на окнах, дверные петли и тому подобное.

– По-моему, – произнес он, – это кресло будет лучше смотреться здесь.

«Здесь» – это в углу, который не простреливается из окна.

– Очень может быть, – ответил я и передвинул кресло.

– Береги себя, Митч, – сказал Джек перед тем, как уйти. – Если с тобой что-то случится, и твоей прелестной жене, и друзьям будет тебя не хватать.

Ничего страшного не случилось, не считая того, что я ушиб лодыжку, раскладывая кровать, – но такое происходит постоянно. Даже Кэти, с ее точными, экономными движениями хирурга, носит на себе боевые шрамы от жизни в городской квартире. Вечером раскладываешь кровать, утром складываешь, перед

завтраком раскладываешь стол, потом его складываешь, чтобы пройти к дверям. Немудрено, что некоторые ограниченные люди тоскуют по старым добрым временам, когда в Америке было больше места, – думал я, устраиваясь поудобнее и погружаясь в сон.

Глава пятая

Неделю все шло гладко. Ранстед, занятый историей с «бэби-стоп» и АГИ, перестал дышать мне в спину, и я полностью взял дело в свои руки.

Тексты писали ребята из отдела Тильди. Темпераментная молодежь; порой за день они едва выдавливали из себя пару строк, а порой с горящими глазами, словно одержимые, катали страницу за страницей – только успевай останавливать. Тильди направляла их, редактировала и передавала мне лучшие из лучших текстов: сценарии девятиминутных роликов, остроумные подписи под плакатами, статьи для размещения, новостные сюжеты, короткие заметки, слухи, которые предстояло распространять из уст в уста, забавные стишки, шутки и каламбуры, приличные и не очень, которые должны были разойтись по всей стране.

В визуальном отделе шла лихорадочная работа. Наши труженики кисти и камеры по-настоящему увлеклись, создавая из ничего историю Венеры. Требовалось создать рекламные плакаты типа «до и после» – и вкалывали они с таким энтузиазмом, словно по-настоящему творили новый мир.

Научный отдел каждый день радовал нас новыми фокусами. Однажды, когда я спросил Колльера, не слишком ли он оптимистичен, тот ответил:

– Мистер Кортни, все дело в энергии. А на Венере энергии полно. Совершенно другой уровень! Она ведь ближе к Солнцу. Солнце изливает на планету море энергии в виде тепла и скоростных потоков частиц. Здесь, на Земле, такого уровня легко доступной энергии и близко не найти. У нас здесь кинетическая энергия атмосферы вращает ветряные мельницы – на Венере будет вращать турбины. Если на Венере нам понадобится электричество, достаточно будет соорудить аккумулятор, положить его под громоотвод, а самим отойти подальше.

Отделы маркетинговых исследований и промышленной антропологии трудились в Сан-Диего: показывали тестовым группам из Калифорнии-Мехико тексты Тильди, плакаты и фильмы наших визуальщиков, изучали их реакцию, экстраполировали и интерполировали. Хэм Харрис, заместитель Ранстеда в Сан-Диего, постоянно был со мной на прямой связи.

Вот типичный рабочий день в отделе Венеры. С утра – краткая мотивационная речь в моем исполнении, затем все докладывают, как у них дела, выслушивают критику, обмениваются предложениями. Харрис по телефону сообщает

Тильди, что на ключевые слова «безмятежная атмосфера» тест-группа реагирует вяло, и просит разработать список альтернатив. Тильди спрашивает Колльера, можно ли употребить в статье для размещения выражение «топазовые пески», как бы намекая на обилие на Венере драгоценных и полудрагоценных камней. Колльер советует визуальщикам сделать небо в панораме «До» краснее. А я говорю: не стоит, небо вышло очень живописное. А если в реальности у него немного другой оттенок – кого это волнует?

Сверив часы, все берутся за работу. Я тоже. Целый божий день я на проводе: за всеми слежу, всех координирую, даю указания, а потом еще несколько раз объясняю, что имел в виду.

Перед концом рабочего дня – финальное совещание, посвященное какому-либо конкретному вопросу: например, интеграции продуктов «Старрзелиус» в венерианскую экономику или предполагаемому доходу венерианских колонистов, необходимому для достижения оптимальной покупательной способности через двадцать лет после высадки.

А потом начинается лучшая часть дня. Кажется, у нас с Кэти наконец все налаживается! Мы еще не съехались, но уверен, что и это не за горами. То она меня куда-нибудь приглашает, то я ее. Отправляемся в город и веселимся до упаду: едим в лучших ресторанах, пьем, танцуем, просто наслаждаемся жизнью. Мы молоды, красивы и почти счастливы. Ни о чем серьезном она не заговаривает, и я ее не тороплю. Чувствую, что время на моей стороне.

Однажды, перед тем как уехать в лекционное турне, вместе с нами выбрался в город и Джек О'Ши. Мы – такая шикарная пара, что вместе с нами развлекается главная мировая знаменитость… Разве не прекрасно жить на свете?!

Через неделю успешной и плодотворной работы я сказал Кэти, что мне пора выехать «в поле»: посетить космодром в Аризоне и наши тестовые площадки в Сан-Диего.

– Здорово! – сказала она. – А можно мне с тобой?

Помню, я едва не запрыгал от дурацкой щенячьей радости. Значит, у нас с ней в самом деле все на мази!

Осмотр ракеты оказался не особенно интересным. У меня была на космодроме пара своих людей – связанных с Вооруженными Силами, Республиканской авиацией, «Телефонной компанией Белла» и «Американским стальным трестом». Сначала они провели нас с Кэти вокруг ракеты, а потом показали ее и изнутри, треща как заправские экскурсоводы:

– …Стальной корпус… кубометраж больше, чем в стандартном офисном здании Нью-Йорка… замкнутый цикл

восстановления пищи, воды и воздуха… одна треть – двигательный отсек, вторая – грузовой, третья – жилой… героические первопроходцы… герметичность… выработка энергии… моторы, работающие на солнечном тепле… беспрецедентный труд… великая жертва нации… национальная безопасность…

Как ни странно, больше впечатлила меня не сама ракета, а огромное пустое пространство вокруг нее. На целую милю кругом – отчасти ради безопасности, отчасти опасаясь радиации – снесли все. Ни домов, ни теплиц, ни пищевых цистерн, ни солнечных батарей. Во все стороны простиралась бесконечная пустыня – лишь яркое солнце играло на ирригационных трубах. Удивительный пейзаж: едва ли еще хоть один такой найдется в Северной Америке.

Эта пустота действовала на нервы. Уже много лет мне не приходилось смотреть вперед дальше, чем на несколько ярдов.

– Как непривычно! – проговорила рядом со мной Кэти. – А можно нам туда выйти?

– Прошу прощения, доктор Нейвин, – ответил один из наших «проводников». – Там мертвая зона. У охранников на вышках инструкция стрелять в каждого, кто туда направится.

– Так отмените приказ, – потребовал я. – Мы с доктором Нейвин хотим прогуляться.

– Разумеется, мистер Кортни, – отвечал наш «проводник», явно обеспокоенный. – Сделаю все, что смогу, но это потребует времени. Нужно будет получить разрешение у военной разведки, разведки ВМФ, ЦРУ, ФБР, у Службы авиационной безопасности…

Я взглянул на Кэти. Та, беспомощно улыбнувшись, пожала плечами.

– Ладно, не стоит, – сказал я.

– Слава богу! – выдохнул наш «проводник». – Извините, мистер Кортни. Знаете, такого мы никогда раньше не делали, и я просто не представляю, через какие каналы обратиться, чтобы решить вопрос… ну, вы меня понимаете.

– Понимаю, конечно, – вздохнул я. – Скажите, все эти системы охраны себя окупают?

– Похоже, что да, мистер Кортни. Ни одной попытки диверсии или случая шпионажа, будь то со стороны иностранных разведок или консов, пока не было.

И он суеверно постучал костяшкой пальца правой руки по обручальному кольцу из мореного дуба, красующемуся на среднем пальце левой. Я мысленно сделал себе заметку проверить расходы нашего «проводника». Человек с его зарплатой едва ли может позволить себе такое украшение.

– А консов тоже интересуют полеты в космос?

– Кто их разберет! Военная разведка, ЦРУ и Служба авиационной безопасности считают, что да. Разведка ВМФ, ФБР и Секретная служба – что нет. Кстати, не хотите ли пообщаться с коммандером Макдональдом? Глава местного отдела разведки ВМФ. Специалист по консам.

– Кэти, мы хотим посмотреть на специалиста по консам? – спросил я.

– Если у нас есть время, – ответила она.

– Если понадобится, я прикажу задержать самолет, – вставил «проводник», явно стремясь чем-то загладить фиаско с охраной.

Он провел нас через лабиринт строительных вагончиков и складов к административному зданию: здесь, пройдя семь охранных постов, мы наконец добрались до кабинета коммандера.

Макдональд был типичным военным: честный служака, сильный и надежный, один из тех, глядя на которых испытываешь гордость за Америку. По значкам и нашивкам на рукавах я понял, что он специалист-контрактник, специализируется на разведке, служит уже третий пятилетний срок в «Детективном агентстве Пинкертона». На руке у него я заметил сосновое кольцо с вырезанным на нем открытым глазом: простое и скромное, никакой вычурности. Знак выпускника Военно-детективной школы «Пинкертон» – знак качества, свидетельство того, что этот человек с детства готовился к своей работе.

– Хотите больше узнать о консах? – спросил он. – Что ж, тогда я тот, кто вам нужен. Всю жизнь за ними гоняюсь.

– У вас против них что-то личное, коммандер? – поинтересовался я.

– Да нет, пожалуй. Просто люблю свою работу. Мне нравятся схватки и погони, хотя за консами особенно гоняться не приходится. Эффективнее расставлять им ловушки. Вы слышали о взрыве бомбы в Топике? Не в моих правилах сомневаться в чужой компетентности, но тамошней службе безопасности сразу следовало бы догадаться, чем может кончиться такое мероприятие. Не удивлюсь, если сами консы его и организовали, чтобы показать свою силу.

– Почему вы так думаете, коммандер? – спросила Кэти.

– Просто ощущение, – скупо улыбнувшись, объяснил он. – Его трудно объяснить словами. Консы очень против гидравлических горных работ. Всегда были против. Ясно было, что они найдут способ выразить свое недовольство.

– Но почему они против гидравлических работ? – не отставала Кэти. – Нам ведь нужны и железо, и уголь, не так ли?

Коммандер скорчил выразительную гримасу и пожал плечами.

– Только не просите меня объяснять, как у консов работают мозги! Мне случалось их допрашивать по шесть часов без перерыва, но ни один так ничего внятного и не сказал. Если бы, допустим, мне случилось поймать того бомбиста из Топики, не сомневаюсь, он бы быстро раскололся – однако нес бы всякую чушь. Сказал бы, что гидравлические работы уничтожают верхний, плодородный слой почвы. Я ему: «Да, ну и что?» Он мне: «Неужели вы не понимаете?» Я: «Чего не понимаю?» Он: «Но ведь верхний слой почвы невозможно восстановить!» Я: «Не волнуйтесь, понадобится – восстановим. И вообще, куда проще выращивать еду на гидропонике». Он ответил бы, что на гидропонике нельзя пасти скот или еще что-нибудь в этом роде. Все эти разговоры сводятся к одному: консы считают, что мир на полной скорости катится к чертям и люди должны остановиться и задуматься, а я отвечаю: «До сих пор все как-то обходилось – обойдется и дальше!»

Кэти недоверчиво рассмеялась, а коммандер продолжал:

– Консы твердолобые фанатики, но ребята крутые, этого не отнять. Дисциплина у них железная. Организуют ячейки на местах. Взяв одного конса, вы получите еще двоих или троих из его ячейки – и, скорее всего, на этом все. Горизонтальных контактов между ячейками нет, а вертикальные контакты с руководством ведутся только через посредников. Да, смею надеяться, я неплохо знаю консов – и именно поэтому не опасаюсь ни диверсий, ни выступлений с их стороны. Здесь им просто нечего делать.

По дороге в Сан-Диего мы с Кэти, удобно устроившись в салоне первого класса, смотрели, как проплывают на уровне глаз рекламные ролики.

Вот «Страна игрушек» – старая добрая песенка: над ней я работал много лет назад, когда был еще стажером. Я подтолкнул Кэти локтем, сказал об этом, и мы вместе погрузились в нежные переливы мелодии, созданной Виктором Гербертом.

Вдруг реклама умолкла, экран погас, и из динамиков раздалось объявление:

– Согласно Федеральному закону, предупреждаем пассажиров, что самолет входит в зону разлома Сан-Андреас с повышенной опасностью землетрясений. Любые страховки от землетрясений здесь не действуют и не будут действовать, пока пассажиры не покинут зону повышенной опасности.

И снова перед нами поплыла реклама.

– А на страховке от встречи с яком, – заметила вполголоса

Кэти, – наверняка есть примечание мелким шрифтом, что она не действует в Тибете.

– Страховка от встречи с яком? – удивленно спросил я. – Ради всего святого, зачем она тебе?

– Ну, никогда не знаешь, где попадется разъяренный як, верно?

– Да ты, похоже, смеешься надо мной! – с достоинством ответил я. – Через несколько минут приземляемся. У Хэма Харриса мне хотелось бы появиться без предупреждения. Он парень неплохой, только боюсь, как бы Ранстед не заразил его вирусом пораженчества. В нашей работе нет ничего хуже.

– Если можно, Митч, я бы поехала с тобой.

Самолет снизился и начал кружить над Сан-Диего, ожидая, когда диспетчер подаст сигнал на посадку. Словно туристы, мы прилипли к окнам. Кэти никогда раньше здесь не была. Я был один раз, но сейчас пейзаж выглядел по-новому – и неудивительно: ведь этот город постоянно рушится и отстраивается заново. На месте старых домов появляются новые – и какие!

Больше всего они похожи на палатки на хлипких пластиковых каркасах. Во время землетрясений, постоянно трясущих Южную Калифорнию, такие дома-палатки не рушатся, погребая людей под собой, а просто складываются. И даже если сильное землетрясение ломает пластмассовый каркас – что вы теряете? Дом-палатку просто и недорого восстановить.

С точки зрения экономики страны идея отличная. После того как испытания водородной бомбы привели к разлому в Сан-Андреасе, есть немалая вероятность, что в один прекрасный день – в *любой* день – весь этот регион просто тихо сползет в океан. Однако он все еще на месте, здесь кипит жизнь, – и, как и все вокруг, мы надеялись, что с городом ничего не случится и за время нашего визита.

В прошлом, бывало, люди паниковали, особенно когда землетрясения здесь происходили изо дня в день. Насколько я понимаю, пугали их не сами землетрясения, а старые дома, под обломками которых легко было погибнуть. Со временем люди к этому привыкли; более того – как и следовало ожидать от Южной Калифорнии, начали этим гордиться, как местной достопримечательностью. Местные жители с удовольствием приводят статистику, доказывающую, что шанс погибнуть от удара молнии или от падения метеорита куда выше, чем от их землетрясений.

Арендовав скоростной велолимузин с тремя водителями, мы помчались в местное отделение «Фаулер Шокен ассошиэйтед». Я

не вполне доверял отделу маркетинга и не исключал, что в аэропорту дежурит человек Харриса, готовый предупредить его о моем появлении. Если Харрис будет предупрежден и успеет подготовиться, от моей инспекции никакого проку.

Первый недобрый знак получил я уже в приемной. Секретарша меня не узнала; хуже того – как выяснилось, не знала и моего имени.

– Подождите, мистер Конелли, – сказала она лениво, – я уточню, не занят ли мистер Харрис.

– Мистер Кортни, юная леди. И я – начальник мистера Харриса.

Мы с Кэти вошли – и глазам нашим предстала картина раздрая и морального разложения, от которой у меня волосы встали дыбом.

Харрис, скинув пиджак, дулся в карты с двумя молодыми сотрудниками. Еще двое замерли перед гипноэкраном: глаза остекленелые – парни явно в трансе. И только один сидел перед калькулятором и лениво в него тыкал. Одним пальцем.

– Харрис! – рявкнул я.

Все, кроме двоих перед телевизором, с открытыми ртами повернулись ко мне. Я подошел и выключил гипноэкран. Теперь, сонно моргая, на меня смотрели и эти двое.

– М-м-мистер Кортни… – пролепетал Харрис. – М-мы вас не ждали…

– Вижу, что не ждали. Вы все, за работу – а мы с вами, Харрис, пройдем в ваш кабинет.

Кэти последовала за нами; никто не возражал.

– Харрис, – заговорил я, – хорошая работа многое искупает. А вы чертовски хорошо работаете над нашим проектом. Не скрою, мне не понравилась – крайне не понравилась – та расхлябанная атмосфера, которую я здесь увидел. Но это можно исправить…

Тут на столе у него зазвонил телефон. Я снял трубку.

– Хэм! – раздался в трубке взволнованный голос. – Он уже здесь! Поторапливайся – он взял лимузин!

– Спасибо, – сказал я и повесил трубку. – Это ваш соглядатай в аэропорту, – объяснил я Харрису. Тот побелел. – Ну а теперь показывайте мне все. Бланки анкет. Результаты опросов с разбивкой по категориям. Перфокарты. График работ. Словом, все, о чем, как вы надеялись, я не стану спрашивать. Выкладывайте все карты на стол.

Наступило долгое, очень долгое молчание, а потом он ответил:

– У меня ничего нет.

– То есть как нет? А что же вы мне присылали?

– Только готовые отчеты.

– Иными словами, фальшивки? Все это время вы кормили нас данными, взятыми с потолка?

Он кивнул с несчастным видом.

– Харрис, как вы могли? – вскричал я. – Как вы могли?!

В ответ я услышал почти бессвязный поток слов. Он не хотел. Это его первая самостоятельная работа. Должно быть, он просто не справился. Не понимал, что делать самому, а что переложить на подчиненных. Не хотел быть с ними слишком жестким и в результате их распустил. Скоро нотки жалости к себе в его голосе сменились раздражением; он уже не защищался, а нападал. Да какая разница? В любом случае это просто предварительная бумажная работа. От нее ничего не зависит. В конце концов, кто сказал, что проект «Венера» вообще не вылетит в трубу? Да, он напортачил – и все же готов поспорить, что другие сотрудники на своих местах портачат не меньше. Все работают спустя рукава, но в конечном итоге все как-то устраивается!

– Ну нет, – ответил я. – Вы не правы, и я вам это докажу. Искусство рекламы строится на строгих научных принципах, на данных социологических опросов и маркетинговых исследований. Вы выбили почву у нас из-под ног! Тем не менее мы спасем все, что можно спасти, и начнем заново.

Он сделал слабую попытку защититься:

– Мистер Кортни, если вы действительно будете этим заниматься, то только зря потеряете время. Я долго и очень близко работал с мистером Ранстедом. Знаю, как он думает. А он ведь такая же большая шишка, как вы. Так вот: он считает, что все эти тесты и прочее – пустая трата денег.

Вот, значит, как? Мэтта Ранстеда я знал отлично – и прекрасно понимал, что на самом деле он так не думает. Он очень умный парень, этот Ранстед. Чертовски умный.

– Чем вы можете доказать свои слова? – резко спросил я. – У вас есть документы за подписью Ранстеда, где он пишет, что предварительная работа не нужна? Служебные записки? Может быть, аудиозаписи?

– Да, кажется, что-то такое было, – ответил Харрис и нырнул в недра своего стола.

Долго он рылся в бумагах, включал какие-то записи, прокручивал их туда-сюда – и лицо его все сильнее омрачалось волнением и страхом.

Наконец он проговорил в недоумении:

– Ничего не могу найти. Точно помню, что-то такое было!

В том, что он «точно помнит», я не сомневался. Высшая ступень нашего искусства: внушить потребителю какую-то идею

так, чтобы он сам этого не заметил.

Сукин сын Ранстед хорошенько промыл этому слюнтяю мозги, а потом отправил работать над моим проектом, чтобы он мне все завалил.

– Вы уволены, Харрис, – сказал я. – Убирайтесь отсюда, и чтобы я вас больше не видел. И не советую больше пробовать себя в рекламном бизнесе.

Вернувшись в офис, я объявил:

– Вы уволены. Все. Собирайте вещи и убирайтесь. Расчет получите по почте.

Они смотрели на меня, разинув рты. Кэти у меня за спиной спросила вполголоса:

– Митч, это действительно необходимо?

– Да, черт возьми! Хоть кто-нибудь из них сообщил в головной офис о том, что здесь происходит? Нет, все расслабились и плыли по течению. Заразу нужно выжигать каленым железом.

Мимо нас бочком пробрался Харрис, с помятым портфелем в одной руке и плащом в другой. На меня он не смотрел. На лице застыло выражение недоумения и обиды. Как видно, он был уверен, что ссылка на Ранстеда его защитит.

Я прошел в опустевший кабинет и, сняв трубку, заказал прямой звонок в Нью-Йорк.

– Эстер? Это мистер Кортни. Я только что уволил весь наш отдел в Сан-Диего. Извести отдел кадров, пусть разберутся с их документами и выплатами. И позови к телефону мистера Ранстеда.

Минуты шли; я нетерпеливо барабанил пальцами по столу. Наконец снова послышался голос Эстер:

– Мистер Кортни, прошу прощения, что заставила вас ждать. Секретарша мистера Ранстеда сообщила мне, что он успешно закончил работу с АГИ и уехал отдохнуть в Маленькую Америку.

– Отдохнуть? Боже правый! Он решил отдохнуть!.. Эстер, закажи мне билет в Маленькую Америку из Нью-Йорка. Отсюда вылетаю ближайшим рейсом. Оказавшись в Нью-Йорке, хочу немедленно пересесть на другой рейс и отправиться прямиком на Южный полюс. Поняла?

– Да, мистер Кортни.

Повесив трубку, я обнаружил, что Кэти смотрит на меня во все глаза.

– Знаешь, Митч, – сказала она, – наверное, я была к тебе слишком сурова. Злилась на твою резкость, на то, как ты любишь командовать. Теперь я понимаю, откуда все это – если твоя работа обычно выглядит так.

– Обычно она выглядит не так, – признал я. – С таким наглым саботажем я еще не сталкивался. Хотя острых углов хватает. Такой мир: все подсиживают друг друга. Зазеваешься – тебя сожрут. Дорогая, мне нужно срочно вернуться на восточное побережье. Полетишь со мной?

Поколебавшись, она ответила:

– Не возражаешь, если я останусь? Мне хочется отдохнуть и осмотреть город.

– Разумеется. Отдыхай на здоровье. А когда вернешься в Нью-Йорк, я буду там.

Мы поцеловались, и я поспешил на выход. Офис уже опустел; я попросил привратника, когда уйдет Кэти, прибрать здесь все и запереть здание до лучших времен.

На улице я оглянулся и увидел в окне этого неправдоподобного зыбкого здания Кэти. Она смотрела на меня и махала мне рукой.

Глава шестая

Едва сойдя с трапа в Нью-Йорке, я увидел Эстер.

– Молодчина! – похвалил я ее. – Когда отправляется ракета в Антарктику?

– Через двенадцать минут, мистер Кортни. С полосы номер шесть. Вот ваш билет. И завтрак на всякий случай.

– Вот за это спасибо! Я как раз не успел позавтракать.

Мы направились к полосе номер шесть. По дороге я торопливо жевал сэндвич с эрзац-сыром.

– Как дела в офисе?

– Увольнение всех сотрудников в Сан-Диего наделало много шума. Отдел кадров пожаловался на вас мистеру Шокену, но тот встал на вашу сторону. Примерно на четыре балла.

Четыре? Так себе результат. Я бы предпочел все двенадцать баллов – рев разъяренного урагана, слышный далеко за пределами его кабинета: «Да как вы, неумехи, осмеливаетесь подвергать сомнению решение члена правления, работающего над собственным проектом? Что вы в этом понимаете?» – и так далее.

Четыре балла – это легкое, почти незаметное волнение. Что-то вроде: «Джентльмены, уверен, что у мистера Кортни были на это весьма основательные причины. Те, кто занят рутинной работой, часто теряют чувство перспективы, и картина в целом от них ускользает…»

– Скажи, – спросил я у Эстер, – секретарша мистера Ранстеда – просто наемный работник или… – тут я хотел сказать «его подпевала», но удержался, – его доверенное лицо?

– Она к нему достаточно близка, – уклончиво ответила Эстер.

– И как она отреагировала, узнав про Сан-Диего?

– Я слышала, мистер Кортни, что она долго смеялась.

Я решил не продолжать эту тему. Выяснить, что думает о тебе начальство, – одно дело, но выспрашивать подчиненных друг о друге – значит поощрять их к доносам. Хотя в нашем офисе хватало охотниц «стучать» друг на дружку.

– Вернусь очень скоро, – сказал я. – Только улажу кое-что с Ранстедом.

– Ваша жена с вами не полетит? – спросила она.

– Ну нет! Моя жена – хирург. Я собираюсь разорвать Ранстеда на кусочки, и еще не хватало, чтобы доктор Нейвин потом его сшила!

Эстер вежливо рассмеялась:

– Приятной поездки вам, мистер Кортни.

Мы были уже на полосе номер шесть.

Поездка оказалась вовсе не из приятных. Мерзкий полет в тесноте мерзкой туристической ракеты. Летели мы низко над землей, со всех сторон окруженные призматическими иллюминаторами, которые неизменно вызывают у меня воздушную болезнь. Поворачиваешь голову, чтобы посмотреть в окно – и видишь пейзаж вертикально под собой, как будто тебя вертит в воздухе туда-сюда. Что еще хуже, здесь гоняли рекламу «Таунтон ассошиэйтед». Только успеешь убедить себя, что с желудком все в порядке, а внизу есть на что посмотреть, – и вдруг та-дам! Стекло затуманивается, по нему начинает ползти вульгарная реклама какой-нибудь очередной дряни, а в уши ввинчиваются идиотские прилипчивые таунтоновские стишки.

Пролетая над долиной Амазонки, я с интересом рассматривал «Третью Электрическую» – величайшую в мире гидроэлектростанцию, как вдруг в самое ухо мне заорало:

Чудо-лифчик, чудо-лифчик,
Что за чудо из чудес!
Он во всех мужчинах мира
Разожжет к вам интерес!

Сопровождали этот ужас анимированные картинки «до и после» – в жизни не видывал такой пошлятины! Я возблагодарил Бога, что не работаю на «Таунтон ассошиэйтед».

То же самое – над Тьерра-дель-Фуэго. Здесь ракета сделала большой круг, чтобы пассажиры могли полюбоваться на китовые плантации: огромные участки океана, огороженные ловушками, которые пропускают планктон вместе с китами, но не дают китам выбраться наружу. Вид китихи, кормящей малыша, всерьез меня увлек – было похоже на дозаправку самолета в воздухе. Потом стекло вновь затуманилось, и я получил еще порцию шок-контента от Таунтона:

Эй, девчонка! Знаешь, чем пахнет твоя юбчонка?

Дальнейшее предназначалось непосредственно для органов обоняния. Это было уж слишком: я выхватил бумажный пакетик и воспользовался им по назначению под радостное щебетание рекламы:

Мужчины на тебя и не глядят? Тебе поможет «Дивный аромат»!

Дезодорант «Дивный аромат»: повышает желание,

облегчает понимание!

А следом – внезапно сухой и прозаический медицинский совет:

НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ОСТАНОВИТЬ ПОТООТДЕЛЕНИЕ. ЭТО РАВНОСИЛЬНО САМОУБИЙСТВУ. ВРАЧИ РЕКОМЕНДУЮТ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ДЕЗОДОРАНТАМИ, А НЕ АНТИПЕРСПИРАНТАМИ.

Дальше повтор первой строчки и новая волна запахов. Впрочем, мне было уже все равно: в желудке ничего не осталось.

Таунтон обожает вставлять в рекламу медицинские рекомендации. Дешевый трюк. И можно подумать, он сам его изобрел!

Мой сосед, невзрачный потребитель в костюме от «Юниверсал», наблюдал за моими мучениями с явной иронией.

– Что, приятель, это для вас уж слишком? – поинтересовался он с тем мерзким самодовольством, с каким обычно смотрят на нас счастливчики, не страдающие воздушной болезнью.

– Угу, – промычал я.

– Да, от такой рекламы кого угодно стошнит! – продолжал он, видимо, поощренный моим красноречивым и остроумным ответом.

Такого я стерпеть не мог.

– Можно уточнить, что вы имеете в виду? – поинтересовался я ледяным тоном.

Это его напугало.

– Просто хотел сказать, что запах уж очень бьет в нос, – торопливо объяснил он. – Но только в этой рекламе. Я не про рекламу в целом. Что вы! Я добропорядочный гражданин!

– Вот и славно, – сказал я и отвернулся.

Но он, все еще обеспокоенный, принялся доказывать мне свою благонадежность:

– Клянусь вам, со мной все в порядке! Я из приличной семьи, учился в хорошей школе. Сам занимаюсь производством – у меня в Филадельфии мастерская по изготовлению штампов, – однако прекрасно понимаю, что товары надо продавать. Каналы распространения, создание новых рынков, вертикальная интеграция… Видите? Я порядочный человек!

– Хорошо, хорошо, – проворчал я. – Просто больше не распускайте язык.

Он съежился на своей половине сиденья. Не скажу, что мне понравилось затыкать ему рот, но это дело принципа. Пусть впредь думает, что говорит.

Над Маленькой Америкой мы зависли и некоторое время болтались в воздухе, ожидая, пока зайдут на посадку еще два туристических судна. Одно было из Индии: при виде его у меня потеплело на душе. Весь корабль, от носа до хвоста, создан «Индиастрией»! Команда прошла обучение в «Индиастрии» и на «Индиастрию» же работает. Пассажиры, и спящие, и бодрствующие, непрерывно приносят доход «Индиастрии». А «Индиастрия» приносит доход «Фаулер Шокен ассошиэйтед»!

Пассажирский фургон доставил нас к круглому корпусу Маленькой Америки с двойными пластиковыми стенами. Пропускной пункт здесь был только один. Маленькая Америка – чисто туристический объект, устройство для выкачивания денег из отдыхающих со всего света. Военного значения она не имеет. (На Антарктиде есть военные базы, но они невелики, разбросаны по всему региону и спрятаны глубоко подо льдом.) Тепло и энергию здесь дает небольшой ториевый реактор. Даже если какая-нибудь иностранная держава, отчаявшись заполучить собственное ядерное топливо, вздумает захватить реактор – ничего полезного с военной точки зрения она здесь не найдет. В помощь реактору используются ветряные двигатели, а ветряным двигателям, в свою очередь, помогают какие-то непостижимые для меня «тепловые насосы».

На пропускном пункте я спросил о Ранстеде. Чиновник заглянул в регистрационный журнал.

– Да, приехал из Нью-Йорка в двухдневный тур. Турагентство «Томас Кук и сыновья». Его номер – III-C-2205.

Он достал карту Маленькой Америки и показал мне, где это находится: третье кольцо снаружи, третий надземный этаж, пятый сектор, комната двадцать два.

– Вы легко его найдете. Могу поселить вас в номере рядом, мистер Кортни…

– Спасибо. Это подождет.

Я пробрался сквозь толпу, разговаривающую на дюжине языков, нашел номер III-C-2205 и позвонил в дверь. Ответа не было.

Тут ко мне подскочил приятный молодой человек:

– Меня зовут мистер Кэмерон, я директор туров. Чем могу помочь?

– Где мистер Ранстед? Он мне срочно нужен по делу.

– Ай-яй-яй! Сюда приезжают, чтобы забыть о делах! Если подождете минуточку, я посмотрю в регистрационной книге…

Парень привел меня в свой кабинет (жилая комната плюс туалетная кабинка) сектором выше и принялся копаться в гроссбухах.

– «Восхождение на ледник Старрзелиус», – прочитал он наконец. – Смотрите-ка! Пошел в одиночку. Вышел в 7.00, в электрокомбинезоне с пеленгатором и запасом питания. Вернуться должен примерно через пять часов. А вы уже взяли себе номер, мистер?..

– Пока нет. Я пойду за Ранстедом. Мое дело не терпит отлагательств.

Так оно и было. Я чувствовал, что меня хватит удар, если в самое ближайшее время не схвачу этого ублюдка за горло!

Минут пять директор туров с волнением в голосе объяснял, что выгоднее и безопаснее всего мне будет подписать с ним договор и воспользоваться его услугами. Он все организует. А иначе придется собирать себе снаряжение с бору по сосенке: что-то покупать, что-то арендовать, у одного посредника, у другого… на выходе непременно выяснится, что что-нибудь не работает – а посредника уже ищи-свищи! Вот так и отпуск пройдет. Я подписал договор, и он, просияв, немедленно выделил мне номер.

Через пять минут мистер Кэмерон уже выдавал мне снаряжение:

– Рюкзак-батарею закрепите на плечах, вот так. Это единственное, что может вас подвести. Если откажет батарея, просто примите таблетку снотворного и ни о чем не тревожьтесь. Вы начнете замерзать, но мы доставим вас домой быстрее, чем вы успеете серьезно переохладиться или обморозиться. Ботинки. Застегиваются вот так. Перчатки. Их вот так. Комбинезон. Капюшон. Маска. Солнечные очки. Радиопеленгатор. Просто произнесите вслух «Ледник Старрзелиус», и он сам задаст направление. Два переключателя с простыми обозначениями: «Вверх» и «Вниз». При подъеме вы слышите сигналы «Бип-бип!», при спуске – «Бип-бип!». Легко запомнить, правда? При подъеме тональность повышается, при спуске снижается. Большая красная рукоять – сигнал тревоги; потяните за нее – и вы в эфире. Через пятнадцать минут к вам прибудет вертолет. Спасательная экспедиция – за ваш счет, так что не советую дергать рукоять просто ради того, чтобы вернуться домой. Всегда ведь можно отдохнуть, глотнуть кофиэста, отдышаться и продолжить путь. Карта с указанием маршрута. Снегоступы. Гирокомпас. И питание. Теперь, мистер Кортни, вы полностью готовы к путешествию! Пойдемте, я проведу вас на выход.

Звучал этот перечень жутковато, но на деле все оказалось довольно удобно. Зимой в Чикаго, когда с озер дули холодные ветра, приходилось и посерьезнее укутываться. Массивные и тяжелые грузы – батарея, пеленгатор, запас питания – были

удачно распределены. Снегоступы складывались и превращались в пару палок со стальными наконечниками, с какими удобно взбираться по льду; в таком виде их можно было сунуть в специальный карман на спине.

На выходе меня со всех сторон осмотрели и ощупали. Для начала проверили пульс, затем перешли к снаряжению, уделив особое внимание батарее. Мой пеленгатор настроили на ледник Старрзелиус, сто раз предупредив о том, что нельзя отклоняться от маршрута.

Холода не чувствовалось совсем – по крайней мере, в костюме. На секунду я высунул лицо из капюшона… упс! – и тут же снова спрятался под маску. По словам сотрудников, здесь сорок градусов ниже нуля: для меня эта цифра ровно ничего не значила, пока на мгновение я не ощутил ее кончиком собственного носа.

Вблизи огромного пластикового «чума» Маленькой Америки снегоступы не требовались: здесь я шел по обледенелой тропе, для которой вполне подходили ботинки с шипованной подошвой. Я сориентировался по гирокомпасу и зашагал по тропе прочь от здания, в необъятную белизну. Время от времени нажимал на кнопку пеленгатора, вмонтированную в левый рукав, и слышал в капюшоне бодрое: «Бип-бип! Бип-бип!»

Я миновал группу туристов, резвящихся в снегу – то ли индусов, то ли китайцев, и помахал им рукой. Представляю, какое это для них приключение! Вон, жмутся к стене Маленькой Америки, словно неопытные пловцы к берегу. Чуть подальше еще одна группа играла в неизвестную мне игру: очертили прямоугольное поле, поставили по двум его сторонам шесты, а на шестах – корзины без дна и старались забросить в какую-нибудь из этих корзин большой силиконовый мяч. А еще дальше инструкторы в красных костюмах учили группу туристов кататься на лыжах.

Мне казалось, я прошел всего несколько минут, но когда оглянулся, красных костюмов позади уже не было. Да и сама Маленькая Америка превратилась в едва заметную белесую тень. «Бип-бип!» – позвал вперед мой пеленгатор, и я продолжил путь. Скоро, скоро я доберусь до Ранстеда!

Одиночество, пустота, бескрайний простор вокруг – все это было очень непривычно, но, пожалуй… пожалуй, не неприятно. Маленькая Америка окончательно растаяла позади. Быть может, так же чувствовал себя Джек О'Ши на Венере? Поэтому, рассказывая о своем полете, он с трудом подбирал слова и всегда оставался недоволен тем, что говорил?

Ноги начали тонуть в снегу; я распаковал и надел

снегоступы. Поначалу в них спотыкался, потом приноровился и перешел на легкий скользящий шаг. Что за удовольствие! Не то чтобы паришь над землей – но нет в этом и ничего от обычной ходьбы, от размеренных ударов подошвами по полу или мостовой. За тридцать с лишним лет жизни мне еще не приходилось ходить иначе, чем по твердой земле.

Я шел по компасу, выбирая себе все новые ориентиры: причудливо торчащий ледяной торос, голубую тень во впадине на белой равнине. Пеленгатор подтверждал, что курс выбран верно, и я не на шутку возгордился своим умением ориентироваться в дикой природе.

Часа через два вдруг страшно захотелось есть. Чтобы перекусить, надо было опуститься на корточки, поставить силиконовую палатку и в нее забраться. Время от времени я осторожно высовывал нос и через пять минут убедился, что температура в палатке стала вполне терпимой. Я жадно съел саморазогревающееся жаркое, выпил чаю, а затем попытался выкурить сигарету. Однако на второй затяжке маленькая палатка наполнилась дымом, и у меня защипало в глазах. С сожалением я загасил сигарету о подошву, натянул маску, сложил палатку, с наслаждением потянулся – и продолжил путь.

Наверное, все не так уж страшно, говорил я себе. Наверное, дело просто в разнице темпераментов. Ранстед – малый приземленный, ему не под силу разглядеть те грандиозные перспективы, что вижу я. Ничего плохого он, конечно, не хочет. Просто искренне считает, что это безумная идея. Ему не понять, что есть люди, готовые вести новую жизнь на Венере, надо лишь найти их и убедить… Увы, эти прекраснодушные размышления разлетелись в прах под ударом одной простой мысли. Ранстед тоже здесь, на леднике. И в грандиозных перспективах, несомненно, знает толк – иначе с чего бы из всех мест на земле ему выбрать ледник Старрзелиус?

«Бип-бип!» – звал вперед пеленгатор. Скоро, скоро все решится!

Глянув сквозь визир компаса, я заметил прямо по курсу неподвижный темный предмет. Что это такое – сказать было мудрено. Во всяком случае, предмет не двигался. Я попытался бежать, но скоро начал задыхаться и принужден был замедлить шаг.

Это был человек. Когда я оказался от него метрах в двадцати, он нетерпеливо взглянул на часы, и я снова перешел на неуклюжий бег.

– Мэтт! – крикнул я. – Мэтт Ранстед!

– Верно, Митч, – ответил он с вечной своей наглой

ухмылкой. – Ты сегодня на редкость проницателен.

Я молча смотрел на него, лихорадочно соображая, с чего начать. Он стоял передо мной: сложенные снегоступы его, воткнутые в снег, торчали рядом.

– Какого… какого… – начал я, но он меня перебил:

– Знаешь, я потратил на тебя уже слишком много времени. Прощай, Митч!

Я стоял перед ним, не понимая, что происходит, – а он схватил снегоступы, поднял в воздух и с размаху треснул меня по макушке. Я повалился навзничь: голова словно взорвалась от боли, потрясения и гнева. Я чувствовал, как Мэтт наклоняется надо мной, шарит у меня на груди… Дальше все померкло.

Проснулся я с мыслью, что во сне сбросил одеяло и что для начала осени сейчас как-то холодновато. Открыл глаза – их обожгла ледяная голубизна антарктического неба, а под собой я ощутил хрустящий снежный наст. Так это не сон! Голова болела страшно, а еще было холодно. Чертовски холодно. Пошарив в поисках батареи, я ее не нашел. Вместе с нею исчез подогрев комбинезона, ботинок и перчаток. Заглох лишенный питания пеленгатор. Даже подать сигнал бедствия я теперь не мог.

Пошатываясь, я поднялся на ноги. Холод сжал меня словно клещами. На снегу виднелись следы, ведущие – куда? Да это же мои собственные! С трудом передвигая одеревеневшие ноги, я двинулся по своим следам назад. Шаг, и еще, и еще…

Еда! Можно засунуть брикеты горячего питания под комбинезон, открыть – и их тепло хоть ненадолго меня согреет. Мучительно преодолевая шаг за шагом, я размышлял, как лучше поступить: присесть и отдохнуть, впитывая драгоценное тепло, или продолжать идти? Нет, нужно передохнуть, сказал я себе. Произошло что-то немыслимое, к тому же голова раскалывается. Присяду на минуту, открою брикет или два, согреюсь, мне станет получше, и пойду дальше.

Но садиться я не стал. Понимал, чем это кончится. На ходу – шаг за шагом, сквозь холод и боль – задубелыми, уже почти не повинующимися пальцами я извлек из кармана банку «коместа» и неуклюже сунул ее за ворот комбинезона. Однако нажать на кнопку и вскрыть банку никак не удавалось. Все-таки придется присесть, сказал я себе. Всего на минутку, чтобы набраться сил. Главное – не ложиться, хоть и очень хочется…

Наконец мне удалось нажать на кнопку, и банка открылась, обдав меня почти обжигающим жаром.

Все поплыло перед глазами и в мозгу. Помню, как я открывал банку за банкой. Помню, как пытался достать консервы из

кармана и не смог. По крайней мере, один раз сел. Потом встал. И снова сел, чувствуя стыд за свою слабость. Всего секунду, говорил я себе. Всего секунду, а потом поднимусь и пойду дальше – ради Кэти. Через две секунды. Ради Кэти. Через три. Ради…

Я так и не поднялся.

Глава седьмая

Уснул я на ледяной горе, а проснулся в гудящем и пылающем аду, с алым пламенем и свирепого вида чертями-надсмотрщиками. Именно так я представлял себе посмертную участь служащих «Таунтон ассошиэйтед» – и был немало удивлен, оказавшись в пекле сам.

Смятение длилось недолго. Один из бесов-надсмотрщиков грубо толкнул меня в плечо и проговорил:

– Эй, соня, хватит храпака давить! Подсоби-ка, надо убрать койку.

В голове прояснилось; я понял, что передо мной не дьявол, а всего лишь потребитель из низших классов. Больничный санитар?

– Где я? Это Маленькая Америка?

– Хрен знает что ты несешь, – проворчал он. – Так чего, подсобишь?

– Еще чего! – воскликнул я. – Думай, с кем говоришь! Я – сотрудник рекламного агентства звездного класса!

Он посмотрел на меня с сожалением, пробормотал что-то вроде: «Совсем крыша поехала» – и побрел прочь, в гудящую, подсвеченную багровым мглу.

Я, шатаясь, поднялся на ноги и вцепился в локоть еще какого-то человека, пробегающего мимо меня, из тьмы во тьму.

– Извините, что это за место? Больница?

Этот потребитель оказался нравом покруче первого.

– А ну грабли свои убрал, быстро! – заорал он. Я убрал руку. – Хочешь сказаться больным, погоди, пока причалим, – добавил он.

– Причалим?

– Ну да, причалим. Ты что, чувак, забыл, как подмахивал контракт?

– Подмахи… Я ничего не подписывал! И нечего со мной фамильярничать. Я сотрудник рекламного агентства звездного кла…

Тут его лицо просветлело.

– Во блин! Как я сразу-то не понял! Жди здесь, придурок, щас принесу то, что тебе придется по вкусу!

Скоро он вернулся. «То, что придется мне по вкусу» оказалось маленькой зеленой таблеткой.

– Всего пять сотенных, – пояснил потребитель. – Хочешь, организуем тебе припадочек? Не хочешь? Ну, тогда эта пилюля поможет тебе продержаться до высадки…

– Да что за высадка? – завопил я. – Куда? Ничего не понимаю!

И наркотики твои мне не нужны! Просто объясни, где я нахожусь, что такое якобы подписал и как отсюда выбраться?

– Чувак, – проговорил он, внимательно ко мне присмотревшись, – да тебя не на шутку переглючило. По башке треснули, что ли? Ну слушай, придурок: ты в трюме номер шесть «Томаса Мальтуса», транспорта для перевозки рабочей силы. Направление ветра, температура за бортом… ну, это пофиг. Курс 273 градуса. Скорость – 300 узлов, пункт назначения – Коста-Рика. Везет неудачников вроде нас с тобой на плантацию «Хлореллы».

Я все не мог понять, розыгрыш это или… Кто из нас сошел с ума?

– А ты… – начал я неуверенно.

– А мне не повезло, – с горечью закончил мой новый знакомец, устремив взгляд на зеленую пилюлю у себя на ладони. Потом вдруг одним движением закинул ее себе в рот и продолжил: – Знаешь, недолго мне тут торчать. – В глазах у него появился нездоровый блеск. – Я придумал новый эффективный метод работы на плантациях. Через неделю стану десятником. Через месяц мастером. Через год директором. А потом скуплю ракеты «Кьюнард-Лайн» и все их отделаю чистым золотом! Все места будут первого класса. Для моих пассажиров – только самое лучшее! И будем тарахтеть над Атлантикой туда-сюда. А тебе, придурок, выделю президентскую каюту на флагманском судне и отделаю ее листами золота. Для своего дружка-придурка ничего не пожалею! Не хочешь золото – возьму платину. Не хочешь платину…

Я отодвинулся, но он даже не заметил: продолжал бессвязно нести какую-то чушь о своем грядущем богатстве. Я от души порадовался, что никогда не принимал наркотики. Отойдя подальше, с чувством полной безнадежности я сел на пол и прислонился к перегородке трюма.

– Приветик! – послышался над ухом вкрадчивый голос. Кто-то пристроился со мной рядом.

– Здравствуйте, – ответил я. – Скажите, мы действительно плывем на Коста-Рику? Как мне встретиться с капитаном? Произошла какая-то ошибка…

– Да не волнуйся так, – ласково ответил мой сосед. – Чего нервничать-то? Расслабься, милок. Знаешь, мой девиз: ешь, пей и веселись, живи и давай жить другим…

– Так, грабли свои убрал! – рявкнул я.

Он разразился визгливой бранью, а я встал и пошел прочь, спотыкаясь в темноте о чужие тела и ноги.

Мне вдруг пришло в голову, что никогда прежде я не общался

с потребителями – разве только с теми, кто меня обслуживал, и то всего по несколько минут.

Теперь я мечтал лишь об одном: выбраться из трюма номер шесть. Вернуться в Нью-Йорк, выяснить, что за трюк и с какой целью провернул Ранстед. Вернуться к Кэти, к дружбе с Джеком О'Ши, к увлекательной работе на Фаулера Шокена. Я еще столько не успел!..

Над дверью в свете тусклой красной лампочки виднелась надпись «Аварийный выход». Я вздрогнул, представив себе, как что-то случается – и толпа из нескольких сот человек ломится в эту единственную дверь.

– Извиняй, приятель, – произнес кто-то со мной рядом, – но лучше тебе посторониться!

Незнакомец согнулся пополам, и его начало рвать. Как видно, бумажные пакетики для страдающих морской болезнью здесь были не предусмотрены. Я открыл дверь аварийного выхода и проскользнул наружу.

– Куда? – рявкнул на меня детина в форме.

– Мне нужно встретиться с капитаном, – сказал я. – Я попал сюда по ошибке. Мое имя Митчелл Кортни, я ведущий сотрудник рекламного агентства «Фаулер Шокен ассошиэйтед»…

– Номер! – приказал он.

– 16-156-187, – ответил я и сам расслышал в своем голосе нотку гордости. Можно потерять деньги, здоровье, друзей, но номер – короткий идентификационный номер, свидетельствующий о высоком положении, – никто у тебя не отнимет…

Охранник довольно осторожно закатал мне рукав. Однако в следующий миг я отлетел и врезался спиной в перегородку; щека у меня пылала от смачной оплеухи.

– Что ты мне голову морочишь? – взревел охранник. – Валика к себе в трюм, придурок, ты тут не на экскурсии!

В полном смятении я смотрел на сгиб собственного локтя. Вытатуированный номер гласил: «1304-9974-1416-156-187723». Мой родной номер был замаскирован посторонними цифрами – и замаскирован очень умело, так что трудно было заметить разницу.

– Ну, чего ждешь? – поинтересовался охранник. – Номера своего никогда не видел?

– Нет, – ответил я ровным голосом, хотя ноги подо мной подкосились. Я был напуган – напуган до ужаса. – Никогда не видел. Эта татуировка сделана вокруг моего настоящего номера. Говорю вам, я Кортни. Я могу это доказать. Я заплачу…

Я начал торопливо рыться в карманах, однако не нашел там

ни единой монетки. Только теперь я заметил, что облачен в дешевое мешковатое тряпье от «Юниверсал», заляпанное пятнами еды, а может, и чем похуже.

– Так плати, – равнодушно бросил охранник.

– Заплачу позже, – пообещал я. – Просто отведите меня к начальству…

Тут в узкий коридорчик выглянул шустрый на вид молодой лейтенант в форме «Панагры».

– Что здесь происходит? – требовательно спросил он. – Почему в трюме свет? Почему между палубами шляются посторонние? Знаете, ваше агентство нам рекомендовали как надежное.

– Извините, мистер Коблер, – отвечал охранник, вытянувшись и отдавая честь. – Парень, похоже, упоролся. Вылез сюда и плетет какую-то чушь: будто бы он большая шишка в рекламе, а сюда попал по ошибке…

– Взгляните на мой номер! – закричал я лейтенанту.

Я ткнул ему под нос свой локоть, и тот поморщился. Охранник схватил меня за шиворот.

– Эй, не приставай к…

– Минуточку, – сказал лейтенант. – Вижу. Номер. И предлинный номер, приятель. Что ты хочешь доказать?

– Мой настоящий номер – 16-156-187. Остальные цифры фальшивые. Они приписаны, спереди и сзади. Видите? Тут цифры другие!

Стараясь не дышать носом, лейтенант наклонился и присмотрелся к моему номеру.

– Хм… – протянул он. – Вообще-то все может быть… Пойдемка со мной.

Испуганный охранник поспешил открыть перед нами дверь.

Лейтенант провел меня через ревущий лабиринт машинного отсека в каюту второго помощника размером со шляпную коробку. Второй помощник оказался маленьким остролицым человечком; форма «Панагры» висела на нем мешком.

– Покажи ему свой номер, – приказал лейтенант.

Я повиновался.

– И что не так? – спросил второй помощник. Он вставил кассету в читальный аппарат и начал крутить рукоять. – 1304-9974-1416-156-1877023. Гроуби, Джордж Уильям, пол мужской, 26 лет, холост; рос в неполной семье (отсутствие отца); третий из пятерых детей; выносливость 1, здоровье 2,9, работал по второй категории семь лет, по полуторной – три месяца; образование 9, подписан трудовой контракт по форме Б. – Второй помощник поднял взгляд на офицера. – Данные самые обычные,

лейтенант. Что в нем такого? Почему я должен им заинтересоваться?

– Он заявляет, – ответил лейтенант, – что он сотрудник рекламного агентства и попал сюда по ошибке. Говорит, кто-то поменял ему номер. И речь у него слишком правильная для его класса.

– Да ладно! – протянул второй помощник. – Вот уж это ровно ничего не значит. Из низших классов, рос в неполной семье, средним ребенком – такие часто стараются много читать и расширять свой кругозор, чтобы выбиться в люди. Однако…

– Хватит! – рявкнул я, чувствуя, что всем этим сыт по горло. – Я Митчелл Кортни. Я могу вас всех продать, купить и даже не заметить, что потратился! Я отвечаю за проект «Венера» в «Фаулер Шокен ассошиэйтед». Я хочу, чтобы вы немедленно позвонили в Нью-Йорк и положили конец этому фарсу. Живо, черт побери!

Лейтенант, явно встревоженный, потянулся к телефону, но второй помощник с усмешкой отстранил его руку.

– Значит, вы Митчелл Кортни? – ласково спросил он. Затем потянулся за другой кассетой и вставил ее в читалку. Немного покрутил. – А теперь посмотрите сюда!

Мы с лейтенантом наклонились к экрану.

Перед нами открылась первая страница «Нью-Йорк таймс». И на первой полосе – некролог: Митчелл Кортни, глава отдела «Венера» компании «Фаулер Шокен ассошиэйтед», замерз на леднике Старрзелиус близ Маленькой Америки. Начал копаться в батарее, и она отказала.

Лейтенант после этого потерял интерес к некрологу, а вот я дочитал до конца. Проектом «Венера» теперь занимается Мэтт Ранстед. Коллеги обо мне скорбят. Моя жена, доктор Нейвин, отказывается отвечать на вопросы журналистов. Фаулер Шокен произнес обо мне прочувствованные слова, приведенные в некрологе полностью. Я был близким другом Джека О'Ши, первого человека на Венере; он глубоко потрясен этой новостью и скорбит обо мне.

– Газету я купил в Кейптауне, – объяснил второй помощник. – А теперь, лейтенант, будьте добры, отведите этого придурка обратно в трюм.

Вновь явился охранник – и гнал меня пинками всю дорогу до трюма номер шесть.

Во тьме, подсвеченной красным, я сразу споткнулся и на кого-то упал. После относительно чистого воздуха снаружи вонь здесь была невыносимой.

– Эй, ты чего натворил? – добродушно спросил тот, на кого я

наткнулся в темноте.

– Пытался объяснить, кто я… – Тут я сообразил, что зря стараюсь. – Что нас ждет дальше?

– Причалим к берегу. Высадимся. И будем вкалывать. У тебя какой контракт?

– Мне сказали, по форме Б.

Он присвистнул.

– М-да, приятель, попал ты в переделку!

– Почему? Что вообще все это значит?

– Ты что, не смотрел, что подписывал? Ну и дурень. Контракт Б – на пять лет. На такое соглашаются только беженцы или полные идиоты. Ну или такие, вроде тебя, готовые подмахнуть, не читая. Там, видишь ли, столько разных условий… Мне тоже предлагали форму Б, так я сразу сказал: если ничего получше у вас не найдется, пойду предложу свои услуги в «Бринк экспресс»! Они было уперлись, но и я стоял на своем и в конце концов добился контракта по форме Ф. Всего на год, можно делать покупки не только в магазинах компании, и все такое.

Мне казалось, что голова у меня сейчас взорвется.

– Не может же там быть настолько плохо! – пробормотал я. – Сельская жизнь… работа на земле… солнце и свежий воздух…

– Ну… – пожал плечами мой собеседник, – на плантации, наверное, все же лучше, чем на химических заводах. Хотя, пожалуй, хуже, чем в шахте. Да чего гадать? Скоро сам узнаешь!

Он отодвинулся, а я, хоть и собирался поразмыслить над тем, что делать дальше, задремал неглубоким тревожным сном.

Сигнала к высадке не было. Мы просто обо что-то ударились – и ударились как следует. Распахнулся разгрузочный люк; после полутьмы трюма от яркого тропического солнца заболели глаза. Вместо свежего воздуха ноздри резанула густая вонь дезинфицирующих средств. Я отделился от толпы ругающихся рабочих и поспешил к выходу.

– Придержи коней, болван! – рявкнул на меня мрачный тип со значком производственной службы безопасности на лацкане.

Он надел мне на шею номерок на шнурке. Все получили такие же номерки и выстроились в очередь к столу. На нас отбрасывала огромную тень сама плантация «Хлорелла» – здание офисного типа в восемьдесят этажей. Этажи – словно проволочные корзинки для бумаг, поставленные одна на другую, а между ними, на каждом ярусе, сверкают зеркальные жалюзи. Вся громадина сияет, на нее больно смотреть. Я понял, что зеркальные жалюзи призваны ловить солнечные лучи; они отражаются во все новых и новых зеркалах внутри здания, а затем направляются в чаны фотосинтеза. С земли казалось, что передо

мной вырос Ад.

«Думай, черт возьми, думай!» – говорил я себе. А в мозгу назойливо вертелось: «*С напоенных солнцем плантаций Коста-Рики, взращенный умелыми руками независимых фермеров, гордых своим трудом, приходят к нам сочные, питательные белки «Хлореллы»*…» Да, эту рекламу сочинил я сам.

– Чего застряли? – послышался рев охранника. – А ну шевелитесь, никчемные ублюдки! Ну-ка, ну-ка, быстро!

Прикрыв «козырьком» глаза от солнца, я вместе с прочими побрел вперед. Когда подошла моя очередь, человек в черных очках за столом спросил:

– Имя?

– Митчелл Корт…

– Это тот, о котором я вам говорил, – послышался голос второго помощника.

– А, ясно. Спасибо. – И мне: – Знаешь, Гроуби, у нас тут бывали уже ребята, которые пытались отмазаться от контракта Б. И каждый из них очень об этом пожалел. Кстати, ты, может, знаешь, каков годовой бюджет Коста-Рики?

– Не знаю, – промямлил я.

– Около ста восьмидесяти трех миллионов долларов. А не знаешь ли случайно, какой ежегодный налог выплачивает корпорация «Хлорелла»?

– Нет. Черт возьми…

– Около ста восьмидесяти миллионов долларов, – прервал он меня. – Так что умный парень вроде тебя без труда сообразит: власти Коста-Рики – и суды Коста-Рики – с «Хлореллой» не спорят. Если мы захотим всем показать, что бывает с нарушителями контракта, они охотно помогут нам это устроить. Даже не сомневайся. Так как, говоришь, тебя зовут?

– Гроуби, – с трудом выдавил я.

– Имя? Образование? Уровень выносливости?

– Не помню. Если вы мне все это напишете на бумажке – выучу наизусть.

Второй помощник у меня за спиной рассмеялся и заметил:

– Похоже, с ним проблем не будет!

– И хорошо, – примирительно заметил человек в черных очках. – Расстанемся, как говорится, друзьями. Вот твой пропуск и направление. Будешь работать черпальщиком. Ну, пошел!

И я пошел.

Охранник, взглянув на мое направление, рявкнул:

– Черпальщикам сюда!

«Сюда» означало внутрь здания, под еще более ослепительный свет, по коридору между невысокими чанами,

источающими омерзительное зловоние, и наконец в центральную часть небоскреба. Здесь я попал в комнату, довольно хорошо освещенную; однако после многократно отраженного в зеркалах тропического солнца казалось, что в ней царит полумрак.

– Черпальщик? – поинтересовался кто-то. Я заморгал и кивнул. – А я Маллейн, раздаю задания. – Незнакомец взглянул на мой пропуск. – Хочу тебя спросить, Гроуби. Нам нужен черпальщик на шестьдесят седьмом этаже и еще один на сорок первом. Твоя койка будет на сорок третьем. Ты где больше хотел бы работать? Кстати, лифтов для черпальщиков и прочих рабочих второго класса у нас нет.

– Я бы предпочел на сорок первом, – ответил я, пытаясь понять, к чему этот вопрос.

– Разумное решение, – похвалил он. – Очень, очень разумное!

Наступило долгое молчание. Маллейн стоял и чего-то ждал. Наконец добавил:

– Приятно видеть, когда разумный человек разумно и поступает. – И снова умолк.

– У меня нет при себе денег, – признался я.

– Не страшно, – ответил он. – Я тебе одолжу. Просто подпиши расписку, а в день зарплаты мы без шума все уладим. Стоимость услуги – всего пять долларов.

Я прочел расписку и подписался. Для этого пришлось заглянуть в свой пропуск: я снова забыл, как меня теперь зовут. Маллейн черкнул в углу расписки «41» и свои инициалы, а потом поспешил прочь, так и не одолжив мне пять долларов. Я не стал за ним гнаться.

– Я миссис Хоррокс, занимаюсь распределением по спальням, – ласково обратилась ко мне какая-то женщина. – Добро пожаловать в семью «Хлорелла», мистер Гроуби! Надеюсь, вы проведете с нами много счастливых лет! А теперь к делу. Думаю, мистер Маллейн уже сообщил вам, что нынешнее пополнение оборванцев… я хотела сказать, новая группа контрактников… разместится на сорок третьем этаже. Моя задача – помочь каждому подобрать наиболее симпатичных и близких по духу соседей. Есть, например, – продолжала она, и мне показалось, что в улыбчивой физиономии ее появилось что-то паучье, – одна свободная койка в спальне номер семь. Там живут молодые люди – много прекрасных, милых молодых людей, настоящих красавчиков! Возможно, вам там понравится. Знаете, очень важно оказаться среди своих…

Я понял, к чему она клонит, и ответил, что в спальне номер семь мне совершенно не понравится.

– Тогда подумайте о номере двенадцать! – лучась улыбкой,

продолжила она. – Боюсь, там народ малость грубоват, но ведь нищим выбирать не приходится, не так ли? В спальне номер двенадцать симпатичного молодого человека вроде вас примут с радостью. Да что там – с распростертыми объятиями примут! Только на всякий случай… надеюсь, у вас найдется с собой нож или что-нибудь такое. Так что же, мистер Гроуби, выписать вам пропуск в спальню номер двенадцать?

– Э-э… а какие еще есть варианты? – спросил я. – И, кстати, не согласитесь ли одолжить мне пять долларов до зарплаты?

– Хорошо, тогда в спальню номер десять, – ответила она, нацарапав что-то на клочке бумаги. – Конечно одолжу. Вы сказали, десять долларов? Здесь подпишите, мистер Гроуби, а здесь поставьте отпечаток пальца. Благодарю вас.

И поспешила прочь в поисках новой жертвы.

Следующим меня схватил за руку краснолицый толстяк и прохрипел:

– Брат, у меня для тебя ценное предложение! Вступай в ряды Объединенного профсоюза рабочих слизе-плесне-белковой промышленности Панамерики, местное отделение завода «Хлорелла», Коста-Рика! В этой брошюре, изданной ОПРСПБПП, ты прочтешь, как уберечься от шантажистов и вымогателей, которых в нашей индустрии пруд пруди. Вступительный и последующие взносы будут списываться автоматически, а вот за эту ценную брошюру надо заплатить.

– Брат, – ответил я ему, – скажи, что случится со мной, если я ее не куплю?

Он пожал плечами и кивнул в сторону лестницы:

– Полетишь вниз.

На брошюру ушла еще одна пятидолларовая ссуда.

Подниматься на сорок третий этаж, в спальню номер десять, пешком мне не пришлось. Верно, для рабочих второго класса лифты не предусмотрели, однако можно было проехаться на грузовом подъемнике. Правда, при посадке и высадке требовалась отвага, а по дороге – стройность и осторожность: высунув наружу какую-нибудь часть тела, ты рисковал ее лишиться.

Спальня была вся заполнена койками: в три яруса, всего около шестидесяти. Производство на плантации шло только днем, так что спать по очереди не приходилось. Моя койка принадлежала мне двадцать четыре часа в сутки. Хотя бы за это можно было возблагодарить судьбу.

Старик с унылой физиономией лениво подметал центральный проход пустующей спальни.

– Новый черпальщик, что ли? – поинтересовался он и взглянул на мой пропуск. – Вот твоя койка. Я Пайн, за порядком

тут слежу. А ты черпать-то умеешь?

– Нет, – ответил я. – Послушайте, мистер Пайн, как отсюда позвонить?

– В комнате отдыха есть телефон, – ответил он и ткнул большим пальцем в сторону двери.

Я отправился в комнату отдыха. Здесь действительно был телефон, а кроме того, гипноэкран во всю стену, читалки, кассеты и журналы. Я стиснул зубы: со всех полок сверкали и били мне в глаза красочные обложки «Еженедельника Таунтон».

Телефон, разумеется, оказался платным.

Я помчался обратно в спальню.

– Мистер Пайн, – обратился я к нему, – не могли бы вы ссудить мне двадцать долларов мелочью? Мне нужно сделать международный звонок.

– Даю двадцать, отдаешь двадцать пять – пойдет?

– Конечно. Пожалуйста. Как скажете.

Он нацарапал мне корявую расписку; я подписал и приложил палец. Затем Пайн извлек из мешковатых карманов монеты.

Я хотел позвонить Кэти, но не осмелился. Бог знает, где она сейчас, в больнице или дома. Что, если звонок пропадет зря? Поэтому набрал пятнадцать цифр номера «Фаулер Шокен ассошиэйтед» и всыпал в пасть таксофона звенящий ручеек монет. Я ждал голоса нашей телефонистки: «Добрый день, это «Фаулер Шокен ассошиэйтед». Для нашей фирмы и наших клиентов день всегда добрый. Чем могу вам помочь?»

Но услышал я совсем другое. Из трубки донеслось:

– *Su numero de prioridad, par favor*?[8]

Приоритетный номер для международных звонков. У меня такого не было. Чтобы получить приоритетный номер из четырех цифр, фирма должна обладать капиталом не менее чем в миллиард и аккуратно вносить плату за услуги. Что же до индивидуальных приоритетных номеров – таких просто не бывает да и быть не может. Слишком перегружена в наше время международная связь. Разумеется, все это меня не беспокоило, пока я делал международные звонки как сотрудник «Фаулер Шокен», пользуясь приоритетным номером компании. Еще одна роскошь, без которой теперь придется обойтись.

Я медленно повесил трубку. Монеты таксофон не вернул.

Можно им всем написать, думал я. Написать письма Кэти, Джеку О'Ши, Фаулеру, Колльеру, Эстер, Тильди. Никого не пропуская. «Дорогая моя жена (дорогой шеф)! Хочу известить, что ваш муж (сотрудник), которого вы считаете мертвым, на самом деле не умер, а непостижимым образом попал на работу по контракту на коста-риканские плантации «Хлореллы».

Пожалуйста, бросайте все свои дела и бегите его спасать. Подпись: любящий муж (сотрудник), Митчелл Кортни.

Вот только в «Хлорелле» наверняка работает цензура.

Тупо глядя перед собой, я побрел обратно в спальню. Тем временем там начали собираться местные обитатели.

– Гляди-ка, новичок! – заорал один, заметив меня.

– Встать, суд идет! – радостно завопил другой.

За то, что произошло дальше, я не держу на них зла. Это местная традиция, хоть немного разбавляющая монотонные будни – краткая возможность обрести власть над кем-то, еще более униженным и несчастным, чем ты сам. Все они тоже через это прошли. Подозреваю, обряд инициации, принятый в спальне номер семь, понравился бы мне еще меньше, а из спальни номер двенадцать я мог бы и не выйти живым. Нет, в спальне номер десять я легко отделался. Уплатил «штраф» – еще одну долговую расписку, получил несколько тычков и затрещин, повторил вслед за остальными какую-то шутовскую присягу – и сделался полноправным членом общежития.

Потом был ужин, но я не поплелся со всеми в столовую. Я лежал на койке и мечтал стать тем, чем считал меня весь мир, – мертвецом.

Глава восьмая

Работать черпальщиком не так уж сложно. Встаешь на рассвете. Торопливо заглатываешь завтрак, отрезанный накануне от Цыпочки, запиваешь кофиэстом. Натягиваешь комбинезон, прыгаешь на грузовой подъемник и доезжаешь до своего этажа. И здесь, в слепящем свете, от рассвета до заката ходишь между акрами и акрами невысоких чанов, заполненных водорослями. Если идти медленно, каждые полминуты или около того замечаешь в каком-нибудь чане созревший участок, пузырящийся сочными углеводами. Его нужно подцепить черпаком и бросить в желоб. Там его либо упакуют в тару на экспорт, либо переработают на глюкозу для кормления Цыпочки, от которой, в свою очередь, отрезают ломти, упаковывают и развозят всюду, где живут люди, от Баффинленда до Маленькой Америки. Каждый час отпиваешь из фляги и бросаешь в рот солевую таблетку. Каждые два часа у тебя пятиминутный перерыв. На закате сбрасываешь комбинезон, идешь ужинать – на ужин еще несколько ломтиков Цыпочки, – а дальше у тебя свободное время. Можно болтать, можно читать, можно сесть перед гипноэкраном в комнате отдыха и погрузиться в транс, можно сходить за покупками, можно с кем-нибудь поругаться, можно просто сидеть и доводить себя до исступления мыслями о том, что все должно быть иначе. Можно просто свалиться и уснуть.

Первое время я только и делал, что писал письма и старался побольше спать. Неожиданно дали зарплату – я и не заметил, что прошло уже две недели. Получив деньги, я остался должен компании «Хлорелла» всего восемьдесят долларов и сколько-то там центов. Помимо уже известных долгов выяснилось, что надо сделать взнос в Фонд благосостояния служащих (сколько я смог разобраться, смысл в том, что я плачу «Хлорелле» налог за то, что у них работаю), уплатить вступительный и ежемесячный взносы в профсоюз, собственно налоги, взнос на медицинскую помощь («Медпомощь? Ага, попробуй только тут захворать!» – говорили по этому поводу более опытные люди), а также пенсионную страховку.

Слабо утешала мысль о том, что когда (да, «когда», твердил я себе) я отсюда выберусь, то буду знать потребителей лучше любого в нашем деле. Разумеется, в «Фаулер Шокен» были сотрудники из низов – толковые ребята, пробившиеся на государственную стипендию. Но теперь я понимал, что истинной картины того, чем живут и как мыслят потребители, от них не получить – сами они слишком презирают свое неприглядное

прошлое, слишком стараются от него отдалиться. Я же обнаружил, что реклама воздействует на подсознание сильнее, чем привыкли считать специалисты. Снова и снова поражало меня, что рекламу здесь именуют попросту «этой чушью». Поначалу я был неприятно удивлен – а затем с облегчением понял, что, несмотря на это, она работает.

Больше всего интересовал меня, разумеется, отклик на проект «Венера». Неделя за неделей я наблюдал, как растет интерес к Венере даже у тех, кто никогда и не думал туда лететь и не знал никого, кто бы туда собирался. Слышал, как люди смеются над шутками и прибаутками, которые сочинили и запустили в народ мы, «Фаулер Шокен ассошиэйтед»:

– Венера – щедрая богиня, она всем дарит свою любовь. Даже крошка Джек О'Ши умудрился закрутить с ней роман!

Или:

– Решил расстаться с подружкой? Не вздумай бежать на Венеру: девушка сломя голову помчится за тобой!

И так далее. Игривые фразочки, на разные лады повторяющие одну мысль: «Венера» – это мужская состоятельность, это неотразимая привлекательность для женщин, это доступный секс.

Бен Уинстон и его отдел – едва ли не главные в нашей компании, я всегда об этом говорил. Особенно удаются им каламбуры, по большей части острые, а то и вовсе неприличные. И правильно. В конце концов, секс – базовый инстинкт человечества. И что может быть важнее, чем сублимировать мощные, но низменные человеческие инстинкты, придать им цивилизованную форму и направить на достижение общественно полезных целей?

(Разумеется, я не оправдываю тех дельцов от рекламы, что любят порассуждать о якобы присущем человечеству «стремлении к смерти» и о том, что его тоже можно использовать для повышения продаж. Нет, такими вещами пусть занимаются Таунтоны нашей профессии! Это грязно, это безнравственно, с этим я не хочу иметь ничего общего. А кроме того – надо же думать хоть на шаг вперед! – неужели не очевидно, что игра на «инстинкте смерти» грозит снизить число потребителей?)

Одним словом, нет сомнений, что, связывая рекламные месседжи с одной из основных мотиваций человеческой психики, мы не просто продаем товары; мы укрепляем сексуальное желание, фокусируем, помогаем человеку его осознать – а значит, способствуем росту числа потребителей, без которого не будет расширения рынков.

«Хлорелла», как я с радостью узнал, хотя бы в этом отношении о своих работниках заботилась на совесть. Вместе с

едой все мы получали соответствующие гормональные препараты, а на пятидесятом уровне имелся роскошный Зал досуга на тысячу коек. Единственное условие, которое ставила компания касательно детей, рождавшихся на плантации: в случае, если на одиннадцатый год жизни ребенка хотя бы один из его родителей по-прежнему работает на «Хлорелле», с ребенком автоматически заключается долгосрочный контракт.

Однако на Зал досуга у меня не было времени. Я наблюдал за всем, что меня окружало, изучал обстановку, ждал подходящей возможности. Если возможность вскоре не подвернется, думал я, придется создать ее самому. Но сперва надо понять, как тут все устроено.

Не забывал я и о проекте «Венера». Поначалу, сколько можно было судить, кампания шла блестяще. Заказные статьи в журналах, рекламные песенки, шуточки, стишки – все действовало безукоризненно.

А потом что-то пошло не так.

Начался спад. Неладное я заметил в первый же день, однако только через неделю поверил, что чутье меня не обмануло. Слово «Венера» исчезло из наших разговоров. Если кто и упоминал космические корабли, то лишь вместе с «радиацией», «налогами», «жертвами». И даже анекдоты от Бена Уинстона приобрели новый, угрожающий характер: «*Эй, слыхали про придурка, что полетел в космос, натянул скафандр, а снять его не смог?*»

Со стороны легко было этого не заметить. Фаулер Шокен, просматривая ежедневные выжимки из экстрактов кратких суммированных сводок, составленных на основании сокращенных резюме и докладов отдела «Венера», скорее всего, ничего не замечал и не сомневался в том, что ему показывали. Но я-то знал проект «Венера» как свои пять пальцев. И ясно понимал, что происходит.

Мэтт Ранстед победил.

Главным аристократом спальни номер десять был Геррера. За десять лет работы он поднялся (в топографическом смысле опустился) на должность мастера-резчика. Трудился под землей, в огромном холодном подвале, где росла и зрела Цыпочка; Геррера вместе с другими мастерами разделывал ее на части. Взмахивая огромным ножом, на вид больше походившим на двуручный меч, он отсекал от Цыпочки большие ломти; потом раздельщики, упаковщики и их безликие подручные фасовали ломти на кусочки поменьше, придавали им правильную форму, замораживали, варили или жарили, добавляли красители, стабилизаторы, ароматизаторы, вкусовые добавки,

запаковывали – и отправляли на выход.

Работа Герреры служила еще и своего рода предохранительным клапаном. Цыпочка росла и росла уже много десятилетий. Начинала она как обычный кусочек мяса, несколько волокон сердечной мышцы курицы, и умела лишь расти и расширяться, сминая или поглощая все, что встречалось ей на пути. Если ее не останавливать – она бы росла, росла, заполнила бы полностью свой подвал и продолжила расти дальше, сдавливая и круша собственные клетки. Геррера следил за тем, чтобы она росла равномерно во все стороны, чтобы оставалась мягкой и сочной, чтобы ее ткани не становились жесткими и непригодными для еды.

За такую ответственную работу неплохо платили, однако Геррера не обзавелся ни женой, ни квартиркой на одном из верхних ярусов. Порой куда-то исчезал по вечерам, и в его отсутствие эти отлучки были темой соленых шуток, однако при нем об этом заговаривали исключительно осторожно и почтительно. Свой двуручный резак он постоянно носил с собой и время от времени рассеянно проводил точильным камнем по лезвию. Я решил покороче с ним сойтись. Деньги у него наверняка водились – не мог же он ничего не скопить за десять лет, – а мне были очень нужны деньги.

Суть контракта по форме Б выяснилась очень быстро. Ты постоянно в долгах, и долг все растет. Часть системы – легкий кредит, другая часть – неприятности, от которых приходится откупаться. Если не выплачиваешь по десять долларов в неделю – к концу срока оказываешься должен «Хлорелле» тысячу сто долларов и дальше работаешь на погашение кредита. А пока работаешь, копится новый долг.

Мне нужны были деньги Герреры, чтобы выбраться из «Хлореллы» и вернуться в Нью-Йорк. К Кэти, моей жене. К работе. К проекту «Венера».

То, что творил с проектом «Венера» Ранстед, меня совершенно не устраивало. А уж о том, что делает Кэти, оставшись вдовой, я и вовсе старался не думать. Особенно пугала одна мысль: Кэти с Джеком О'Ши. Маленький астронавт кадрил женщин с каким-то ожесточением, словно желая отплатить им за годы унижений. Двадцать пять лет он оставался смешным уродцем, не спасала даже мужественная профессия летчика-испытателя. А в двадцать шесть вдруг стал мировой знаменитостью номер один – первым человеком на Венере. В расцвете молодости обрел бессмертие. И теперь торопливо и жадно вознаграждал себя за все пережитое. О его любовных победах, особенно во время лекционных турне, ходили легенды –

и мне эти легенды были совсем не по душе. И это, и то, что он, кажется, понравился Кэти, а она – ему.

Еще один день, похожий на все прочие дни: подъем на рассвете, завтрак, комбинезон и защитные очки, грузовой подъемник, бесконечное хождение и взмахи черпаком под ослепительным искусственным солнцем, ужин, комната отдыха – и там, если повезет, разговор с Геррерой.

– Здорово ты отточил свой резак, Гус. Знаешь, люди в мире делятся на два сорта: дураки – и те, кто бережет свой инструмент.

Подозрительный взгляд из-под смоляных индейских бровей.

– Верно говорят: делай все как положено, и это окупится. А ты вроде новичок?

– Ну да. Как считаешь, стоит здесь задерживаться?

– А что еще остается? У тебя контракт, – ответил он и отошел к стойке с журналами.

Следующий день.

– Здравствуй, Гус. Устал?

– Привет, Джордж. Да, есть немного. Десять часов резаком махать – поди не шутка. Плечи ломит.

– Могу себе представить. У черпальщиков работа полегче, но очень уж тупая.

– Что ж, может, когда-нибудь и тебя повысят. Ладно, пойду посижу перед гипнотеликом.

И следующий.

– Привет, Джордж. Как дела?

– Не могу пожаловаться, Гус. По крайней мере, все время на солнце.

– Да уж! Скоро почернеешь, как я! Интересно, как тебе это понравится?

– *Porque no, amigo*?[9]

– *Hey, tu hablas espanol! Cuando aprendiste la lengua*?[10]

– Не так быстро, Гус! На самом деле знаю всего пару слов. Но хотел бы выучиться. Разживусь деньжатами – может, схожу в город, девушку себе найду.

– Девчонки там все кое-как болтают по-английски. Вот если заведешь себе постоянную подружку, стоит поговорить с ней по-испански, ей понравится. А так все, что им нужно, они и по-английски знают: «Купи то, угости этим», да еще ваш стишок о том, что можно купить за доллар, ха-ха!

И следующий день – чудесный день!

Я снова получил зарплату. На этот раз мой долг вырос на восемь баксов. Я изводил себя мыслями о том, куда ушли деньги, но на самом деле все понимал. Со смены прихожу совершенно обезвоженным – так и задумано. Набираю пароль у питьевого

автомата, получаю банку «попси» – с моего счета списывается двадцать пять центов. Одной банки мало, пью вторую – пятьдесят центов. Ужин, как обычно, безвкусный; чертова Цыпочка мне уже поперек горла стоит. После ужина все равно хочется есть – а в столовой как раз продаются в кредит «Хрустяшки»! Но «Хрустяшки» соленые, после них снова хочется пить – и ты идешь к автомату за еще парой банок «попси». После «попси» хочется закурить «Старр»; после сигареты – съесть еще пару «Хрустяшек». Как знать, не предусмотрел ли все это Фаулер Шокен, создавая трест «Старрзелиус»? Замкнутый круг: от «попси» к «Хрустяшкам», от «Хрустяшек» к «Старр», и далее до бесконечности…

Кстати, за право пользоваться кредитом с тебя взимают шестипроцентный налог.

Надо спешить, понимал я. Не выберусь вскоре – застряну здесь на веки вечные. Я ощущал, почти физически, как внутри, клетка за клеткой, умирает то, что делает меня мной. Энергия, решимость, воля к победе. Волю угнетают мини-дозы алкалоида, но еще более – чувство безнадежности. Выхода нет. Так было, так есть, так будет всегда. И в конце концов, пожалуй, все не так уж плохо. Можно впасть в транс перед гипноэкраном, или выпить побольше «попси» и расслабиться, или попробовать одну из тех зеленых таблеток, которыми здесь торгуют из-под полы. Цена их зависит от спроса, и продавцы охотно соглашаются подождать с расчетом до зарплаты…

Нет. Надо спешить.

– *Como ’sta, Gustavo*?[11]

Он сел рядом, улыбнулся мне своей скупой ацтекской улыбкой.

– *Como’sta, amigo Jorge? Se fuma*?[12] – И протянул мне пачку сигарет.

У него были «Гринтипс». Я ответил машинально:

– Спасибо, предпочитаю «Старр» – они ароматнее.

И, разумеется, так же машинально закурил.

Я стремительно превращался в потребителя – стандартного потребителя излюбленного нами типа. Все на автомате. Подумал, что неплохо бы закурить, – вспомнил о «Старр» – закурил «Старр». Закурив «Старр», вспомнил о «попси». Купив баночку «попси», вспомнил о «Хрустяшках». Купив пачку «Хрустяшек», вспомнил, что давно не курил, вспомнил о «Старр»… и так далее. И на каждой ступени повторяешь хвалебные рекламные формулы, въевшиеся в мозг, в сердце, в печенку, в каждую клетку твоего тела.

«Я курю «Старр» – они ароматнее. Я пью «попси» – она бодрит. Я ем «Хрустяшки» – у них такой приятный острый вкус. Я курю…»

– Что-то вид у тебя невеселый, Хорхе, – заметил Гус.

– А мне и не весело, *амиго*, – ответил я.

Так оно и было.

– Знаешь, я попал в странную историю.

На этом остановлюсь. Подожду, что он ответит.

– Да уж вижу, с тобой что-то неладно! Ты парень с головой, видно, не из простых – такие редко здесь оказываются. Может, помощь нужна?

«Отлично! Просто отлично!»

– Гус, ты об этом не пожалеешь! Доля риска здесь есть – но не пожалеешь, обещаю! Дело в том, что…

– Ш-ш-ш! Не здесь! – остановил он меня. А затем продолжал вполголоса: – Риск есть всегда. Но когда встречаешь толкового парня вроде тебя – дело того стоит. Когда-нибудь я ошибусь, *seguro*[13]. Меня схватят и, наверное, выжгут мозги. Ну и черт с ним! Плевал я на них. Я свое дело сделал. Держи. Насчет осторожности, думаю, сам все понимаешь.

С этими словами он пожал мне руку, и я ощутил, как что-то прилипло к ладони. Гус больше на меня не смотрел: он отошел на другой конец комнаты, к гипноэкрану, набрал свой пароль и, получив доступ к получасовому сеансу, проскользнул между другими гипнозрителями и замер.

Я отправился в туалет, набрал пароль, позволяющий занять кабинку на десять минут – прощай, еще один пятицентовик из получки! – и зашел внутрь. Разгладил комочек, прилипший к ладони. Это оказался смятый листок тонкой бумаги.

Вот что я там прочел:

> *ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА – В ВАШИХ РУКАХ!*
>
> *ЭТО ЛИСТОВКА НОМЕР ОДИН, ПОЗВОЛЯЮЩАЯ УСТАНОВИТЬ КОНТАКТ СО ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ КОНСЕРВАЦИОНИСТОВ, ШИРОКО ИЗВЕСТНЫХ КАК КОНСЫ. ВЫ ПОЛУЧИЛИ ЭТУ ЛИСТОВКУ ОТ ЧЛЕНА ВОК, КОТОРЫЙ СЧЕЛ, ЧТО ВЫ: А) УМНЫ; Б) НЕДОВОЛЬНЫ НЫНЕШНИМ ПОЛОЖЕНИЕМ ДЕЛ В МИРЕ; В) МОЖЕТЕ СТАТЬ ДЛЯ НАС ЦЕННЫМ ПРИОБРЕТЕНИЕМ, ПОПОЛНИВ НАШИ РЯДЫ. ТЕПЕРЬ ЕГО ЖИЗНЬ В ВАШИХ РУКАХ. ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЧТО-ЛИБО ПРЕДПРИНИМАТЬ, ПОЖАЛУЙСТА, ДОЧИТАЙТЕ ДО КОНЦА.*
>
> *ФАКТЫ О ВОК*
>
> *Факты: ВОК – тайная организация, преследуемая всеми правительствами Земли. Члены ВОК убеждены, что*

безудержная эксплуатация природных ресурсов ведет к росту бедности и неудовлетворенности жизнью, которого можно было бы избежать. Мы убеждены, что продолжение этой безжалостной эксплуатации приведет к гибели человечества. Мы считаем, что движение к гибели можно обратить вспять, если все народы Земли единым хором потребуют ограничения рождаемости, восстановления лесных массивов и плодородных почв, деурбанизации и прекращения расточительного производства ненужных обществу товаров и пищевых продуктов, не соответствующих естественным потребностям человека. Мы распространяем наши идеи при помощи пропаганды, такой, как заключенная в этой листовке, демонстраций протеста, а также организации диверсий на заводах и фабриках, производящих ненужные и вредные товары.

ЛОЖЬ О ВОК

Возможно, вы знакомы с распространенным мнением, что консы – убийцы, психопаты, невежественные фанатики, совершающие акты убийства и разрушения из иррациональных побуждений или просто из зависти. Все это ложь. Члены ВОК – гуманные, уравновешенные люди. Многие из нас по общепринятым стандартам достигли успеха. Клевету на нас старательно распространяют люди, заинтересованные в безудержной эксплуатации природных ресурсов, которую мы пытаемся остановить. Да, существуют неразумные, неуравновешенные или попросту аморальные люди, совершающие преступления якобы во имя консервационизма – как из идеалистических побуждений, так и с корыстными мотивами. Но подобные действия мы глубоко осуждаем. ВОК не имеет с такими людьми ничего общего.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Выбор за вами. Вы можете: а) выдать человека, передавшего вам эту листовку; б) уничтожить листовку и забыть о ней; в) подойти к человеку, передавшему эту листовку, и попросить его о дальнейшей информации.

ПОЖАЛУЙСТА, ХОРОШЕНЬКО ПОДУМАЙТЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЧТО-ЛИБО ПРЕДПРИНИМАТЬ.

Я подумал. Смею надеяться, хорошенько подумал. И пришел

к выводу, что: а) в жизни не видел настолько бездарного, дурно составленного рекламного текста; б) он грубо искажает реальность; в) быть может, он поможет мне бежать из «Хлореллы» и вернуться к Кэти.

Так вот они какие – консы, великие и ужасные! Листовка – полная чушь, противоречит себе на каждом шагу… и все же что-то в ней есть. Вряд ли намеренно, но эта листовка составлена так же, как мы составляем фармацевтические буклеты, предназначенные для врачей. Обращение к здравомыслящим и образованным людям – спокойное, по сути дела, с опорой на факты, без избегания острых углов. Разговор начистоту.

Обращение к разуму. Это всегда опасно. Разуму доверять нельзя. Давным-давно мы изгнали его из нашей профессии.

Что ж, теперь передо мной два пути. Можно пойти к начальству и выдать Герреру. Быть может, это привлечет ко мне внимание; быть может, меня согласятся выслушать; быть может, прислушаются к моему рассказу и даже захотят его проверить. Однако поговаривали, что тем, кто доносит на консов, тоже выжигают мозги – на всякий случай. Они ведь подверглись воздействию вражеской пропаганды, и после первой здравой реакции вирус все же может сработать. Неприятная перспектива. Второй, более героический путь – рискнуть. Прикинуться единомышленником консов, проникнуть в организацию, разведать секреты. Если сеть в самом деле всемирная, вполне возможно, рано или поздно мне удастся вернуться в Нью-Йорк по их каналам. Ну а там я сорву маску и их разоблачу.

В том, что среди консов мне удастся сделать карьеру, я не сомневался ни на миг. Пальцы зудели от желания схватить карандаш и отредактировать листовку: вычеркнуть длинноты, сделать фразы короче и выразительнее, добавить слова и обороты, которые придадут тексту звучность, выразительность, вкус. Словом, превратить его в настоящую рекламу.

Дверь кабинки распахнулась: мои десять минут истекли. Я поспешно смыл листовку в унитаз и вернулся в комнату отдыха. Геррера все еще сидел в трансе перед гипноэкраном.

Я ждал минут двадцать. Наконец он заморгал и обернулся. Когда увидел меня, лицо его словно окаменело. Я с улыбкой кивнул, и он подошел ближе.

– Согласен, *companero*?[14] – тихо спросил он.

– Согласен, – так же тихо ответил я. – Когда скажешь, Гус.

– Скоро. Знаешь, после такого я всегда сажусь перед гипнотеликом. Слишком уж тяжело ждать. Прикинь, в один прекрасный день выйду из транса и увижу вокруг себя охрану с дубинками!

И он рассеянно провел точильным камнем по лезвию своего резака.

Теперь я по-новому смотрел на его огромный нож.

– Для охранников? – спросил я.

На его лице отразился ужас.

– Что ты! – ответил он. – Нет, Хорхе. Для себя. Чтобы не стать предателем.

Благородные слова, подумал я. Готов пожертвовать собой, пусть и ради ложной цели! Мысленно я проклял извращенные умы, исковеркавшие душу такого прекрасного потребителя. Это ведь сродни убийству. Он мог бы занимать свое место в мире: покупать и использовать товары, приносить работу и прибыль своим братьям по всему земному шару, мог бы даже увеличивать их нужды и потребности и, следовательно, способствовать возрастанию производства и прибыли в цикле потребления. Мог бы завести детей – и их тоже вырастить потребителями. Больно видеть, что такого человека превратили в фанатика и скопца.

Я пообещал себе, что, когда придет время снять маску, сделаю для Герреры все возможное. Он не виноват. Пусть наказывают тех, кто промыл ему мозги. Должны же быть какие-то программы реабилитации для консов, втянутых в подпольную деятельность по простоте и невежеству. Надо только выяснить…

Хотя нет, лучше не выяснять. Люди склонны к поспешным выводам. Я прямо слышал: «Не хочу сказать, что Митч рехнулся, но согласитесь, что за странная мысль…», «Да уж, верно говорят, бывших консов не бывает!», «Я не хочу сказать, что сомневаюсь в Митче, и все же…».

Ладно, к черту Герреру! Пусть сам о себе заботится. Раз уж человек решил перевернуть мир вверх дном, нечего стонать, если все полетит вверх тормашками.

Глава девятая

Дни тянулись, словно недели. Геррера почти со мной не разговаривал. Но однажды вечером в комнате отдыха вдруг спросил:

– Видел когда-нибудь *Gallina*?[15]

Так он называл нашу Цыпочку. Я ответил «нет».

– Тогда пошли, покажу. На нее стоит посмотреть!

Мы прошли по коридорам и запрыгнули на подъемник, идущий вниз. Я крепко зажмурился. Стоит заглянуть в эту шахту – потом месяц спать не сможешь. Мимо неслись этажи: сороковой, тридцатый, двадцатый, десятый, нулевой, минус десятый…

– Прыгай, Хорхе, – сказал Геррера. – Приехали. Ниже только машинный отсек.

И я спрыгнул.

На минус десятом было холодно и мрачно, бетонные стены сочились влагой. Толстенные колонны поддерживали потолок. Вдаль по коридору уходило сложное переплетение труб и проводов.

– Система подачи питания, – объяснил Геррера.

Я спросил о потолке, на вид очень массивном и тяжелом.

– Бетон и свинец. Защищает от космической радиации. Иногда *Gallina* болеет раком. – Он сплюнул. – Такое людям есть нельзя. Если быстро не вырезать больной участок, – тут он выразительно взмахнул резаком, – приходится все выжигать.

Геррера распахнул дверь.

– А вот и ее гнездышко! – гордо сказал он.

Я поднял глаза – и у меня перехватило дух.

Передо мной открылось огромное помещение с куполообразной крышей, с бетонными стенами и бетонным полом, и большую его часть занимала Цыпочка. Серо-коричневая, полукруглой формы, словно резиновая на вид упругая белковая масса ярдов пятнадцати в диаметре. В пульсирующую плоть тут и там вонзались трубы. Видно было, что она живая.

– Весь день вокруг нее хожу, – объяснил Геррера. – Вижу, что какая-то часть быстро растет и выглядит сочной, нежной, – срезаю. – Он поднял резак и со свистом отсек от Цыпочки кусок размером с хорошую отбивную. – А ребята, что идут за мной, подбирают куски, разделывают и бросают на конвейер.

В стенах, по окружности купола, я увидел темные тоннели, и в них – неподвижные сейчас ленты конвейеров.

– А по ночам она не растет?

– Нет. Ночью ей ограничивают питание. Каждую ночь она почти умирает и каждое утро восстает из мертвых, словно *San Lazaro*[16]. Но никто не молится о *pobrekita Gallina*[17], верно? – И он нежно похлопал по упругой белковой массе своим резаком.

– Ты ее любишь? – задал я глупый вопрос.

– Конечно, Хорхе. Мы с ней друзья. У нее от меня секретов нет.

Он огляделся, затем обошел тоннели, внимательно всматриваясь в каждый черный зев. Из одного тоннеля достал короткий брус и подпер им дверь, ведущую в «гнездышко». Одним концом брус уперся в поперечную перекладину на двери, другим встал в едва заметную выбоину на бетонном полу. Вышел очень недурной запор.

– Сейчас покажу тебе фокус, – проговорил Геррера с непроницаемой ацтекской улыбкой.

Жестом искусного фокусника он извлек из кармана нечто вроде свистка, только без мундштука и с воздушным мешком, работающим от небольшой ручной помпы.

– Не мое изобретение, – поспешил уверить он. – Называется «свисток Гэллона», а кто такой этот Гэллон, я и сам не знаю. Теперь смотри – и слушай.

Он направил свисток на Цыпочку и начал качать воздух. Я не слышал ни звука – однако, вздрогнув, увидел, как белковая масса задвигалась, словно отстраняясь от свистка.

– Не бойся, *companero*, – приказал Геррера. – Иди за мной.

Не переставая накачивать свой беззвучный свисток, он протянул мне фонарь. Я взял его и включил, едва ли понимая, что происходит. Геррера дул в свисток – и Цыпочка расступалась перед ним: в ее огромном бесформенном теле образовалось углубление, с каждой секундой оно становилось шире и глубже, пока не превратилось в сводчатый проход, коридор с бетонным полом и стенками из колышущейся протоплазмы.

– За мной! – приказал Геррера и шагнул туда.

С отчаянно бьющимся сердцем я последовал за ним. Он медленно продвигался вперед, по-прежнему дуя в свисток, – и сводчатые белковые стены над нами росли и превращались в купол, а вход в Цыпочку за нашими спинами становился все уже… уже… уже…

Вот мы оказались полностью внутри, в полукруглом воздушном пузыре, медленно двигающемся сквозь массу серо-коричневой резиновой плоти.

– На пол посвети, *companero*, – приказал он, и я направил луч фонаря на пол.

Бетон под ногами был исчерчен какими-то линиями, на

первый взгляд случайными; однако Геррера, как видно, использовал их для ориентировки. Шаг за шагом мы продвигались вперед. Я старался не думать о том, что будет, если воздушный мешок свистка Гэллона даст течь, но жуткие картины так и вставали перед глазами.

Примерно две тысячи лет ползли мы, шажок за шажком, пока луч моего фонаря не высветил на полу металлический полумесяц. С помощью свистка Геррера установил купол прямо над ним. Это оказался люк. Не переставая дуть в свисток, Геррера трижды топнул по нему ногой – и люк распахнулся нам навстречу.

– Ты первый, – сказал Геррера.

Я нырнул в люк, не заботясь о том, что там внизу. Упал на что-то мягкое – и несколько секунд валялся, не в силах встать, приходя в себя после пережитого. Миг спустя Геррера приземлился рядом, и люк над нами захлопнулся. Геррера встал, потирая плечо.

– Та еще работенка! Дуешь, дуешь, причем сам ничего не слышишь. Рано или поздно эта штука сломается, а я и не замечу, – усмехнувшись, добавил он.

– Джордж Гроуби, – представил меня Геррера. – Это Ронни Боуэн.

Я пожал руку невысокому флегматичному потребителю в деловом костюме.

– А это Артуро Денцер.

Денцер был совсем юн на вид и явно нервничал.

Мы находились в небольшом, ярко освещенном помещении с бетонными стенами и полом, с регенераторами воздуха под потолком. Здесь стояли письменные столы и коммуникационные устройства. Трудно было поверить, что единственный способ выбраться из этой вполне обычной на вид конторы – пройти через гору белковой массы наверху. И еще труднее поверить, что эта бездумная гора мяса снова расступится перед нами, повинуясь неслышному писку ультразвуковых волн.

– Рад, что ты к нам присоединился, Гроуби, – заговорил Боуэн. – Геррера говорит, ты парень с мозгами. Никаких анкет заполнять мы не просим, однако расскажи немного о себе.

Я принялся рассказывать о Гроуби. Когда упомянул невысокий уровень образования, Боуэн подозрительно поджал губы.

– Буду откровенен, – сказал он, – речь у тебя как у человека образованного.

– Знаете, как иногда бывает у детей, – ответил я. – Читал запоем, впитывал знания. Нелегко быть средним среди пятерых

братьев и сестер. Ты и не старший, чтобы тебя уважали, и не младший, чтобы баловали. Хочется чем-то выделиться. Вот так и я – просто хотел выбиться в люди.

Такое объяснение его устроило.

– Что ж, честный ответ. Теперь скажи, что ты умеешь делать?

– Ну… мне кажется, листовку вашу смог бы составить получше.

– Так-так. А что еще?

– Ну, вообще пропаганда. Например, можно распространять слухи так, чтобы никто не догадывался, что они исходят от конс… от нас. Рассказывать истории, которые помогут людям пробудиться от спячки и ощутить недовольство.

– Хм, мысль интересная! Например?

Что-что, а импровизировать на ходу я умел!

– Например, распустить в столовой слух, что создан новый белок: на вкус точь-в-точь ростбиф и стоит всего по доллару за фунт. Сказать, что о его создании сообщат через три дня. Пройдет три дня, ничего не произойдет – и тут мы запустим в народ какую-нибудь шуточку. Например: «В чем разница между ростбифом и Цыпочкой?» Ответ: «Между ними сто пятьдесят лет прогресса». Что-нибудь такое, что привлечет внимание и ненавязчиво натолкнет людей на мысль, что в прежние времена жилось лучше.

Как видите, ничего сложного. Не в первый раз я использовал свой талант для рекламы того, в чем сам ни малейшего смысла не видел.

Боуэн записывал мои слова на бесшумной пишущей машинке.

– Хорошо, – кивнул он. – Очень хорошо придумано, Гроуби! Непременно нужно попробовать. А почему ты считаешь, что нужно подождать три дня?

Не мог же я дать ему ответ из учебника: три дня – оптимальный период для распространения ключевой фразы-катализатора в закрытом социальном кругу. Пришлось потупиться и пробормотать:

– Ну… мне просто показалось, что это подходящий срок.

– Что ж, обязательно попробуем. Теперь, Гроуби, тебе надо пройти обучение. Существуют классические труды основоположников консервационизма – ты должен их прочесть. Кроме того, необходимо следить за изданиями, представляющими для нас интерес: это «Статистические данные», «Журнал космических полетов», «Биометрика», «Сельскохозяйственный бюллетень» и многие другие. Если встретится что-то непонятное – а встретится наверняка, – не стесняйся спрашивать. Пройдя обучение, выберешь наиболее

привлекательную для себя область и начнешь в ней специализироваться. Без образования консервационисту никуда!

– А почему «Журнал космических полетов»? – спросил я, стараясь не выдать волнения.

«Может быть, здесь я найду ответ? – мелькнуло у меня в голове. – Диверсия Ранстеда, мое похищение, явный саботаж проекта… Что, если все это заговор консов? Если в их извращенных умах родилась мысль, что космические полеты «препятствуют выживанию человечества», или как там они говорят?»

– Это очень важно, – ответил Боуэн. – О полетах в космос нам необходимо знать все.

– Чтобы им помешать? – попытался я прощупать почву.

– Разумеется, нет! – воскликнул Боуэн. – Включи мозги, Гроуби! Подумай, что значит для нас Венера: нетронутая планета, полная полезных ископаемых и прочих природных богатств, так необходимых человечеству!

Выходит, я ошибся. Загадка осталась неразгаданной.

Я присел в углу со стопкой номеров «Биометрики» и начал их листать, время от времени прося пояснений, в которых вовсе не нуждался. «Биометрика» – настольный журнал рекламщика, один из основных наших источников информации. В нем приводятся данные о количестве населения, изменениях в уровне IQ, росте или падении смертности, причинах смерти и так далее. И почти все, над чем стонут и заламывают руки консы, для нас хорошие новости.

Рост населения – всегда хорошая новость. Чем больше людей, тем больше продаж. Падение уровня интеллекта – новость просто отличная! Чем меньше мозгов, тем, опять-таки, больше продаж. Однако консы смотрят на дело совсем иначе, и какое-то время мне придется делать вид, что я с ними согласен.

Через некоторое время я переключился на «Журнал космических полетов». Здесь новости были хуже некуда. В обществе царит равнодушие к космосу. Ощущается глухое сопротивление росту налогов, необходимому для финансового обеспечения полетов на Венеру. Ходят упорные слухи, что создать поселения на Венере не удастся, а если и удастся, колонисты скоро вернутся домой несолоно хлебавши.

Черт бы побрал Ранстеда!

Но хуже всего была новость на задней стороне обложки. Заголовок гласил: «*Джек О'Ши получил медаль Почета из рук президента. Прелестная подруга поздравляет его поцелуем*». И «прелестной подругой» оказалась не кто иная, как моя жена Кэти, прекрасная как никогда.

Выбравшись из подполья, я принялся за работу. Через три дня столовая уже гудела недовольством. Через неделю потребители начали вести крамольные речи вроде: «Эх, не повезло мне – чего стоило родиться на сотню лет раньше!», «Какого черта мы живем в такой теснотище? Повернуться негде!», «Блин, хотел бы я обзавестись хоть клочком земли, только собственным, и работать на себя!».

Консы были в восторге. За неделю я добился большего, чем они за год. Боуэн – он работал в отделе кадров – сказал мне:

– Нам нужны такие люди, как ты, Гроуби. Нельзя, чтобы парень с такой светлой головой гробил себя на работе черпальщика. Вот что: в ближайшие дни тебя вызовет направляющий на работу и спросит, знаешь ли ты химию питательных веществ. Отвечай, что знаешь. Я быстренько тебе все объясню. По крайней мере, уберем тебя подальше от палящего солнца.

Это произошло на следующей неделе, когда во всех спальнях уже только и слышалось: «Эх, хорошо бы прогуляться по лесу! Только представь, сколько там деревьев. Прикинь, а ведь когда-то на Земле росли леса!» или: «Черт, опять эта похлебка на соленой водице!» – а ведь раньше им и в голову не приходило жаловаться, что суп нам варят на морской воде.

Направляющий на работу подошел ко мне и спросил сухо:

– Гроуби, с химией питательных веществ знаком?

– Странно, что вы спросили, – ответил я. – Да, случалось изучать в свое время. Мне известны соотношения серы, фосфора, углерода, кислорода и водорода, оптимальные для роста водорослей, а также необходимая температура жидкого питания и…

– Ясно, ясно, – проворчал он и поскорее отошел. Знал я, может, не слишком много – но явно больше, чем он сам.

Еще неделю спустя, когда по нашему этажу ходил неприличный анекдот о тресте «Старрзелиус», меня перевели на восьмичасовую работу в центральную часть здания: я должен был считывать данные и управлять подачей в чаны с водорослями питательных веществ. Здесь работать было куда проще, да и приятнее. А вечерами я спускался к Цыпочке под крыло – уже почти без страха пользуясь свистком Гэллона – и переписывал фантастически бездарную Листовку Номер Один:

ДУМАЕШЬ, ЧТО ТЫ ДОСТОИН САМОГО ЛУЧШЕГО? Прочти и задумайся. Ты, и только ты сможешь ответить на эти простые, но важнейшие вопросы.

Ты – умный, дальновидный человек (мужчина или женщина) от 14 до 50 лет? Отважен, уверен в себе, готов трудиться без устали ради ВОПЛОЩЕНИЯ СВОЕЙ МЕЧТЫ? Можно ли доверить тебе ВЕЛИЧАЙШУЮ надежду нашего времени?

Если ты не готов вскочить и закричать: «ДА!!!» – можешь дальше не читать.

Но если твой ответ «ДА» – ты сам, твои родные и друзья стоят на пороге великого…

И так далее, и тому подобное. Боуэн читал открыв рот.

– Ты считаешь, действительно стоит обращаться лишь к тем, у кого интеллект выше среднего? – тревожно спросил он.

Я не стал ему объяснять, что единственная разница между этими приемами и стандартной рекламой для рабочих двенадцатого класса в том, что двенадцатому классу все то же самое надо излагать устно – они не умеют читать. Просто сказал, что все нормально.

– Гроуби, – произнес он торжественно, – ты прирожденный рекламщик! В Америке консервационистов ты получил бы звездный класс!

Я выказал подобающее случаю смущение. Он продолжал:

– Мне тебя больше учить нечему; я должен передать тебя в высшие эшелоны. Нельзя зарывать такой талант в нашей ячейке. Я направил о тебе рапорт… – он указал на коммуникатор, – и жду со дня на день, что тебя затребуют наверх. Иначе и быть не может. Очень жаль с тобой расставаться, но процесс уже пошел. Вот тебе «Настольный справочник работника “Хлореллы”»…

Сердце у меня подпрыгнуло. Я знал, что «Хлорелла» закупает сырье у нескольких нью-йоркских компаний.

– Спасибо, – пробормотал я. – Буду рад служить нашему делу, где смогу!

– Не сомневаюсь, Гроуби, – с отеческой лаской ответил Боуэн. – И еще одно, прежде чем уедешь. Это не официальная просьба, Джордж, но… Видишь ли, я тут немного пописываю. У меня сейчас с собой несколько небольших вещей… м-м… думаю, их лучше назвать набросками. Буду очень признателен, если ты их возьмешь и пробежишься по ним, может, что-то подскажешь…

Наконец я ушел, нагруженный толстым справочником и четырнадцатью «набросками» Боуэна. Как и следовало ожидать, это оказалась унылая мазня без единого проблеска таланта. Боуэн с энтузиазмом заверил, что у него есть еще, и много, и он будет очень рад, если мы поработаем над ними вместе!

Нажимать на клапаны трубок питания было куда легче, чем махать черпаком, да и от консовских обязанностей я почти освободился – Боуэн хотел, чтобы ничто не отвлекало меня от редактирования его «набросков». Так впервые у меня появился досуг и возможность изучить обстановку. Однажды Геррера взял меня с собой в город: так я наконец узнал, чем он занимается во время пресловутых отлучек по выходным. Новость эта меня поразила, хотя отвращения не вызвала – скорее, напомнила о той пропасти, что отделяет потребителя от человека из высших сфер: пропасти, через которую не перекинуть мост эфемерной «дружбы».

Выйдя из старинного пневмопоезда под моросящий костариканский дождичек, мы сперва направились в третьеразрядный ресторан поесть. Геррера взял нам обоим по картофелине и настоял на том, что заплатит.

– Нет, Хорхе, я угощаю. Считай, у нас сегодня праздник. Ты ведь не донес на меня, когда получил листовку? Вот это и празднуем!

За ужином Геррера был необычайно весел: болтал и сыпал шутками на двух языках и со мной, и с официантами. Блеск его глаз, неудержимый поток слов, легкий и радостный смех – все это напоминало мне юношу перед свиданием с любимой.

Юноша перед свиданием… Невольно вспомнилось наше с Кэти первое свидание в Центральном парке: как мы бродили рука об руку по тускло освещенным коридорам, как прижимались друг к другу в танц-зале, как потом целый час стояли у ее дверей, не в силах расстаться…

Геррера пихнул меня в плечо; подняв глаза, я увидел, что и он, и официант покатываются со смеху. Я тоже засмеялся, чтобы от них не отставать, и они расхохотались еще пуще. Должно быть, Геррера только что отпустил какую-то шутку.

– Ладно, Хорхе, неважно, – сказал он наконец, посерьезнев. – Теперь пойдем. Я кое-что покажу – и, спорить готов, тебе это понравится!

Он расплатился по счету, и официант поднял бровь.

– В заднюю комнату?

– Туда, – подтвердил Геррера. – Пошли, Хорхе.

Официант повел нас извилистым путем между столиками, открыл заднюю дверь, быстро прошипел Геррере что-то по-испански.

– Не беспокойся, – ответил тот. – Долго мы не задержимся.

«Задняя комната» оказалась… библиотекой.

Я понимал, что Геррера не сводит с меня глаз, и старался не выдать свои чувства. Даже просидел там с ним около часа, листая

стопку старых журналов, пока он не отрывался от ветхого, едва червями не изъеденного томика с заглавием «Моби Дик». В журналах я с облегчением обнаружил образцы рекламы былых времен: большая часть безнадежно устарела, но некоторые картинки, например: «*Частые речевые ошибки – вы тоже их делаете?*» или: «*У вас чихает мотор? Вылечим!*», пожалуй, неплохо смотрелись бы на стене моего кабинета в Шокен-Тауэр. И все же в присутствии такого количества древних книг без единой рекламной вклейки мне стало не по себе. Знаете, я не ханжа и не возражаю против уединенных развлечений, тем более служащих какой-то полезной цели, но есть же предел всему!

В конце концов я сказал, что у меня заболела голова – пойду-ка лучше домой. Геррера, кажется, мне не поверил. Позже, уже почти ночью, когда он, пошатываясь, словно пьяный, вошел в спальню, я отвернулся к стене и притворился спящим. С тех пор мы почти не разговаривали.

Неделю спустя – после того, как в столовой едва не вспыхнул бунт, вызванный слухом, что в лепешки нам подсыпают опилки, – меня вызвали к начальству.

Час я прождал в приемной, а затем предстал перед заместителем начальника отдела кадров.

– Гроуби?

– Да, мистер Майло.

– Отлично работаете, Гроуби. Я просмотрел отчеты о вас – весьма, весьма примечательно. За последние месяцы ваша производительность повысилась вчетверо.

Это было дело рук Боуэна: отчеты о работниках составлял он. Пять лет понадобилось ему, чтобы пробраться на эту должность.

– Благодарю вас, мистер Майло.

– Всегда пожалуйста. Так вот: у нас тут намечается вакансия. Один парень на севере явно не справляется с работой.

Не с работой, а с призраком работы, с тенью на бумаге, старательно вычерченной Боуэном. Похоже, консы-то и вправду сила!

– Скажите, Гроуби, нет ли у вас, случайно, интереса к продажам?

– Странно, что вы об этом спрашиваете, мистер Майло, – ровным голосом ответил я. – Очень люблю продажи, всегда считал, что у меня есть к этому склонность.

Он посмотрел на меня скептически: слишком уж стандартный ответ. Затем начал сыпать вопросами – а я давал ответы, вызубренные по справочнику «Хлореллы». Он по нему учился лет двадцать назад, а я всего неделю назад, так что у меня было явное преимущество. И часа не прошло, как он убедился, что Джордж

Гроуби – последняя надежда компании «Хлорелла», единственный, кто сможет закрыть грудью образовавшуюся брешь.

Тем же вечером я рассказал об этом в ячейке.

– Значит, в Нью-Йорк! – лучась улыбкой, сказал Боуэн. – Значит, Нью-Йорк!

«Значит, Кэти!» – подумал я и невольно вздохнул.

А он продолжал:

– Теперь тебе нужно кое-что выучить. Прежде всего – опознавательные сигналы.

Сигналов оказалось множество. Лицом к лицу – особым образом сложенные пальцы или особенное рукопожатие. Чуть подальше – взмах рукой, означающий: «Тревога!» На расстоянии консы общались друг с другом с помощью рекламных объявлений в газетах – весьма остроумная шифровка! Боуэн заставил меня несколько раз повторить знаки и выучить код шифра. Мы сидели почти до утра. Уже проходя через Цыпочку, я вдруг сообразил, что сегодня вообще не видел Герреру. Когда мы вышли, я спросил, не случилось ли с ним чего.

– Он не справился, – коротко ответил Боуэн.

Я промолчал. Уже знал, что это значит у консов. «Такой-то не справился» – сокращенная формула, означающая примерно: «Долгие, долгие годы Такой-то вел двойную жизнь, тайно работая на ВОК. Жертвовал на правое дело свои двадцати- и пятицентовики, отказываясь от тех немудреных удовольствий, что мог на них купить. Не женился, не спал с женщинами, потому что боялся выдать секрет. Его мучили сомнения столь глубокие и страшные, что он не решался поделиться ими ни с нами, ни даже с самим собой. Сомнения и страхи росли, пока наконец, объятый отчаянием, он не наложил на себя руки».

– Геррера не справился… – тупо повторил я.

– Не бери в голову, – резко ответил Боуэн. – Ты едешь на север. Тебя ждут великие дела!

В этом я был с ним полностью согласен.

Глава десятая

В Нью-Йорк я летел, можно сказать, как приличный человек: в дешевом офисном костюме, в салоне четвертого класса туристической ракеты. Ярусом выше меня респектабельные костариканские потребители ахали и охали, разглядывая пейзажи в призматических иллюминаторах, или пересчитывали свои гроши, гадая, смогут ли оплатить развлечения, которые предлагает северный Колосс.

У нас, внизу, было попроще и погрубее, но все-таки не походило на трюм для рабочего скота. Окон здесь не было, зато были электричество, пепельницы, автоматы с напитками и сигаретами. Перед вылетом сотрудник службы охраны произнес перед нами небольшую речь:

– Итак, ребята, вы летите на север, туда, где законы Коста-Рики не действуют. Работа у вас будет получше, чем здесь. Однако не забывайте: это такая же работа. Хочу, чтобы каждый из вас на носу зарубил: вы у «Хлореллы» в долгу и принадлежите ей со всеми потрохами. Если кто-нибудь соберется нарушить контракт, ему придется узнать, как быстро и легко США передают другим странам преступников, нарушивших Коммерческий кодекс. А если кто-то думает, что ему удастся просто раствориться в воздухе, – что ж, попробуйте. «Хлорелла» платит «Детективному агентству Бернса» девять миллиардов в год, и Бернс честно отрабатывает каждый цент. Так что, парни, ежели захотите пробежаться – вперед, но в конце дистанции будем ждать мы. Ясно?

Тут не поспоришь: все было кристально ясно.

– Теперь загружайтесь, и удачи вам. Направления у вас с собой. Передавайте привет Бродвею.

Мы без происшествий долетели до места и приземлились на ракетодроме в Монтоке. Сперва ждали, пока потребители из верхних салонов выйдут и заберут свой багаж. Потом ждали, пока инспектора продуктовой таможенной службы с красно-белыми повязками на рукавах не закончат пререкаться с нашими стюардами из-за того, что не сходится число пайков: четверо наших умерли в дороге, и стюарды, разумеется, припрятали их котлеты из Цыпочки, чтобы загнать на черном рынке. Потом просто сидели и ждали.

Наконец раздался приказ строиться по пятьдесят человек и выходить. Мы построились, на запястье каждому шлепнули штамп въездной визы; потом мы группами по десять человек вышли из ракетопорта и погрузились в подземку. Мне повезло:

наша группа попала в просторный товарный вагон.

На бирже труда нас рассортировали согласно направлениям и выдали бирки служащих. Испуганный ропот пронесся по толпе, когда мы услышали, что контракты двадцати человек «Хлорелла» продала концерну «И.Г. Фарбен»: никому не хотелось оказаться на урановых рудниках! Но о себе я не тревожился.

Человек рядом со мной хмуро смотрел, как охрана отбирает, сгоняет в кучку и уводит два десятка неудачников.

– Обращаются с нами как с рабами, – сказал он с горечью, дернув меня за рукав. – Это же преступление! Как по-твоему, приятель? Унижают достоинство рабочего человека.

Я бросил на него свирепый взгляд. Парень, похоже, конс!.. Потом я вспомнил, что и сам теперь конс, задумался, не обменяться ли с ним условным рукопожатием, однако решил воздержаться. Стоит запомнить этого человека и подойти к нему, если понадобится помощь, но если открыться прежде времени, он еще, пожалуй, сам пойдет за помощью ко мне.

Мы доехали до пригорода Найак и попали в помещение местного завода «Хлореллы».

В хорошем хозяйстве ничего не пропадает. Под Нью-Йорком, как и под каждым городом мира, имеется сеть канализационных труб со сложной системой отстойников и фильтров. Как и любому гражданину, мне было известно, как органические отходы двадцати трех миллионов жителей Нью-Йорка путешествуют по этой кровеносной системе города; как соли нейтрализуются путем ионообмена, жидкость подается по трубам на водорослевые плантации Лонг-Айленда, а все, что осталось, перекачивается в цистерны, грузится на корабли и морем отправляется на Коста-Рику кормить «Хлореллу». Об этом я знал, но теперь увидел своими глазами.

Должность моя называлась «экспедитор-заготовщик девятого класса». Работа состояла в том, чтобы соединять гибкие шланги, по которым перекачивались отходы. Вечером первого же дня я истратил недельную зарплату на запас носовых заглушек: все запахи они не убивали, но хотя бы помогали остаться в живых.

На третий день после смены я отправился в душ. Я все рассчитал: после шести часов работы у цистерн, где продуктовых автоматов, естественно, нет – по той простой причине, что ни один нормальный человек не сможет ни есть, ни пить, ни курить в такой вонище, рабочие, плотно подсевшие на замкнутый круг «попси – хрустяшки – «Старр», первые полчаса будут судорожно удовлетворять свои потребности в еде, питье и сигаретах. О душе никто не вспомнит. Сурово подавляя в себе ту же жажду, не столь глубоко укоренившуюся, ибо на развитие подобных привычек у

меня было куда меньше времени, я ухитрялся мыться почти в одиночестве – а потом, когда вся толпа валила в душ, спокойно направлялся к автоматам. Казалось бы, такая простая мысль – но ведь никто, кроме меня, не додумался. Что может нагляднее доказать существенную разницу между простым потребителем и интеллектуалом – тружеником рекламы?

Хотя, конечно, верно и то, что я просто не успел как следует подсесть на «попси».

В душе, кроме меня, был только один человек – просто раздолье! Когда я вошел, он передал мне мыло: я намылился и встал под тугую струю воды из рециркуляторов. О своем соседе я почти забыл.

Однако, когда я возвращал ему мыло, он коснулся средним пальцем моего запястья, а указательным обвел вокруг моего большого. Условный знак!

– О, – воскликнул я, растерявшись. – Вы кон…

– Ш-ш-ш! – прошипел он и сердито указал на микрофон, свисающий с потолка.

Затем повернулся ко мне спиной и вновь принялся тщательно намыливаться.

Когда он вернул мне мыло, к нему был прилеплен клочок бумаги. В раздевалке я разгладил его и прочел:

> *«Сегодня день отпуска в город. Идите в музей Метрополитен, в зал классической рекламы. Ровно за пять минут до закрытия остановитесь перед рекламным плакатом „Мейденформ“».*

Едва одевшись, я встал в хвост очереди, выстроившейся перед столом надзирателя. Не прошло и получаса, как у меня был пропуск с печатью, избавлявшей от необходимости присутствовать на вечерней поверке. Я вернулся к себе, чтобы забрать вещи, предупредил нового обитателя моей койки, что парень ярусом выше кричит во сне, сдал сумку на хранение и сел на подземку, идущую в Бронксвилль. Там пересел на местный поезд, проехал одну станцию, пересел на обратный поезд и добрался до Шокен-Тауэр. Вроде бы никто за мной не следил. Я и не ожидал слежки, просто решил, что лучше перебдеть.

До встречи с консами в музее Метрополитен оставалось почти четыре часа. Я торчал в холле здания, пока ко мне не направился коп, давно уже подозрительно косившийся на мой дешевый костюм. Надеялся увидеть Эстер, может, даже самого Фаулера Шокена… Не повезло. Вокруг проходило немало знакомых, но все не те, которым я мог бы безоговорочно доверять. А я понимал: пока не выясню, что стоит за подставой на леднике

Старрзелиус, открывать, что я жив, не стоит.

– Эй, оборванец, – рявкнул на меня коп из «Пинкертона», – тебе чего здесь надо? Что рекламировать собрался?

– Извините, – пробормотал я и поспешил к дверям на улицу, рассчитывая, что протискиваться за мной через переполненный холл он не станет.

Так и вышло. Ближе к выходу я обогнул комнату отдыха, где группа потребителей, дегустируя образцы кофиэста, смотрела романтическую комедию о пользе «бэби-стоп», и бросился к служебным лифтам.

– Восьмидесятый! – приказал я лифтеру… и тут же сообразил, что совершил дурацкую ошибку.

– Вы находитесь в кабине номер пять, – послышался из динамика резкий голос оператора лифтов. – Служебные кабины поднимаются только до семидесятого этажа. Что вам нужно?

– Да посыльный я, – ответил я несчастным голосом. – Должен забрать кое-что из кабинета мистера Шокена. Я же им говорил, что парня вроде меня к мистеру Шокену не пропустят! «У него, – говорю я им, – небось двадцать пять секретарей, и каждый только на меня посмотрит и сразу скажет…»

– Экспедиция у нас на сорок пятом этаже, – чуть помягче отозвался лифтер. – Встаньте перед дверью, чтобы я мог вас видеть.

Деваться было некуда: я подошел к двери и замер перед камерой. Кажется, из динамика донесся какой-то звук, но, что там происходит, понять было мудрено. Комната лифтеров находится внизу, за тысячу футов подо мной – оттуда они, нажимая кнопки, отправляют сверкающие кабины лифтов вверх и вниз по узким шахтам. Я никогда там не бывал – и сейчас отдал бы свою годовую зарплату, чтобы туда заглянуть.

Так я простоял добрых полминуты. Наконец снова раздался равнодушный голос лифтера:

– Ладно. Возвращайтесь в кабину. Сорок пятый этаж, первый поворот налево.

Я вышел на сорок пятом, провожаемый осоловелыми от кофиэста взглядами соседей-потребителей. Встал на траволатор, едущий налево, и, миновав дверь с надписью «Экспедиция», оказался на перекрестке коридоров, где траволатор заканчивался. Некоторое время пришлось искать лестницу: за это время я успел освежить в памяти немало ругательств и изобрести парочку новых. Пользоваться лифтами я больше не рисковал.

Случалось ли вам когда-нибудь взбираться по лестнице на тридцать пять этажей вверх?

К концу пути мне стало совсем худо. И не только потому, что

отваливались ноги, но и потому, что времени оставалось в обрез, а я пока ничего не добился.

Время близилось к десяти, и ночные жильцы – небогатые потребители, живущие на лестницах небоскребов, – начали возвращаться домой и укладываться на ночлег. По счастью, выше семьдесят восьмого ночных жильцов не было. Верхние этажи безраздельно принадлежали руководству компании.

Я крался по коридорам, остро сознавая, что любой, кто обратит на меня внимание, либо узнает, либо вышвырнет. Мне везло: навстречу попадались лишь клерки, и все незнакомые.

И все же недостаточно везло. Кабинет Фаулера Шокена оказался заперт.

Скрывшись от посторонних глаз в пустом кабинете его секретарши, я задумался о том, что делать дальше. Обычно после работы Фаулер заходит в клуб, чтобы загнать несколько мячей в лунки. Правда, сейчас уже поздновато, но я решил, что проверить имеет смысл, ведь клуб всего четырьмя этажами выше.

Так я и сделал.

Клуб наш был шикарным местечком – и неудивительно: членство в нем стоило целого состояния. Помимо площадки для гольфа, теннисного корта и других спортивных сооружений, всю северную часть зала занимал лес – роскошный зеленый лес из полутора десятков искусственных деревьев; имелись и штук двадцать кабинок для отдыха, где можно было читать, смотреть кино или еще как-нибудь развлекаться.

Двое мужчин и две женщины играли в гольф. Тихо, как только мог, я подобрался поближе к их креслам. Они меня не замечали: уткнулись в панели управления, сосредоточившись на фигурках своих механических игроков. На табло у них над головами высвечивался счет. У меня упало сердце: у всех по девяносто с чем-то очков! Новички. У Фаулера Шокена отродясь больше восьмидесяти не бывало. Видимо, его здесь нет, и действительно, подойдя еще ближе, я понял, что оба игрока-мужчины мне незнакомы.

Так же тихо я отошел в тень, прикидывая, что же делать дальше. Огляделся вокруг: Шокена нигде не видно.

Возможно, он в одной из кабинок для отдыха. Но не ломиться же туда, чтобы проверить! Первый же член клуба, чье уединение я таким образом нарушу, меня отсюда вышвырнет – если только Господь не улыбнется мне с небес и в первой же кабинке я не встречу Шокена.

В этот миг со стороны поля для гольфа до меня донеслись громкие голоса. Одна из девушек забила четырехдюймовый патт: теперь она сияла, а остальные ее поздравляли. Девушка

наклонилась, потянула за рычаг, возвращающий механических игроков на свои места, другим рычагом повернула поле так, что образовался сильный наклон к тринадцатой лунке… и в этот миг я увидел ее лицо. Эстер, моя верная секретарша!

Наконец-то мне улыбнулась удача! Я пока не понимал, как Эстер попала в элитный клуб, но во всем остальном знал ее как свои пять пальцев. Я спрятался в нише неподалеку от входа в женский туалет. Ждать пришлось всего десять минут.

Разумеется, она упала в обморок. Чертыхнувшись, я подхватил ее и втащил в нишу. Там была кушетка: на нее я уложил Эстер. Еще там была дверь: ее я закрыл.

Эстер заморгала, приходя в себя.

– Митч! – прошептала она так, словно готова была разрыдаться.

– Я не умер, – заверил я, успокаивающе погладив ее по руке. – Умер кто-то другой, и его труп выдали за мой. Пока не знаю зачем… Это в самом деле я, Митч Кортни, твой шеф. Могу доказать. Например, помнишь корпоратив на прошлое Рождество? Ты еще очень беспокоилась о…

– Не важно, – торопливо ответила она. – Господи, Митч… я хотела сказать, мистер Кортни…

– Просто Митч.

Я отпустил ее руку, она села и уставилась на меня во все глаза.

– Послушай, – заговорил я, – против меня ведут какую-то на редкость грязную игру. Мне нужно увидеть Фаулера Шокена. Можешь это устроить – прямо сейчас?

– Я… – Эстер сглотнула и потянулась за сигаретой. Я машинально протянул ей «Старр». – Нет, Митч. Ведь мистер Шокен на Луне! Это как-то связано с проектом «Венера». После того как вы погибли… то есть… ну, вы понимаете… руководителем проекта мистер Шокен назначил мистера Ранстеда, но скоро дела пошли так плохо, что он решил взять проект в собственные руки. Я передала ему все ваши записи. Уехал мистер Шокен пару дней назад – и точно помню, что то ли он сам, то ли кто-то с ним рядом упоминал Луну.

– Черт! – проговорил я. – А кого он оставил вместо себя? Харви Брюнера? Можешь с ним связа…

Эстер замотала головой:

– Нет, Митч, не мистера Брюнера. Теперь всем у нас руководит мистер Ранстед. Мистер Шокен улетал в страшной спешке, и никого другого рядом не было, поэтому он передал дела мистеру Ранстеду. Могу сейчас же с ним связаться!

– Не надо, – ответил я.

Бросил взгляд на часы – и застонал. Пора было бежать в Метрополитен.

– Послушай, – заговорил я, – сейчас мне нужно идти. Никому ничего не говори, ладно? Я с тобой еще свяжусь. Вот что: позвоню тебе, назвавшись – как зовут врача твоей матери? – доктором Гэллантом. Мы договоримся, где встретиться, и там я тебе объясню, что делать дальше. Эстер, я ведь могу на тебя положиться?

– Конечно, Митч, – с волнением в голосе ответила она.

– Вот и отлично, – сказал я. – А теперь помоги мне спуститься вниз на лифте. Идти вниз пешком просто нет времени, а если меня заметят в клубе в таком виде, у меня будут неприятности. Кстати, – припомнил я вдруг, – а ты-то как оказалась в клубе?

Эстер покраснела.

– Ну… знаете, как это бывает, – со вздохом ответила она. – Вы умерли, секретарша вам больше не требовалась, все прочие секретарские места были уже заняты. А снова стать потребителем я не могла – нужно оплачивать счета! Вот… и тут я узнала, что здесь открылась вакансия…

– Понятно, – ответил я, от души надеясь, что мои чувства не отразились на лице.

«Будь ты проклят, Мэтт Ранстед!» – мысленно повторял я, думая о матери Эстер, и о парне, за которого Эстер когда-нибудь выйдет замуж, и о том, как страшно несправедливо, когда негодяй вроде Ранстеда, вообразив себя вершителем судеб, сбрасывает людей, заслуживающих самого лучшего (вроде меня), или людей скромных, но достойных (вроде Эстер) на уровень жалких потребителей.

– Не беспокойся, Эстер, – мягко сказал я. – Я теперь у тебя в долгу. И, поверь, этого не забуду. Сделаю для тебя все, что в моих силах.

Как ей помочь, я знал. Немалому числу девушек, заключивших контракт по форме ZZ, удается избежать его автоматического продления и снижения уровня. Выкупить контракт Эстер до истечения года едва ли возможно – это будет стоить мне целого состояния; однако некоторые девушки после первого года работы переходят на повышение, в категорию личных содержанок. А я, в конце концов, достаточно большая шишка: если я предложу Эстер какому-нибудь главе отдела или руководителю местного отделения, скорее всего, он не откажется от моего предложения и не посмеет обращаться с ней дурно.

Сентиментальности в деловых вопросах я не терплю, зато в личных – вы, должно быть, уже заметили – иногда бываю даже чересчур мягкосердечен.

Эстер настояла на том, чтобы ссудить меня деньгами, так что в Метрополитен для экономии времени я поехал на велотакси. Хоть я и заплатил таксисту вперед, он не удержался от язвительного замечания о потребителях, которые слишком много о себе понимают и швыряются деньгами. Если бы я не так спешил, непременно преподал бы ему урок.

Я всегда любил Метрополитен. К религии я равнодушен – возможно, отчасти потому, что в этой области подвизается Таунтон, – но старинные шедевры вызывают во мне чувство сродни религиозному. Они возвышают и облагораживают, дарят благоговение и душевный мир. Приехал я на несколько минут раньше срока – и провел эти минуты перед бюстом Дж. Вашингтона Хилла[18], в такой же безмятежности, как в тот роковой день на Южном полюсе.

Ровно за пять минут до полуночи я встал перед большим плакатом «Мейденформ» позднего периода – номером тридцать пять в каталоге: «*Снилось, что я на заснеженном берегу сижу с удочкой в лифчике от Мейденформ*». Через несколько секунд за спиной у меня, в коридоре, кто-то начал насвистывать. Звуки не складывались в мелодию, однако в них снова и снова повторялась короткая музыкальная фраза – опознавательный сигнал, который я выучил в норе под Цыпочкой на Коста-Рике.

Оглянувшись, я увидел музейную служительницу. Она улыбнулась мне.

Для внешнего наблюдателя все выглядело как обычное знакомство мужчины и женщины. Мы взялись за руки, и я ощутил, как она выстукивает пальцами у меня на запястье закодированное послание:

«М-О-Л-Ч-И. К-О-Г-Д-А Я У-Й-Д-У, З-А-Й-Д-И В З-А-Д-Н-Ю-Ю К-О-М-Н-А-Т-У, С-И-Д-И Т-А-М И Ж-Д-И».

Я кивнул. Женщина подвела меня к двери, обшитой пластиком, отворила ее и указала внутрь. Дождавшись, пока она уйдет, я нырнул туда.

Внутри сидели на стульях десять-пятнадцать потребителей, а перед ними выступал пожилой потребитель с профессорской бородкой. Я отыскал себе место в заднем ряду и сел. Никто не обратил на меня особого внимания.

Лектор рассказывал что-то из истории докоммерческого периода – на мой взгляд, скука смертная. Слушал я вполуха, исподтишка разглядывая людей вокруг и стараясь найти в них что-то общее. Все они консы, в этом я не сомневался – иначе как здесь оказались? Однако печати фанатизма – лихорадочного блеска глаз, зло кривящихся губ или еще чего-то подобного – я в их лицах не замечал. Самые обычные потребители, с обычным

голодным взглядом, привыкшие к соевым бургерам и дрожжевому кофе. Пройдя мимо любого из них на улице, я бы на него не оглянулся. И все же – я в Нью-Йорке, а Боуэн уверял меня, что здесь обитает верхушка консов, Троцкие и Томы Пейны[19] консервационистского подполья.

Было у меня и еще одно соображение. Когда я выкручусь из этой передряги – доберусь наконец до Фаулера Шокена и вернусь на свое законное место, – пожалуй, если правильно разыграю свою партию, мне удастся разоблачить весь мерзкий консервационистский заговор. С этой мыслью я присматривался к соседям повнимательнее, стараясь запечатлеть в памяти их лица.

Должно быть, последовал какой-то сигнал: я его пропустил. Лектор вдруг замолчал на полуслове, а из первого ряда поднялся невысокий пухлый человечек с козлиной бородкой.

– Ладно, – заговорил он будничным тоном, – все мы в сборе, так что нет смысла дальше попусту тратить время. Мы ведь стремимся сохранять, а не терять, – поэтому мы здесь.

По залу пролетел смешок. Разбавив атмосферу шуткой, новый оратор резко посерьезнел.

– Не шумим, – предупредил он, – и не называем имен. Если вам понадобится к кому-то обратиться, используйте номера. Меня называйте «Первый», вы, – он ткнул в человека на соседнем стуле, – будете «Вторым», и так далее по рядам, вплоть до последнего. Все ясно? А теперь слушайте внимательно. Мы собрали вас вместе, потому что все вы здесь новички. Теперь вы – игроки большой лиги. Здесь, в Нью-Йорке – мировой центр нашей организации, ее штаб-квартира. Выше нас ничего нет. Все вы оказались здесь, поскольку обладаете какими-то особыми заслугами или талантами: какими именно – каждый из вас знает лучше меня. Здесь и сейчас вы получите задания. Но прежде чем вы приступите к работе, вот что я хочу подчеркнуть: мы незнакомы. У себя в ячейках все вы пользовались большим авторитетом; тем не менее мне известно по опыту, что руководители на местах порой бывают чересчур легковерны. Если они в вас ошиблись… Впрочем, к чему объяснять – вы сами все понимаете, верно?

Все согласно закивали. Я тоже кивнул, глядя на толстячка с бородкой во все глаза, чтобы хорошенько запомнить его лицо.

Затем толстячок принялся вызывать нас, номер за номером. Новобранцы один за другим подходили к нему, перекидывались с ним парой слов, а затем по двое и по трое куда-то исчезали. Меня вызвали почти последним: кроме меня, в зале оставалась только косоглазая девица с волосами, выкрашенными в ярко-оранжевый.

– Теперь вы двое, – сказал толстячок. – Вы будете работать в

команде, так что вам надо знать, как друг друга зовут. Гроуби, познакомьтесь с Корвин. Гроуби – своего рода рекламщик. Селия – художница.

– Ага, – сказала Селия, прикуривая одну сигарету от другой.

Я заметил, что даже беспрерывно куря, она умудрялась жевать жвачку. Идеальная была бы потребительница, если бы консы не запудрили ей мозги!

– Уверен, мы поладим, – доброжелательно сказал я.

– Несомненно, – ответил толстячок. – А что вам остается? Вы же понимаете, Гроуби, как это все устроено. Чтобы дать вам шанс проявить себя на благо нашего дела, нам придется рассказать и показать вам много такого, о чем не хотелось бы прочесть в утренних газетах. Если вы не сработаетесь с нами, Гроуби, – продолжал он с самой добродушной улыбкой, – то сами понимаете, в какое положение себя поставите. Тогда нам придется принять меры.

И он постучал пальцем по пробке небольшого флакона с бесцветной жидкостью, стоящего на столе.

– Да, сэр, – ответил я, и голос мой был немногим громче этого стука, ибо я догадывался, что за жидкость скрывается во флаконе.

Впрочем, пока особых проблем не было. Три часа провели мы в напряженной работе, а затем мне пришлось напомнить, что если я не попаду в барак к утренней поверке, у меня будут большие неприятности. После этого меня отпустили.

Однако к утренней поверке я так и не попал. Я вышел из музея, вдохнул прохладный воздух весенней ночи. Несмотря ни на что, я был бодр и доволен жизнью. Вдруг из привычного серого тумана вынырнула высокая фигура. Лицо, искаженное злобной ухмылкой, было мне знакомо: таксист, что привез меня в музей.

– Доброй ночи, мистер Кортни! – протянул он.

А затем один из тех древних обелисков, что я видел в музее – или что-то вроде этого, – обрушился мне на затылок.

Глава одиннадцатая

– …очнется через пару минут, – произнес чей-то голос.

– Ну как, готов он для Хеди?

– Что ты! Конечно, нет.

– Да я просто спросил.

– Ты же сам знаешь, как это делается. Сначала им вкалывают амфетамин, плазму, иной раз даже лошадиную дозу ниацина. Хеди не любит, когда они вырубаются. Ох, как она злится!

Послышался смешок. Нервный, пожалуй, даже испуганный.

Я открыл глаза и воскликнул:

– Слава богу!

Ибо увидел над собой потолок того неповторимого оттенка, какой встречается только в переговорных и конференц-залах рекламных агентств – цвета серого вещества нашего мозга. Я в безопасности – в надежных руках «Фаулер Шокен ассошиэйтед»! Или… или нет? Физиономия, склонившаяся надо мной, была мне определенно незнакома.

– Чему радуешься, Кортни? – поинтересовалась физиономия. – Ты что, не понял, куда попал?

Теперь я понял все! В самом деле, догадаться было несложно.

– К Таунтону?! – простонал я.

– Вот именно!

Я попытался пошевелить руками и ногами, но не смог. Тело не повиновалось; пока не ясно, накачали меня чем-то или просто завернули в пласти-кокон.

– Послушайте, – решительно заговорил я. – Не знаю, что вы затеяли, но советую прекратить. Очевидно, это похищение в деловых целях. Дальше вам придется либо отпустить меня, либо убить. Если убьете меня без Объявления Войны, вас всех обколют церебрином – так что убивать меня вы точно не станете. Рано или поздно вам придется меня отпустить. Так вот, советую сделать это прямо сейчас.

– Убить тебя, Кортни? – с насмешливым удивлением повторил мой «тюремщик». – Это как же? Разве можно убить мертвеца? Ты ведь уже мертв – окочурился на леднике Старрзелиус, забыл?

Я снова попытался пошевелиться – и снова напрасно.

– Вам выжгут мозги! – предупредил я. – Вы что тут, все с ума посходили? Хотите, чтобы вам выжгли мозги? Кто может хотеть для себя такой участи?

– А вот тут, Кортни, – погано ухмыльнулся «тюремщик», – тебя ждет сюрприз! – И бросил кому-то в сторону: – Скажи Хеди,

он скоро будет готов.

Я ощутил на себе чужие руки, затем послышался щелчок, и мне помогли сесть. Давление на суставы подсказало, что я в пласти-коконе, а значит, лучше поберечь силы. Сопротивляться бесполезно.

Пискнул сигнал открывающейся двери, и «тюремщик» приказал:

– Теперь, Кортни, будь повежливее и держи язык на привязи. Сюда идет мистер Таунтон.

В переговорную ввалился Б. Дж. Таунтон собственной персоной, по своему обыкновению, пьяный. Выглядел точь-в-точь как на сотнях банкетов, где мне случалось слышать его выступления: огромный, тучный, с багровой физиономией, расфранченный в пух и прах.

Он встал передо мной, широко расставив ноги, уперев руки в бока и слегка покачиваясь, и долго меня разглядывал.

– Кортни! – сказал он наконец. – Какая встреча! Жаль, парень, из тебя мог бы выйти толк, если бы не связал свою судьбу с этим ублюдком Шокеном! Жаль, Кортни, очень жаль.

Таунтон был пьян как свинья, позорил нашу профессию, на его совести было множество преступлений – и все же, отвечая ему, я услышал в собственном голосе нотки уважения к крупному предпринимателю:

– Сэр, должно быть, вышло какое-то недоразумение. Мы ведь не провоцировали «Таунтон ассошиэйтед» на коммерческое убийство, верно?

– Тут ты прав, – отвечал он, скривив губы и все так же покачиваясь. – Ничего такого, что закон считает провокацией, вы не делали. Этот ублюдок Шокен всего-навсего стянул мои разработки, перекупил моих сенаторов, склонил к лжесвидетельству моих свидетелей в сенатской комиссии – и украл у меня Венеру! – Его голос сорвался. Таунтон глубоко вздохнул и продолжил: – Нет, никаких провокаций. Что ты! От уничтожения моих людей Шокен решительно воздерживается. Умница Шокен, благородный, законопослушный… гребаный Шокен! – снова взвизгнул он.

Его блуждающий остекленелый взгляд остановился на мне.

– И ты не лучше своего хозяина! Из всех подлых, мерзких, дешевых трюков, какие разные мерзавцы пытались со мной провернуть… – тут он ткнул себя пальцем в грудь и от этого жеста едва не потерял равновесие, – не припомню ничего грязнее твоей выходки! Я собирался тебя честно убить. Все продумал, все спланировал. А ты, свинья паршивая, поджал хвост, словно шелудивый пес, бежал, как заяц, и забился в нору, как крыса!

«Что он такое несет? – мелькнуло у меня в голове. – Не иначе все-таки рехнулся от многолетнего пьянства!»

– Сэр, – пробормотал я, – не уверен, что понимаю, о чем вы.

Б. Дж. Таунтон как-то покосился и начал опускаться; один из его людей вовремя подставил под его обширную задницу стул.

– Знаешь, Кортни, – проговорил он, сопровождая свои слова широким жестом, – в душе я художник.

– Разумеется, мистер… – автоматически вылетело у меня изо рта. Я едва не сказал «Шокен», но вовремя опомнился и поправил себя: – Разумеется, мистер Таунтон.

– В душе я художник, – мечтательно повторил он. – Я тку видения, создаю фантастические сны.

Странное чувство охватило меня при этих словах: на миг показалось, что передо мной сидит Фаулер Шокен, а не его злейший враг, человек, противостоящий всему, за что боремся мы в «Шокен ассошиэйтед».

– Я хотел Венеру, Кортни, а Шокен украл ее у меня! Что ж, я ее верну. Проект «Венера», затеянный Шокеном, провалится – и это будет грандиозный провал! Ни одна ракета не оторвется от земли, даже если мне придется перекупить всех его подчиненных и перебить всех глав отделов. Потому что я художник, а он бездарный маляр!

– Мистер Таунтон, – твердо сказал я, – нельзя просто так взять и перебить всех глав отделов. За это выжигают мозги. Вводят церебрин. Никто не станет так рисковать ради вас. Никто не захочет двадцать лет жить в аду.

Таунтон меня словно не слышал.

– Разве я не нанял вертолетчика, чтобы он сбросил на тебя контейнер? – мечтательно продолжал он. – А потом разве не нашел безработного бродягу, согласного выстрелить в тебя через окно? К сожалению, оба промахнулись. А потом ты меня кинул – трусливо сбежал на этот чертов ледник!

Я промолчал. Бегство на ледник определенно было не моей идеей. Бог знает чья это была идея – чтобы Ранстед треснул меня лыжами по башке и запродал «Хлорелле» под чужим именем, подсунув на мое место чей-то труп.

– Ты почти от нас ушел! – продолжал изливать душу Таунтон. – Если бы не пара смиренных и верных слуг – таксист и кое-кто еще, – нам бы в жизни до тебя не добраться. У меня, Кортни, есть свои приемы. Что-то мне удается лучше, чем другим, что-то хуже. Однако величие художника – в простоте, Кортни. А я художник. Это мое предназначение: видеть сны и ткать иллюзии. Вот ты говоришь: «Никто не захочет, чтобы ему выжгли мозги». Все оттого, что воображения тебе недостает. А я отвечаю:

«Найдите мне того, кто захочет, чтобы ему выжгли мозги! Найдите – и вместе с ним мы сотворим чудеса!» А все почему? Потому что я гений!

– Кто захочет, чтобы ему выжгли мозги, – тупо повторил я. – Но кто захочет, чтобы ему выжгли мозги?

– Объясни ему, – приказал Таунтон одному из своих громил. – Пусть убедится, что мы тут не шутки шутим.

– Все дело в количестве населения, Кортни, – сухо начал тот. – Слышал когда-нибудь об Альберте Фише?[20]

– Нет.

– Это феномен предрассветной поры, древнейших времен Века Разума – 1920-е годы или около того. Альберт Фиш протыкал себя иголками, жег ватными тампонами, пропитанными спиртом, сек себя – и всем этим наслаждался. Держу пари, выжигание мозгов ему тоже пришлось бы по вкусу. Только представь: двадцать восхитительных лет беспрерывной боли, невыносимого жара, удушья, тошноты! Для него это была бы мечта, ставшая явью! В те времена на свете жил один-единственный Альберт Фиш. И неудивительно: чтобы вырастить такое существо, требуются очень необычные и суровые условия жизни и воспитания. Неразумно было бы ожидать, что в древнем человечестве – в сообществе из каких-то жалких трех миллиардов человек, рассеянных по всему земному шару, – возникнет несколько таких уникумов. Но в наше время, когда население Земли огромно и все растет, по свету бродит множество Альбертов Фишей. Их надо только разыскать. И несравненные исследовательские мощности «Таунтон ассошиэйтед» помогли нам найти нескольких подобных людей. Чаще всего они встречаются в больницах, особенно в отделениях для буйных и неизлечимых. Они охотно берутся за убийства, ибо жаждут наказания как праздника. Вы говорите: нам не удастся найти убийц, ибо никто не захочет быть наказанным. Так рассуждают обычные люди. А мистер Таунтон отвечает: нужно просто искать среди тех, кому нравится, когда их наказывают! И вот что самое любопытное: люди, которые наслаждаются болью, обычно любят причинять боль другим. Например, вам.

Кровь застыла у меня в жилах; я понял, что в этом рассуждении есть смысл.

Наше поколение приучено ко всяческим диковинкам. Новостные ленты переполнены сообщениями о фантастическом героизме и чудовищной жестокости: из достоверных научных источников я знаю, что в былые дни ни то ни другое не встречалось в такой степени и в таких масштабах. Меня это всегда занимало. Все мы слышали, например, о Мелоуне, который

шесть лет копал подземный ход, чтобы одним воскресным утром взорвать Ред-Банк в Нью-Джерси. Почему? Зачем? Да чтобы отомстить охранному агентству Бринка за то, что ему нахамил какой-то их коп. И наоборот: все мы знаем о Джеймсе Ревире, герое катастрофы «Белого облака». Стюард туристического салона, человек робкий и физически слабый, на своих плечах вынес семьдесят шесть пассажиров, снова и снова возвращаясь за ними в огонь: обгоревший, ослепленный, нащупывая дорогу искалеченными руками. Когда вокруг много, очень много людей, среди них можно найти готовых на все что угодно. Абсолютно на все. Таунтон действительно гений, он понял эту простую истину и ее использовал. А значит, мне конец. «Кэти! – думал я в отчаянии. – Моя Кэти!»

Хриплый голос Таунтона прервал мои размышления.

– Дошло? – спросил он. – Видишь картину целиком? Понял основную идею? Венера будет моей! А теперь для начала ты мне расскажешь об агентстве «Шокен». Все ваши секреты, все слабости, все ходы и выходы, кого из сотрудников можно подкупить, ваши связи, контакты в Вашингтоне… короче, сам понимаешь. Выкладывай.

Я подумал, что мертвецу терять нечего, и ответил:

– Нет.

– Он созрел для Хеди! – заметил один из людей Таунтона, встал и вышел за дверь.

– Кортни, – сказал Таунтон, – ты ведь изучал доисторический период. Должен знать, кто такой Жиль де Рэ[21].

Я знал – и при одном упоминании этого имени ощутил, как стальной обруч сжимает мне виски.

– Века и тысячелетия доисторического периода, – продолжал Таунтон, – все вместе породили не более пяти миллиардов человек. И все эти века и тысячелетия породили лишь одного Жиля де Рэ, также известного как Синяя Борода. А в наше время таких людей немало. Мы нашли нескольких – и для выполнения особых заданий из всех кандидатур я выбрал Хеди. Сейчас ты поймешь почему.

Дверь отворилась, и на пороге возникла тощая бледная девица с безжизненными белесыми волосами. Ее тонкие бескровные губы были растянуты в безумной ухмылке. В руке она держала шестидюймовую иглу, вделанную в пластмассовую рукоять.

Я взглянул ей в глаза – и закричал. Кричал и не мог остановиться, даже когда ее увели и закрыли дверь. Воля моя была сломлена.

– Таунтон! – прошептал я наконец. – Умоляю…

Он поудобнее откинулся на стуле и повторил:

– Выкладывай.

Я попытался, но ничего не смог из себя выдавить. Голос отказался мне служить, память тоже. Я даже не помнил, как называется моя фирма: «Фаулер Шокен» или «Шокен Фаулер».

Наконец Таунтон поднялся и сказал:

– Ладно, Кортни. Вижу, тебе надо дать отдышаться и собраться с мыслями. Да и мне после такого не помешает выпить. – Он невольно вздрогнул, но тут же снова расплылся в улыбке: – Утро вечера мудренее, Кортни!

Двое его людей погрузили меня на тележку, выкатили из переговорной и, провезя по коридору, сгрузили на пол в пустой каморке с очень прочной дверью. Как видно, здесь, на вершине небоскреба Таунтон-билдинг, мне предстояло провести ночь. Кабинеты, мимо которых мы проезжали, были пусты и тихи; в дальнем конце коридора зевал за столом одинокий охранник.

– Может, снимете с меня этот кокон? – дрожащим голосом попросил я. – Представляете, во что он на мне превратится за ночь?

– Не приказано, – отрезал один из них.

Звучно хлопнула дверь, снаружи лязгнул засов. Я начал кататься по полу тесной комнатушки, надеясь найти что-нибудь острое, что поможет разорвать пластик и даст мне хотя бы шанс содрать с себя кокон. Увы, все тщетно. Извиваясь невероятным образом, дюжину раз попытавшись встать и грохнувшись на каменный пол, я обнаружил, что не могу подняться на ноги. Слабую, очень слабую надежду давала дверная ручка, но с тем же успехом она могла бы находиться от меня в миллионе миль.

Митчелл Кортни, топ-менеджер «Фаулер Шокен ассошиэйтед». Митчелл Кортни, руководитель проекта «Венера». Митчелл Кортни, будущий разоблачитель консов. Митчелл Кортни катается по полу импровизированной тюремной камеры посреди самого мерзкого, самого подлого агентства, когда-либо пятнавшего собой нашу профессию, а впереди его ждет предательство и, если повезет, быстрая смерть. По крайней мере, об этом не узнает Кэти. Пусть думает, что я погиб на леднике смертью идиота, с чего-то вздумав покопаться в батарее…

Загремел засов за дверью. За мной пришли.

Однако когда дверь отворилась, я увидел перед собой не лес ног в брюках, а всего лишь пару тонких щиколоток, обтянутых нейлоновыми чулками.

– Я люблю тебя! – проговорил надо мной странный, какой-то мертвенный женский голос. – Они говорят, надо подождать, но я не в силах ждать!

Хеди! Хеди со своей иглой.

Я пытался позвать на помощь, но из груди не вырывалось ни звука. Хеди с горящими глазами склонилась надо мной. В комнате словно похолодело градусов на десять. Она впилась мне в губы бескровными губами; это было как клеймение раскаленным железом. А в следующий миг я ощутил сильный укол в челюсть, и страшная боль охватила левую сторону головы и лица. Все погрузилось в алый туман; очевидно, на несколько секунд я потерял сознание.

– Очнись! – раздался надо мной все тот же мертвенный голос. – Я хочу тебя! Очнись!

Теперь словно молния ударила в правый локоть. Я вскрикнул, дернул рукой… и обнаружил, что рука движется!

Снова бескровные губы прижались к моим губам, снова игла вонзилась в челюсть, как видно, разыскивая тройничный нерв – и нашла. Снова перед глазами сгустился багровый туман, но я не позволил ему поглотить себя. Преодолевая невыносимую боль, я сосредоточился на одной мысли: рука! Моя рука свободна! Хеди проткнула мембрану кокона, и теперь его можно сорвать!

Опять укол: теперь боль каким-то образом переместилась в правую руку. Новый рывок – и эта рука на свободе!

Кажется, я схватил Хеди за шею сзади и сжал изо всех сил. Точно не помню. И не хочу вспоминать. Но через пять минут пришел конец и ее «любви», и ей самой. Потом я рвал и сдирал с себя пластик. Освободившись из кокона, с трудом, со стонами я поднялся на одеревеневшие ноги.

Охранника в коридоре можно было не опасаться. Раз уж он не прибежал на мои крики, значит, и дальше не поднимет шума. Выйдя из камеры, я увидел, что охранник лежит лицом на столе, словно уснул. Подойдя ближе, заметил, что по его жилистой морщинистой шее стекает подсыхающая струйка крови и еще чего-то серого. Одним уколом перервать спинной мозг – ничего невозможного, если хорошо знаешь анатомию человеческой нервной системы. А в том, что Хеди ее знала в совершенстве, сомневаться не приходилось.

У охранника был револьвер; я задумался, не взять ли его с собой, однако решил, что не стоит. Несколько долларов у него в карманах пригодятся мне больше. Я поспешил к лестнице. На часах у охранника было 6.05.

Каково подниматься по этажам небоскреба без лифта, я уже знал. Теперь предстояло выяснить, каково спускаться. Если сердце у вас в порядке, то особой разницы нет. Чтобы выбраться из царства топ-менеджмента и спуститься на нижние этажи, где ночевали потребители, в моем нынешнем состоянии

потребовалось около получаса. С нижних этажей уже доносились шум, шаги, невнятный гул недовольных голосов: ночные жильцы вставали и собирались на работу. На моих глазах развернулось с полдюжины жестоких драк и одна схватка на ножах. Ночные обитатели Таунтон-билдинг – сброд самого низшего разбора, мы в Шокен-Тауэр таких и на порог не пускаем, но сейчас это было к лучшему. Даже в грязной одежде и со свежими следами крови на лице здесь я не привлекал к себе внимания. Пара развязных девиц присвистнула мне вслед, и только. А окажись я в какой-нибудь древней трущобе вроде Эмпайр-стейт-билдинг или Ар-Си-Эй – тамошние ночные жители могли бы меня живым и не выпустить.

Расчет оправдался. Из холла здания я вышел в плотной толпе потребителей, готовой покатить во все концы города в поте лица своего зарабатывать на хлеб. Кажется, в окнах второго этажа мелькнули ребята в неприметной одежде и с суровыми лицами, внимательно оглядывающие толпу, но я, опустив голову и не поднимая глаз, вошел в подземку вместе со всеми.

В кабинке для переодевания разменял все доллары, что у меня были, и зашел в душевую.

– Эй, давай душ пополам? – послышался женский голос сзади.

Я чертовски хотел принять душ – и в одиночку, однако побоялся, что привычка в роскоши выдаст во мне «белого воротничка». Мы заказали на двоих душ из пяти минут соленой воды и тридцати секунд пресной, с мылом. Я обнаружил, что снова и снова потираю правую руку. А когда холодная вода попадала на левую сторону лица, я едва не терял сознание от боли.

После душа я втиснулся в подземку и часа два зигзагами колесил по городу. Наконец вышел на Таймс-сквер, в самом сердце торгового района. Здесь по большей части разгружались товарные поезда. Пока хмурые потребители, чертыхаясь сквозь зубы, снимали с платформ контейнеры белка с ярлыками, указывающими пункт назначения, и швыряли на конвейеры, я еще раз попытался позвонить Кэти. И снова не застал ее дома.

Тогда я позвонил Эстер в Шокен-Тауэр.

– Возьми все деньги, что у тебя есть, до последнего цента, – сказал я ей. – Используй все свои сбережения, если нужно, одолжи. Купи мне полный комплект одежды от «Старрзелиус». Встречаемся как можно скорее на том месте, где твоя мать два года назад сломала ногу. Точно на этом месте. Помнишь?

– Митч! – воскликнула она. – Конечно помню. А как же мой контракт…

– Эстер, не заставляй меня умолять! Просто поверь. Я в долгу

не останусь. Все будет хорошо. Пожалуйста, поспеши! Ах да, если придешь и увидишь, что меня схватили, сделай вид, что мы не знакомы. А теперь действуй!

Я повесил трубку, бессильно опустился на пол телефонной будки и сидел там, скорчившись, пока следующий в очереди не заколотил возмущенно в дверь. Тогда я прошелся по станции, выпил чашку кофиэста и съел бутерброд с сыром. Затем нашел газетный киоск и взял напрокат утреннюю газету. Увидел о себе небольшую и малоинтересную заметку на третьей странице из четырех, под заголовком: *«РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЗА НАРУШЕНИЕ КОНТРАКТА И УБИЙСТВО ЖЕНЩИНЫ»*. В ней говорилось, что Джордж Грouби, сотрудник «Хлореллы», не вернулся из отпуска к утренней поверке. Свободную ночь он использовал для того, чтобы проникнуть с целью ограбления на верхние этажи Таунтон-билдинг. Убил секретаршу, на которую там наткнулся, и сбежал.

Через полчаса мы с Эстер встретились у грузовой платформы, с которой два года назад упал контейнер, сломавший ногу ее матери.

Эстер страшно волновалась: она нарушила контракт – и, строго говоря, была сейчас такой же преступницей, как и «Джордж Грouби».

Я взял у нее сверток с одеждой и спросил:

– Осталось у тебя пятнадцать тысяч долларов или около того?

– Да, это все, что у меня есть. Мама в ужасе…

– Закажи нам два билета на ближайший рейс на Луну. Сегодняшний, если получится. Встречаемся здесь же. Я пока переоденусь.

– Мы? На Луну? – пискнула она.

– Да, мы с тобой летим на Луну. Нужно убираться с Земли, пока меня снова не пристукнули – и на этот раз по-настоящему!

Глава двенадцатая

Моя малышка Эстер расправила плечи и начала творить чудеса.

Десять часов спустя мы сидели бок о бок в лунной ракете «Дэвид Рикардо»[22], только что оторвавшейся от земли. Недрогнувшей рукой Эстер зарегистрировала себя как сотрудницу компании «Шокен» в срочной командировке, а меня как Гроуби, аналитика продаж шестого класса.

Фамилия и приметы Гроуби, экспедитора девятого класса, до космопорта «Астория» точно еще не дошли – и едва ли дойдут. Трудно ожидать, что у сбежавшего контрактника, разыскиваемого за убийство, найдутся деньги, чтобы улететь на Луну.

Мы заказали себе отдельную каюту и полный рацион. Впрочем, «Дэвид Рикардо» был спроектирован из расчета на то, что большинство пассажиров полетят в отдельных каютах и с полным рационом. Путешествия на Луну совершаются не из праздного любопытства и не рассчитаны на низкооплачиваемых потребителей, составляющих пятнадцать шестнадцатых населения Земли.

Луна – это деловой и производственный центр. Прежде всего добыча полезных ископаемых. Кое-какая туристическая инфраструктура есть, но не слишком развитая. Вместе с нами, сколько можно было заметить при посадке, летели деловитые инженеры, несколько рабочих из низших классов да горсточка богачей, жаждущих похвастаться, что побывали на Луне.

После взлета Эстер поначалу была истерически весела, но вдруг, оборвав себя на полуслове, уткнулась мне в плечо и разрыдалась. Бедная девушка была потрясена и напугана собственным поступком. Выросшая в добропорядочной, богобоязненной семье, воспитанная в уважении к Святым Продажам – могла ли она ожидать от себя, что совершит тяжелейшее коммерческое преступление, нарушив трудовой контракт?

– Мистер Кортни… – восклицала она сквозь рыдания. – Митч… если бы я только могла твердо знать, что поступаю правильно! Я помню, что вы всегда были ко мне добры, и знаю, что вы никогда ничего дурного не сделаете… но мне так плохо, так страшно!

Я помог ей утереть глаза и принял решение.

– Ладно, Эстер, – сказал я. – Расскажу все как есть. Суди сама, прав я или виноват. Таунтон совершил ужасное открытие. Он обнаружил, что есть люди, которых не пугает угроза наказания

церебрином за неспровоцированные коммерческие преступления. Таунтон считает, что мистер Шокен бесчестным образом украл у него проект «Венера», и ни перед чем не остановится, чтобы вернуть Венеру себе. По меньшей мере дважды он уже пытался меня убить. Я считал, что мистер Ранстед тоже из агентов Таунтона, что по его приказу он перехватил и саботирует проект «Венера», но теперь не знаю что и думать. Когда мы с мистером Ранстедом встретились на Южном полюсе, он оглушил меня ударом по голове и под чужим именем запродал по трудовому контракту на Коста-Рику, а мою смерть инсценировал, подсунув чей-то труп. А еще, – осторожно добавил я, – в деле замешаны консы.

Эстер тихо вскрикнула.

– При чем они здесь, точно объяснить не могу, – продолжал я. – Однако в ячейке консов я слышал…

– Мистер Кортни!!

– Ничего другого мне не оставалось. Я оказался на Коста-Рике, на плантации «Хлореллы», и, похоже, единственный путь домой, на север, лежал через подпольную сеть консов. У них на фабрике есть ячейка, я туда вступил, проявил способности, и меня перевели в Нью-Йорк. Остальное ты знаешь.

Она долго молчала.

– Вы уверены, что все это правильно?

– Разумеется, – твердо ответил я.

Хотел бы я и в самом деле так думать!

Эстер храбро улыбнулась в ответ.

– Что ж, – сказала она, явно стараясь приободриться, – пойду принесу наш обед. Вам, наверное, лучше не выходить из каюты.

– Чертов стюард! – сказал я Эстер сорок часов спустя. – Ясно, что все они приторговывают на черном рынке, но всему же есть предел! Только посмотри!

В руках я держал бутыль с водой и лоток со своим ужином. Пломбы и там, и там были явно повреждены, и невооруженным взглядом видно, что воды в бутылке не хватает.

– Грабеж среди бела дня! – возмущался я. – А говорят еще, что пайки полного рациона защищены от взлома!.. А с твоим что?

– То же самое, – вздохнула она. – Ничего тут не поделаешь. Давайте поедим попозже, мистер Кортни. – И сделала очередную попытку взбодриться самой и взбодрить меня: – Может, партию в теннис?

– Ладно, – проворчал я и принялся раскладывать поле, взятое напрокат в корабельном чулане для отдыха.

В теннис Эстер играла лучше меня, однако на сей раз мне удалось сравнять счет. Она была неловка и рассеянна, то и дело

промахивалась по кнопкам, а корректировать движения своего игрока левой рукой при помощи реостата ей и вовсе не удавалось. Однако полчаса игры принесли пользу нам обоим. Эстер повеселела, и мы оба принялись за свои пайки.

Партия в теннис перед едой стала у нас традицией. Чем еще было заняться в тесной каюте? Каждые восемь часов Эстер брала талоны и отправлялась за нашими пайками, я ворчал из-за поврежденных пломб и недостачи, мы играли в теннис, а затем ели. Остальное время не занимались практически ничем: думали каждый о своем, рассеянно глазея на проплывающую по стенам рекламу – от «Шокен».

Скоро все закончится, думал я. Теперь-то уж ничто меня не остановит! Шокен на Луне: там народу куда меньше, чем на Земле, и нравы попроще, так что добраться до него будет несложно. К Шокену, потом обратно на Землю – и к Кэти… При этой мысли я ощутил укол в сердце. Можно было спросить у Эстер, как бы невзначай, что слышно о Джеке О'Ши, – но я не спрашивал. Боялся, что мне не понравится рассказ о героелилипуте и его триумфальном шествии из города в город, от женщины к женщине.

Наконец бесконечный парад рекламных роликов прервало сухое объявление:

> ПАССАЖИРОВ ПРОСЯТ ПОДНЯТЬСЯ НА КАМБУЗ («Дэвид Рикардо» – корабль британский, и говорят здесь на английский манер) ЗА ПОСЛЕДНЕЙ ПОРЦИЕЙ ЖИДКОГО РАЦИОНА. СЕЙЧАС ВОСЕМЬ ЧАСОВ. ДАЛЕЕ ВПЛОТЬ ДО ПОСАДКИ ТВЕРДЫЕ И ЖИДКИЕ ПРОДУКТЫ ВЫДАВАТЬ НЕ БУДУТ.

Эстер улыбнулась, взяла поднос и вышла из каюты.

Вернулась она, как обычно, минут через десять. За это время ракету пару раз тряхнуло – ровно настолько, чтобы мой желудок это почувствовал. Мы уже подлетали к Луне, и, очевидно, капитан выправлял курс.

Появилась Эстер с двумя бутылками кофиэста.

– Митч, – шутливо упрекнула она меня, – что же вы не разложили теннисное поле?

– Не хочется играть. Давай лучше попьем. – Я протянул руку за своей бутылкой, но она отвела руку в сторону. – Что такое?

– Ну хоть один сет!

– Черт, Эстер, я неясно выразился? – рявкнул я. – Не забывай, кто здесь главный, девочка!

Я не стал бы так на нее срываться, не будь это кофиэст. При виде красной этикетки с символом «Старрзелиуса» мне сделалось

совсем нехорошо. Я знал, что это такое. Синдром отмены. Давно не пил кофиэста – но, как видно, полностью с него «слезть» невозможно.

Эстер напряглась, ее лицо застыло.

– Извините, мистер Кортни.

И вдруг судорожно схватилась за живот.

Испуганный, я вскочил и подхватил ее. Эстер была бледна как полотно, не держалась на ногах и стонала от боли.

– Эстер, – воскликнул я, – что такое? Что…

– Не пейте! – простонала она хрипло, держась за живот. Ногтями она разорвала на себе нейлоновую блузку и теперь царапала кожу. – Кофиэст… отравлен… ваша порция… я пробовала все ваши порции.

– Врача! – заорал я в переговорное устройство, вделанное в стенку каюты. – Скорее врача! Женщина умирает!

В ответ раздался голос главного стюарда:

– Слышу, сэр. Корабельный врач сейчас будет у вас.

Лицо Эстер, искаженное судорогой, вдруг разгладилось – это напугало меня еще сильнее.

– Твоя Кэти… – прошептала она слабым голосом. – Стерва Кэти! Как она могла тебя бросить, мучить тебя – такого… такого… Ты слишком хорош для нее, Митч. Она тебя не заслуживает. – Ее лицо снова передернула судорога, глаза помутнели. – Забавно! Вечная история: жена и секретарша… Я ждала, ждала – а ты так ни разу меня и не поцеловал…

Я не поцеловал ее и сейчас. Не успел. Эстер умерла у меня на руках, и когда корабельный врач, протиснувшись в узкую дверцу каюты, бросил на нее взгляд, по его лицу я понял, что надежды нет.

Однако мы отнесли ее в лазарет и подключили к системе жизнеобеспечения. Сердце Эстер снова забилось, грудь начала вздыматься и опускаться. Она открыла глаза.

– Где вы? – громко и четко спросил врач.

Она слегка шевельнула головой. Сердце у меня отчаянно забилось.

– Она нас слышит? – прошептал я.

– Чисто физиологическая реакция, – с профессиональной холодностью ответил врач.

И был прав. Я видел слабые движения головы, видел, как трепещут ее ресницы – друг с другом не в такт. Врач продолжал задавать вопросы.

– Кто вы? – При этом вопросе на лбу ее обозначилась морщинка, шевельнулись губы. Тень жизни сохранилась в ней, но не более.

Врач повернулся ко мне.

– Придется выключить аппарат. Ничего иного не остается, – мягко добавил он. – Наступила необратимая клиническая смерть. Понимаю, когда перед вами тело близкого человека, всегда трудно поверить…

– Выключите это, – сказал я хрипло, имея в виду не столько машину, сколько саму Эстер – то, во что она превратилась.

Врач повернул рубильник и выдернул иглу.

– Ее тошнило? – спросил он. Я кивнул. – Это ее первый полет? – Я кивнул. – Боль в животе? – Снова кивнул. – Прежде ни на что не жаловалась? – Покачал головой. – Головокружения бывали?

На этот раз я кивнул, хотя не знал, бывали ли у Эстер головокружения. Врач явно клонил к какому-то выводу.

Он спрашивал дальше – и было вполне очевидно, каких ответов он ждет. Аллергии, головные боли, частые кровотечения, болезненные менструации, усталость во второй половине дня… Наконец он объявил:

– Очевидно, болезнь Флейшмана. Известно о ней достаточно мало. По-видимому, связана с ухудшением работы адренокортикотропических телец в условиях космических перелетов. Запускается цепная реакция тканевой несовместимости, воздействующая на спинномозговую жидкость, и…

Тут он взглянул на меня – и добавил совсем другим тоном:

– Знаете, у меня есть немного спирта в аптечке. Хотите?

Я потянулся за флягой, но тут же вспомнил.

– Выпейте со мной, – предложил я.

Он кивнул, без колебаний отвинтил одну из пробок на дюжине горлышек общественной фляги и сделал большой глоток. Я смотрел, как двигается его кадык.

– Только не слишком увлекайтесь, – предупредил он. – Скоро высадка.

Еще несколько минут я занимал его разговором, пристально следя за ним, а затем проглотил разом полпинты неразбавленного спирта. До каюты я добрался с трудом.

Похмелье, горе, страх – и долгая, чудовищно долгая процедура проверки при высадке на Луну. Должно быть, я вел себя довольно странно. Помню, пару раз слышал, как кто-то из команды говорит служащим космопорта:

– Вы с этим парнем полегче. У него в полете девушка умерла.

В тесном регистрационном кабинете, заполняя бесконечные анкеты и опросники, я придерживался одной линии: ничего не

знаю, ничего объяснить не могу. Моя фамилия Гроуби, класс шестой, и лучше всего отправить меня прямиком к Фаулеру Шокену. Ему должны были о нас сообщить. Однако ничего не вышло: мне велели сесть на скамью и подождать – а запрос в контору Шокена в Луна-Сити они отправят сами.

Я ждал, осматривался и пытался что-то придумать. Положение не из легких. Вокруг толпа людей, и каждый прилетел на Луну с какой-то конкретной целью, все прозрачны и понятны. А я – неизвестно кто, неизвестно зачем. Я обращаю на себя внимание. Это опасно, очень опасно…

На столе в нескольких метрах от меня загудел и замигал световой телеграф. Прищурившись, я прочел:

«ШОКЕН – ЛУНОПОРТУ. ОТВЕТ НА ЗАПРОС. С ЭТИМ КОРАБЛЕМ НИКОГО НЕ ЖДЕМ. ГРОУБИ В ФИРМЕ НЕ РАБОТАЕТ. СЛУЖАЩИХ НИЖЕ ЗВЕЗДНОГО КЛАССА В МЕЖПЛАНЕТНЫЕ КОМАНДИРОВКИ НЕ ПОСЫЛАЕМ. ДОЛОЖИТЕ О НЕМ КУДА СЛЕДУЕТ И ДЕЙСТВУЙТЕ ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ. КОНЕЦ СВЯЗИ».

В самом деле, конец. На меня смотрели и перешептывались. Еще секунда – и подзовут охранников из агентства Бернса, дежурящих у дверей.

Я вскочил со скамьи и начал пробираться сквозь толпу. Оставался лишь один выход, хоть он и пугал. Я сделал условные жесты – те, что в определенном порядке и последовательности означали у консов призыв о помощи в серьезной беде.

Охранник в форме «Бернса» протолкался ко мне и положил руку на плечо.

– Шум поднимать не будешь? – сурово спросил он.

– Не буду, – с трудом сглотнув, ответил я. – Ведите.

Он уверенно помахал служащим у стола, а те с улыбками помахали ему в ответ. Подталкивая сзади дубинкой, охранник провел меня сквозь удивленную толпу. Я не пытался противиться: мне было уже все равно. Мы вышли из-под купола космопорта и оказались на улице, полной магазинов, ресторанов и прочих заведений для туристов.

Со всех сторон лезли в глаза вывески:

ЛУННЫЕ СУВЕНИРЫ – САМЫЕ ДЕШЕВЫЕ В ГОРОДЕ!
РЕСТОРАН ДОМАШНЕЙ КУХНИ «СТАРАЯ ЛУНА»
СВЕЖИЕ ЗЕМНЫЕ ГАЗЕТЫ
АРЕНДА ЛУННЫХ СКАФАНДРОВ: ГАРАНТИЯ 50 ЛЕТ!
НАДЕЖНАЯ АРЕНДА ЛУННЫХ СКАФАНДРОВ:

ГАРАНТИЯ 73 ГОДА!

ЛУННЫЕ МОДЫ. СКАФАНДРЫ ДЛЯ ДЕВУШЕК. ДОКАЖИТЕ, ЧТО БЫЛИ НА ЛУНЕ!

И между ними – еще одна, поскромнее:

«Уоррен Астрон, доктор наук. Чтения по предварительной записи».

Вывески сверкали, мигали и переливались, а новоприбывшие смотрели на все это разинув рты.

– К стене! – приказал коп.

Мы остановились напротив вывески Уоррена Астрона. Здесь коп проговорил быстро и вполголоса:

– Вырви у меня дубинку и как следует врежь по голове. Выпусти заряд по фонарю. Беги к Астрону и подай ему наш знак. Удачи – и постарайся не проломить мне череп.

– Так вы… вы… – пробормотал я.

– Да, – сухо ответил он. – И очень жалею, что заметил твой сигнал. Это будет стоить мне пары нашивок и повышения. Ладно, действуй!

Я не заставил себя долго упрашивать. Вырвал у него дубинку – он сопротивлялся только для виду – и оглушил ударом, стараясь бить не слишком сильно, но и не слишком слабо. Затем направил дубинку на ближайший фонарь и выпустил по нему заряд картечи. На тесной улочке со сводчатой крышей выстрел прогремел, как гром. Фонарь со звоном разлетелся, осколки посыпались на мостовую, послышались крики испуганных прохожих. Я метнулся к белоснежной двери, ведущей в контору Астрона, распахнул ее и попал в полутемную приемную, где навстречу мне поднялся высокий тощий мужчина с жидкой бородкой.

– Что сие означает? – воскликнул он. – Любезнейший, я принимаю только по предварительной записи…

Я схватил его за руку и крепко сжал в условном рукопожатии консов.

– Вас преследуют? – отрывисто спросил мужчина, мгновенно забыв о своих величавых манерах и плавной речи.

– Да. Надо спрятаться, и поскорее!

Он провел меня через приемную в небольшую обсерваторию с высоким прозрачным куполом вместо потолка, со складным телескопом, картами звездного неба с подписями на хинди, часами и несколькими столами. Сильным рывком сдвинул один стол; тот легко повернулся на шарнирах. Под столом оказался люк с поручнями, уходящий вниз.

– Полезайте! – приказал Астрон.

И я начал спускаться во тьму.

Люк был примерно два метра глубиной и полтора на полтора в ширину. Неровные стены – чувствовалось, что укрытие сделано наскоро. У одной стены стояли кирка и лопата, у другой пара ведер, наполненных обломками лунной породы. Как видно, работа была еще не закончена.

Я перевернул одно ведро и сел на него в темноте. Стал считать свой пульс, досчитал до пятисот семидесяти шести, бросил это занятие и переместился на пол. Сидеть было слишком жестко; я попытался расчистить место от камней и улечься. Полежав немного, снова сел. И так раз пять – пока не услышал наверху, прямо над собой, голоса. Один, звучный и торжественный, несомненно, принадлежал Астрону. Другой – манерный, капризный голос дамы, должно быть, немолодой и тучной. Как видно, они сидели за столом, маскирующим мое убежище.

– …дорогой доктор, но это и вправду так дорого!

– Как пожелаете, мадам. Тогда, если вы меня извините, я предпочту вернуться к своим эфемеридам.

– Доктор Астрон, я вовсе не хотела сказать…

– Мадам, прошу простить меня за предположение, быть может, поспешное, что вы не намерены платить мне гонорар. Рад был ошибиться. Итак, начнем. Назовите, пожалуйста, точную дату и время вашего рождения.

Дама что-то неразборчиво пробормотала. Я подумал: нелегко, должно быть, приходится Астрону с женщинами, привыкшими скрывать свой возраст!

– Итак… Венера в доме Марса… Меркурий восходит в триаде…

– А это что значит? – вдруг подозрительно прервала его дама. – Я, знаете ли, тоже разбираюсь в Великом Искусстве – и никогда ничего подобного не слышала!

– Поймите, мадам, – невозмутимо отвечал Астрон, – что обсерватории на Луне делают возможными множество вещей, о которых вы до сих пор не слышали. Благодаря лунным обсерваториям на Луне Великое Искусство достигло точности, невозможной в былые годы, когда наблюдения приходилось вести сквозь толстый слой загрязненной земной атмосферы.

– О… о да, конечно. Разумеется, я понимаю. Пожалуйста, доктор Астрон, продолжайте. А можно мне будет самой взглянуть в ваш телескоп на свои планеты?

– Чуть позже, мадам. Итак… В триаде восходит Меркурий, планета раздора и интриг, однако он сейчас в одной четверти с

Юпитером, приносящим удачу, так что…

«Чтение» продолжалось около получаса. За ним последовали еще два, затем наступила тишина. Я даже задремал, и меня разбудил голос. Стол надо мной вновь отодвинулся, в прямоугольном проеме возник силуэт Астрона.

– Выходите, – приказал он. – На ближайшие двенадцать часов здесь безопасно.

Я неуклюже вылез – руки и ноги у меня затекли – и заметил, что небо за прозрачным куполом потемнело.

– Итак, вы Гроуби, – произнес он.

– Я Гроуби, – невозмутимо ответил я.

– Мы получили сообщение о вас от курьера, летевшего на борту «Рикардо». Один Бог знает, что вы за человек и какую игру затеяли. – Я заметил, что правую руку он держит в кармане. – Вы появились в «Хлорелле», оказались прирожденным рекламщиком, были переведены в Нью-Йорк, затем вас похитили у входа в музей Метрополитен – или, быть может, инсценировали похищение; вы убиваете девушку, исчезаете, а теперь появляетесь на Луне. Как все это понимать? Впрочем, это не моего ума дело. Скоро сюда прибудет член Центрального Комитета и с вами разберется. Может, хотите что-то сказать? Например, признаться, что вы агент-провокатор? Или подвержены маниакально-депрессивному психозу?

Я промолчал.

– Что ж, ладно.

Где-то снаружи хлопнула дверь.

– Вот и она, – сказал Астрон.

В обсерваторию вошла моя жена Кэти.

Глава тринадцатая

– Митч! – воскликнула она, словно не веря своим глазам. – Господи, Митч!.. – И истерически рассмеялась. – Ну конечно! Как я могла подумать, что ты будешь смирно сидеть на месте?

– Может быть, мне… – начал астролог, доставая из кармана револьвер.

– Не надо, Уоррен. Все в порядке. Я его знаю. Оставь нас вдвоем. Пожалуйста.

Уоррен исчез, а Кэти, вся дрожа, опустилась на стул.

Я застыл словно громом пораженный. Значит, моя жена – важная шишка у консов! Все это время Кэти меня обманывала, а я ничего не подозревал!

– Не хочешь объясниться? – тускло спросил я наконец.

Видно было, что она не без труда взяла себя в руки.

– А ты поражен? – спросила Кэти. – Надо же так опростоволоситься: рекламщик звездного класса женился на консе! Если это выйдет наружу, что станет с твоей карьерой?

Наши взгляды встретились – и насмешливая улыбка стерлась с ее лица.

– Черт бы тебя побрал! – прошипела она. – Все, чего я хотела, когда ко мне вернулся рассудок, – чтобы ты оставил меня в покое! Убрался из моей жизни! И зачем только я помешала Таунтону тебя убить?

– Так это ты приказала Ранстеду отправить меня на плантацию?

– Дурацкая идея! И что, ради всего святого, ты теперь делаешь на Луне? Откуда кошмарные обвинения в твой адрес? Почему, черт возьми, я никак не могу от тебя отделаться? – кричала она.

Итак, Кэти принадлежит к консам. Ранстед тоже. Они вдвоем решили, как лучше всего обойтись с беднягой Митчем. Решили – и сделали. И у Таунтона было свое мнение о том, как лучше поступить с Митчем. Все толкают беднягу Митча туда-сюда, словно пешку на доске!

– А вы, значит, ферзи! – проговорил я вслух и, схватив Кэти за шиворот, отвесил ей пощечину.

Гнев исчез из ее взгляда; теперь в нем читалось только удивление.

– Позови сюда этого, как его там, – приказал я.

– Митч, что ты задумал? – Теперь она говорила совсем как прежняя Кэти.

– Зови его сюда.

– Не смей мне приказывать…

– Эй, колдун! – заорал я.

Он вбежал в обсерваторию – и сразу напоролся на мой кулак. Я начал обшаривать его карманы, но тут Кэти, словно когтистая дикая кошка, набросилась на меня сзади. Однако я уже схватил ствол – автоматический пистолет двадцать пятого калибра, мощная штука. Кэти я оттолкнул с такой силой, что она упала – и сидела на полу, машинально потирая ушибленное бедро, глядя на меня с изумлением.

– Ах ты подонок! – удивленно проговорила она.

– Не ожидала? – усмехнулся я. – Фаулер Шокен знает, что ты на Луне?

– Не знает, – ответила Кэти. Но я заметил, что она потирает большой и указательный пальцы друг о друга.

– Врешь.

– Ты мой детектор лжи! – издевательски протянула она. – Крутой рекламщик…

– Хватит болтать, – отрезал я, – или получишь этой штукой по физиономии.

– Боже мой! – медленно проговорила Кэти. – Да ты серьезно! – И медленно поднесла руку к лицу, неотрывно глядя на револьвер.

– Рад, что до тебя дошло. Ну? Фаулер Шокен знает, что ты на Луне?

– Не совсем, – ответила она, по-прежнему не сводя глаз со ствола. – Точно не знает. Но он сам посоветовал мне слетать на Луну, отдохнуть и развеяться. Сказал, что это поможет справиться с горем.

– Позвони ему и вызови сюда.

Она молчала и не двигалась.

– Послушай, – сказал я, – сейчас с тобой говорит Гроуби. Гроуби, которого ограбили, похитили, били по голове, пытались пырнуть ножом. Единственного друга, который у него был, несколько часов назад отравили. С ним развлекалась садистка, отлично знающая анатомию. Он убил ее голыми руками – и об этом не жалеет. Его запихнули в «Хлореллу», на самое дно. Думали, он никогда не выберется. Его разыскивают за убийство и нарушение контракта. А женщина, которую он любил – думал, что любит, – оказалась фанатичкой и лживой сукой. Гроуби терять нечего. Могу разнести к чертям этот купол, и мы все тут задохнемся. Могу выйти на улицу, сдаться властям и рассказать все, что знаю. Мне не поверят, но начнут проверку – и рано или поздно найдут ваши слабые места. Мне к тому времени уже выжгут мозги? Плевать!

– И чего ты добьешься? – спокойно спросила она.

– Хватит тянуть время. Звони Шокену.

– Будь по-твоему, Митч. Только сначала попытаюсь еще раз. Видишь ли, одно твое слово особенно меня задело. «Фанатичка». Я умолила Ранстеда отправить тебя на плантацию по двум причинам. Во-первых, хотела спасти тебя от убийц Таунтона. А еще… еще я хотела, чтобы ты узнал, как живут потребители. Думала, оказавшись там, внизу, ты увидишь и поймешь, как несправедливо устроена наша жизнь. Из звездного класса нелегко разглядеть такие вещи, снизу обзор лучше. Я думала, что когда мы вернем тебя к нормальной жизни, мне удастся все тебе объяснить, и дальше мы будем трудиться вместе ради единственной достойной цели. Увы, ничего не вышло. Твои чертовы мозги… твой блестящий и такой испорченный ум! Ты хочешь лишь вернуться к себе в звездный класс, снова есть, пить и спать лучше прочих. Ты не фанатик, к сожалению. Ты все тот же Митч… Что ж, я хотя бы попыталась.

Делай, что считаешь нужным. Обо мне не беспокойся. Мне уже не будет хуже, чем в те времена, когда мы ночи напролет кричали друга на друга. Или когда я уходила по делам консов, видела, как ты сходишь с ума от ревности, и не могла ничего тебе объяснить. Или когда отправляла тебя на «Хлореллу», надеясь, что оттуда ко мне вернется нормальный человек, не изуродованный рекламным бизнесом. Или когда не могла любить тебя так, как хотела, не могла отдаться тебе полностью, телом и душой, потому что между нами всегда стояла тайна. Мне было больно, Митч. Больно и сейчас. Удар револьвером по лицу – пустяк рядом с этой болью.

Долго, очень долго мы оба молчали.

– Позвони Шокену, – произнес я наконец дрогнувшим голосом. – Скажи ему, чтобы пришел сюда. Сама убирайся и этого звездочета с собой захвати. Я… я не знаю, что ему скажу. Но тебе и твоим дружкам даю два дня, чтобы сменить конспиративную квартиру, условные знаки и прочую вашу хренотень. Звони Шокену и убирайся. Видеть тебя больше не желаю.

С непроницаемым лицом Кэти взяла кнопочный телефон и набрала номер.

– Восьмого секретаря мистера Шокена, пожалуйста, – сказала она в трубку. – Это доктор Нейвин, вдова мистера Кортни. Да, уверена, в списке я есть… благодарю вас. Второго секретаря мистера Шокена, пожалуйста. Это доктор Нейвин, вдова мистера Кортни. Могу я поговорить с секретарем мистера Шокена? Да, я в списке… благодарю вас. Здравствуйте, мисс Грайс, это доктор Нейвин. Могу я поговорить с мистером Шокеном?.. Да,

разумеется… спасибо. – И, повернувшись ко мне, сказала: – Придется немного подождать.

Несколько минут прошли в молчании, затем она заговорила снова:

– Здравствуйте, мистер Шокен. Неплохо, благодарю вас. Не могли бы вы встретиться со мной по важному делу?.. Боюсь, чем скорее, тем лучше… Первая Торговая, рядом с выходом из Космопорта, офис доктора Астрона. Нет-нет, ничего подобного, просто удобное место для встречи. Большое вам спасибо, мистер Шокен.

Я выхватил у нее телефон – и услышал в трубке голос Шокена:

– Очень хорошо, моя дорогая. Загадки всегда меня интригуют. До встречи! – И отбой.

Кэти хитра, она могла и инсценировать разговор; тем не менее она меня не обманула. Голос Шокена ни с каким другим не спутаешь. Услышав его бархатистые нотки, я словно перенесся на собрания правления, где состязались умы и воли, или в напряженные, но плодотворные часы работы, лучшим вознаграждением за которую становились слова, небрежно брошенные этим бархатным баритоном: «Славно потрудились, ребята!» Какая ностальгия охватила меня при этих воспоминаниях!.. Что ж, я почти дома.

Молчаливо и аккуратно Кэти подняла на ноги полубесчувственного звездочета, молча вытолкала его из обсерватории и сама вышла следом. Открылась и закрылась за ними дверь.

Ну и пошла она к черту…

А через несколько минут из приемной донесся знакомый басовитый голос:

– Кэти! Эй, есть здесь кто-нибудь?

– Я здесь! – крикнул я.

Вошел Фаулер Шокен в сопровождении двух охранников из «Бринка». Его лицо побагровело.

– А где… – начал он и вдруг осекся. – Кто вы? Вы так похожи… Митч!

С этим возгласом Фаулер сжал меня в объятиях и принялся кружить по комнате. Охрана смотрела на это разинув рты.

– Мальчик мой, что за шутку ты сыграл со стариком? Что с тобой приключилось? И где Кэти?

Он остановился, отдуваясь: даже на Луне, где притяжение намного слабее земного, танцевать ему было нелегко.

– Я здесь под чужим именем, – объяснил я. – И, боюсь, попал

в беду. Не сможете ли вызвать подкрепление? За мной охотятся ребята из «Бернса»: как я понял, они охраняют порядок в городе.

Охранники из «Бринка» расплылись в широких улыбках, как бы говоря: «Не хватало еще, чтобы какие-то сосунки из «Бернса» бросали вызов нашей фирме!»

– Разумеется, Митч. Реши вопрос с подкреплением, – бросил он сержанту. Тот поспешил к телефону, а Фаулер снова повернулся ко мне: – Так объясни, что случилось? Где ты пропадал?

– Я отправился в деловую поездку, но кое-что пошло не по плану. Если объяснять вкратце, я сознательно на время сменил образ жизни, присоединился к низшим слоям общества, чтобы непосредственно, на практике понять чувства и мотивы потребителя. Однако вмешались непредвиденные обстоятельства, и я не смог вернуться. Но прошу вас, Фаулер, давайте все детали потом! Я чертовски устал, голоден, напуган, и еще мне нужно помыться.

– Ладно, Митч. Ты мой принцип знаешь: найди хорошую рабочую лошадку, корми ее от пуза – и гоняй до упора. Ты никогда меня не подводил, и Бог свидетель, я очень рад, что ты вновь в строю! Знаешь, отделу Венеры очень тебя не хватает. Дела у нас так себе. Составной индекс популярности Венеры по Северной Америке упал до 3,77 – а ведь должен был подняться до четырех и расти дальше! А общий оборот? Да что говорить! Знаешь, зачем я здесь? В поисках новых сотрудников. Ищу в «Луна-Сити инкорпорейтед», в «Лунных шахтах» и прочих здешних фирмах толковых менеджеров, разбирающихся в космических делах.

Как же хорошо снова оказаться дома!

– А кто сейчас возглавляет отдел? – спросил я.

– Сам я и возглавляю. Несколько членов правления попробовали занять твое место – и ни один не справился! Пришлось отложить все остальное и взяться за дело самому.

– А Ранстед?

– Он, бедняга, сейчас замещает меня на Земле. А что у тебя за проблемы с местной охраной? И где Кэти?

– Пожалуйста, все позже… На Земле меня разыскивают за убийство и нарушение контракта. Здесь я – подозрительный тип с непонятной целью пребывания. А еще я сопротивлялся аресту, нанес телесные повреждения охраннику и ущерб имуществу Луна-Сити.

Фаулер помрачнел.

– Нарушение контракта? Не нравится мне это! Надеюсь, в контракте есть к чему придраться?

– Пара зацепок наверняка найдется, – заверил я.

Он просиял:

– Что ж, за все остальное заплатим штрафы, а по поводу нарушения контракта будем тебя защищать. До Торговой Палаты дойдем, если понадобится. С какой фирмой контракт?

– «Хлорелла» с Коста-Рики.

– Хм… Средних размеров компания, более или менее солидная. И очень симпатичные люди там работают. Одно удовольствие вести с ними дело.

«Снизу видится немного иначе», – подумал я.

– Уверен, они прислушаются к нашим доводам! А если и нет, не страшно: большинство членов Торговой Палаты у меня в кармане. Один за всех, и все за одного – вот мой девиз!

И он шутливо ткнул меня под ребра, безмерно довольный тем, что бремя проекта «Венера» теперь понесет кто-то другой.

В этот момент вошли человек десять крепких ребят в форме «Бринка».

– Пожалуй, этого хватит! – просиял Фаулер. – Лейтенант, сотрудники «Бернс» на службе «Луна-Сити инкорпорейтед» могут попытаться захватить и увести с собой мистера Кортни. Мы ведь этого не допустим, верно?

– Никак нет, сэр, – невозмутимо отозвался лейтенант.

– Тогда вперед!

Мы прошли по Первой Торговой, удивляя своим воинственным видом запоздалых туристов. Оттуда свернули в жилой квартал, прошли по Первой, Второй и Третьей Жилым и вышли на Первую Коммерческую.

– Эй, ты! – заорал вдруг патрульный из «Бернса».

Шли мы, не держа строй, и он, как видно, не понял, что охрана из «Бринка» меня сопровождает.

– Вали в свою песочницу, придурок, – не останавливаясь, отрезал наш сержант.

Патрульный побледнел, но выхватил свисток и подал пронзительный сигнал тревоги. Миг – и улица наполнилась грохотом тяжелых ботинок. Отовсюду высыпали парни в форме «Бернс». В дверях домов показались лица зевак.

– Готовсь! – приказал командир нашего отряда.

С необыкновенной быстротой наши выхватили из карманов своей униформы стволы, патроны, металлические штыри и принялись собирать какие-то конструкции. Раз-раз-раз – и вот посреди улицы выросла тренога, а на ней – пара пулеметов, простреливающих улицу в обе стороны. Увидев такое, люди «Бернса» попятились и теперь стояли от нас на приличном расстоянии, неуверенно поигрывая дубинками.

– Джентльмены, – громко окликнул их наш лейтенант, – у вас какие-то проблемы?

– Нам нужен вот этот человек, – ответил их командир. – Джордж Гроуби.

– Вы Джордж Гроуби? – спросил меня лейтенант.

– Нет. Меня зовут Митчелл Кортни.

– Ну вот, сами слышали, – заключил лейтенант. – Вы ищете другого.

По его сигналу наши люди навели оба пулемета на противников и взвели курки. Пара громких щелчков звучно отразилась от стен и потолка замкнутого лунного пространства. Любопытные зрители мигом попрятались в домах.

– Э-э… ну… – протянул человек Бернса. – Тогда, наверное, все в порядке. Проходите. – И повернулся к патрульным: – Чего ждете, дуралеи? Не слышали, что я сказал?

Патрульные попятились, и мы, не опуская пулеметов, прошли мимо них по Первой Коммерческой к дому номер семьдесят пять, где располагался лунный офис «Фаулер Шокен ассошиэйтед». Внутрь мы вошли, насвистывая. Пулеметы охранники поставили в холле.

Фантастическая сцена! Такого мне раньше видеть не доводилось.

– Живем здесь как на Диком Западе, Митч, – объяснял Фаулер, ведя меня во внутренние помещения. – Кстати, хорошо бы как-нибудь вписать это в нашу рекламу. Положение, которое ты занимал на Земле, здесь мало что значит. Всем заправляет Великий Уравнитель – оружие. Прав тот, у кого ружье. Жизнь здесь сурова и проста, и важно то, чего ты стоишь, а не длина твоего идентификационного номера.

Мы прошли мимо двери.

– Кабинет О'Ши, – объяснил Фаулер. – Разумеется, его здесь нет. Крошка Джек спешит срывать цветы удовольствий, пока еще может – а осталось ему недолго, ведь скоро, совсем скоро он перестанет быть «единственным человеком, побывавшим на Венере»! Мы об этом позаботимся, верно, Митч?

Он ввел меня в спальный альков за шторкой и своими руками опустил кровать.

– Разберись-ка вот с этим, – попросил он, доставая из нагрудного кармана стопку бумажных листков. – Пара заметок, которые тебе стоит просмотреть. А я распоряжусь, чтобы тебе принесли кофиэста и что-нибудь перекусить. Часок-другой поработаешь, а потом спи спокойно, договорились?

– Конечно, мистер Шокен.

Он просиял улыбкой в последний раз и вышел, задернув за

собой шторку, а я уставился в «заметки».

«Буклет в шесть красок. О неудачн. первых полетах не упоминать. Цит.: Лерой (29 г.), Холден (38 г.), МакГилл (46 г.) – героические первопроходцы, подвиг и т. д. и т. п. Майерс/Уайт (51 г.) взорв. на орбит. – не упоминать! Изъять упоминания об М-У из подборок прессы и книг по истории? Прикинуть стоимость. Поискать в архивах фото Л., Х. и М. Нужны блондин, брюнет и рыжий. Ракеты на задн. пл. Вокруг вздыхают женщины, но герои думают только о космосе. Пдрбн. лчн. жизн. недоступны…»

На тумбочке у кровати я нашел карандаш и бумагу – очень кстати. Сел на кровать и начал писать, поначалу с трудом подбирая слова:

«Мы были обычными ребятами. Любили Землю и все ее простые радости. Утренний глоток кофиэста… первая затяжка «Старр»… новый костюм в полоску от «Старрзелиус», что садится на тебя как влитой… нежная улыбка девушки в ярком весеннем наряде…

Но этого нам было мало. Мы хотели увидеть далекие миры, узнать то, что никому не ведомо.

Коротышка – это Лерой. Я Холден. А вон тот рыжий здоровяк – Макгилл. Да, все мы мертвы. Но прежде чем умереть, мы исполнили свою мечту. Побывали там, где не бывал еще никто из людей. Не нужно нас оплакивать: мы пошли на это ради вас.

Длинноволосые астрономы гадали о Венере. Воздух там ядовит, говорили они. А ветра так горячи, что у нас загорятся волосы на голове, и так сильны, что запросто подхватят нас и унесут прочь. Но они лишь гадали – точно не знал никто. А что делать, когда ты чего-то не знаешь точно? Пойти и проверить».

Вошел охранник с бутербродами и кофиэстом. Я продолжал писать, другой рукой поднося ко рту то чашку, то бутерброд.

«Корабли у нас были неплохие – для нашего времени. Чтобы долететь до Венеры, топлива хватало. Не хватало его, чтобы вернуться обратно. Но не жалейте нас: мы должны были на это пойти. Ведь был шанс, что длинноволосые ошибаются, что мы сможем выйти из корабля, глотнуть чистого венерианского воздуха,

искупаться в прохладной воде – а потом добыть топливо и вернуться на Землю с хорошими вестями.

К сожалению, это не сбылось. Оказалось, длинноволосые свое дело знают. Лерой не стал ждать голодной смерти в стенах корабля: он поставил последнюю точку в судовом журнале, открыл люк и вдохнул метан. Мой корабль был легче. Ветер подхватил его и с размаху ударил о скалы: вместе с ним погиб и я. У Макгилла был корабль потяжелее и большой запас пищи. Неделю он прожил на корабле, вел журнал, а потом… Что ж, после двух погибших кораблей он знал, что его ждет, – и, улетая, захватил с собой цианистый калий. Но не плачьте о нас! Мы были на Венере. Мы ее увидели. И хоть и не вернулись домой – сумели передать вам все, что успели узнать. Теперь вы, ребята, знаете, что и как вам делать. Знаете, что длинноволосые не ошибались. Венера – дама суровая: много знаний и еще больше силы духа понадобится вам, чтобы ее укротить. Но, когда укротите – она щедро вас за это вознаградит. Когда найдете нас и наши корабли – не плачьте о нас. Мы пошли на это ради вас. И знали, что вы не подведете».

Наконец я вернулся домой.

Глава четырнадцатая

– Прошу вас, Фаулер! – взмолился я. – Не сегодня. Давайте завтра.

Фаулер Шокен пристально взглянул на меня.

– Хорошо, Митч, подожду еще, – ответил он. – Хоть я и не из тех, кто привык ездить на заднем сиденье.

Сейчас Фаулер проявил одно из тех свойств, что помогли ему добиться успеха. В мгновение ока он «выключил» любопытство, очистил ум от всяких догадок о том, где я был и что делал, и снова думал только о работе.

– Хороший текст, – сказал он, похлопав по листкам с моими ночными трудами. – Доработай его вместе с О'Ши, хорошо? Пусть добавит красочных деталей: кому это удастся лучше, чем очевидцу? И собирай вещи: рейсом «Вильфредо Парето»[23] полетишь на Землю. Хотя я и забыл – тебе же собирать нечего. Возьми на первое время – зайдешь в магазин и купишь все необходимое. Не забудь прихватить ребят из охраны. Помнишь, что я говорил про «великий уравнитель»?

О'Ши я нашел в соседней кабине: он свернулся клубочком, словно кот, посреди кровати, рассчитанной на человека нормального роста. Вид у Джека был измученный, даже больной. Он повернулся на спину и, с трудом разлепив веки, уставился на меня набрякшими глазами.

– Митч? – хрипло пробормотал он. – Опять чертовы кошмары!

– Джек! – проговорил я. – Проснись, Джек!

Он подскочил на кровати и уставился на меня во все глаза.

– Какого хре… Митч, привет! Ах да… теперь помню. Вчера мне кто-то говорил, что ты воскрес.

Джек попытался тряхнуть головой, но тут же сморщился от боли.

– Ох, умираю! Слушай, дай мне чего-нибудь, а? И вот тебе мой предсмертный совет: не вздумай становиться героем! Ты слишком хороший парень…

Лилипут умолк и застыл, держась за голову и покачиваясь туда-сюда в ритме пульса. Я отправился на кухню, раздобыл там кофиэст, несколько таблеток тиамакса и ломоть искусственного хлеба «Хлебб». На полдороге обратно заглянул в бар и добавил к этому завтраку рюмку бурбона.

Взглянув на поднос с едой, Джек икнул.

– На кой черт мне все это? – простонал он, с отвращением взирая на кофиэст, тиамакс и «Хлебб».

Опрокинув в себя бурбон, Джек малость приободрился.

Совсем чуть-чуть.

– Давно не виделись, Джек, – сказал я.

– Угу, – проворчал он. – Да, вот чего мне не хватало! Какого хрена в рекламе спиртного не предупреждают о похмелье?

Он тщетно попытался встать – крохотные ножки подогнулись, и бедолага снова плюхнулся на кровать.

– А спина-то как разламывается! Может, в монастырь уйти? Что проку в славе? Она меня просто убивает понемногу, день за днем. О-ох, эта вчерашняя туристка из Новой Шотландии! Может, она из эскимосов и у них весной течка?

– Сейчас конец осени, – заметил я.

– М-да? Ну… может, она давно не смотрела на календарь… Дай-ка мне кофиэст!

Ни «пожалуйста», ни «спасибо». Отдает приказы, не сомневаясь, что весь мир вокруг готов бегать по его поручениям. Как изменился мой друг Джек!

– Не хочешь немного поработать? – спросил я, чувствуя себя неловко.

– Ну, можно, – пожал плечами он. – Почему бы и нет? В конце концов, ща все платит Шокен. Кстати, а где ты пропадал?

– Вел исследование, – коротко ответил я.

– Кэти уже видел? Чудесная у тебя жена, Митч!

Не уверен, что его улыбка на что-то намекала, однако точно могу сказать: мне эта кривая ухмылка не понравилась. Совсем не понравилась.

– Рад, что вы с ней нашли общий язык, – сухо ответил я. – Заходи как-нибудь.

Он сплюнул в кофиэст и спросил не вполне твердым голосом:

– Так что за работа, о которой ты говорил?

Я протянул ему черновик буклета. Джек проглотил таблетку тиамакса, сел, скрестив ноги, и начал читать, на ходу подчеркивая и перечеркивая что-то карандашом. Физиономия его все больше мрачнела.

– Вообще все не так, – проворчал он, дочитав до конца. – Полную хрень написал. Лероя, Холдена и Макгилла я знать не знал, да и черта с два они были такими самоотверженными исследователями! И потом, на Венеру не «тянет». Туда толкает.

– А мы полагаем, что «тянет». И постараемся убедить в этом читателей. От тебя нам нужны красочные детали, чтобы расцветить рассказ. Впечатления очевидца. Возможно, от первого лица. Что ты об этом думаешь?

– Меня от этого тошнит, – зевнув, сообщил Джек. – Митч, закажи мне душ, ладно? Десять минут, пресный, тридцать семь градусов. На цену плевать. Знаешь, хорошо быть знаменитостью!

И нужно всего ничего. Ты тоже сможешь, если повезет. – Он свесил с края кровати коротенькие ножки и задумчиво уставился на босые ступни, болтающиеся в шести дюймах от пола. – Что ж, как говорят, живи пока живется.

– Так как насчет моего текста? – спросил я.

– Поищи мои отчеты. А как насчет моего душа?

– Поищи себя лакея! – отрезал я и вышел, кипя от гнева.

Вернувшись к себе в альков, я поработал еще пару часов: впечатления очевидца пришлось сочинять самому. Затем, взяв с собой охрану, отправился по магазинам. На этот раз обошлось без стычек с патрульными. Проходя мимо конторы Уоррена Астрона, я заметил на дверях скромное объявление:

Доктор Астрон с сожалением вынужден сообщить, что неотложные дела призывают его на Землю.

– «Рикардо» уже улетел? – спросил я у одного из охранников.

– Пару часов назад, мистер Кортни. Следующий рейс на Землю – «Парето», он вылетает завтра.

«Значит, пора заговорить», – сказал я себе.

И рассказал Фаулеру Шокену все как было.

А Фаулер Шокен не поверил ни единому моему слову.

Отвечал он мягко, очень стараясь меня не обидеть:

– Митч, никто тебя не винит. Ты пережил тяжелые испытания. Всем нам знакомо это чувство, когда просто не можешь принять реальность такой, как она есть. Ничего, мальчик мой, ты не один. Вместе мы со всем справимся. У каждого бывают в жизни времена, когда ему требуется помощь. Мой психоаналитик…

Не помню, что я ответил, но, боюсь, ответ был не слишком вежливым.

– Ну что ты, что ты! – заворковал Шокен по-прежнему мягко и успокаивающе. – Не надо так переживать! Хочешь, попробую сам кое-что тебе объяснить? Правда, профаны в этом мало что смыслят, однако мне случилось прочесть несколько книг по психологии, да и с моим психоаналитиком мы долго и обстоятельно беседовали, так что, думаю, я могу судить объективно…

– Тогда объясните это! – вскричал я и сунул ему под нос свой локоть с перебитым идентификационным номером.

– Как пожелаешь, – невозмутимо ответил он. – Это вполне соответствует общей картине твоего… скажем так, краткого отпуска от реальности. У тебя был личностный кризис. Ты бежал от самого себя. Принял новую личность, максимально далекую от твоего реального «я», от трудолюбивого и компетентного работника рекламного бизнеса. Выбрал ленивую и беззаботную

жизнь черпальщика, негу под тропическим солнцем…

В том, кто из нас оторван от реальности, я больше не сомневался.

– Твои кошмарные обвинения в адрес Таунтона также совершенно понятны любому, кто… м-м… что-то понимает в бессознательных мотивах, движущих нашим поведением. Очень рад, что ты их озвучил – значит, ты возвращаешься к своему прежнему «я». В чем наша основная проблема – основная проблема Митчелла Кортни, сотрудника рекламного агентства? Наша основная проблема – конкуренция! Мы стремимся раздавить конкурирующие фирмы! Уничтожить их! И твои фантазии о Таунтоне ясно говорят, м-м… образованному человеку, что ты уже на полпути назад к рекламщику Митчеллу Кортни! Фантазия о Таунтоне, полная символов, затемненная противоречивыми чувствами, тем не менее абсолютно ясна. А твою воображаемую встречу с этой девушкой, Хеди, можно просто в учебники включать!

– Черт бы вас побрал, – заорал я, – взгляните на мою челюсть! Видите дыру от иглы? До сих пор больно!

Он только улыбнулся:

– Будем радоваться, Митч, что ты не сделал с собой ничего посерьезнее. Видишь ли, силы нашего бессознательного…

– А как же Кэти? – сипло спросил я. – И все сведения о консах, что я вам выложил? Рукопожатия, условные сигналы, пароли, явки?

– Митч, – посерьезнев, ответил Шокен, – как я уже сказал, лучше побеседуй с психоаналитиком. Но раз уж ты настаиваешь, отвечу: все это тоже фантазии. Противоречивые чувства к жене – сексуальное влечение, обида, ревность, – оторванные от твоей прежней личности и перемещенные в личность «Гроуби», превратили твою жену во враждебную фигуру, в агента консов. Заметь, как умело «Гроуби» подстроил все так, чтобы сообщенные тобою сведения о консах нельзя было проверить. Да, это «Гроуби» убедил тебя – настоящего тебя – целые сутки держать воображаемые «сведения» в тайне, якобы для того, чтобы дать консам возможность все изменить. «Гроуби» поступил так из самозащиты. Он знал, что Кортни возвращается, чувствовал, что истинная личность Кортни вот-вот вытеснит его собственную. И все устроил так, чтобы иметь возможность вернуться.

– Я не сумасшедший!

– Мой психоаналитик…

– Вы должны мне поверить!

– Конфликты, вытесненные в подсознание…

– Говорю вам, Таунтон подсылает к нам убийц!

– Митч, знаешь, что меня полностью убедило?

– И что же? – с горечью спросил я.

– Фантазия о том, что тайное логово консов расположено в глубокой норе, и чтобы туда попасть, нужно войти в Цыпочку. Такая откровенная символика… – Тут он слегка покраснел. – Одним словом, здесь все кристально ясно.

И я сдался. Почти.

– Мистер Шокен, – сказал я, – вы, может быть, слышали, что с сумасшедшими нельзя спорить?

– Мальчик мой, ты вовсе не сумасшедший! Тебе просто нужна помощь, как и многим из…

– Просто ответьте на вопрос. Можете выполнить одну мою просьбу?

– Разумеется, – ласково улыбнулся он.

– Приставьте охрану и ко мне, и к себе. Вы не верите, что Таунтону служат безумные убийцы, а я… то есть Гроуби… Черт! Пожалуйста, не спорьте со мной хотя бы в этом. Выполните мой безумный каприз – позаботьтесь об охране. И я обещаю не бегать на четвереньках и не прыгать из окна. Если нужно, даже пойду к вашему психоаналитику.

– Хорошо, хорошо! – покладисто согласился он.

Бедный старина Фаулер! Можно ли его винить? Каждое мое слово грозило разрушить его уютный мир. Для верного почитателя Святых Продаж мой рассказ звучал богохульством. Он не мог в это поверить и не верил, что в это верю я – настоящий я. Как может Митчелл Кортни, талантливый и успешный сотрудник рекламного агентства, сидеть перед ним и на голубом глазу рассказывать, что:

– интересы производителей и потребителей вовсе не совпадают;

– большая часть населения Земли глубоко несчастна;

– рабочим очень нелегко найти работу по силам и по душе;

– нанимати ведут с ними нечестные игры;

– консы – вполне разумные и порядочные люди, к тому же хорошо организованные.

Каждое мое слово было для него ударом. Однако Фаулер Шокен умел сопротивляться! Все что угодно – лишь бы не усомниться в святости Святых Продаж! Так что он решил, что слышит все это вовсе не от Митчелла Кортни, а от безумного, необузданного подсознания «Джорджа Гроуби».

И, как ни странно, в чем-то он был прав. Следующая моя мысль порадовала бы и Шокена, и его психоаналитика, полностью подтвердив подозрения в раздвоении личности:

«Знаешь, Митч, – сказал я себе, – а ведь ты говоришь совсем

как конс».

И сам себе ответил:

«Вот так так! Да ведь я и есть конс!»

«Погоди-ка, – возразил я, – ты, конечно, конс формально, но фактически…»

«Да вот, – задумчиво ответил я, – сам не понимаю, как так вышло… похоже, теперь и фактически».

Одна из аксиом нашей профессии: хочешь, чтобы предмет бросался в глаза – помести его на контрастный фон. Таким контрастным фоном стали для меня рассуждения Фаулера Шокена.

С сумасшедшими лучше не спорить, сказал я себе. Будем надеяться, Фаулер обеспечит мне надежную охрану. Что-то не тянет меня снова встречаться со своими амбивалентными фантазиями. Может, символизм, заключенный в фигуре Хеди, и очевиден, однако эта воображаемая садистка слишком уж больно отделала меня своей символической иглой.

Глава пятнадцатая

Когда наша небольшая процессия – Фаулер, я, Джек О'Ши, секретари и затребованная мною охрана – поднялась на этажи топ-менеджмента в Шокен-Тауэр, Мэтта Ранстеда на месте не оказалось.

Его секретарша сообщила, что он спустился вниз. Мы ждали… ждали… ждали… Час спустя я предположил, что Мэтт не вернется. А еще через час пришло известие, что на нижнем уступе Башни, в нескольких сотнях футов от нас, обнаружено тело, изуродованное до неузнаваемости. Настолько изуродованное, что его будет очень, очень сложно опознать.

Секретарша Ранстеда, горько рыдая, открыла для нас ящики его стола и сейф. Там, меж прочих бумаг, мы обнаружили дневник Ранстеда за последние месяцы. Среди заметок о работе, об амурных похождениях, планов будущих рекламных кампаний, адресов хороших ресторанов и тому подобного то и дело попадались странные записи вроде:

> *Ночью он снова приходил ко мне. Сказал, что в рекламе нужно уделять больше внимания сексуальным темам. Он меня пугает… Говорит, что компании «Старрзелиус» нужны сильные, мужественные люди. О, как мне страшно! Теперь я понимаю, почему его все боялись в те времена, когда он был жив…*
>
> *Прошлой ночью – снова Дж. В. Х. Впервые увидел его при свете дня. Подпрыгнул и закричал; по счастью, никто не заметил. Когда же он оставит меня в покое?.. Зубы у Дж. В. Х. стали еще длиннее и острее. Мне нужна помощь… Он сказал, что от меня никакого толку, что я позорю профессию…*

Почитав еще немного, мы поняли, что «Дж. В. Х.» – не кто иной, как Джордж Вашингтон Хилл, отец нашей профессии: создатель рекламных песенок, эпатажной рекламы и бог знает чего еще.

– Бедняга! – проговорил Шокен, белый как полотно. – Бедный, бедный Мэтт! Я и понятия не имел!.. Ну что ему стоило со мной поделиться!

Последняя запись, оборванная на полуслове, гласила:

> *Он говорит, я ни на что не гожусь. Я и сам это знаю. Рекламщик из меня никудышный. Все знают это, я вижу*

по лицам – знают, переглядываются и втихомолку смеются надо мной! Он им рассказал! Будь он проклят! Будь прокляты его длинные зубы! Будь проклят…

– Бедный, бедный Мэтт! – едва не плача, повторил Шокен и повернулся ко мне: – Видишь, как нелегко служить нашему делу?

Еще бы не видеть! Сфабрикованный дневник и кусок мяса, который невозможно опознать. С тем же успехом на уступе Башни могли бы валяться восемьдесят кило Цыпочки. Но говорить все это Шокену я, естественно, не стал – только печально покивал головой. С сумасшедшими не спорят.

Я вернулся к работе во главе отдела Венеры. Каждый день ходил к психоаналитику Фаулера. И всегда брал с собой вооруженного охранника. Не раз старик говорил мне – с искренним участием, почти со слезами в голосе:

– Митч, пора бы тебе отказаться от этого символа. Это единственное, что еще стоит между тобой и реальным миром. Доктор Лоулер говорит…

Доктор Лоулер говорил Фаулеру Шокену то, что я говорил доктору Лоулеру. Я медленно и постепенно «интегрировался в реальный мир». Для этого нанял студента-медика, поручил ему придумать мне пару детских травм и разработать убедительную картину психоза, постигшего меня в бытность потребителем. Студент оказался малым с фантазией. Кое-какие его идеи я забраковал, сочтя их несовместимыми с моим достоинством, но и оставшихся хватало, чтобы, слушая меня, доктор Лоулер порой от удивления ронял карандаш. Сеанс за сеансом мы копались в моих воспоминаниях. Никогда в жизни я так не скучал.

И лишь в одном вопросе стоял насмерть: твердил, что мне и Фаулеру Шокену по-прежнему угрожает опасность и что нам необходима охрана.

В эти дни мы с Фаулером стали почти друзьями. Так бывает: он считал, что обратил меня в свою веру, а мне было неловко его разочаровывать. Уж очень он был добр ко мне. Однако в вопросе охраны я не уступал. Все остальное – черт с ним, но это дело жизни и смерти.

Тем не менее настал день, когда Фаулер Шокен произнес мягко:

– Митч, боюсь, пора принять решительные меры. Тебя я заставлять не буду, а вот сам ходить с охраной больше не намерен.

– Фаулер, они убьют вас! – вырвалось у меня.

Он покачал головой:

– Посмотрим. Я не боюсь.

Спорить было бесполезно. Согласно принципам психотерапии у меня на глазах Фаулер вызвал к себе командира охраны.

– В ваших услугах я больше не нуждаюсь. Пожалуйста, возвращайтесь вместе с вашими людьми на биржу охранного труда за новым назначением. Большое спасибо за добросовестную службу.

Лейтенант с разочарованием отдал честь; от непыльной работенки в царстве топ-менеджмента им предстояло вернуться к патрулированию улиц, охране почты или курьерской службы в ночные часы.

Они ушли. Я понял, что часы Шокена сочтены.

В тот же вечер кто-то зарезал его шофера, сам сел за педали шокеновского «Кадиллака» и задушил Шокена, едва они отъехали от офиса. Убийца был явно ненормальным. Его пытались задержать, но он начал сопротивляться аресту и лишь безумно хохотал, получая удары дубинками. В конце концов копы забили его насмерть. Идентификационный номер был срезан, так что опознать его не удалось.

Можете себе представить, что творилось в офисе на следующий день! Собралось траурное заседание правления: приняли резолюцию о том, что это стыд и позор для нашей профессии, что не забудем, не потерпим, не простим и так далее. Другие агентства выразили соболезнования. В том числе и агентство Таунтона; я поймал на себе несколько недоуменных взглядов, когда скомкал их письменное соболезнование в кулаке и грязно выругался.

А вот члены правления в мою сторону не смотрели. Мысли их были заняты другим: блокирующим пакетом акций.

Фирма «Фаулер Шокен ассошиэйтед» была капитализирована из расчета 7×1013 акций. Половина из них плюс одна были доступны лишь сотрудникам, трудящимся по контракту формы AAAA – или, говоря по-простому, топ-менеджерам звездного класса. Оставшиеся акции, как и полагалось, ходили на свободном рынке, обеспечивая к компании общественный интерес. Некоторую часть этих акций через подставных лиц скупил сам Шокен, как обычно и делается. На собственное имя он оформил скромные $0{,}75 \times 1013$ акций, а остальные раздавал щедрой рукой. Сам я, хоть и занимал сейчас в организации вторую по старшинству позицию, был молодым сотрудником, так что моя доля в фирме, полученная через бонусы и надбавки, составляла лишь $0{,}857 \times 1012$. Больше всего акций за нашим столом было, пожалуй, у Харви Брюнера. Старейший и ближайший сотрудник Шокена, он получал по $0{,}83 \times 1013$ акций в год в течение многих лет. (Номинально это давало ему

преимущество перед самим Шокеном, однако он, разумеется, понимал, что в случае конфликта Фаулер выставит против него другие свои 3,5 × 1018 + 1, принадлежащие подставным акционерам, которые с удивительным единодушием проголосуют так, как Фаулер им скажет. Кроме того, Харви был предан Шокену.) Похоже, он считал себя очевидным наследником – и несколько наивных юнцов из научного отдела, думая так же, начали перед ним пресмыкаться. Глупцы. Харви – честная рабочая лошадка, креативности в нем ни на грош. Под его тяжелой рукой сложная постройка «Фаулер Шокен ассошиэйтед» за год рассыплется в прах.

Вздумай я держать пари, поставил бы на Силлери, руководителя отдела связей со средствами массовой информации, а уж затем на себя. По-видимому, такого же мнения придерживалось большинство из нас, не считая Брюнера и его недалеких прихлебателей. Вокруг Силлери уже вертелась кучка подхалимов, несомненно, вспоминавших сейчас звучные изречения Фаулера вроде: «СМИ, джентльмены, – это основа основ!» или: «У копирайтеров – талант, у пиарщиков – мозги!» Я сидел в дальнем конце стола как прокаженный; охранники у меня за спиной не спускали глаз со всего, что происходило в зале. В какой-то момент Силлери бросил взгляд в нашу сторону, и на лице у него ясно читалось: «Сколько можно? Первым делом покончу с этой ерундой!»

Наконец мы дождались.

– Джентльмены! К вам джентльмены из Американской арбитражной ассоциации, Отдел Завещаний.

По традиции представители арбитража явились в черных костюмах и с похоронными лицами. Не знаю, привычка или врожденное отсутствие чувства юмора помогло им сохранять серьезность, пока Силлери приветствовал их прочувствованной речью, где упоминал о «печальном долге», а под конец сообщал, что надеется встретиться с ними в другой раз при более приятных обстоятельствах.

Они скороговоркой прочли завещание и раздали по экземпляру каждому из нас. Я сразу поискал себя – и нашел:

> *Дорогому другу и коллеге Митчеллу Кортни оставляю на память о себе дубовое кольцо, инкрустированное слоновой костью (инвентарный номер 56987), и семьдесят пять акций основного попечительского капитала в Институте распространения психоаналитических знаний, некоммерческой организации, расположенной в Нью-Йорке, с тем, чтобы он посвятил*

часы досуга активному участию в этой организации и достижению ее благородных целей.

«Что ж, Митч, – сказал я себе, – вот ты и пролетел». Отложил экземпляр завещания и откинулся на стуле, прикидывая в уме, что у меня осталось и как теперь этим распорядиться.

– Не повезло вам, мистер Кортни, – решился посочувствовать мне какой-то паренек из научного отдела. – А мистер Силлери-то как доволен!

Я взглянул на первый абзац завещания, где говорилось о Силлери. Ну разумеется: он получил все личные акции Фаулера, а также львиную долю капиталов «Менеджериал инвестмент синдикейт», «Андерайтерс холдинг корпорейшн» и еще пары наших дочерних компаний.

Парень из отдела исследований заглянул в мой экземпляр.

– Если позволите заметить, мистер Кортни, – сказал он, – старик мог бы с вами обойтись и получше. С психоанализом я неплохо знаком, но о таком институте никогда не слыхивал.

Я даже вздрогнул; мне показалось, что над самым ухом раздался язвительный смешок Фаулера.

– Вот ведь старый козел! – беззвучно выдохнул я.

Да, у моего шефа всегда было своеобразное чувство юмора.

Силлери кашлянул, и все разом умолкли. В конференц-зале воцарилась тишина.

– Джентльмены, – заговорил великий человек, – по-моему, здесь слишком людно. Думаю, стоит предложить всем, кроме членов правления, покинуть зал.

Я встал.

– Избавлю вас от лишнего беспокойства. Пошли, ребята. Силлери, быть может, я еще вернусь.

И вместе со своей охраной вышел вон.

Некоммерческая организация Институт распространения психоаналитических знаний на деле оказался конурой из трех комнатушек в центре Йонкерса. В первой комнате горбилась над пишущей машинкой чудаковатая старая дева, чем-то напоминавшая героинь Диккенса. Рядом, на покосившейся стойке, торчали засиженные мухами брошюры.

– Я из «Фаулер Шокен ассошиэйтед», – сказал я.

Она так и подпрыгнула.

– Прошу прощения, сэр! Я вас не заметила. Как поживает мистер Шокен?

Я объяснил, что мистер Шокен больше не «поживает», и она разрыдалась. Да что же это? Да как же это? Такой был добрый,

благородный человек, столько жертвовал на Институт! И что же теперь им с братом делать? Бедный мистер Шокен! Бедный ее брат! Бедная она сама!

– Быть может, еще не все потеряно, – сказал я ей. – Кто у вас главный?

Громко сморкаясь, она сообщила, что ее брат, он в кабинете.

– Только умоляю вас, мистер Кортни, сообщите ему это новость осторожно! Он такой хрупкий, такой чувствительный…

Я пообещал, что буду очень осторожен, и вошел. Чувствительный братец храпел, упав головой на стол; в нос шибанул запах спиртного. Я растолкал его, и он уставился на меня наглыми, налитыми кровью глазами.

– Вы кто? Чего надо?

– Я из «Фаулер Шокен ассошиэйтед». Хочу взглянуть на ваши бухгалтерские книги.

Он энергично замотал головой:

– Никак нельзя, сэр! Никому, кроме старика, мы их не показываем.

– Старик умер, – ответил я. – Вот его завещание.

Я показал нужный абзац в завещании и свое удостоверение личности.

– Вот незадача! – проворчал он. – Кончились, значит, золотые денечки! Или, может, вы нас здесь оставите, мистер Кортни? Видели, что там написано? Он хотел, чтобы вы участвовали…

– Вижу, – ответил я. – Бухгалтерские книги, пожалуйста.

Я просидел над ними, не разгибаясь, три часа – и выяснил, что Институт существует исключительно для хранения и использования 56 процентов акций организации, по прихоти Фаулера Шокена названной «Генеральная корпорация редукции фосфора в Ньюарке».

Выйдя в коридор, я подозвал своих охранников:

– Пошли, ребята. Теперь в Ньюарк!

Не стану утомлять вас подробностями. В первых трех итерациях акции шли единым потоком, дальше разделялись. Один поток два шага спустя привел меня к «Франкфуртской брокерской компании по использованию подержанного инструмента»: ей принадлежали 32 процента акций «Фаулер Шокен ассошиэйтед», находящихся «в открытой продаже». Другой след на следующем шаге снова раздвоился и наконец привел меня к «Юнайтед Консешн Корпорейтед» и к «Вокиганскому колледжу зубоврачебного искусства»: эти две конторы владели всем остальным.

Две недели спустя я в сопровождении охраны пришел на утреннее совещание правления.

Председательское место занимал Силлери. Вид у него был усталый и измученный, как будто последнюю пару недель он ночь за ночью тщетно что-то искал.

– Кортни! – рявкнул он. – Я, кажется, ясно сказал, чтобы свой батальон ты оставлял снаружи!

Вместо ответа я кивнул Харви Брюнеру – недалекому, но честному старику Харви, который уже все знал. Преданный Шокену, теперь он был предан мне.

– Господин председатель, – проблеял он, – вношу предложение разрешить членам правления иметь при себе охрану в том количестве, которое они считают необходимым для обеспечения своей физической безопасности.

– Поддерживаю предложение, господин председатель, – сказал я, а затем обернулся к охранникам: – Ну что ж, ребята, заносите!

И охранники, широко ухмыляясь, начали вносить в зал чемодан за чемоданом с моими акциями.

У всех челюсти отвисли и глаза полезли на лоб, когда на столе выросла груда бумаг. Немало времени ушло на то, чтобы их проверить и пересчитать. Окончательные результаты голосования были таковы: $5{,}73 \times 1013$ против $1{,}27 \times 1013$. Все голоса «против» принадлежали Силлери, и только Силлери. Все правление, не раздумывая, перешло на мою сторону. Воздержавшихся не было.

Верный старый Харви внес предложение передать председательские функции мне. Поддержали единогласно. Затем проголосовали за то, чтобы отправить Силлери на пенсию, а его долю акций приобрести по номиналу и передать в бонусный фонд. Единогласно. И еще одно предложение, просто чтобы напомнить, кто тут главный: вывести из состава правления некоего Томаса Хизерби из художественного отдела, особенно рьяно стелившегося перед Силлери, и лишить его доли акций без компенсации. Единогласно.

Хизерби и рта раскрыть не посмел. «Слава богу, хоть не уволили!» – наверняка думал он.

Дело было сделано. Я стал хозяином «Фаулер Шокен ассошиэйтед» – компании, воплотившей в себе все, о чем я когда-то мечтал, чему поклонялся…

…и что теперь ненавидел.

Глава шестнадцатая

– Мистер Кортни, междугородный звонок! – послышался из динамика голос моей секретарши.

Я нажал на кнопку переговорного устройства.

– В Олбени по доносу соседа арестован конс. Вы полетите туда?

– Черт побери! – взорвался я. – Сколько раз вам говорить? Разумеется, полечу! Я когда-нибудь отвечал «нет»?

– Прошу прощения, мистер Кортни, – заторопилась она, – просто я подумала, что Олбени слишком далеко…

– Я вам плачу не за то, чтобы вы думали. Заказывайте билет до Олбени.

Быть может, не стоило отвечать так резко. Но я искал Кэти. И готов был все перевернуть вверх дном, разворошить каждую ячейку консов в стране, чтобы ее найти. Совсем недавно я сам оборвал с ней связи – из страха, что могу ее выдать. Теперь единственным моим желанием стало ее вернуть.

Час спустя я уже сидел в Северном Агентстве взаимного обеспечения безопасности. У этой местной конторы было немало завязок в Олбени. Глава ее сам встретил меня вместе с моей охраной у лифта.

– Такая честь для нас! – бормотал он. – Огромная честь, мистер Кортни! Скажите, чем мы можем вам помочь?

– Мой секретарь передала вам просьбу не начинать допрос задержанного конса, пока я не прилечу. Вы так и сделали?

– Разумеется, мистер Кортни! Как же иначе? Может, ребята и дали ему пару тумаков от души, но в целом он в отличной форме.

– Я хочу его видеть.

Глава агентства повел меня по коридору. На пухлой физиономии его отражалось беспокойство; он явно хотел поработать с «Фаулер Шокен», но не знал, как завести об этом разговор.

Подозреваемый сидел посреди камеры на табурете, привинченном к полу. Как обычно, в лицо ему бил ослепляющий прожектор. Потребитель, «белый воротничок», лет тридцати или около того, с парой синяков на физиономии.

– Уберите свет, – приказал я.

– Но мы всегда… – начал надзиратель, здоровенный детина.

Один из моих охранников молча отодвинул его в сторону и выключил прожектор.

– Все в порядке, Ломбардо, – поспешно вставил глава агентства. – Выполняйте распоряжения этих джентльменов.

– Стул мне, – велел я и сел напротив арестованного. – Меня зовут Кортни, – обратился я к нему. – А вас?

Зрачки его, уже сузившиеся, снова расширились от удивления.

– Филмор, – ответил он. – Огаст Филмор. Не могли бы вы объяснить, что все это значит?

– Вас подозревают в принадлежности к консам.

Со стороны копов кто-то тихо ахнул. Я нарушил базовое правило ведения допросов: не сообщать подозреваемому, в чем его обвиняют. Ну и черт с ним.

– Какая ерунда! – воскликнул Филмор. – Я нормальный добропорядочный гражданин. Семейный человек. Восемь детей, ждем девятого… Кто, черт возьми, сказал вам такую чушь?

– Скажите ему, кто на него донес, – кивнул я главе агентства.

Тот уставился на меня, выпучив глаза, не в силах поверить своим ушам.

– Мистер Кортни, – заговорил он наконец, – при всем уважении, такую ответственность я на себя взять не могу! Это неслыханно! Закон гарантирует право информатора на анонимность…

– Всю ответственность я беру на себя. Если хотите, можно в письменном виде.

– Нет-нет-нет! Нет, нет! Не надо! Вот что, мистер Кортни… пожалуйста… давайте сделаем так: я сообщу имя информатора вам – зная, что вы человек ответственный и уважаете закон, – а затем выйду из комнаты.

– Как угодно.

Он заискивающе улыбнулся, а затем прошептал мне на ухо:

– Это некая миссис Уорли. Ее семья проживает в одной комнате с семьей обвиняемого. Прошу вас, мистер Кортни, будьте очень осторожны…

– Благодарю вас, – ответил я.

Глава агентства, стыдливо опустив глазки, ретировался вместе со своими сотрудниками.

– Итак, Филмор, – снова обратился я к подозреваемому, – на вас донесла миссис Уорли.

Он разразился бранью, но я его прервал:

– Не будем попусту тратить время. Вы, конечно, понимаете, что ваша песенка спета. Знаете, что писал о сбережении природных ресурсов Фогт?

Это имя явно ничего для него не значило.

– А кто это? – рассеянно спросил Филмор.

– Не важно. Поговорим о другом. Я человек не бедный и готов платить вашей семье щедрое пособие, пока вас не будет. Но при

условии, что вы признаете себя консом и ответите на мои вопросы.

На несколько секунд он тяжело задумался, а потом ответил:

– Конечно, я конс! А что тут такого? Так или иначе, я пропал – почему бы не признаться?

– Раз вы закоренелый конс, может быть, процитируете мне что-нибудь из Осборна?

Об Осборне он явно слышал впервые, но принялся импровизировать на ходу:

– Ну… кажется… есть у него одно изречение, которое начинается так: «Долг каждого консa… э-э… готовить восстание…» – дальше я не помню, но как-то в этом роде.

– Почти угадали. А как насчет заседаний вашей ячейки? Кто в нее входит?

– По именам я никого не знаю, – уже побойчее начал Филмор. – Мы называем друг друга по номерам. Главный у нас – такой здоровенный темноволосый…

Фантазия у него работала вполне прилично. Увы: труды Фогта и Осборна, легендарных героев консервационизма, хранятся в каждой ячейке и передаются из рук в руки. Прочесть и изучить их – первая задача новичка. Не знать, кто это такие и о чем они писали, настоящий конс просто не может.

Мы вышли.

– Непохоже, чтобы он действительно был консом, – бросил я главе агентства, в тревоге ожидающему у двери.

Я был президентом «Фаулер Шокен ассошиэйтед», а он – всего лишь начальником заштатного провинциального полицейского агентства, но это оказалось для него уж слишком. Он расправил плечи и ответил с достоинством:

– Мы, мистер Кортни, служим правосудию. А знаете, каков древнейший, основополагающий принцип правосудия? «Пусть лучше пострадает тысяча невинных, чем избежит наказания один виновный!»

– Это изречение мне известно, – ответил я. – Всего доброго.

На поясе у одного из охранников запищал телефон – сигнал приоритетного звонка. Звонила моя секретарша из Шокен-Тауэр, чтобы сообщить об еще одном аресте, на сей раз в городе Пайл-Сити Третий, близ Кейп-Кода.

Мы полетели в Пайл-Сити Третий: путь туда пролегал над бушующим морем. Ненавижу все Пайл-Сити. Я ведь уже упоминал, что страдаю от морской болезни.

Здешний подозреваемый оказался обыкновенным бандитом. Залез ночью в ювелирную лавку, забрал пригоршню дорогих украшений из дуба и красного дерева, оставил полуграмотную

записку: мол, грядет месть консов, скоро мы выйдем из подполья и перебьем всех богачей. Думал так отвести от себя подозрения.

Редкостный идиот.

За порядком здесь следило агентство Бернса; я осторожно побеседовал с начальником его местного отделения. Он сам признался, что аресты консов за последний месяц были по большей части такого же сорта. Да что там «по большей части», откровенно сказать, ни одного настоящего конса за месяц они не поймали. А ведь раньше, бывало, каждую неделю раскрывали по ячейке! Не иначе зимой консы в спячку впадают!

Оттуда мы вернулись в Нью-Йорк, где тоже арестовали очередного конса. С ним я встретился и несколько минут слушал его болтовню. В консервационистской теории он насобачился, Фогта и Осборна цитировал страницами. Но еще заявил, что избран Богом, дабы стереть с лица Матери-Земли людишек, бездумно расточающих природные ресурсы. Разумеется, подтвердил, что он член организации консов, но скорее умрет, чем выдаст их секреты. В этом я не сомневался – ведь он определенно никаких секретов не знал. Черта с два консы доверились бы такому психу, даже если бы их осталось всего ничего!

Уже на закате мы вернулись в Шокен-Тауэр; здесь моя охрана сменилась. Чертовски неудачный выдался день. Впрочем, как и все предыдущие с тех пор, как я стал главой компании.

На вечер было назначено совещание. Я не хотел идти, но ощутил укол совести, подумав о том, как гордился мною Фаулер Шокен, как уверен был во мне, когда выбрал меня своим наследником. Так что потащился в конференц-зал – но сперва позвонил в отдел промышленного шпионажа, руководителю которого много дней назад дал особое задание.

– По-прежнему ничего, сэр, – доложил он. – Никаких следов вашей… доктора Нейвин. Ниточка, ведущая к сотруднику отдела кадров компании «Хлорелла», оборвалась. Нам… м-м… продолжать?

– Продолжайте, – ответил я. – И не стесняйтесь, если понадобятся дополнительные люди или расходы. Главное, результат.

Он заверил меня в своей преданности и повесил трубку, должно быть, про себя посмеиваясь над шефом – сентиментальным дурнем, тоскующим по бесследно пропавшей с горизонта жене. Да еще и временной жене! Что он думал о других людях, которых искал по моему приказу, мне неведомо. Все они как сквозь землю провалились – все мои немногочисленные контакты среди консов в Коста-Рике, в нью-йоркской

канализационной системе, на Луне. Кэти не вернулась ни к себе домой, ни в больницу. Уоррен Астрон бросил заманивать простофиль в свои сети на Первой Торговой улице. Мои товарищи из «Хлореллы» растворились в джунглях. Все исчезли, словно их и не бывало.

Началось совещание правления.

– Джентльмены, прошу извинить меня за опоздание. Вступительное слово давайте опустим. Чарли, расскажи нам, как дела с проектом «Венера» у научного отдела.

Чарли поднялся с места.

– Мистер Кортни, господа! Не хотелось бы быть нескромным, но полагаю, что отдел научных разработок и исследований отлично справляется со своей задачей и что мои ребята – гордость «Фаулер Шокен ассошиэйтед». А именно: мы провели испытания вихревой трубы Хилша в аэродинамической трубе, и эксперимент полностью подтвердил предсказания нашего подразделения физики и термодинамики, сделанные на основе теоретических данных и вычислений. Суть в следующем: расположив на вершинах венерианских гор и холмов трубы Хилша различного диаметра так, чтобы ветер дул сквозь них, мы сможем добиться выделения из воздуха жидкого азота. Сам по себе жидкий азот нам, разумеется, не нужен. Однако мы можем модифицировать отверстия труб и прогонять сквозь них любой объем газа той температуры, какую сочтем нужным. Принцип действия вихревой трубы Хилша, как вы, конечно, знаете, состоит в том, что при прохождении воздуха в трубе образуется своего рода водоворот, отделяющий горячие молекулы от холодных, по принципу так называемого демона Максвелла…

– Чарли, – прервал я его, – ты хочешь сказать, что нашел способ охладить венерианскую атмосферу настолько, чтобы она стала пригодна для жизни?

– Вот именно, мистер Кортни! Именно это я и хочу сказать! А из горячих потоков воздуха мы сможем извлекать энергию!

– Ты уверен, что получится?

– Вполне уверен, мистер Кортни, – ответил Чарли, с трудом удерживаясь от той самодовольной усмешки, что свойственна ученым, беседующим с профанами. – Доклады О'Ши, телеметрические данные, а также фазовый анализ Гиббса ясно показывают…

Я снова его перебил:

– При прочих равных, ты готов был бы сам полететь на Венеру, полагаясь на свои опыты?

– Разумеется, – ответил он с легкой обидой. – Если хотите, приведу вам технические параметры…

– Не нужно. Просто еще раз повтори все эксперименты с независимой командой экспертов. Чтобы убедиться окончательно.

– Хорошо, мистер Кортни, – ответил Чарли и, склонив голову, принялся что-то записывать в блокнот.

– Отлично. Прежде чем продолжим – есть ли у кого-то еще новости по проекту «Венера»?

Поднял руку Бернхард, наш главный бухгалтер. Я кивнул ему.

– У меня вопрос о мистере О'Ши, – заговорил он, нахмурившись. – У нас он работает консультантом и получает очень приличную зарплату. Я расспросил сотрудников – надеюсь, мистер Кортни, я не вышел за пределы своих полномочий, – так вот, расспросил сотрудников и выяснил, что никаких консультаций от него давно уже никто не получал. Также должен упомянуть, что в последнее время он взял несколько крупных авансов в счет будущих услуг. Если сейчас мы расторгнем с ним контракт, он останется нам должен. И наконец – может быть, это мелочь, но, так сказать, для общей характеристики ситуации: девушки в бухгалтерии жалуются, что он к ним пристает.

Я поднял брови.

– Бен, хоть слава Джека О'Ши и клонится к закату, пока еще он нам нужен. Для престижа. Авансов ему больше не давай. Что же касается девушек… Честно говоря, я удивлен, раньше они на его внимание не жаловались!

– А вы давно его видели в последний раз? – проворчал Бернхард.

И я вдруг сообразил, что в самом деле давно не видел Джека О'Ши.

Совещание закончилось быстро и без происшествий.

Вернувшись к себе в кабинет, я попросил секретаршу выяснить, в офисе ли сейчас Джек О'Ши, и, если он здесь, пригласить его ко мне.

Джек вошел, благоухая спиртным и громко негодуя:

– Черт возьми, Митч, сколько можно! Только я хотел подцепить себе крошку на ночь – вдруг звонишь ты и все портишь! Какие еще понадобились консультации? У вас есть мое имя, ну и делайте что хотите!

Выглядел он хуже некуда. Обрюзгший, помятый, с недовольной оплывшей физиономией – этакая миниатюрная копия Наполеона на Эльбе. Однако едва он вошел, я вдруг подумал о Кэти – и лишь несколько секунд спустя сообразил почему.

– Ну? – продолжал он. – На что уставился? У меня помада размазалась?

Аромат. Очень знакомый аромат. Запах спиртного приглушал его, но совсем скрыть не мог.

«Menage a Deux» – аромат, который создал я сам для Кэти, для нее одной, когда мы были в Париже. Она очень любила эти духи, порой даже ими злоупотребляла. Словно наяву я услышал ее голос: «Милый, просто не могу удержаться! Они настолько приятнее формалина, которым пахнешь обычно после целого дня в больнице…»

– Извини, Джек, – сказал я ровным голосом. – Не знал, что у тебя сегодня ночь охоты. Иди развлекайся. Дела подождут.

Он скорчил гримасу и вышел, переваливаясь на своих коротеньких ножках.

Я схватил телефонную трубку и набрал номер отдела промышленного шпионажа.

– Установите слежку за Джеком О'Ши. Скоро он выйдет из здания. Следите за ним и за всеми его контактами. Днем и ночью. Если из этого что-то выйдет, весь отдел получит повышения и премии. Но если узнаю, что вы халтурите, – помоги вам Господь!

Глава семнадцатая

Дошло до того, что подчиненные ко мне и близко подходить боялись. Я ничего не мог с собой поделать. Жил только донесениями о Джеке О'Ши.

К концу недели две дюжины шпиков одновременно ходили по пятам за Джеком и за всеми, с кем он хоть раз заговорил. Официанты, агент, организующий его выступления, девушки, старый друг-летчик, коп, с которым пьяный Джек как-то вечером повздорил, – или, может, не коп, да и ссора была лишь для отвода глаз? Словом, пока ничего любопытного.

Но однажды вечером в списке появилось новое лицо.

> *«Потребитель, пол женский, около 30 лет, рост 1 м 60 см, вес около 55 кг, волосы рыжие, цвет глаз не определен, костюм дешевый. Официантка в ресторане «Небесное рагу». Объект вошел в ресторан в 18.37, прождав 14 минут снаружи, сразу направился к столику, обслуживаемому новым контактом, из-за которого только что встали предыдущие посетители. Примечание: объект уделял официантке большое внимание. Заказал рагу, съел очень немного, обменялся несколькими словами с новым контактом. Возможно, передал или получил какие-то документы, на расстоянии трудно было определить с уверенностью. Слежка за новым контактом поручена нашей сотруднице».*

Около тридцати, рост и вес совпадают… Я набрал номер отдела шпионажа и приказал:

– За этой официанткой следите очень внимательно. Все новости немедленно сообщайте. Разузнали о ней что-нибудь в ресторане?

Мой собеседник, смутившись, принялся объяснять, что обычно они так не делают. Если наводить справки об объекте через третьих лиц, это может дойти до него и спугнуть. Хотя если я настаиваю…

– Хорошо, – оборвал я, – делайте, как считаете нужным.

– Пожалуйста, мистер Кортни, подождите минуту! Только что поступило сообщение от нашей сотрудницы. Официантка живет в Таунтон-билдинг, занимает ступени 17 и 18 на тридцать пятом этаже. Сейчас она там.

Две ступени. У меня упало сердце.

– А кто живет на тридцать пятом? – спросил я.

– Семейные пары.

– И она…

– Она сейчас одна, мистер Кортни. Наша сотрудница притворилась, что ищет свободную ступень. Ей сказали, что миссис с семнадцатой ступени заняла вторую для мужа. Он работает в агрокомплексе где-то на севере штата.

– В какое время у Таунтона закрываются лестницы? – спросил я.

– В десять вечера, мистер Кортни.

Я взглянул на часы.

– Ваша сотрудница пусть отправляется домой. Пока на этом все.

Я встал из-за стола и сказал охранникам:

– Джентльмены, мне нужно выйти одному. Пожалуйста, подождите здесь. Лейтенант, не одолжите мне ваш револьвер?

– Разумеется, мистер Кортни.

Он отдал мне пистолет двадцать пятого калибра, и я отправился в путь – ночью, один.

Едва я вышел из холла Шокен-Тауэр, как от стены отделился невзрачный человечек и двинулся за мной. Я вывел его на пустынную улицу – узкий темный прогал между многоэтажками, закрывающими небеса. В воздухе висел густой смог. У меня были носовые заглушки, а вот у шпика не было, и я даже на приличном расстоянии слышал, как он сопит. Мимо нас проехало пустое такси с задернутым пологом: тяжело дыша, крутил педали усталый водитель.

Не оборачиваясь, я свернул за угол Шокен-Тауэр и резко прижался к стене. Шпик обогнул угол следом и остановился в раздумье, вглядываясь во мрак.

Я со всей силы гвозданул его револьвером по затылку и пошел дальше. Может, он был и из моих людей; сегодня я не хотел, чтобы за мной следили.

Ко входу для ночных жильцов Таунтон-билдинг я подбежал в 21.59. Едва вошел, как сработал таймер и дверь захлопнулась. Передо мной была тесная кабинка платного лифта. Я бросил в щель монету и нажал кнопку 35. Пока лифт, скрипя и кряхтя, поднимался вверх, я читал объявления на стенах:

НОЧНЫЕ ЖИЛЬЦЫ САМИ ОТВЕЧАЮТ ЗА ПОДДЕРЖАНИЕ ПОРЯДКА НА ЛЕСТНИЦЕ. ЗА КРАЖИ, ГРАБЕЖИ, НАПАДЕНИЯ, ИЗНАСИЛОВАНИЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕ НЕСЕТ.

ПРОСИМ НОЧНЫХ ЖИЛЬЦОВ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ НА ТО, ЧТО ПЕРЕГОРОДКИ МЕЖДУ СТУПЕНЯМИ

ОПУСКАЮТСЯ В 22.10, И ВСЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОТПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШАТЬ ДО ЭТОГО ВРЕМЕНИ.

ПЛАТА ЗА АРЕНДУ СТУПЕНЕЙ ВНОСИТСЯ ВПЕРЕД КАЖДЫЙ ВЕЧЕР, ЧЕРЕЗ АВТОМАТИЧЕСКОГО КЛЕРКА.

АДМИНИСТРАЦИЯ ОСТАВЛЯЕТ ЗА СОБОЙ ПРАВО ОТКАЗАТЬ В АРЕНДЕ ПОТРЕБИТЕЛЯМ ПРОДУКТОВ «СТАРРЗЕЛИУС».

Двери отворились на лестничной площадке тридцать пятого этажа. Казалось, я стоял перед куском сыра, изъеденным червями. Мужчины и женщины вперемешку ворочались на ступенях, пытаясь устроиться поудобнее до того, как опустятся перегородки. Я взглянул на часы: 22.08.

Осторожно и медленно – слишком медленно! – я пробирался в полумраке наверх среди лежащих тел, раскинутых рук и ног, извиняясь, считая ступени… и ровно в 22.10 оказался на семнадцатой.

С оглушительным лязгом опустились перегородки, отделив семнадцатую и восемнадцатую ступени от всего остального мира. Фигура, закутанная в одеяло, села, в тусклом свете я увидел лицо, сердитое и испуганное, – и маленький пистолет в руке.

– Кэти! – сказал я.

Оружие выпало из ее руки.

– Митч! Что ты здесь делаешь, идиот? – воскликнула она вполголоса. – Они же от тебя не отстали, они по-прежнему следят за тобой и ищут случая убить…

– Все это я знаю, Кэти. И не боюсь. Чтобы доказать тебе, что говорю правду, я готов сунуть голову в пасть льва. Слушай же: ты была права, а я ошибался.

– Как ты меня нашел? – подозрительно спросила она.

– От О'Ши пахло твоими духами. «Menage a Deux».

Кэти вдруг рассмеялась:

– Так ты выследил меня по запаху?

– Я не стану больше говорить о любви, – продолжал я. – С этим покончено. Хочу сказать только одно: я на твоей стороне. И дам тебе все, что захочешь.

Она, сощурившись, посмотрела на меня:

– Как насчет Венеры?

– Венера твоя.

– Митч, – сказала Кэти, – если ты лжешь, если ты меня обманываешь…

– Проверишь завтра, если мы выберемся отсюда живыми. А до тех пор говорить больше не о чем, верно? Мы с тобой заперты здесь на ночь.

– Верно, – ответила она. – Мы с тобой одни. Вдвоем. На всю ночь… – И вдруг воскликнула со слезами в голосе: – Господи, как же я скучала по тебе!

Ровно в шесть утра взвыла сирена – сигнал побудки. Ультразвуковые частоты сверлили череп, гарантируя, что ни один соня не пропустит утреннюю эвакуацию.

Кэти быстро сложила постель и убрала в ящик под ступенью.

– Через пять минут поднимут перегородки, – предупредила она. Приподняла крышку семнадцатой ступени, пошарила под ней и извлекла косметичку. – Не шевелись!

Я невольно ойкнул, когда по моей правой брови, прямо над глазом, прошлась бритва.

– Не шевелись! – повторила Кэти.

Бритва скользнула по левой брови. Затем Кэти попудрила меня какими-то загадочными кисточками.

– Эй-м-мм! – промычал я, когда она подняла мне верхнюю губу и вставила под нее ватный тампончик. Еще двумя тампонами оттопырила мне уши. Сказала: «Ну вот!» – и протянула зеркало.

– Неплохо, – кивнул я. – Один раз я уже выбрался отсюда вместе с толпой. Думаю, получится и теперь.

– Сейчас откроют, – напряженно сказала Кэти; видимо, она услышала какие-то звуки, которых я, непривычный к ночевкам на лестнице, не заметил.

Перегородки с лязгом поднялись… и выяснилось, что на тридцать пятом этаже мы одни.

Точнее, не совсем одни. Перед нами, меж двух охранников, стоял Б. Дж. Таунтон собственной персоной. Как и в прошлый раз, он был багрово-красен, покачивался, и от него несло спиртным. Оба охранника, вскинув автоматы, держали меня на прицеле. Таунтон широко ухмылялся.

– Кортни, старина, – протянул он и громко икнул, – ну и неподходящее же место ты выбрал для охоты за девицами! И как не пришло в голову, что для ловких ребят вроде тебя у нас есть фоторегистратор? Девочка, ты отойди-ка в сторонку…

Кэти в сторонку отходить не стала. Наоборот, шагнула прямо к Таунтону и уперлась своим пистолетиком ему в живот. Багровая физиономия Таунтона пошла пятнами.

– Ты знаешь, что делать, – жестко сказала Кэти.

– Ребята, – слабым голосом проговорил Таунтон, – бросайте стволы. Ради бога, бросайте!

Охранники переглянулись.

– Бросайте же! – завизжал Таунтон.

Целая вечность потребовалась им, чтобы бросить автоматы –

но они это сделали. По физиономии Таунтона потекли слезы.

– Повернитесь спиной, – приказал я охранникам, – и ложитесь лицом вниз.

И достал свой пистолет, одолженный у лейтенанта. Как же приятно было держать его в руке!

В лифт слишком легко накачать усыпляющий газ, так что вниз мы пошли пешком. Спускались долго, медленно и осторожно, хоть ночных жильцов здесь уже не было – всех их Таунтон со своей командой выставил среди ночи. Всю дорогу Таунтон всхлипывал и что-то бормотал. А на десятом этаже вдруг взмолился:

– Кортни, мне нужно выпить! Умираю, как хочу выпить! Здесь есть бар, можешь все время держать меня на мушке…

Кэти только рассмеялась в ответ, и мы продолжили медленный, осторожный путь вниз.

У выхода для ночных жильцов я, хоть на улице и стояла зима, скинул пальто и прикрыл им пистолет Кэти.

– Все хорошо, все хорошо! – дрожащим голосом крикнул Таунтон изумленному охраннику у входа. – Эти люди – мои друзья. Все в порядке!

Вместе с ним мы дошли до входа в подземку и нырнули внутрь, оставив его, посеревшего и трясущегося, на улице. Самая опасная часть пути окончена. Теперь, чтобы добраться до нас, ему придется взорвать подземку – а на это даже Таунтону вряд ли хватит сил. Около часа мы петляли под землей, затем вышли наружу, и я позвонил из таксофона в офис. На другой станции нас встретила моя охрана, и через четверть часа мы уже входили в Шокен-Тауэр.

Впервые за день мы от души посмеялись, прочтя утреннюю газету. Там говорилось, среди прочего, что в три часа ночи на лестнице Таунтон-билдинг обнаружилась утечка хладореагента. Сам Б. Дж. Таунтон, рискуя жизнью, руководил эвакуацией ночных жильцов – и эвакуировал всех в рекордный срок и без единой человеческой жертвы.

За завтраком – его нам принесли в кабинет – я сказал Кэти:

– Что за ужас у тебя с волосами! Эта краска смывается?

– Ты обещал больше не болтать о пустяках, – ответила она. – И еще обещал отдать мне Венеру. Митч, я серьезно. Мы имеем право на Венеру. Мы – единственные, кто знает, что с ней делать, и наш человек ступил на нее первым. Митч, О'Ши – тоже один из нас.

– И давно?

– С тех пор как его родители поняли, что ему не суждено вырасти. Они знали, что ВОК скоро понадобятся пилоты

космических кораблей, и чем меньше ростом, тем лучше. Не Земля открыла Венеру. Ее открыли мы, консервационисты. Она наша по праву, и мы ее не отдадим. Ты с нами?

– Конечно, с вами, – ответил я. – Хотя придется поломать голову, как это сделать. Наши списки уже заполнены наивными простаками, рвущимися на Венеру, чтобы работать на Землю и на «Фаулер Шокен ассошийэтед»… И все же попробуем.

Подумав с минуту, я сказал Кэти:

– Сможешь вернуть к жизни Ранстеда? Не знаю, где ВОК его прячет, но он нужен мне здесь. Высшее искусство рекламщика – убеждать людей, не давая заметить, что в чем-то их убеждаешь. А теперь нашим рекламщикам придется их разубедить, да так, чтобы ни потребители, ни сами рекламщики не поняли, что происходит. Так что мне понадобится знающий помощник, с которым можно говорить откровенно.

– Устроим, – ответила она и поцеловала меня в щеку, добавив: – А это за то, что ты сказал «мы»!

– Да? – ответил я. – Разве я сказал «мы»? – Но в следующий миг понял. – Вот что, дорогая. У меня наверху есть шикарная жилая комната, двенадцать на двенадцать. Ночь у тебя выдалась нелегкая. Иди-ка наверх и отдохни, а я пока поработаю.

Она снова меня поцеловала со словами:

– Только не переутомляйся, Митч. До вечера!

Без Ранстеда теперь было не обойтись. Получив сообщение от Кэти, он вернулся из Чикаго, где прятался после того, как инсценировал свое самоубийство. Прибыл прямо посреди совещания правления: мы пожали друг другу руки, а правление преспокойно проглотило историю о том, что он был на каком-то секретном задании. В конце концов, со мной это тоже прокатило! Дело свое Ранстед знал – и немедля взялся за работу.

Глава восемнадцатая

Конс или не конс, Ранстед был той еще сволочью.

И все же с его возвращением дело пошло на лад.

Вскоре мир узнал, что «Фаулер Шокен ассошиэйтед» запускает среди своих клиентов грандиозный конкурс – конкурс девизов для полета на Венеру с полутора тысячью призов. Каждый приз – бесплатный билет на первый венерианский рейс. Всего призов было восемьсот тысяч, но остальные никакой роли не играли. Судьей на конкурсе выступала независимая аналитическая фирма, которую, по чистой случайности, возглавлял шурин одного друга Ранстеда.

По словам Мэтта, среди консервационистского подполья он распределил только тысячу четыреста призов. Оставшаяся сотня была выписана на вымышленные имена – на случай каких-нибудь неожиданностей.

Пока Ранстед занимался своим делом в Нью-Йорке, я поехал в Вашингтон, чтобы получить от Конгресса разрешение на отлет, и взял с собой Кэти. В Вашингтон я не раз заезжал пообедать или поужинать, но на этот раз нам предстояло там ночевать, и я с ребяческим нетерпением ожидал этой возможности. Оставив Кэти в отеле и взяв с нее слово, что она не пойдет осматривать город в одиночку, я поймал такси и направился в Госдепартамент.

В приемной ждал одинокий человечек в котелке; услышав мою фамилию, он поспешно встал и уступил мне место. «Митч, старина, – сказал я себе, – посмотрели бы на тебя теперь ребята из «Хлореллы»!» Скоро появился наш представитель в Конгрессе – подбежал ко мне, шумно приветствуя; я успокоил его и объяснил, что мне нужно.

– Ничего не может быть проще, мистер Кортни! – заверил он. – Разрешение на отлет я проведу через комиссию сегодня после обеда, и, если повезет, уже вечером оно пройдет обе палаты.

– Отлично! Помощь нужна?

– Да нет, мистер Кортни, не думаю. Впрочем, если у вас будет время, может быть, выступите в Капитолии завтра с утра? Вас с удовольствием выслушают, и, полагаю, это поможет ускорить продвижение нашего документа.

– С радостью, – ответил я и потянулся за чемоданом. Человечек в котелке поднял его с пола и с легким поклоном подал мне. – Просто назначьте время, Эйбелс, – добавил я, обращаясь к нашему представителю, – и я приеду.

– Огромное вам спасибо, мистер Кортни! – И он распахнул

передо мной дверь.

– Мистер Эйбелс, – робко обратился к нему человечек в котелке.

Наш представитель покачал головой.

– Сами видите, как я сейчас занят, – ответил он, впрочем, довольно любезно. – Лучше зайдите завтра.

Человечек благодарно улыбнулся и вышел следом за мной. Мы оба подозвали такси; когда оно подъехало, человечек открыл мне дверь. Сами знаете, как нелегко поймать такси в Вашингтоне.

– Вас подбросить куда-нибудь? – спросил я.

– Буду очень признателен, – ответил он и сел вместе со мной в машину.

Прежде чем начать крутить педали, водитель оглянулся на нас.

– Мне в «Парк-Старр», – попросил я. – Но сначала отвезите этого джентльмена, куда он скажет.

– Разумеется, – кивнул водитель. – Вам в Белый дом, господин президент?

– Да, благодарю вас, – ответил маленький человечек. – Вы не представляете, как я рад познакомиться с вами, мистер Кортни, – обратился он ко мне. – Знаете, я случайно услышал ваш разговор с мистером Эйбелсом. Как интересно: оказывается, ракета на Венеру уже почти готова ко взлету! В последнее время новости из Конгресса до меня почти не доходят. Понимаю, они там очень заняты своими расследованиями и прочим. Но… – Он умолк, затем лукаво улыбнулся и добавил: – А знаете, мистер Кортни, я ведь тоже принял участие в вашем конкурсе! Мой девиз: «Летим к звездам в звездной компании!» Хотя даже если бы я выиграл, вряд ли бы полетел на Венеру.

– Согласен, вряд ли, – вполне искренне произнес я. И добавил уже не столь искренне: – Вы ведь так заняты здесь!

– Да нет, не особенно. Январь – тяжелый месяц: я председательствую в Конгрессе и зачитываю президентское послание. А дальше все идет ни шатко ни валко. Мистер Кортни, вы в самом деле собираетесь завтра выступить в Конгрессе? Наверное, состоится общая сессия обеих палат – а на общие заседания меня обычно пускают.

– Буду рад вас видеть, – сердечно ответил я.

Маленький человечек улыбнулся мне; глаза его блеснули сквозь очки. Такси остановилось; президент тепло пожал мне руку и вышел из машины. Потом, уже собравшись уходить, вдруг просунул голову в дверь.

– Да, вот что еще, – добавил он, опасливо покосившись на таксиста. – Быть может, я превышаю свои полномочия, но, мне

кажется, я должен вам это сказать. Видите ли, я немного разбираюсь в астрономии, это мое хобби… так вот, надеюсь, вы не станете затягивать с отлетом и отправите ракету, пока не закончилось противостояние планет.

Я удивленно взглянул на него. Венера сейчас отклонилась на десять градусов и продолжала уходить от Земли, но для нашего полета это не имело никакого значения.

Он приложил палец к губам:

– До свидания, сэр.

Остаток пути я созерцал волосатые уши водителя и пытался понять, к чему клонил человечек в котелке.

Вечером мы с Кэти отправились полюбоваться городом. Я был не слишком впечатлен. Верно, знаменитые вишни в цвету прекрасны, однако мне, новоиспеченному консервационисту, они казались пустым расточительством.

– Хватило бы и десятка, – ворчал я. – А такое множество ветвей, и каждая в отдельной вазе – пустая трата денег налогоплательщиков! Представляешь, сколько стоит одна такая веточка у «Тиффани»?

Кэти только рассмеялась в ответ.

– Ах, Митч, Митч! – воскликнула она. – Подожди, пока Венера станет нашей! Думал когда-нибудь, каково это – когда в твоем распоряжении окажется целая планета? Цветущие луга, поля, леса…

Пухлая пожилая дама, на вид учительница, проходившая мимо, покосилась на нас неодобрительно, фыркнула и пошла дальше.

– Эй, осторожнее в выражениях! – сказал я. – Пойдем-ка лучше в отель, пока ты тут не наболтала лишнего.

Проснулся я от восторженного вопля.

– Митч! – Кэти, завернувшись в полотенце, с круглыми глазами выглядывала из душевой. – Митч, здесь есть ванна! Я пошла в душ – а тут… тут оказался вовсе не душ! Митч, можно мне принять ванну? Пожалуйста!

Бывают в жизни минуты, когда даже честный консервационист рад побыть директором «Фаулер Шокен ассошиэйтед». Зевнув, я послал ей воздушный поцелуй и ответил:

– Разумеется, милая. И знаешь? Закажи ванну из чистой пресной воды!

Кэти сделала вид, что падает в обморок, а затем стремглав бросилась звонить администратору. Пока наполнялась ванна, я оделся. Потом мы не спеша позавтракали и рука об руку направились в Капитолий.

Кэти я усадил в ложе для прессы, а сам пошел в зал. Через толпу протиснулся ко мне глава нашего вашингтонского лобби и протянул мне тончайший бумажный листок – телеграмму.

– Последние новости о ракете, мистер Кортни, – сказал он. – М-м… у вас все в порядке?

– Лучше не бывает, – заверил я.

Отпустив его взмахом руки, я заглянул в телеграмму с космодрома – и вот что там прочел:

> *Пассажиры и экипаж на месте и готовы к отлету. Начало посадки в 11.45 по восточному стандартному времени, окончание погрузки багажа в 16.45 по восточному стандартному времени. Топливные баки полностью заправлены, горючее и провизия доставлены в 9.15. Службы безопасности работают, однако поступили сведения, что между ЦРУ, ФБР и корпорацией «Тайм-Лайф» идет усиленный обмен шифрованными сообщениями. Диспетчерский пост просит напомнить вам, что отлет возможен только до полудня.*

Я растер телеграмму между ладонями, и она рассыпалась в пыль.

Когда я поднимался на трибуну, кто-то тронул меня за локоть. Из церемониальной ложи выглядывал президент.

– Мистер Кортни, – прошептал он, старательно улыбаясь, – надеюсь, вы поняли, что я пытался сказать вам вчера в такси. Очень рад, что ракета полностью готова. И… – Тут он заулыбался еще шире и закивал, словно обменивался со мной какими-то ничего не значащими любезностями, а сам торопливо договорил: – Возможно, вы уже знаете, но… он здесь.

Выяснить, кто «он», я не успел. Навстречу мне, распахнув объятия, поспешил спикер палаты, загремели аплодисменты, и я поспешил натянуть на лицо улыбку, в которой не было ни грана искренности. Дело плохо, думал я. Если о том, что ракета готова взлететь и ждет только моего сигнала, знает даже президент – радоваться нечему.

Фаулер Шокен, улыбчивый мошенник; Фаулер Шокен, старый лицемер! Если бы не он, не стоять бы мне сейчас на этой трибуне. Я словно слышал его голос: «Продавай, Митч, продавай, мой мальчик! Ты сможешь продать что угодно, если будешь помнить, что они сами хотят купить!»

И я толкнул высокому собранию именно то, что всем здесь хотелось услышать. Кратко коснулся истории предпринимательства в Америке; затем предложил на разграбление целый мир и бескрайнюю вселенную за его

пределами; яркими штрихами изобразил череду планет, принадлежащих не кому иному, как нам, предприимчивым американским бизнесменам, которым обязана своим величием наша цивилизация. Слушателей все устроило. Моя речь была встречена бурными аплодисментами.

Едва первая волна аплодисментов стала стихать, человек десять конгрессменов поднялись со своих мест, не переставая аплодировать: они просили у председателя слова для ответных речей. Я на них почти не смотрел: в этот миг я с удивлением заметил, что ложа для прессы, где сидела Кэти, пуста.

Спикер пригласил на трибуну седовласого джентльмена по фамилии Колби, сорок лет верой и правдой прослужившего стране.

– Слово предоставляется представителю «Ямми-колы»!

– Благодарю вас, господин спикер, – неторопливо ответил Колби.

Он любезно улыбался, но глаза его были холодными, как у змеи.

«Ямми-кола» – довольно крупная компания из тех, что считаются независимыми; однако мне вспомнилось, как Фаулер однажды упоминал о подозрительной дружбе ее руководства с Таунтоном.

– Если мне будет позволено выступить от имени Верхней Палаты, – начал Колби, – прежде всего я хотел бы поблагодарить нашего достопочтенного гостя за его блестящую, исключительно продуманную речь. Уверен, все мы с наслаждением слушали выступление человека, столь выдающегося по своему положению и успехам.

«Пой, пташечка, пой», – с раздражением подумал я. Ясно было, что это пышное вступление – лишь прелюдия к чему-то далеко не столь приятному.

– С позволения палаты, – продолжал Колби, – я хотел бы задать нашему уважаемому гостю несколько вопросов касательно законопроекта, представленного им на наше утверждение.

В зале послышался легкий шум; даже слушатели на галерке поняли, что заседание пошло не по сценарию. Мне же стало ясно все – дальше можно было и не слушать.

– На случай, если это ускользнуло от вашего просвещенного внимания, замечу, что сегодня в нашем зале сидит еще один высокий гость. Разумеется, я говорю о мистере Таунтоне.

Плавным жестом Колби указал в сторону галереи для посетителей. И действительно, там, меж двух шкафообразных парней, в которых я узнал уже знакомых охранников, багровела оплывшая физиономия Б. Дж. Таунтона!

– Перед нашим заседанием я имел честь кратко переговорить с мистером Таунтоном, и он снабдил меня определенными сведениями. Хотелось бы, чтобы мистер Кортни эти сведения прокомментировал. Во-первых, – змеиный взгляд налился сталью, – хотелось бы узнать у мистера Кортни, знакомо ли ему имя Джорджа Гроуби, разыскиваемого за убийство женщины и нарушение контракта. Во-вторых, хотелось бы узнать, верно ли, что мистер Кортни и Джордж Гроуби – одно и то же лицо. В-третьих, хотелось бы узнать, верны ли сведения, сообщенные мне доверенным лицом мистера Таунтона и в которых сам мистер Таунтон безусловно уверен, о том, что мистер Кортни является видным членом Всемирной организации консервационистов, известной всем добрым американцам как…

Зал взревел. Последних своих слов, должно быть, сам Колби уже не слышал.

Что произошло в следующие пятнадцать минут, я почти не помню. Все меркнет, расплывается, беспорядочно кружится в памяти, словно калейдоскоп. Помню лишь отдельные моменты, живые картины, застывшие и почти не связанные друг с другом.

Помню крики ужаса и гнева со всех сторон. Помню внизу, в ложе, искаженное лицо президента: он что-то кричит звукоинженеру, сидящему с ним в ложе, но я не могу разобрать ни слова. Помню устремленный на меня свирепый взгляд спикера.

Вдруг крики толпы прорезал голос президента, многократно усиленный динамиками:

– Объявляю заседание закрытым!

Помню ошарашенные лица законодателей, потрясенных такой неслыханной дерзостью. Да, в роковую минуту в этом маленьком человечке нашлись и мужество, и сила духа. Он хлопнул в ладоши – хлопок, усиленный динамиками, прогремел словно атомный взрыв, – и возле нас вырос десяток военных в элегантной форме. Личная охрана президента.

– Уведите его, – приказал президент, сопроводив свои слова величественным жестом; и в мгновение ока охрана окружила меня и повела с трибуны прочь.

Пока высокое собрание пыталось понять, что происходит, президент довел нас до двери. Лицо его было белым как мел, но он прошептал:

– Больше я ничего не могу для вас сделать. Но обсуждать и принимать решение они будут до вечера. Да хранит вас Бог, мистер Кортни.

И повернулся к залу – лицом к Конгрессу. Едва ли даже

христиане при Калигуле с таким мужеством выходили на арену, полную диких зверей.

Телохранители президента были отборные, честные служаки, выпускники академии «Бринка». Лейтенант не произнес ни слова – но когда просматривал записку, которую в суматохе передал ему президент, на лице его читалось едва сдерживаемое отвращение. Я понимал, что полученный приказ ему не по душе, и так же ясно понимал, что этот приказ он выполнит.

Меня отвезли в Анакостию и посадили на личный президентский самолет. В полете не отходили от меня, покормили, один военный даже сыграл со мной в карты. Однако никто не обменялся со мной ни словом.

Полет на огромном неуклюжем лайнере, традиционно предназначенном для президента, длился долго. Потом кружили над аэропортом, ожидая посадки; глядя вниз, я видел, как проплывает под нами серая лента посадочной полосы. Когда мы наконец зашли на посадку, уже совсем стемнело. И на этом ожидание не закончилось. Я сидел, смотрел в окно и гадал, где сейчас Кэти. Удалось ли ей благополучно выбраться из Капитолия? Увижу ли я ее снова?

Лейтенант куда-то ушел один – и очень, очень долго не возвращался.

Я пытался убить время, перебирая в памяти вопросы – вопросы, которые приходили мне в голову и прежде, но до сих пор я от них отмахивался. Теперь же, когда будущее мое было темно и неопределенно, а в настоящем оставалось лишь сидеть и ждать, я в первый раз серьезно задумался о загадках прошлого.

Например:

Кэти, Мэтт Ранстед и Джек О'Ши сговорились, чтобы отправить меня «полежать на льду» – в буквальном смысле. Пусть так: это многое объясняет. Но не объясняет Эстер. И даже если на время забыть об Эстер, совсем не объясняет всего поведения Ранстеда.

Консы поддерживают межпланетные перелеты. Однако в Калифорнии-Мехико Ранстед саботировал опросы по проекту «Венера». В этом сомнений нет: тот простофиля, его доверенный, сам во всем признался. Быть может, Ранстед ведет двойную игру? Делает вид, что он конс, делающий вид, что он рекламщик, а на самом деле…

Теперь у меня появилась еще одна причина желать встречи с Кэти.

Лейтенант вернулся в самолет около полуночи.

– Все в порядке, – обратился он ко мне. – Снаружи вас ждет

такси. Водитель знает, куда ехать.

Я встал и потянулся.

– Спасибо, – смущенно сказал я.

Вместо ответа лейтенант аккуратно сплюнул мне под ноги.

Я шагнул на трап. Дверь за мной захлопнулась, и я поспешил поскорее убраться со взлетной полосы.

Водитель оказался мексиканцем. Я попытался с ним заговорить, но он не понимал по-английски. Попробовал тот ломаный испанский, которым объяснялся в «Хлорелле», – он только недоуменно на меня вытаращился. Я мог бы назвать полусотню веских причин, по которым ехать с ним не стоило – по крайней мере, пока не разберусь получше в том, что происходит, – однако, поразмыслив, решил, что особого выбора у меня нет. Теперь, когда приказ честно выполнен, ничто не мешает лейтенанту аккуратно намекнуть своему начальству, где искать Митчелла Кортни, известного консса.

Я – легкая мишень; вопрос лишь в том, кто сцапает меня первым, полиция или Таунтон. Значит, долго задерживаться здесь не стоит.

И я сел в такси.

Быть может, вы спросите: неужели, обнаружив, что водитель – мексиканец, я не понял сразу, куда попал? Нет, ничегошеньки не понял. Лишь когда впереди, в бледном свете звезд, вырос огромный, тускло блестящий корпус ракеты, я сообразил, что оказался в Аризоне, – и понял, *что* сделал для меня президент.

Смешанный отряд, состоящий из ребят «Пинкертона» и нашей собственной охраны, сомкнулся вокруг меня и торопливо повел мимо постов часовых, через расчищенную стартовую площадку – к ракете. Начальник охраны сложил два пальца в знак «окей» и сказал:

– Теперь вы в безопасности, мистер Кортни.

– Но я не хочу лететь на Венеру! – воскликнул я.

Он только рассмеялся в ответ.

Спешка и ожидание, ожидание и спешка. Долгий нудный полет, а перед ним и после него – суета, в которой я не успевал ни подумать, ни принять решение. Ни подумать, ни решить не удалось мне и сейчас: кто-то схватил меня сзади за брючный ремень и втащил внутрь. А там меня подволокли к подвесной койке, уложили, пристегнули ремнями и оставили одного.

Взревели двигатели, подвесная койка затряслась. На грудь словно навалилась дюжина великанов. Прощай, Кэти! Прощай, Шокен-Тауэр! Хочу того или нет, я лечу на Венеру…

Оказалось, прощаться с Кэти я поторопился.

Именно она расстегнула ремни моей койки, когда ракета вышла на орбиту.

Я вскочил, под действием невесомости тут же взлетел в воздух и врезался спиной в потолок. Открыл рот, чтобы поздороваться, но сумел лишь простонать:

– Кэти!!

Не самая яркая из моих речей. Впрочем, красноречие могло повременить: секунду спустя наши губы были уже очень, очень заняты.

Когда мы оторвались друг от друга, чтобы вздохнуть, я спросил:

– Что за алкалоид ты подмешала в свое дыхание?

Но Кэти не хотела обмениваться остротами – хотела только целоваться. И ей не пришлось просить меня дважды.

Удержаться на ногах было нелегко. Всякий раз, когда кто-то из нас двигался, нас сносило в сторону или вовсе отрывало от пола. Не будь каюта снабжена поручнями, мы бы парили под потолком, не в силах вернуться на твердую почву.

Наконец нам удалось сесть.

А некоторое время спустя – и заговорить.

Я расправил плечи и огляделся.

– Милое местечко… Что ж, перейдем к другим вопросам? К двум вопросам, если быть точным.

И я изложил ей свои два вопроса: о саботаже Ранстеда в Сан-Диего и о смерти Эстер.

– Ох, Митч! – воскликнула она. – Неужели сам не догадываешься? Не понимаю, за что ты получил свой звездный класс!

– Прилежно учился в вечерней школе, – ответил я. – Слушаю тебя.

– Что ж, надеюсь, ты поймешь. Мы, консервационисты, всегда стремились к межзвездным перелетам. Венера нужна человечеству. Нам необходим новый мир: не испорченный, не загаженный, не разграбленный, не опустошенный. Разумеется, мы очень хотели попасть на Венеру! Но совсем не хотели, чтобы Венера досталась Фаулеру Шокену. Или, если уж на то пошло, Митчеллу Кортни. Тому, прежнему Митчеллу Кортни, который видел в Венере лишь источник прибыли. Вокруг не так много планет, подходящих для жизни людей, Митч, и нельзя ими разбрасываться. Мы не могли допустить, чтобы проект «Венера», затеянный Фаулером Шокеном, увенчался успехом.

– Угу, – протянул я, переваривая информацию. – А Эстер?

Кэти покачала головой.

– С этим разбирайся сам, – ответила она.

– Ты не знаешь ответа?

– Знаю. И ты догадаешься, если немного подумаешь.

Я упрашивал ее раскрыть секрет, но она не поддавалась. Как-то так вышло, что мы снова начали целоваться – и прервались, лишь когда в каюту заглянул с широкой улыбкой на лице офицер с нашивками лейтенанта.

– Эй, ребята, хотите посмотреть на звезды? – поинтересовался он бодрым тоном туристического гида.

Терпеть не могу такой снисходительный тон. Почему, интересно, на самолетах, на ракетах и так далее экипаж всегда считает себя лучше пассажиров? Хотя, пожалуй, невежливо будет сейчас его одергивать.

Неожиданная мысль заставила меня остановиться. Я ведь привык к своему высокому положению. А здесь нет больше звездного класса и низших классов, нет рекламщиков и потребителей. На Венере все равны. Действительно равны. Я быстро освежил в памяти теорию консервационизма: похоже, в прекрасном обществе будущего привилегии мне не светят.

Что ж, прощай, Шокен-Тауэр. Здравствуй, Кэти.

И мы поднялись наверх, в рубку, откуда можно было взглянуть на звезды. Здесь уже собрались другие пассажиры; все они были мне незнакомы.

В лунных ракетах иллюминаторов нет: они ориентируются с помощью радаров, а величественное, но бесполезное зрелище за окном в них принесено в жертву прочности и надежности конструкций. Так что никогда раньше я не видел звезд из космоса.

За окном сияла и переливалась белая ночь. Крупные яркие звезды сверкали на фоне мелких, а те, в свою очередь, терялись в блистающей пыли звездных частиц. Куда ни кинешь взгляд – нигде ни пятнышка тьмы: лишь свет, бесконечный, ласково мерцающий свет. Да огненный ободок по краю иллюминатора указывает, в какой стороне солнце.

Наконец мы оторвались от окна.

– А где Мэтт Ранстед? – спросил я.

Кэти рассмеялась:

– Дома, в Шокен-Тауэр. Держится только на бодрящих таблетках – и пытается расхлебать кашу, которую мы заварили. Кто-то должен был остаться, Митч. К счастью, у Мэтта есть и доступ к твоим акциям, и право ими голосовать. В Вашингтоне у нас почти не было времени поговорить: теперь у него, должно быть, множество вопросов – и ответы ему придется искать самому.

Я непонимающе взглянул на нее:

– Подожди-ка! А что Ранстед делал в Вашингтоне?

– Спешил тебя предупредить, Митч! После того как бедняга Джек О'Ши не выдержал…

– Что?!

– О господи, ты не знаешь!.. Давай расскажу все по порядку. О'Ши не выдержал. Выпил лишнего, может, и не только выпил – и проболтался какой-то случайной подружке. Его схватили, и он выложил все. И о тебе, и обо мне, и о ракете. Обо всем.

– Кто его схватил?

– Твой дорогой друг Б. Дж. Таунтон.

И Кэти зло чиркнула спичкой, прикуривая сигарету. Я разделял ее чувства. Джек О'Ши, думал я. Малыш Джек. Неполный метр росту, фарфоровое личико, острый, язвительный ум и беззаветная отвага. В последние недели он часто меня бесил, но теперь я обо всем забыл – думал лишь о Джеке, маленьком и хрупком, в лапах Таунтона и его нелюдей.

– Таунтон узнал все, Митч, – продолжала Кэти. – По крайней мере, все важное. И если бы Ранстед не установил «жучок» у него в комнате для допросов, нас взяли бы на месте. Однако Ранстед успел метнуться в Вашингтон, предупредить меня и президента. Нет, президент не конс – просто хороший человек. И вот… мы здесь.

Тут нас прервал капитан.

– Через пять минут меняем курс, – объявил он. – Советую всем разойтись по каютам и пристегнуться. Хотя сильно трясти не должно.

Кэти кивнула и повела меня прочь. Когда мы вошли в каюту, я взял у нее сигарету, сделал затяжку – и вернул.

– Митч, что это ты вдруг? – удивилась она.

– Исправляюсь помаленьку, – ответил я. – Да, Кэти… еще один вопрос. Не слишком приятный.

Она вздохнула.

– То же, что у тебя с Эстер, – ответила она.

– Я хотел спросить, что было между тобой и Дже…

– А я ответила. Между мной и Джеком было то же самое, что между тобой и Эстер. Любовь без взаимности. Не знаю уж, насколько Джек меня любил, но влюблен был точно. А я – нет. Потому, черт возьми, что все это время с ума сходила по тебе! – добавила она с неожиданной злостью.

– А-а… ага, – только и сумел ответить я.

И потянулся ее поцеловать. Кэти меня оттолкнула, и я, ойкнув, отлетел и врезался головой в стену.

– Какой же ты идиот! – горячо продолжала она. – Джек бегал за мной, а мне никто, никто никогда не был нужен, кроме тебя! И

ты этого даже не замечал! Ты вообще ничьих чувств не замечал – ни моих, ни Эстер. Бедняжка Эстер, она так надеялась!.. Господи, Митч, ну как можно быть таким слепым и глухим?

– Эстер меня любила?

– Ну да, черт побери! Думаешь, почему она покончила с собой? – Кэти топнула ногой – и от этого движения взлетела под потолок.

Я потер лоб.

– Ну надо же, – проговорил я. И больше ничего не смог из себя выдавить.

Раздался пронзительный писк. Сигнал – через минуту перемена курса.

– В койки! – приказала Кэти.

На глазах у нее заблестели слезы, и я крепко ее обнял.

– Как же все неправильно! – проговорила она. – У нас одна каюта на двоих, но коек две, и к ним надо пристегиваться. И всего минута на то, чтобы нам с тобой покончить со всеми вопросами и ответами, успеть поцеловаться и помириться!

– Милая, минута – долгий срок! – ответил я.

И в самом деле, за минуту мы успели все.

Фредерик Пол. Чума Мидаса

Итак, они поженились.

Жених и невеста образовали прекрасную пару, она – в своем жабо на двадцать ярдов безупречно белого цвета, он – в своей строгой серой гофрированной блузе и плиссированных панталонах.

Свадьба выдалась скромная, но большего он не мог себе позволить. В гости пришли к ним только ближайшие родственники и горстка близких друзей. И когда священник закончил церемонию, Мори Фрай поцеловал свою невесту, и они поехали на прием. Всего было двадцать восемь лимузинов (правда, в двадцати из них – одни только роботы из прислуги) и три цветочных вагона.

– Благослови вас обоих Господь, Мори и Черри, – сентиментально протянул старик Илон. – Вы у нас – пара хоть куда. – Он высморкался в рваный батистовый квадратик ткани.

Старики держатся молодцами, подумал Мори. На приеме, окруженные огромными стопками свадебных подарков, они выпили шампанское и съели целую гору крошечных восхитительных канапе. Они вежливо слушали оркестр из пятнадцати человек, и мать Черри даже протанцевала один танец с Мори из чувства сострадания, хотя было ясно, что танцы были далеки от обычного образа ее жизни. Они изо всех сил старались слиться с толпой, но все равно две пожилые фигуры в строгих и простых, вероятно, взятых напрокат костюмах обескураживающе бросались в глаза посреди четверти акра гобеленов и журчащих фонтанов, что составляли главный зал для торжеств в загородном доме Мори Фрая.

Когда пришло время гостям расходиться по домам, а молодоженам – обустраивать мало-помалу совместную жизнь, отец Черри пожал Мори руку, а мать невесты поцеловала его. Но когда они уехали на своем крошечном катере, по их лицам было видно – оба полны дурных предчувствий.

Конечно, как личность Мори их вполне устраивал – но не должны же бедные вступать в брак с богатыми!

Мори и Черри, конечно же, любили друг друга. Это их выручало поначалу – в первые месяцы брака они признавались друг дружке в любви по двадцать раз на дню. Мори решился даже взять отгул ради того, чтобы прошвырнуться с невестой по магазинам, к вящей радости последней. Они ехали на своих тележках по огромным сводчатым коридорам супермаркета, Мори проверял список покупок, пока Черри выбирала. Это было весело.

Первое время.

Их первое идеологическое разногласие произошло именно в супермаркете – как раз там, где открылся новый отдел драгоценных камней, меж секций «Продукты к завтраку» и «Напольная мебель».

– Бриллиантовый лавальер[24], кольца, сережки… – Мори поднял взгляд от списка.

– Мори, у меня есть лавальер! – возмущенно откликнулась Черри. – Ну чего ты хоть!

Мори неуверенно пролистал список. Лавальер там значился – и никаких альтернатив ему предложено не было.

– А как насчет браслета? – спросил он. – Смотри, у них тут есть несколько рубиновых, очень красивых. Прекрасно подойдут к твоим волосам, дорогая. – Он подозвал консультанта – тот, само собой, был роботом, – и тот протянул Черри поднос с браслетами. – Ну разве не прелестно! – воскликнул Мори, когда Черри пристроила на запястье самый крупный.

– И что, мне этот лавальер ни к чему, получается?

– Ну конечно. – Он взглянул на бирку. – Смотри-ка, он стоит ровно столько же пайка-баллов. – Черри явно не убедили его слова, она все еще сомневалась, и он поспешно добавил: – А пойдем-ка теперь в обувной отдел! Мне как раз нужна новая пара танцевальных туфель…

Черри не стала возражать ни тогда, ни потом, когда они оба отдыхали после похода по супермаркету. Только под конец, дожидаясь в вестибюле, когда робот-бухгалтер выдаст счет, а робот-кассир проставит штампы в их пайковые книжки, Мори вспомнил про браслет.

– Не стоит посылать его вместе с остальными вещами, дорогая, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты его надела прямо сейчас. Честь по чести, не припомню, чтобы что-то еще тебе так здорово шло.

Черри тут же приняла взволнованно-счастливый вид. Мори возгордился собой – кто б на его месте так ловко разрулил семейную проблему!

В приподнятом настроении он пребывал всю дорогу домой, пока Генри, их робот-компаньон, развлекал их анекдотами про завод, где его собрали и запрограммировали. Черри вообще не привыкла к Генри, хотя этого робота трудно было не любить. Шутки и забавные истории, когда вам нужно поразвлечься, участие, когда у вас нет настроения, неисчерпаемый запас новостей и сведений на любую тему – вот на что Генри был неизменно щедр. Черри в тот день даже специально попросила Генри составить им компанию за ужином и искренне, как и Мори,

потешалась над его остротами.

Но позже, в оранжерее, когда Генри деликатно оставил их одних, ее веселость сошла на нет. Мори этого не заметил. Он очень добросовестно совершал обход: включал телевизор, выбирал дижестивы, просматривал вечерние газеты.

Черри смущенно откашлялась, и Мори прервал свои занятия.

– Дорогой, – сказала она неуверенно, – сегодня я что-то будто не с той ноги встала. Как думаешь, может, просто останемся дома и… ну… расслабимся?

Он глянул на нее с легким беспокойством. Она устало откинулась в кресле, прикрыв глаза.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил Мори.

– Прекрасно. Просто в этот вечер меня никуда не тянет. Нет настроения.

Мори сел и машинально закурил сигарету.

– Понятно, – сказал он. По 3D-визору транслировали комедийное шоу; он встал, чтобы подбавить звук, и одновременно включил магнитофон. Приглушенная струнная музыка тут же разлилась по комнате.

– У нас были забронированы номера в клубе сегодня вечером, – напомнил он ей.

Черри неловко поежилась.

– Это я знаю.

– Еще есть билеты в оперу. Одни я уже сдал на прошлой неделе. Не хочу придираться, дорогая, но мы не использовали ни один из наших билетов в оперу.

– Можно посмотреть ее прямо здесь, в 3D, – тихо заметила она.

– Да я ведь не о том, милая. Я… я не хотел тебе об этом рассказывать, но Уэйнрайт из конторы сказал мне вчера кое-что. Сказал, что накануне вечером ходил в цирк и рассчитывал и нас там застать. А нас там не было! Бог знает, что я скажу ему на следующей неделе.

Мори ждал, что Черри ответит, но она молчала, так что он продолжил тем же ровным тоном:

– Так что, если б ты взяла себя в руки и все-таки решила пойти сегод…

Тут Мори осекся на полуслове – Черри плакала, безутешно – и практически беззвучно.

– О, дорогая, – промямлил он и попробовал обнять ее, но Черри увернулась. Все, что ему оставалось, – стоять беспомощно и смотреть, как она плачет.

– Радость моя, в чем дело? – спросил он.

Черри отвернулась.

Мори покачался на каблуках. Видеть слезы жены ему было уже не впервой. Уже была одна сцена, когда они едва не расстались – вдруг осознав огромную взаимную разницу таких масштабов, что счастливыми ни за что при такой не стать; раньше-то они эту пропасть в упор не видели, наивно считая, что нужно быть вместе, несмотря ни на что. Впрочем, та неурядица как-то улеглась, сошла как с гуся вода – а вот теперь Мори чувствовал себя виновным в этих ее слезах. Впервые за все время.

Постояв молча еще недолго, он развернулся и направился к бару. Проигнорировав уже приготовленные дижестивы, он смешал два хайбола[25]. Пошел обратно к Черри, поставил один бокал рядом с ней, сделал большой глоток из другого.

– Дорогая, в чем дело? – спросил он снова, но уже совсем другим тоном.

Она все молчала.

– Да хватит уже. Что не так?

Черри посмотрела на него, потерла глаза кулаками, потом угрюмо бросила:

– Прости.

– Все нормально. Послушай, мы же любим друг друга. Давай просто все обсудим.

Черри взяла свой бокал, поднесла к губам, потом поставила на место нетронутым.

– А что толку, Мори?

– Давай хотя бы попробуем.

Она пожала плечами. Мори решил не давать слабины:

– Так, я понимаю, ты несчастна. И все это из-за… ну, из-за всего этого. – Он широким жестом обвел богато обставленную оранжерею, толстый ворсистый ковер, армию бытовой и развлекательной техники, только и ждущей, чтобы к ней обратились. Подразумевались также и двадцать шесть комнат, пять автомобилей и девять роботов-слуг. – Ты не привыкла к такой жизни, правда? – с нажимом произнес он.

– Ничего не попишешь, – пробормотала Черри. – Знаешь же, я пыталась привыкнуть. Но тут совсем не так, как дома.

– Да ведь твой дом теперь здесь! – вспыхнул он. – Ты больше не живешь с папашей в пятикомнатном коттедже! Не возишься больше в саду по вечерам, не играешь с родителями в карты! Ты живешь со мной – тем человеком, которого взяла в законные мужья! И ведь знала же, на что идешь – мы все обсудили задолго до того, как поженились… – Он умолк – от слов не было проку. Черри снова заплакала, но уже не беззвучно.

– Я пыталась! – стала причитать она сквозь слезы. – Ты даже не представляешь, как я пыталась! Носила всю эту дурацкую

одежду и играла в дурацкие игры, носилась с тобой все время… ела всю эту ужасную еду, покуда не начала жи-жи-жиреть! Я думала, мне все будет с тобой по плечу – но не могу я так жить, и все тут. Меня к такому не готовили. Я очень люблю тебя, Мори, но такая жизнь сводит меня с ума. Я ничего не могу поделать, Мори, – эта дикая бедность меня так утомляет!..

В конце концов слезы высохли, конфликт сошел на нет, влюбленные поцеловались и помирились. Но в ту ночь Мори лежал без сна, прислушиваясь к тихому дыханию жены из соседнего номера, и смотрел в темноту с таким трагизмом, какого до него не знавал ни один нищий.

Блаженны нищие, ибо они наследуют землю.

Блаженен Мори, наследник такого количества мирских благ, что их ему не потребить и за всю жизнь.

Мори Фрай, погруженный в беспросветную нищету, никогда в жизни не испытывал голода, никогда не испытывал недостатка ни в чем, что только душа желала, – ни в пище, ни в одежде, ни в ночлеге. В мире Мори ни у кого не было недостатка в таких вещах – попросту не могло быть.

Прав был Томас Роберт Мальтус, видный английский экономист, но прав только лишь относительно цивилизации, не знающей ни полностью автоматизированных заводов, ни даже гидропоники и принципов пищевого синтеза, ни ядерных заводов-производителей, ни руды и металлов, добытых прямо из океанических недр… не говоря уже о постоянно возрастающем резерве рабочей силы, об архитектуре, пронзившей небеса и углубившейся в земные недра, о зданиях, проектируемых и возводимых буквально за день… и, конечно же, о роботах.

Прежде всего цивилизация Мальтуса была лишена роботов – неустанных работников, столяров и плотников, металлургов и швей, шахтеров и пахарей.

Все, в чем нуждалась суша, в изобилии поставляло море, а чего недоставало, то легко производилось в лабораторных условиях. Промышленность сделалась рогом изобилия: еда и одежда, техника и недвижимость для целой плеяды колонизированных миров – давала она все это, и даже больше. Головокружительные научные открытия, безмерная сила атома, труд людей и роботов, механизация, положившая на Земле конец лесам, болотам и льдам, на чье место пришли города, производственные комплексы и космодромы – ни один король в эпоху Мальтуса о таком и мечтать не мог.

Но у всякой трубы – два конца. Изобилие, ключом бьющее с

одного конца, каким-то образом должно быть почерпнуто с конца другого.

Счастливчик Мори, скромный хозяйственно-потребляющий индивид, утопающий в половодье материальных благ, мужественно тщился съесть, выпить и сносить свою долю из непрерывного прилива богатства. Мори отнюдь не чувствовал себя благословенным – ибо благословения бедных всегда лучше всего ценятся издалека.

Квоты являлись ему в кошмарах. На следующее утро он проснулся в восемь часов, с красными глазами – измученный, но полный решимости. Пришла пора начать новую жизнь.

Утренняя почта, как назло, не принесла радостных вестей. На казенном бланке от НПС – Национального Продовольственного Совета – было отпечатано следующее: *С прискорбием извещаем, что отмеченные в нижеследующем перечне предметы, по августовской квоте возвращенные Вами как «пользованные» и «непригодные к дальнейшей эксплуатации», были проверены нашими специалистами и признаны не сильно изношенными.* «Нижеследующий перечень» оказался такой длины, что у Мори закружилась голова. *В этой связи сообщаем об отказе предоставления Вам кредита по данным пунктам. Вам насчитана дополнительная квота потребления на текущий месяц в размере 435 баллов, из которых не менее 350 баллов должны быть потрачены на изделия текстильной промышленности и предметы домашнего обихода.*

Мори скомкал письмо и швырнул на пол, но робот невозмутимо поднял его, разгладил и положил на стол.

Ну что за несправедливость! Ладно, может быть, плавки и пляжные зонтики взаправду не так часто использовались – хотя как, черт возьми, их использовать, когда на неторопливый досуг вроде плавания и времени-то нет? Зато он поносил походные брюки! Целых три дня и даже часть четвертого! Что они от него хотят – чтобы он таскался в обносках?

Мори воинственно посмотрел на кофе и тосты, принесенные роботом-лакеем вместе с почтой, а затем собрался с духом. Несправедливо это все или нет – он должен был играть по правилам. В большей степени – ради Черри, не ради себя самого, а дорогу осилит идущий – и никак иначе.

Итак, Мори собрался потреблять за двоих.

Он сказал роботу-камердинеру:

– А ну-ка подай мне сливки и сахар к кофе! Много сливок и много сахара. Еще тосты, омлет, жареной картошечки, апельсинового сока… нет, пусть это будет лучше грейпфрут – половинка грейпфрута! А, чего уж – апельсиновый сок тоже неси!

– Сию минуту, сэр, – ответил робот. – Значит, вы не будете завтракать в девять, сэр?

– Конечно, буду, – добродетельно возвестил Мори. – И порции у меня будут двойные! – Когда робот уже закрывал дверь, он крикнул ему вслед: – А к тосту подай масло и джем!

Он пошел в ванную; у него был полный рабочий день, и нельзя было терять время. В душе он трижды тщательно намылился, а потом, смыв мыло, прошел через весь ассортимент по порядку: три лосьона, простой тальк, надушенный тальк и полминуты ультрафиолетового излучения. Затем он снова намылился, сполоснулся и вытерся полотенцем, вместо того чтобы встать под сушильную струю горячего воздуха. Почти все лосьоны и ароматы тут же ушли в канализацию вместе с водой, но если уж Совет обвинит его в расточительстве, он скажет, что так экспериментирует. Эффект, по сути, был отнюдь не плох.

Ванную он покинул, преисполненный энтузиазма. Черри уже проснулась – и с ужасом смотрела на принесенный слугой поднос.

– Доброе утро, дорогой, – тихо сказала она. – Уф…

Мори поцеловал ее, похлопал по плечику.

– Ну и ну! – сказал он, уставившись с хищной улыбкой на поднос. – Кушать подано!

– Не многовато для нас двоих?

– Нас двоих? – повторил Мори эхом. – Дорогая моя, я собираюсь все это съесть сам!

– О, Мори! – ахнула Черри, и обожающего взгляда, который она бросила на него, было достаточно, чтобы заплатить за дюжину таких обедов.

А это, думал он, завершая свои утренние упражнения со спарринг-роботом и садясь за свой настоящий завтрак, *должно было происходить изо дня в день в течение долгого, долгого времени.*

Итак, Мори принял решение. Лавируя между сельдью, чаем и сдобными лепешками, он обсуждал с Генри свои планы.

– Я хочу, чтобы ты немедленно наметил мне график, Генри. Три часа в неделю оставь на тренажерный зал – и чтобы потогонных тренажеров побольше, похудеть мне не повредит. Так, еще примерочные – надо купить новую одежду, а то эту ношу уже несколько недель. И не стоит забывать про визиты к врачам – про дантиста помню, а когда там визит к психологу?

– Вообще-то сегодня утром, сэр, – мягко сказал робот. – Я уже дал все распоряжения шоферу и известил вашу контору.

– Прекрасно! Ну, тогда займись другими вещами, Генри.

– Да, сэр, – сказал Генри и принял рассеянный вид робота,

говорящего по своим ОРКР-каналам – так условно называлась служебная радиочастота «от-робота-к-роботу», и по ней он договаривался за своего хозяина со всеми потребными на данный момент службами.

Мори закончил свой завтрак в молчании, довольный своей добродетелью, пребывая в мире со всем миром. *Не так и трудно быть настоящим, трудолюбивым потребителем, если работаешь над этим*, подумал он, *а кто чем-то недоволен – тот просто бездельник. Ну что ж, должен же кто-то страдать – нельзя приготовить омлет, не разбив яйца.* Истинный его долг ведь состоял отнюдь не в том, чтобы делаться каким-нибудь сумасбродом, бросающим вызов общественному порядку и бьющим себя в грудь «за несправедливость», а в том, чтобы заботиться о своей жене и своем доме.

Жаль, что как раз сегодня он никак не мог вплотную заняться потребительством – но ничего, он еще наверстает свое в те четыре дня, что отведены под консьюмеризм, и ни под что другое. А сегодня его ждет сеанс групповой терапии. Теперь, когда он взглянул проблемам в лицо, психоанализ, скорее всего, покажет лучшие результаты.

Рассеянно чмокнув восторженную новым режимом Черри на прощание, Мори, все еще полный самодовольных дум, прошел к автомобилю. Он не заметил приземистого типчика в мягкой широкополой шляпе и мятых ярких брюках, спрятавшегося в кустах.

– Эй, приятель! – громким шепотом окликнул Мори типчик.

– А? Что такое?

Типчик воровато огляделся кругом.

– Приятель, – торопливо затараторил он, – ты, я смотрю, культурный малый, не откажи в милости. Трудные времена нынче настали, но ничего – ты мне, я тебе, так и сдюжим. Айда махнемся талонами? Один твой на шесть моих – лучшего обменного курса во всем городе не сыщешь, это я тебе говорю. Мои, конечно, не настоящие, но никто не заметит, дружище, вот увидишь…

Мори недоуменно заморгал.

– Ну уж нет! – с чувством выпалил он и оттеснил типчика с дороги. *Еще и аферист на мою голову,* подумал он с гневом. Соседство с трущобами и грязные спекуляции с пайковыми не могли не расстраивать Черри – теперь еще и районч ик становился Меккой для народца по ту сторону закона. Разумеется, к Мори не впервые приставали мошенники с подделанными потребительскими талонами, но чтобы у собственного порога – такого еще не бывало!

Забираясь в машину, Мори мельком подумал, не позвонить ли в полицию. Но этот тип наверняка испарится задолго до их приезда и сбудет свои фальшивки где-то в другом месте.

Конечно, было бы здорово получить за один талон целых шесть.

Вот только попасться на подделках будет совсем не здорово.

– Доброе утро, мистер Фрай, – звонким голосом приветствовал его робот в приемной. – Пожалуйста, проходите. – Стальным пальцем он указал на дверь с надписью ГРУППОВАЯ ТЕРАПИЯ.

Когда-нибудь, поклялся себе Мори, кивнув и подчинившись, *я смогу-таки позволить частного психоаналитика*. Групповая терапия помогала снять извечный стресс современной жизни; без нее он мог оказаться в таком же невыносимом положении, как истеричные толпы во время пищевых бунтов, или удариться в антисоциальщину, как тот поддельщик талонов, что попался утром. Но на таких сеансах Мори недоставало личного подхода. Психоанализ, по его разумению, был делом глубоко интимным, а заниматься им публично – все равно что жить полноценной супружеской жизнью в доме, где постоянно толчется орава угодливых, но жутко мешающих роботов.

Собственные мысли вдруг испугали его – и придет же такое в голову! Входя в комнату и приветствуя свою группу, Мори заметно волновался.

Их было одиннадцать – четыре фрейдиста, два ришеиста, гештальтпсихолог и парочка юнгианцев, сторонник шоковой терапии и пожилой тихий салливанист[26]. Подход к пациенту у них, ясное дело, разнился, но Мори, даром что четыре года общался с группой, так и не смог уловить, в чем конкретно различия заключаются. *Мне известны их имена,* подумал он, *этого хватит.*

– Доброе утро, эскулапы! – поздоровался он. – Что у нас на сегодня?

– Доброе утро, – угрюмо откликнулся доктор Циммельвайс. – Сегодня вы впервые к нам входите с таким видом, будто вас что-то действительно беспокоит, и все же расписание требует психодрамы. Доктор Фэрлесс, – обратился он к коллеге, – не могли бы мы немного изменить расписание? Фрай явно чем-то перенапряжен, а мы, как говорится, не докопаемся – не дознаемся. Психодрама подождет до следующего раза, правда ведь?

Фэрлесс покачал своей изящной лысой головой:

– Извините, доктор, но тут от меня ничего не зависит. Вы же

знаете правила.

– Правила, правила… – Циммельвайс усмехнулся. – А прок от них какой? Вот пациент в состоянии острой тревоги – навидался я таких на своем веку! – и мы игнорируем его острый случай в угоду правилам? Ну и где здесь профессионализм? Разве так мы его излечим?

– Если позволите, доктор Циммельвайс, – ледяным тоном произнес маленький доктор Блейн, – множество исцелений было проведено без необходимости отступать от правил. Да и сам я, собственно говоря…

– «Сам я»! – передразнил Циммельвайс. – Сами вы никогда в жизни не управлялись с пациентом в одиночку. Когда уже вы покинете группу, Блейн?

– Доктор Фэрлесс! – в ярости бросил Блейн. – Я что, должен терпеть подобного рода переходы на личности? Просто потому, что у Циммельвайса – стаж и пара частных пациентов в день? Да что он о себе…

– Джентльмены, – мягко заметил Фэрлесс, – пожалуйста, давайте продолжим работу. К нам мистер Фрай пришел за помощью, а не ради того, чтобы слушать наши перебранки.

– Извиняюсь, – коротко отчеканил Циммельвайс. – Однако я по-прежнему призываю не возводить правила в догму.

Фэрлесс склонил голову.

– Прошу проголосовать – кто за прежний порядок ведения наших собраний? Девять. Против только вы, коллега Циммельвайс. Посему мы сейчас приступим к психодраме, если секретарь напомнит нам заметки с прошлого сеанса… Прошу.

Секретарь, толстый, приземистый юнец по фамилии Спрэг, перелистнул несколько страниц своего журнала и зачитал нараспев:

– Протокол сеанса от двадцать четвертого мая, объект – Мори Фрай; присутствовали доктора Фэрлесс, Блейн, Циммельвайс, Каррадо, Вебер…

Фэрлесс вежливо прервал:

– Если не трудно, давайте сразу следующую страницу, то есть последнюю, Спрэг – уж будьте так добры…

– Гм… Да. После десятиминутного перерыва для проведения дополнительного теста Роршаха и энцефалограмм группа, собравшись, провела тест на ассоциации. Все результаты были сведены в таблицу и сопоставлены со стандартными значениями. После было отмечено, что значительная часть психических травм объекта, соответственно…

Мори обнаружил, что его внимание ослабевает. Терапия была хороша, все это знали, но время от времени он находил ее

немного скучной. Но если бы не она, неизвестно, что могло бы случиться. Конечно, сказал себе Мори, ему оказывали тут значительную помощь – по крайней мере, он не поджег свой дом и не кричал на пожарных роботов, как Ньюэлл, когда его старшая дочь развелась с мужем и вернулась жить к нему, взяв с собой свою норму пайка, конечно. Мори даже не испытывал искушения сделать что-нибудь столь же возмутительно и пугающе безнравственное, как уничтожить вещи или растратить их впустую – хотя порой и возникал соблазн, нечего кривить душой. И все-таки – ничего серьезного за ним замечено не было. Он был здоров. Абсолютно здоров.

…Вздрогнув, он поднял глаза. На него изумленно смотрели доктора.

– Мистер Фрай, – повторил Фэрлесс, – вы займете свое место?

– Конечно, – поспешно ответил Мори. – А где?

Циммельвайс загоготал.

– Скажите на милость! Ничего, Мори, вы пропустили не так уж и много. Сейчас мы с вами прогоним важную сцену из вашей жизни – ну, одну из тех, о которых вы нам поведали в прошлый раз, помните? Вам четырнадцать лет, Рождество, мать кое-что вам пообещала…

Мори проглотил комок в горле.

– Помню, – сказал он грустно. – Помню. Где мне встать?

– Давайте сюда, – сказал Фэрлесс. – Вы – это вы, Каррадо – ваша мать, ну а я – ваш отец. Коллеги, которые не участвуют, – прошу отойти назад. Отлично. А теперь, Мори, у нас здесь рождественское утро. Веселого Рождества, Мори!

– Веселого Рождества, – сказал Мори вполголоса. – Пап, помнишь, мама обещала мне как-то подарить собачку…

– Собачку? – сердечно переспросил Фэрлесс. – Мы с мамой приготовили для тебя кое-что получше. Ну-ка, посмотри, что это там, под елкой? Ба! Да это же робот! Да, Мори, твой собственный тридцативосьмипроцессорный робот, твой личный компаньон! Давай, Мори, не бойся, подойди к нему, поговори с ним. Его зовут Генри. Ну, давай, мальчик, иди!

Мори внезапно почувствовал неприятное пощипывание в носу.

– Но я… я вовсе не хотел робота, – проговорил он неуверенно.

– Что значит – не хотел? – твердо спросил Каррадо. – Всегда ты хотел робота. Ну же, детка, пойди поиграй с этим милягой.

– Но я ненавижу роботов! – воскликнул Мори яростно. Он оглянулся на докторов, на серые стены и с вызовом добавил: – Слышите все? Я их терпеть не могу!

Повисла секундная пауза, а затем началось обсуждение.

Где-то полчаса спустя в комнату вошел давешний робот из приемной и объявил, что время, отпущенное на сеанс, подходит к концу. За эти полчаса Мори бросало то в жар, то в холод, у него перехватывало дыхание от гнева – он вспомнил все то, что было забыто целых тринадцать лет назад.

Он ненавидел роботов.

Ничего удивительного не было в том, что в молодости Мори испытывал к роботам отнюдь не лучшие чувства. То был «роботовый бунт» – последний отчаянный протест плоти против железа, битва не на жизнь, а на смерть между человечеством и машинами, что были им же, человечеством, созданы. Битва, так никогда и не произошедшая, – ведь тот мальчик, что ненавидел роботов, стал мужчиной, что с роботами работает и вообще идет с ними рука об руку по жизни.

Всегда и во все времена конкурент за рабочее место, особенно новичок, ставился вне закона. Конкуренты набегали волнами – ирландцы, негры, евреи, итальянцы, и всякая волна загонялась в гетто, варилась там и кипела, пока не рождалось на свет поколение, пригодное к мирному житью под боком у соседей.

Роботы не имели национальности – по этому параметру их не в чем было винить. Они произошли от автоматизированных схем с обратной связью, от усложнившихся многократно систем интеллектуального наведения огня – и так, обрастая приводами, мощными батареями и другими конструкторскими ухищрениями, стали проникать во все сферы жизни.

И вот первый универсальный робот с лязгом сошел с конвейера.

Его миссия заключалась в собственном уничтожении, но из обломков тела пилотной модели сотня улучшенных роботов черпала вдохновение. И сотня принялась за работу, и еще сотня – пока не появились миллионы поверх бесчисленных миллионов.

И бунтов они никогда не устраивали – ибо пришли вместе с даром по имени *изобилие*.

И к тому времени, когда дар проявил свои собственные, неведомые до поры, темные стороны, время для бунта роботов прошло. Изобилие – это дурман, формирующий привычку. Понижение дозы в его случае не работает – если получается, лучше раз и навсегда соскочить с иглы. Но следующая за соскоком ломка может разрушить здоровье раз и навсегда.

Мучаясь от последствий, зависимый никогда не питает ненависти ни к наркотику, ни к наркодельцу. И если Мори, будучи маленьким мальчиком, мог ненавидеть робота, которого

ему подсунули вместо желанной собачки, то Мори-мужчина прекрасно понимал – роботы как слуги и как друзья на редкость хороши.

Но в каждом мужчине жив мальчишка, и тот маленький Мори так и остался при своем мнении.

Обычно Мори с радостью ждал наступления своего единственного рабочего дня, когда он мог сделать что-то полезное, а не просто потреблять, потреблять и потреблять до одури. И сегодня он вошел в испытательную лабораторию Брэдмурской компании развлечений в пике душевного подъема.

Но когда он переодевался из уличной одежды в рабочий халат, в лабораторию вошел Хоуленд из отдела закупок – с заговорщическим видом.

– Тебя Уэйнрайт хотел повидать, – шепотом сообщил он. – Лучше сбегай сейчас.

Мори нервно кивнул – с поручениями Уэйнрайта взаправду лучше не медлить.

Кабинет начальства был размером с трансформаторную будку, а убранством своим смахивал на плавучую глыбу антарктического льда. Каждый раз, видя его изнутри, Мори так и сжимался от зависти. Подумать только – по-настоящему *рабочий* стол, где ничего лишнего – ни часов с календарем, ни подставки для ручек с двенадцатью стерженьками разного цвета, ни диктофона – нет!

Шмыгнув за дверь, Мори сел и стал ждать – Уэйнрайт болтал по телефону. Мысленно он перебирал все возможные причины, по каким его может захотеть повидать начальство, да еще и лично, а не по телефону. Видимо, ничего хорошего его тут не ждет.

Уэйнрайт опустил трубку, и Мори выпрямил спину.

– Вы за мной посылали? – спросил он.

Для современности, пышнотелой и луноликой, Уэйнрайт был явно худоват, как аскет. Как главный суперинтендант отдела разработки дизайна Брэдмурской компании развлечений, он занимал высокое положение в верхних слоях зажиточного общества.

– Конечно посылал, – прошелестел он. – Фрай, что вы такое себе позволяете?

– Вы это о чем, мистер Уэйнрайт? – волнуясь, спросил Мори, мысленно вычеркивая из списка причин интереса начальства к его персоне все мало-мальски позитивные.

– А то вы не знаете. – Уэйнрайт хмыкнул. – Если не знаете, значит, и не хотите знать. Это многое меняет. Помните, по какому поводу я делал вам замечание неделю назад?

– Моя продовольственная книжка, – болезненно произнес Мори. – Послушайте, мистер Уэйнрайт, я знаю, что немного отстаю, но…

– Никаких «но»! Знаете, что о вас думают в Комитете, Фрай? Они получили жалобу от продовольственного совета в ваш адрес. Естественно, они передали ее мне. А я, естественно, собираюсь передать ее прямо вам. Вопрос в том, что вы собираетесь предпринять? Боже мой, посмотрите на эти цифры: ткани – пятьдесят один процент, еда – шестьдесят семь процентов, развлечения – тридцать процентов! Вы уже несколько месяцев ни в чем не дотягиваете до своего пайка!

Мори с несчастным видом опустил взгляд.

– Мы – то есть моя жена и я – говорили об этом вчера вечером, мистер Уэйнрайт. И, поверьте мне, мы будем над этим работать вплотную. Вот как засучим рукава, так сразу… так сразу, думаю, все будет нормально, – закончил Мори не очень уверенно.

Уэйнрайт кивнул, в его голосе прорезалась симпатия:

– А, ваша жена ведь – дочка прокурора Илона? Хорошая семья. Много раз я виделся со стариком Илоном. – Спохватившись, он перешел на более резкий и официальный тон: – Что ж, Фрай, я вас предупредил. Мне плевать, как вы выкрутитесь из этой истории, но из-за вас я не намерен терпеть регулярные втыки от Комиссии – ясно?

– О да, сэр.

– Вот и прекрасно. Как обстоят дела с новой схемой К-50?

Мори просветлел.

– Почти готова, сэр! Сегодня я дописываю на пленку первую секцию. Хочу сказать, я очень доволен результатом. Вышло более восемнадцати тысяч подвижных элементов, и это – не считая…

– Славно. Славно! – Уэйнрайт опустил взгляд на свою пустеющую столешницу. – Что ж, возвращайтесь к работе, Фрай. И выправляйте все остальное. Вы это можете, потребление – долг каждого из нас. Вот о чем нужно всегда помнить.

Хоуленд встретил Мори в лаборатории.

– Ну что, все плохо? – сочувственно осведомился он. Мори промычал в ответ нечто невразумительное. Уж кто-кто, а Хоуленд бы лучше не совал нос не в свое дело.

Но настырный коллега остался маячить за плечом, пока Мори вводил параметры на панель программирования. Молча изучив все матрицы, он занялся чтением сводных записей, сверяя их со смехами и задавая сценарии программ. Хоуленд молчал, пока Мори заканчивал настройку и запускал тестовую ленту. Все прошло идеально – Мори отступил на шаг, чтобы закурить, прежде чем нажать кнопку «Пуск».

– Продолжай! – подбодрил его Хоуленд. – С места не сойду, пока не увижу, как оно у тебя получилось.

Ухмыльнувшись кисло, Мори нажал на кнопку. Панель осветилась изнутри, загорелся и начал ритмично пульсировать крошечный огонек датчика. Дело пошло. Мори знал, что в другом конце ангара длиной в четверть мили автоматические сортировщики и конвейеры перебирали медные катушки и стальные слитки, отмеряли порции пластикового порошка и краски, производя тысячу отдельных компонентов, которые должны были составить новую игру от Брэдмурской компании развлечений – «К-50 Спин-э-Гейм». Но с того места, где они стояли, в искусно отделанной фресками зале, ничего не было видно. «Брэдмур» был заводом на острие науки – здесь даже от роботов отказались в пользу всеохватной автоматизации.

Мори глянул на часы и ввел время начала, пока Хоуленд быстро проверял программу подачи сырья.

– Все путем! – объявил он наконец торжественно, хлопнув Фрая по спине. – Я думаю, уже можно праздновать победу. Это ведь у тебя первый дизайн?

– Ну да. Во всяком случае, моя первая самостоятельная работа.

Хоуленд уже доставал из своего стола бутылку, которую держал специально для таких случаев.

– За Мори Фрая! – с чувством воскликнул он. – Нашего великолепного разработчика! Поднимем бокалы за отличного парня!

Мори выпил. Обычно он добросовестно брал минимальную годичную норму выпивки, так что лишняя рюмка погоды не делала. *Все хорошо в меру*, подумал Мори и почувствовал, как во рту, в горле, в груди разливается тепло, как приятный жидкий огонь начинает тлеть у самого сердца. Когда Хоуленд, продолжая расхваливать К-50, предложил выпить еще, Мори, к своему удивлению, возражать не стал.

Хоуленд осушил рюмку.

– Ты, наверное, думаешь – чего это я так тобой доволен? – спросил он пока еще ясным голосом. – А я могу тебе сказать!

– Говори тогда, – ответил Мори с улыбкой.

– А все потому, – Хоуленд важно кивнул, – что я вообще всем теперь доволен, Мори. И еще от меня вчера вечером ушла жена.

Мори был шокирован – так, как только свежеиспеченный муж может быть шокирован новостью о крушении чьей-то семьи.

– Да быть такого не может! Неужто…

– Ага. Теперь ее нет ни у меня в кровати, ни на кухне. Остались только пятеро роботов, и я ими вполне доволен. – Он

налил им обоим еще по стакану. – Женщины… с ними жить не получается, но и без них – туговато. Сперва вздыхаешь, страдаешь, добиваешься, потом… Ты вот стихи – любишь? – спросил Хоуленд неожиданно.

– Смотря какие, – осторожно ответил Мори.

Хоуленд процитировал:

– «Мой сад ни капли не похож на твой – ведь в нем растет одна лишь только вишня, а твой сад прячет розы за стеной – стеной, что говорит мне: я здесь лишний». Как, нравится? Я это написал для Джослин – ну, для жены моей, – когда мы только-только начали встречаться.

– Прекрасные стихи, – сказал Мори.

– Она не разговаривала со мной два дня. – Хоуленд осушил свой бокал. – Характер у нее стальной. Охотился я за ней прямо как тигр – и поймал-таки как-то… надо же.

Мори сделал большой глоток из своего стакана.

– В смысле – «надо же»? – спросил он.

– В том самом. – Хоуленд ткнул в сторону Мори пальцем. – «Надо же!» – это я и имею в виду. Мы поженились, и я отвез ее домой в свою нору, и надо же – у нас родился ребенок. И надо же – у меня были небольшие проблемы с рационом, ничего серьезного, конечно, но все равно возникли вопросы, и надо же – мы стали ссориться… начинали с легкого ворчания, и я, естественно, отвечал ей тем же, и мы расходились. Бюджет, бюджет, бюджет; надеюсь, умру, если еще раз услышу слово «бюджет». Мори, ты же женатый человек, ты-то знаешь, что это такое. Скажи мне правду, разве ты не был готов взорваться в первый раз, когда поймал свою жену на мошенничестве с бюджетом?

– Мошенничество с бюджетом? – Мори был поражен. – О чем именно речь?

– Да много способов-то существует. Твои порции вдруг становятся больше, чем у нее, и еще она накидывает тебе дополнительные рубашки из своей квоты, ну… знаешь же.

– Не знаю, черт возьми! – воскликнул Мори. – Черри бы никогда так не поступила!

Хоуленд смерил его долгим и каким-то непонятным взглядом.

– Конечно, не поступила бы, – сказал он наконец. – Давай еще выпьем.

Поморщившись, Мори протянул рюмку. *Черри не из тех, кто жульничает*, подумал он. Конечно не из тех! Красивая, любящая девушка из хорошей семьи – ей такое и в голову не придет.

Хоуленд говорил чуть нараспев:

– Никаких больше бюджетов, никаких больше ссор, никаких больше «а вот папенька так никогда не поступал». Никаких больше придирок и расширенной квоты семейного, черт бы его побрал, потребления. Мори, а как насчет смотать отсюда удочки и немножко напиться – я знаю одно местечко, где…

– Прости, – стал отнекиваться Мори, – но мне бы еще поработать…

Захохотав, Хоуленд показал ему часы. Контора закрывалась через считаные минуты.

– Не знал, что уже так много времени, – нахмурился Мори. – Но все равно, пойду-ка я лучше домой – Черри будет волноваться. Ты уж прости…

– Конечно, будет, – хихикнул Хоуленд. – Не поймай ее сегодня за поеданием твоего и ее пайков.

– Хоуленд! – натянуто произнес Мори.

– О, прости-прости. – Хоуленд махнул рукой. – Я ничего не имею против твоей жены. Просто, похоже, Джослин отшибла у меня охоту ко всем женщинам подряд. Знаешь, как это местечко называется? «Погребок дядюшки Лиготти» – это в Старом городе. Там ошивается сумасшедшая банда. Они тебе понравятся. На прошлой неделе у них была пара вечеров – то есть понимаешь, Мори, я не так часто туда хожу, но я просто случайно заскочил и…

Мори твердо прервал его:

– Спасибо за приглашение, дружище. Мне нужно домой. Жена ждет. Желаю от души повеселиться. Увидимся.

Он, пошатываясь, побрел прочь, у двери повернулся, чтобы отвесить поклон, – и лбом поцеловал ближний дверной косяк. Удар, однако, был неощутим сквозь пряное оцепенение, охватившее все тело, и Мори с трудом воспринимал даже Генри, который, хлопоча вокруг, без умолку трещал, рассказывая анекдоты. Генри вдруг застыл, и Мори заметил наконец, что по одной стороне его лица стекает струйка крови. С достоинством он вытер ее рукавом.

– Это, черт подери, настоящая рана, – проговорил Мори с гордостью. – Кровь, Генри, кровь! Но уж тебе-то, робот, пугаться нечего. Спрячь свою жестяную рожу. Меня вот сейчас на думы тянет – так что не мешай.

И он продрых в машине всю дорогу до дома.

Похмелье оказалось поистине дрянным.

Казалось бы, ничего такого: немного выпил – немного поспал, проснулся-потянулся и с новыми силами – за старые дела. Но нет ничего хуже, чем перепить, а потом недоспать. В голове стучит, во

рту словно медведь нагадил, и вообще всячески штормит.

Есть только одно лекарство.

– Сделай-ка коктейль, дорогая, – проскрипел Мори.

Черри с удовольствием разделила с ним предобеденный аперитив. *Какая же умница, и красавица вдобавок,* нежно подумал он – и вдруг заметил, что мотает головой, точно болван, в такт своим мыслям. Движения рождали неприятные ощущения.

Черри аккуратно дотронулась до его виска.

– Здесь болит? – спросила она сочувственно. – Наверное, ударился обо что-то?

Мори уставился на нее, боясь прочесть на лице осуждение, но, похоже, она взаправду просто пеклась о нем.

– Да это пустяки, дело житейское, – ответил он залихватски.

Робот-дворецкий, принеся коктейли, отбыл. Черри подняла свой бокал, Мори – свой (уловив запах спиртного, он чуть не выронил его). Приказав внутренностям стерпеть, Мори через силу сделал первый глоток.

Как ни странно, коктейль, попав в желудок, не попросился обратно, и удивительный феномен разлившегося тепла пошел на второй круг. Мори допил остаток залпом, дал роботу отмашку, чтобы тот подлил еще, и попробовал улыбнуться. Вышло – и даже без неприятных ощущений.

Еще один глоток – и все. Мори почувствовал, как на него нисходят счастье и покой, но не только выпивка была тому причиной. В прекрасном расположении духа он и Черри сели за обеденный стол. Они оживленно болтали друг с другом и с Генри, и Мори даже несколько раз сентиментально посочувствовал бедному Хоуленду, у которого что-то там не сложилось с женой, ведь на самом деле семейная жизнь – это сплошь уют и тепло, покой и доверие…

– Прости, что? – переспросил он, вынырнув из забытья. Что-то, сказанное Черри, вдруг прямо-таки оцарапало слух.

– Ничего умнее в жизни не слышала, говорю. Нет, ну такой забавный тип был! Сейчас все немного нервные – ну, ты понимаешь, о чем я, – и он так смешно таращился на дверь, как будто кого-то ждал. Вот глупый, а? Зачем его друзьям следить за ним в нашем доме?

– Черри, прошу, – настойчиво сказал Мори. – Повтори про потребительские талоны.

– Да ты, смотрю, совсем меня не слушал! – воскликнула она. – Утром дело было, сразу после твоего ухода. Явился этот смешной коротышка – даже не представился! – и я с ним поговорила, подумала, что это наш сосед, а с соседями нельзя быть грубой, ты сам говорил, дорогой, помнишь?

– Потребительские талоны! – взмолился Мори. – Я не ослышался? Ты сказала, что он предлагал фальшивые талоны?

– Ну, в общем-то, да, – неуверенно проговорила Черри. – Они и впрямь в некотором смысле фальшивые. Ну, не совсем такие, как обычные, он предупредил. Но зато – четыре за один, дорогой. Четыре его талона – за один наш, подумай, как выгодно? Так что я взяла нашу книжку и оторвала парочку недельных талонов…

– Сколько? – воскликнул Мори.

Черри заморгала.

– Что-то около двухнедельной квоты, – сказала она тихонько. – А что не так?

Мори потрясенно смежил веки.

– Двухнедельной квоты, – эхом повторил он. – Четыре – за один. Да ты продешевила.

– Откуда мне было знать? – запричитала Черри. – Вот дома мне ничего подобного не предлагали! Я не знала, что такое трущобы, не знала, что такое пищевые бунты, не знала, что такое эти ужасные роботы и отвратительные, грязные, мелочные людишки, нагло лезущие к тебе в дом!

Мори вяло глянул на нее. Черри плакала, но на сей раз слезы не производили никакого впечатления на грубую броню, которой неожиданно обросло его сердце. Робот Генри издал звук, который, будь он человеком, означал бы тактичное покашливание. Мори в ответ лишь мертво уставился на него, пресекая все попытки вмешаться.

– Ладно, давай я объясню, что ты наделала, – убитым голосом начал пояснять он. – Я даже предположу, что нам повезло и эти талоны – качественная подделка, а не такая, что их только выбросить, ведь любой, кому мы их предъявим, настучит на нас законникам. Ладно – это все стороннее. Итак, ты осталась с двухмесячной нормой фальшивых талонов на руках, и если ты еще не до конца уяснила, что пайковые книжки – не просто украшение, так вот, просвещаю – не просто. Каждый месяц их положено сдавать на проверку, чтобы доказать, что мы истратили свою месячную потребительскую квоту. Каждую книжку как минимум просматривает инспектор, а выборочно их проверяют ультрафиолетом, инфракрасными и рентгеновскими лучами, радиоизотопами, хроматографами и кучей других способов, которые изобрело, черт его дери, *человечество*! – Его голос достиг гневного крещендо. – Допустим, нам повезет и мы сбудем один такой талон… но мы просто не осмелимся – слышишь меня, не осмелимся! – использовать больше одной-двух таких подделок на дюжину настоящих! Это значит, Черри, что ты купила не двухмесячный запас, а в лучшем случае двухлетний. Но

поскольку – ты, конечно, этого никогда не замечала – срок действия талонов ограничен, мы сможем использовать не больше половины этих бумажек! – Тут Мори показалось, что он вот-вот сорвется, вытащит из-под себя стул и обрушит Черри на голову. – Более того, те талоны, что ты отдала этому ублюдку, нужны были мне прямо сегодня, прямо сейчас, потому что, так уж вышло, мне прозрачно намекнули, что нам две недели придется жить на двойной норме, как ни прискорбно. Но даже не это – главное. О главном ты и не подумала: иметь фальшивые талоны *противозаконно*. Да, Черри, я бедный; живу в трущобах – мне ни к чему лишний раз о том напоминать. Мне еще предстоит долгий путь, прежде чем я достигну такого богатства и уважения, какие есть у твоего отца – ведь его ты постоянно ставишь мне в пример, не думая, что от этого я устаю. Но я могу сказать тебе уверенно – всегда и везде, до сего часа уж точно, я жил честно. *Всегда и везде.*

К тому времени, как Мори закончил тираду, Черри перестала плакать. Она сидела, как будто аршин проглотив, с бледным лицом и сухими глазами. Мори иссяк, но раздражение его не покинуло. Какое-то время он хмуро смотрел на жену, потом встал, развернулся и выбежал из дома, громко хлопнув дверью.

Жизнь семейная, думал он на ходу, *придумают же!*

Он шел несколько часов, не замечая, куда идет.

К нему вернулось ощущение, которого он не испытывал уже лет десять. Мори осознал внезапно, что вовсе не последки развеивающегося похмелья заставляли его чувствовать себя так странно. Он был голоден – *по-настоящему* голоден.

Мори Фрай огляделся вокруг. Он находился в Старом городе, в нескольких милях от дома, влекомый толпами людей из низших слоев общества. Квартал, где он жил, представлял собой самые ужасные трущобы, какие Мори когда-либо видел, – китайские пагоды тут стояли рядом с рококо-имитациями часовен Версаля, виньетки извивались по всякому фасаду, и ни одно здание не обходилось без ярких вывесок и факелов.

Он увидел кричаще разукрашенное заведение под громоздким названием «Бюджетная Трудяга-Пчелка Билли» и пересек улицу, лавируя меж бесконечных потоков транспорта. Это было жалкое подобие ресторана, но Мори было все равно. Он нашел себе место под пальмой в горшке, как можно дальше от звенящих фонтанов и струнного ансамбля роботов, и сделал бездумный заказ, не обращая внимания на цены. Когда официант бесшумно удалился, Мори с тошнотой осознал: он вышел без своей продуктовой книжки. Он громко застонал; слишком поздно было уходить, не вызвав шума. Но тогда, подумал он с вызовом, какое значение имеет еще один ненормированный прием пищи?

Еда все же помогла ему почувствовать себя немного лучше. Он доел последний кусок профитроли с шоколадом, даже не оставив на тарелке недоеденной трети того, что позволяла традиция, и потребовал счет. Робот-кассир машинально потянулся за продуктовой книжкой, и Мори с видом триумфатора бросил ему:

– А продовольственных талонов при мне нет.

Роботы не были приспособлены для демонстрации удивления, но этот предпринял честную попытку. Человек, стоявший позади Мори в очереди, помянул тихим незлым словом жителей трущоб. Мори воспринял это как комплимент – и вышел на улицу почти в хорошем настроении.

Достаточно хорошем, чтобы вернуться домой, к Черри? Мори на секунду задумался. Он не собирался притворяться, что ошибся, и, уж конечно, Черри не собиралась признавать свою вину. *Кроме того*, мрачно напомнил себе Мори, *она наверняка уже спит*. У Черри-то со сном никогда не было проблем. Она даже не использовала свою норму снотворного, хотя Мори не раз говорил ей об этом. Конечно, напомнил он себе, он был так вежлив и тактичен, как и подобает молодожену, что, скорее всего, она даже не поняла, что так он указывает ей на недостаток. Тьфу!

Храбрый человек Мори Фрай, собственноручно надевший на себя богато украшенное ярмо, решительно вышагивал по улицам Старого города.

– Эй, приятель, не хочешь хорошо провести время?

Мори бросил на него недоверчивый взгляд.

– Опять ты! – взревел он.

Маленький человечек уставился на него с неподдельным удивлением. Затем слабый проблеск узнавания промелькнул на его лице.

– А, так это ты, – сказал он. – Сегодня утром с тобой виделись, да? – Он сочувственно хмыкнул. – Жаль, что ты не хочешь иметь дел со мной. Твоя жена оказалась намного умнее. Конечно, ты меня немного обидел, дружок, так что, естественно, я немного повысил ценник – ну так, чтоб тебе урок преподать.

– Ах ты скунс! Обманул мою бедную жену! Пойдем-ка с тобой в местный полицейский участок – там все обсудим!

Маленький человечек поджал губы.

– Что, потащишь меня?

– Еще как потащу! И позволь мне сказать тебе… – Он замолк на полуслове, потому что на плечо ему легла огромная ручища. Хозяин оказался ей под стать, и странно было слышать от такого громилы столь вежливый и спокойный голос:

– Этот джентльмен беспокоит тебя, Сэм?

– Не очень, – ответил коротышка. – Но, по-моему, он чего-то хочет, так что не уходи.

Мори высвободил плечо.

– Не думайте, что сумеете меня запугать! Я немедленно иду в полицию!

Сэм недоверчиво покачал головой:

– Ты думаешь, закон будет на твоей стороне?

– А как же иначе!

– Что скажешь, Уолтер? – Сэм опечаленно вздохнул. – Бедная женщина – его жена… Такая красивая леди.

– Что это ты болтаешь?

– Я болтаю о твоей жене, – объяснил Сэм. – Сам я, конечно, не женат. Но сдается мне, что если бы я был женат и моя жена вляпалась бы в какую-нибудь историю, то не стал бы звать полицию. Нет, сэр, я бы постарался выкрутиться сам. Почему бы тебе просто с ней не поговорить? Заставить ее понять ошибку…

– Погоди, – прервал его Мори. – Ты хочешь сказать, что впутал в это дело мою жену?

Коротышка развел руками.

– Это не я ее впутал, приятель, – сказал он. – Это она сама впуталась. Преступление же совершают двое, верно? Ладно – я торгаш, не отрицаю. Но как бы я мог торговать, если никто не покупал бы, а?

Мори угрюмо уставился сначала на него, потом – на верзилу Уолтера. С тех пор как он увидел Уолтера впервые, тот никак не уменьшился. Драка отпадала, полиция отпадала, оставался не самый почетный путь – подловить момент и удрать от коротышки снова.

– Ну вот, – сказал Сэм, – рад видеть, что ты кое-что понял. Давай теперь вернемся к моему первому вопросу, дружок. Так как, хочешь неплохо провести время? Мне кажется, ты ловкий парень и тебя бы заинтересовало одно местечко, тут, рядышком, в конце квартала, а?

– Так ты еще и местный зазывала, – горько сказал Мори. – Талант широкого профиля.

– А то, – согласился Сэм. – По моему опыту, торговля талонами ночью идет медленно. Люди больше думают о хорошем времяпрепровождении. И, поверь мне, хорошее время – это как раз то, что я могу им дать. Взять хотя бы то место, о котором я говорю, – оно называется «Погребок дядюшки Лиготти». Необычное местечко – ну правда же, Уолтер?

– Еще какое, – буркнул в ответ верзила.

Но Мори едва ли слышал его. Он уточнил:

– «Дядюшка Лиготти», ты сказал?

– Ну да. – Сэм кивнул.

Мори стал копаться в памяти – название казалось знакомым, где он мог его слышать? Ну да, кажется, именно об этом месте упоминал Хоуленд на заводе. Интересненько.

Пока он раздумывал, Сэм взял его за одну руку, Уолтер – за другую, и Мори смекнул, что его уже ведут.

– Вот увидишь, тебе понравится, – пообещал Сэм. – А что до утреннего дельца с твоей женой – давай без обид, лады? Как только посмотришь на «Погребок», все одно перестанешь злиться. Это место – особенное. Клянусь тем, что они платят мне за привлечение клиентов, – я бы не стал этого делать, если бы в свое дело не верил…

– Эй, Джек, потанцуем? – сквозь шум бара прокричала какая-то девица. Она отступила назад, подняла колышущиеся юбки на высоту лодыжек и исполнила ловкий найнстеп.

– Меня зовут Мори! – завопил Мори в ответ. – И танцевать я не хочу!

Девица пожала плечами, многозначительно посмотрела на Сэма и протанцевала прочь.

Сэм подозвал бармена.

– Первый раунд за нами, – объяснил он Мори. – Это чтобы потом не суетиться. Будешь пить, пока пьется. Ну, нравится это местечко? – Мори заколебался, но Сэм и не ждал ответа. – Отличное местечко! – прокричал он и опрокинул в глотку стакан, который поставил перед ним робот-бармен. – Увидимся позже!

И он куда-то исчез вместе с громилой Уолтером. Мори неуверенно посмотрел вслед этой диковинной парочке… и сдался. Раз уж он здесь, можно и выпить. Сделав заказ, он стал глазеть по сторонам.

«Погребок дядюшки Лиготти» был третьеразрядным заведением, замаскированным под один из престижных загородных клубов высшего класса. Бар, например, был отделан как будто бы деревянными рейками, прибитыми гвоздями, но, приглядевшись, Мори обнаружил в отделке расслоение, типичное для пластика. То, что для неискушенного посетителя должно было изображать холщовые портьеры, на самом деле было тщательно обработанной тканой синтетикой, и так – по всему заведению.

На здешней небольшой сцене заканчивался стендап, но, казалось, никто не обращал на выступающего внимания. Мори напряг слух, стараясь уловить слова народного юмориста, и поморщился – шутки у того были плоские, как гладильная доска. Вскоре юмориста сменил на сцене унылый кордебалет скудно

одетых девиц – Мори показалось, что та самая, изъявившая недавно желание с ним станцевать, тоже в их числе.

Рядом с ним какой-то мужчина декламировал стихи женщине средних лет:

Были скалы безмерны и серы,
Труб фабричных ревел хоровод,
Хулиганов плясал хоровод,
И точили все язвы без меры
В изобильный на диво тот год…

– О, Мори! – прервался он. – А ты что здесь делаешь?

Теперь Мори узнал декламатора.

– Привет, Хоуленд, – сказал он. – Я… э-э… я сегодня вечером был свободен, решил вот заскочить…

Хоуленд хихикнул:

– Ну, похоже, тебе жена больше с рук спускает, чем моя спускала. Закажи выпивки!

– Спасибо, уже, – сказал Мори.

Женщина, бросив на Мори тигриный взгляд, сказала:

– Это была одна из твоих самых красивых вещей.

– О, Мори слышал мои стихи, – сказал Хоуленд. – Мори, хочу познакомить тебя с очень красивой и талантливой молодой леди, Танакил Бигелоу. Мы с Мори сослуживцы, Тан.

– Очевидно, – ледяным голосом произнесла Танакил Бигелоу, и Мори поспешил от нее отдернуть руку – ту, что уже протягивал в приветствии.

Разговор не клеился; Танакил была холодна, Хоуленд – расслаблен и рассеян, и Мори в голову пришла одна идейка. Поймав взгляд робота-бармена, он заказал на всех троих питье и учтиво намекнул записать все в потребительскую книжку Хоуленда. Пока робот готовил им выпивку, Мори уже подумал, что зря, наверное, все это затеял, – но тут Танакил Бигелоу чуть оттаяла.

– По-моему, вы из тех людей, что умеют думать, Мори, – сказала она. – Мне нравятся такие, с ними приятно разговаривать. А то я всякое терпение теряю с теми тупицами, которые днем работают до упаду, а вечером едят и едят, потребляют и потребляют как сумасшедшие – откуда они только берутся такие? О да, я вижу, вы все понимаете. Всякий болван, только-только родившись, уже несется потреблять и потребляет, пока его – хлоп! – удар не хватит. И кто в этом виноват, если не роботы?

По рассеянному умиротворению Хоуленда пробежала рябь беспокойства.

– Тан, – проворчал он, – может, Мори не интересуется политикой.

Политика, подумал Мори, *что ж, пусть будет политика*. У него кружилась голова. Слушая эту женщину, он чувствовал себя словно шарик в игральном автомате, испытанном сегодня утром. И еще неизвестно, сколько углов, столбов и поворотов ждут его впереди.

Он сказал – почти что искренне:

– Пожалуйста, продолжайте, миссис Бигелоу. Мне очень интересно.

Она улыбнулась, но затем отчего-то нахмурилась. Мори напрягся было, но сообразил тут же, что вовсе не он – причина такого преображения.

– Роботы! – громко прошипела Танакил. – Вы думаете, это они работают на нас? Ха-ха три раза! Это мы – их слуги, это мы работаем на них – каждую секунду каждого дня нашей жалкой жизни! Люди – рабы! Мори, хотите присоединиться к нам и стать свободным?

Мори отгородился бокалом и сделал свободной рукой некий жест, который можно было толковать довольно-таки двояко, но женщину он, кажется, устроил. Танакил заговорила тоном заправского обвинителя:

– Знаете ли вы, что больше трех четвертей населения в этой стране за последние пять с половиной лет получили нервные расстройства? Что больше половины сидят на постоянном учете у психиатров по поводу психозов? И это все не считая неврозов, которые есть и у моего мужа, и у Хоуленда, да и у вас, уверяю. Можете мне поверить, у меня они тоже есть. Знаете, что минимум сорок процентов населения подвержены маниакальной депрессии, тридцать один – шизофрении, тридцать восемь процентов имеют целый набор незафиксированных психогенных расстройств, и двадцать четыре процента – шизоидные…

– Подожди минутку, Тан, – перебил ее Хоуленд. – Сыпешь процентами как горохом! А ну давай сначала – и попонятнее.

– Ну и черт с ним, – мрачно сказала женщина. – Жаль, что здесь нет моего мужа. Он выражает это гораздо лучше, чем я. – Она отпила из бокала. – Пока вы не совсем окосели, – неприятным тоном обратилась она к Мори, – как насчет еще по одной, на сей раз в счет моей потребительской книжки?

Мори согласно кивнул – в его замешательстве это было проще всего. Выпив, он сделал еще один заказ – снова на книжку Хоуленда. Насколько он понял, женщина, ее муж и, вполне возможно, Хоуленд принадлежали к какой-то антироботной группе. Он слыхал о таких; они имели квазиправовой статус, ни

одобренный, ни запрещенный, – но никогда не сталкивался с ними раньше. Вспоминая ненависть, которую мучительно переживал на сеансе психодрамы, Мори с тревогой подумал, что, возможно, с этими ребятами у него куда больше общего, чем может показаться. Но расспросы с его стороны никак не помогали твердо усвоить принципы организации.

В конце концов женщина оставила попытки объяснений и отправилась искать мужа, а Мори и Хоуленд, выпив еще по стаканчику, слушали, как пара пьяниц спорит о том, на чью книжку запишут новую порцию выпивки. Они находились в состоянии опьянения Альфонса-Гастона[27]; утром явно пожалеют о том, потому что каждый из них все уступал другому право тратить пайковые баллы. Мори с тревогой думал о своих собственных сбережениях: уж точно Хоуленду дадут кредит за то, что Мори сегодня много пил. Конечно, это послужит хорошим уроком – нечего забывать книжку.

Потом вернулась Танакил Бигелоу, а с нею – тот самый верзила, с которым Мори уже встречался в компании Сэма-фальшивомонетчика, генерала и предводителя всех прохвостов в Старом городе.

– Наш мир удивительно тесен, не правда ли? – прогудел Уолтер Бигелоу, лишь слегка сжав руку Мори в своей. – Видите ли, сэр, жена сказала мне, что вас интересуют основные философские мотивы нашего движения, и я хотел бы обсудить их с вами. Начнем с того, сэр, рассматривали ли вы принцип двойственности?

– Принцип чего? – переспросил Мори.

– Минутку, – вежливо сказал Бигелоу. Он откашлялся и продекламировал:

Во Древнем Китае сей принцип открыт,
Он ярко сияет – досель не забыт,
Распался началами – женским, мужским,
Слепящий спирально-нарезанный вихрь –
Отсель – Ян и Инь.

Уолтер скромно пожал плечами.

– Это лишь первая строфа, – сказал он. – Не знаю, много ли вы из нее извлекли.

– Не очень много, – признался Мори.

– Вторая строфа, – твердо объявил Бигелоу:

Внял Гегель ему – и прозрел очень ясно,
Но вот Карл Маркс волком вкрался опасным,

Он свод разработал блистательных правил,
И принцип он с ног на макушку поставил:
Теперь – Инь и Ян.

Последовала выжидательная пауза. Мори сказал:

– Я… эм… не уверен, что понима…

– Здесь все прекрасно суммировано, не правда ли? – воскликнула жена Бигелоу. – О, да если бы другие видели все так же ясно, как ты, Уолтер! Робот – враг и робот – спаситель, тут и голод, тут и переедание – всюду двойственность, всюду!

Бигелоу похлопал Мори по плечу.

– Следующая строфа проясняет все еще лучше, – сказал он. – Она на редкость хороша – я бы, конечно, сам такие слова не нашел, ее придумал Хоуленд. Он помог мне со стихами.

Мори бросил быстрый взгляд на Хоуленда, но тот старательно отводил глаза.

– Третья строфа, – объявил Бигелоу. – За ней труднее всего уследить, она длинная, так что будьте внимательны…

Все во Вселенной отмерено слепо
Чашей весов – с хладнокровием склепа…

– Хоуленд, – вдруг прервался он, – ну что это за декадентские позывы! Я на этом месте все время спотыкаюсь – да разве же есть у склепа хладнокровие? А впрочем, ладно! – И Уолтер продолжил:

К А или к Б
Ты прибавь сколько хочешь,
Вместе они –
Неизменно и точно.
В синусах тока, в биениях жизни,
В климате и в половом диморфизме,
В том, как живешь ты, и в том, как умрешь, –
Всюду ты Двойственность только найдешь,
Все, что имеем, куда взор ни кинь –
Светлое Ян
И темное Инь.

– Дорогой мой! – воскликнула жена Бигелоу. – Вот это декламация!

Раздались аплодисменты, и Мори впервые осознал, что

половина бара прекратила свое шумное веселье, чтобы послушать их. Очевидно, Уолт Бигелоу был здесь довольно известной фигурой.

– Я никогда не слышал ничего подобного, – слабо произнес Мори.

Он нерешительно повернулся к Хоуленду, который тут же сказал:

– Что нам всем сейчас нужно, так это выпить.

Они выпили за стихи Бигелоу.

Мори отвел Хоуленда в сторону и спросил его:

– Все эти люди – они что, спятили?

– Нет, с чего ты взял? – досадливо ответил Хоуленд.

– Какие-то стишки, какая-то двойственность… к чему это все?

Хоуленд пожал плечами:

– Ну, для них это что-то да значит. Они – философы, Мори. Видят вещи насквозь. Ты даже не представляешь, какая это для меня честь – общаться с ними.

Они выпили еще по стаканчику. Отметки снова ушли в книжку Хоуленда.

Мори отвел Уолтера Бигелоу в укромное место.

– Оставим пока в стороне двойственность, – сказал он. – Что насчет роботов?

Бигелоу посмотрел на него округлившимися глазами.

– Разве вы не поняли стихотворение?

– Само собой, ни черта я не понял. Обрисуйте самую суть в простых терминах, чтобы я смог хотя бы пересказать ее жене.

Бигелоу просиял.

– Речь идет о дихотомии роботизации, – объяснил он. – Ну, как в той сказке, где один мальчик соорудил соляную мельницу, а она стала молоть, и молоть, и молоть… Ему, конечно, нужна была соль – но не в таких же объемах! Еще у Уайтхеда[28] это хорошо объясняется…

Они выпили еще – в этот раз за счет книжки Бигелоу. Наклонившись к Танакил, Мори, запинаясь через слово, спросил:

– Ну вот вы мне объясните… ик… вы вот послушайте…

– Слушаю вр-р-разумительно, – с улыбкой ответствовала жена Уолтера.

– Ну вот тут у вас все, ик, сложно, стихи всякие, философия… а можно этак попроще, по-про-ле-тар-ски… в простых терминах… что не так с нашим обществом?

– Проблема в роботах, – сразу ответила она, не думая. – Их слишком много, роботов. Слишком много роботов делают слишком много всего…

– Ха! Понял! – ликующе воскликнул Мори. – Надо избавиться

от роботов!

– О нет. Нет-нет-нет. Все слишком роботизировано, нельзя избавиться от них, нельзя замедлить производство – оно так совсем зачахнет. И принцип двойственности – концепция, которая проясняет все это…

– Да ничего она не проясняет, эта ваша ка… кы… концепция! – крикнул Мори с пылом в охрипшем от всего выпитого голосе. – Что нам делать-то, а?

– Делать? Я скажу тебе, что мы должны сделать, если хочешь. Я могу тебе сказать.

– Говори.

– Что нам следует сделать, так это… – Танакил икнула с выражением аристократского ужаса на лице, – выпить еще.

Они пропустили еще по стаканчику. Разумеется, Мори галантно позволил заплатить за себя. Она беззастенчиво спорила с барменом о причитающихся ей пайковых баллах.

Мори держался долго. Во всяком случае, он честно пытался. Но зеленый змий в конце концов его одолел, и последствия не заставили себя ждать.

Сознание померкло раньше, чем перестали шевелиться руки и ноги. То был настоящий провал в памяти, но, несмотря на провал в памяти, он все же ухитрился запомнить целый калейдоскоп мест, где успел побывать, и лиц, которые успел повидать. В этом калейдоскопе были и Хоуленд, напившийся до чертиков, в дым, – Мори вспомнил, как смотрел на Хоуленда почему-то сверху вниз, видимо, последний лежал на полу, – и чета Бигелоу, и Черри, супруга, заботливая и отчего-то веселая… и еще там был Генри – совершенно ненужный, неуместный.

Чтобы восстановить ход событий, Мори напряг все свои похмельные силы. Это было очень трудно – восстановить ход событий – и в то же время очень важно. Почему это важно, Мори никак не мог вспомнить и наконец оставил тщетные попытки, удовлетворившись тем, что знает теперь про двойственность роботов, а незаурядная женщина с незаурядным именем Танакил Бигелоу ему не приснилась-таки.

Каким образом он очутился утром в своей постели, Мори вспомнить не мог. Память была чиста, как снег. И только после долгих трудов всплыл момент, когда они с Хоулендом после двенадцатого стакана, обняв друг друга за плечи, сочинили куплет о двойственности – и, подражая старой маршевой мелодии, завели его через шум и гам бара:

Идти вперед – преображаться,
Вершить подъем – круговорот!

Нам Инь приказано меняться,
Ян встать на месте не дает!
Еда – пустые разговоры,
Нам робот не дает житья,
Извне проблемы – командоры,
Ненужный хлам и беготня!

В тот момент, когда они это пели, все эти слова вроде бы и вправду имели некий смысл.

Если алкоголь открыл Мори глаза на существование двойственности, то, быть может, именно алкоголь и был ему нужен.

Назовем это дихотомией, если такой термин самый подходящий. Назовем тепло – Ян, а холод – Инь. Ян настигает Инь. Затем Инь уступает Ян. Затем Ян уступает Инь. Затем…

Назовем их иначе. Пусть Инь будет рот, рука будет Ян.

Если рука отдыхает, рот голодает, но если остановился рот, рука просто умрет.

Но и Инь не может вечно тащиться сзади.

А теперь назовем робота – Ян.

И вспомним, что трубы имеют по два конца.

Как всякий редко пьющий помногу мужчина, Мори приготовился к последствиям – и с удивлением обнаружил, что их нет. Черри была странно возбуждена.

– Ты был таким веселым… – хихикнула она. – И таким романтичным…

Он допил утренний кофе. Руки у него дрожали.

В конторе все хохотали в голос и хлопали его по спине:

– Хоуленд нам рассказал, что в последнее время ты живешь на широкую ногу, парень!

– Послушайте! Вы слышали, какой номер отмочил Мори Фрай? В первый раз в жизни, наверное, решил покутить ночь, так умудрился забыть дома потребительскую книжку!

И все думали, что это была замечательная шутка.

И все даже наладилось. Черри, казалось, преобразилась до неузнаваемости. Правда, она по-прежнему ненавидела вечерние выходы в свет, и Мори никогда не видел, чтобы она заставляла себя есть ненужную еду или играть в ненужные игры. Но однажды днем, заглянув в буфетную, он с недоверием обнаружил, что они значительно опережают свои нормы пайка. По некоторым позициям, на самом деле, они даже опережали месячный график.

И дело было даже не в фальшивых талонах, ведь Мори потихоньку их собрал и, улучив удобный момент, тайком от

Черри сжег. Едва обнаружив перерасход потребительской квоты, он хотел бежать к Черри и поздравить ее – еще бы, такой успех! Но осторожность взяла верх. Эта тема была для нее больной. И Мори сдался, подавив в себе желание делиться радостью. Пусть все остается как есть.

И добродетель его была вознаграждена.

Его вызвал Уэйнрайт. Начальник улыбался.

– Ну, Мори, для вас прекрасные новости! Не хотел говорить раньше времени, но чего таить – ваш статус пересмотрен квалификационной комиссией Министерства потребления. Теперь вы больше не в четвертом классе младших сотрудников!

– Неужели теперь я четвертый старший? – спросил Мори с робкой надеждой.

– Вы теперь – пятый класс, Мори. Пятый! Когда мы что-нибудь делаем, то делаем это на совесть. Мы просили специальной санкции от Министерства потребления – и получили ее, и вы перескочили в следующий класс. Но если честно, – добавил Уэйнрайт, – дело не только в нашей поддержке. Очень помогло ваше недавнее замечательное достижение в потреблении. Я же говорил вам – все получится…

Мори пришлось сесть. Он пропустил мимо ушей то, что хотел сказать Уэйнрайт, но это не имело значения. Он выбежал из офиса, обогнул группу коллег, ожидавших его, чтобы поздравить, и схватился за телефон.

Черри на другом конце провода была сама не своя от радости.

– О, дорогой! – только и смогла она вымолвить.

– И у меня ничего бы не вышло без тебя, – пробормотал Мори. – Уэйнрайт сам сказал. Сказал, что если бы не то, как мы… ну, ты же следила за пайками? Если бы не это, я никогда бы не попал в правление. Я хотел сказать тебе кое-что об этом, дорогая, но не знал как – но я правда ценю это, я… алло?

– Ну и гадкий же ты тип, Мори Фрай. – Голос Черри звучал напряженно и низко. – Как жаль, что ты испортил мне хорошие новости. – И она повесила трубку.

Мори с отвисшей челюстью уставился на телефон.

Хоуленд появился позади него, посмеиваясь.

– Женщины, – сказал он. – Никогда не пытайся их понять. В любом случае, Мори, я от души тебя поздравляю.

– Спасибо, – пробормотал Мори.

– Да, кстати, Мори, теперь, когда ты, так сказать, из больших шишек, ты же не станешь говорить Уэйнрайту, что я о нем…

– Извини, – сказал Мори, не слыша его, и протиснулся мимо. Он лихорадочно думал о том, чтобы перезвонить Черри,

помчаться домой и выяснить, что же он сказал не так. Не то чтобы было много сомнений, конечно. Он коснулся ее больного места.

Как бы то ни было, его наручные часы напоминали о том, что на этой неделе у него назначена встреча с психиатром.

Мори вздохнул. Бог дал, бог взял. Благословен будь тот день, что дает только хорошее, – если такой вообще существует.

Сеанс шел никудышно. В последнее время – штатная ситуация. Перешептывались и переглядывались эскулапы, словно бы блуждая в темноте вместо того, чтобы точно, резко и правильно делать свое дело – корректировать его, Мори, психику. *Что-то не так*, подумал он.

Циммельвайс подтвердил его опасения, объявив перерыв в сеансе. Когда все доктора, кроме него, вышли, он остался побеседовать с Мори с глазу на глаз. Фрай почувствовал, как по спине пробегает неприятный холодок – видимо, дело взаправду дрянь.

– Мори, – сказал Циммельвайс, – по-моему, вы что-то скрываете.

– Я не нарочно, доктор, – серьезно ответил Мори.

– А вот за это я не поручусь. Часть сознания всегда поступает «нарочно». Мы изрядно покопались в вашем сознании, мистер Фрай, проникли довольно глубоко и обнаружили там кое-что интересное. Правда, об окончательном диагнозе говорить рано… Видите ли, мы изучаем человеческое сознание так, как если бы посылали разведчиков через территорию, где живет племя каннибалов. Каннибалов этих нельзя увидеть, ведь кто их видел – тот уже ничего о них не расскажет. Но вот вы посылаете разведчика сквозь джунгли, и если он не объявляется там, где вы условились встретиться, значит, ему не повезло – где-то он совершил поворот не туда. Применительно к человеческому сознанию такой поворот называется психической травмой. Что это за травма, каковы ее последствия для поведения – вот что мы должны понять. И едва понимание наклевывается – мы принимаем меры.

Мори кивнул. Все это было ему знакомо; он не мог понять, к чему клонит врач.

Циммельвайс вздохнул:

– Проблема с лечением травм, проникновением за психические барьеры и избавлением от запретов – проблема со всем, что мы, психиатры, делаем, – на самом деле заключается в том, что мы не можем позволить себе делать это слишком хорошо. Закомплексованные люди – всегда в напряжении, и мы это напряжение стараемся снять. Но если мы преуспеем всецело и

снимем вообще все барьеры – получим преступника. Запреты социально необходимы. Вот допустим, к примеру, никто не запрещал бы вопиющее расточительство – и вместо того, чтоб рационально и ответственно расходовать свою норму рациона, люди жгли бы собственные дома или топили бы пригодный к употреблению продукт, скажем, в реке… Когда так делают несколько человек, мы их лечим. Если такое вдруг произойдет в массовом масштабе – тогда обществу в том виде, какой мы знаем, пришел бы конец. Подумайте о всех тех асоциальных прецедентах, описанных в любой газетенке. Муж бьет жену, жена превращается в мегеру, их сын разбивает окна, муж начинает сбывать фальшивые талоны… Каждое звено этой цепочки указывает на фундаментальный недостаток в психике – неспособность потреблять.

Мори вспыхнул.

– Док, вы пережимаете! Да, у меня были недостачи по квотам несколько недель назад – но с тех пор я на высоте! Совет даже похвалил…

– Почему вы так остро реагируете, Мори? – мягко спросил Циммельвайс. – Я позволил себе лишь общие суждения – никакой конкретики…

– По-моему, это вполне естественно – возмущаться, когда тебя огульно обвиняют!

Циммельвайс пожал плечами:

– Мы никогда не *обвиняем* пациента, мистер Фрай, – мы стараемся ему помочь. – И он закурил свою последнюю сигарету. – Прошу, подумайте об этом. Увидимся на следующей неделе.

Черри встретила его в дверях, храня неприступный вид. Холодно чмокнув его в щеку, она объявила:

– Я разговаривала по телефону с мамой. Поделилась с ней хорошей новостью. Они с папой приедут к нам сегодня отпраздновать.

– Хорошо, – кивнул Мори. – Дорогая, что я не так сказал по телефону?

– Они приедут около шести.

– Хорошо, хорошо! Скажи, ты обиделась на меня из-за этих норм? Если ты обиделась, то, клянусь, я не понимаю – за что!

– Я обиделась, Мори.

– Мне очень жаль! – сказал он в отчаянии. – Я просто…

Тут ему в голову пришла идея получше, и он поцеловал ее.

Черри хоть и оставалась холодной к нему, но недолго. Оттолкнув его, она захихикала:

– Дай мне одеться к ужину, негодник!

– Просто пойми, я…

Она приложила палец к его губам.

Мори отпустил ее и, чувствуя себя гораздо спокойнее, направился в библиотеку. Там его уже ждали дневные газеты. Сев, он стал просматривать их по порядку. Где-то на середине «Уорлд-Телеграм-Сан-пост-энд-Ньюс» он отвлекся на звонок Генри.

Мори успел дочитать до конца раздел происшествий в «Таймс-Геральд-Трибюн-Миррор», прежде чем появился робот.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался тот.

– Почему ты так долго? – осведомился Мори. – И где все остальные роботы?

Роботам не дана способность осекаться, но последовала отчетливая пауза, прежде чем Генри произнес:

– Все в подвале. Они вам зачем-то понадобились?

– Да нет. Просто что-то их не видно. Принеси мне выпить.

Генри заколебался:

– Виски, сэр?

– До обеда? Нет, конечно. Принеси мне «Манхэттен».

– У нас кончился вермут, сэр.

– Весь? Будь добр, скажи мне, как так вышло?

– Он весь израсходован, сэр.

– Вздор какой! – огрызнулся Мори. – У нас никогда в жизни не заканчивался вермут, и ты сам это прекрасно знаешь. Да мы только что получили на днях нашу пайку, и я… – Мори осекся. Когда он посмотрел на Генри, в его глазах внезапно промелькнул ужас.

– Что с вами, сэр? – осторожно поинтересовался робот.

Мори ощутил, как в горле встал ком.

– Генри, я… сделал что-то, чего… не должен был?

– Не знаю, сэр. Не мне решать, что вы должны делать и чего не должны.

– Ну да, – мрачно согласился Мори. Бездумно уставившись в никуда, он силился хоть что-нибудь вспомнить. То, что подсовывала память, ему решительно не нравилось. – Генри, а давай-ка спустимся в подвал. Прямо сейчас!

Слова Танакил Бигелоу о том, что «слишком много роботов слишком много делают», и заронили в него идею. Будучи в подпитии, куда более раскрепощенный чем обычно, он понял – проблема ясна, а решение ее – и того очевидней.

Он огляделся вокруг в мрачном беспокойстве. Его собственные роботы, следуя его собственным приказам, данным неделями раньше…

– Это именно то, что вы велели нам сделать, сэр.

Мори застонал. Он наблюдал за сценой беспрецедентной активности, и от этого у него по спине пробежали мурашки.

Робот-дворецкий усердно трудился, его медное лицо ничего не выражало. Одетый в спортивные панталоны Мори и в туфли для гольфа, он методично лупил мячиком о стену – с клюшкой Мори в руках. Когда мяч совсем приходил в негодность, он брал другой; приходил черед и клюшке сломаться. От активного снования робота туда-сюда на одежде появлялись рано или поздно прорехи…

– Бог ты мой, – глухо сказал Мори.

Роботы-горничные, изысканно одетые в лучшие наряды Черри, расхаживали взад и вперед в изящных тонких туфельках, садились, вставали, наклонялись и поворачивались. Роботы-повара и роботы-сервировщики готовили дионисийских масштабов блюда.

Мори сглотнул.

– Вы… вы все время этим занимаетесь. Вот почему квоты были отработаны.

– О да, сэр. Все – согласно вашим указаниям.

Мори пришлось сесть. Один из роботов-слуг подскочил со стулом, принесенным сюда с верхних этажей, – пока еще новеньким, не просиженным.

Расточительство, вспыхнуло в голове Мори, и он попробовал это страшное слово на вкус. *Вот как это называется – РАСТОЧИТЕЛЬСТВО. Ты никогда не тратил впустую, ты всегда всему находил применение. Если было необходимо, ты доводил себя до грани срыва – но расходовал честно. И тогда каждый вздох, каждый час давался мучительно, но все равно ты расходовал честно, пока усердное потребление не возносило тебя до следующего класса, где позволялось потреблять менее отчаянно. Ты никогда не выбрасывал добро на ветер. Ты был хорошим.*

Ох, вот узнает об этом Совет по пайкам…

И все же, напомнил он себе, *покамест никто ничего не узнал. И узнают, скорее всего, не скоро – люди редко входят в служебные помещения для роботов. Никакие законы, никакие обычаи даже это не предписывают. Даже в случае поломок – просто приходят ремонтники, тоже роботы, вызванные по ОРКР-каналам. Процесс автоматизирован, никто и пальцем в ту сторону не шевелит.*

– Генри, – укоризненно сказал Мори, – ты должен был сказать… ну, то есть *напомнить* мне о том, что я дал такой странный приказ…

– Но, сэр! – запротестовал Генри. – Вы сами сказали – «ни одной живой душе»!

– Гм. Что ж, пусть так и будет. А я… я пойду пока наверх. И

пусть несколько роботов отвлекутся и приготовят ужин. – Сказав это, Мори ушел – кошки все еще скреблись у него на душе.

Ужин дался непросто. Мори всегда нравились родители Черри. Старик Илон держался на почтительной дистанции от их семейной жизни – до свадьбы, конечно, все время как бы невзначай крутился возле их семьи и все спрашивал, что да как, но то, надо думать, любому отцу подобает. Мори не мог сказать, что старики совсем их позабыли, наслаждаясь своим высоким социальным статусом. Они помогали молодым – по меньшей мере раз в неделю приезжали обедать, и миссис Илон не раз перешивала платья Черри под себя или донашивала за нее украшения. А уж какие богатые подарки достались от родителей невесты на свадьбу! Родители Мори забрали только серебряный и хрустальный сервизы – на большее не пошли, а вот Илон лишил их машины, садового загона для павлинов и целого мебельного гарнитура для гостиной! Конечно, он мог себе такое позволить – при его-то высоком статусе и мизерной квоте потребления. Без его помощи на первых порах семейной жизни у Морри с Черри было бы не в пример больше проблем.

Но в этот вечер Мори было трудно в его обществе как никогда. Поглощенный своими мыслями, он односложно отвечал на вопросы и еле что-то пробормотал, когда Илон произнес тост за его повышение и блестящее будущее.

Илон, конечно, не знал, что его гложет.

Храбрясь в глубине души, Мори тем не менее думал лишь о том, когда настанет час платить за грехи. Он пережевывал и пережевывал в уме ситуацию и, к тому времени, когда с обедом было покончено и он со своим свекром перешел в кабинет выпить бренди, довел себя почти до бесчувствия.

В этот раз, впервые с тех пор, как они познакомились, Илон предложил Мори одну из своих сигар.

– У тебя теперь пятый класс, сынок, – заметил он, – так что тебе положено курить не свои, а чужие сигары, так?

– Так-то оно так, – хмуро кивнул Мори.

Повисла неловкая пауза, но затем Илон, по корректности своей способный и робота-компаньона перещеголять, подступился снова:

– Ведь я отлично помню, как сам добивался пятого. Потребление преследует человека всю жизнь, это уж точно. Вещи дома, вещи в офисе, в машине, вещи, вещи… Ни на минуту нельзя расслабиться, ни на минуту нельзя забыть о вездесущих потребительских талонах. И это правильно, потому что потребление – главнейший гражданский долг. Мы с мамой

немало хлебнули в свое время, но, я думаю, каждая пара, которая хочет совместить семейную жизнь и гражданский долг, должна быть к такому готова, верно?

Мори, подавив приступ дрожи, снова кивнул.

– Самое приятное в повышении, – продолжал Илон как ни в чем не бывало, – то, что можешь не тратить столько времени на потребление и заняться работой. Эх, хотел бы я снова стать молодым! Пять дней в неделю в суде – вот и все, что у меня есть. Я бы мог и шесть, но врач не разрешает. Говорит, нельзя перебарщивать с удовольствиями. А ты, значит, будешь теперь работать два дня в неделю, верно?

Мори снова отстраненно кивнул.

Илон глубоко затянулся сигарой, глаза его вспыхнули и уставились на зятя. Он явно что-то почуял, и Мори даже сквозь свое смущение смог точно уловить момент, когда Илон потянул за ниточку.

Но не за ту.

– У вас с Черри все нормально? – дипломатично спросил он.

– Прекрасно! – очнувшись, воскликнул Мори. – Лучше не бывает.

– Ну и отлично. – Илон мигом сменил тему: – Вообще я тебе о делах судейских хотел рассказать – тут недавно был такой курьезный случай. Парнишка – совсем еще молодой, года на два тебя младше, – угодил под девяносто седьмую статью.

– Это какая?

– Это кража со взломом – ты только представь себе!

– Кража со взломом? – удивленно повторил Мори, невольно заинтересовавшись. – Это что вообще за зверь?

– Очень древний термин, из архаичного законодательства. Представь себе, было время, когда люди воровали чье-то имущество.

– И тот парень что-то украл? – спросил Мори недоверчиво. – Присвоил себе?

– Все так! Я и сам совершенно случайно наткнулся на такую формулировку. Потом я поговорил с одним из его адвокатов – для него тоже был сюрприз. Оказывается, у мальчишки была подружка, симпатичная, разве что слегка полновата. Она интересовалась искусством.

– Но в этом нет ничего предосудительного, – сказал Мори.

– Ну да, она-то ни в чем не виновата. Правда, парень ей не очень нравился, и она все не соглашалась идти за него замуж. Вот он и стал ломать голову, как пустить ей пыль в глаза. Видел хоть раз то огромное полотно Мондриана[29] в Музее изящных искусств?

– Никогда там не был, – признался Мори смущенно.

– А зря! Хоть разок сходить стоит, сынок. В общем, перед самым закрытием парень тот пробрался в музей и украл картину. Натурально – украл! И понес своей подружке в дар.

– В жизни ничего более абсурдного не слышал, – признался Мори.

– Погоди, это еще не все. Девчонка картину брать отказалась, чуть в обморок от ужаса не хлопнулась, когда ее увидала. То ли сама позвонила в полицию, то ли кто-то еще – не суть важно. На то, чтобы эту картину найти, ушло почти три часа, и это при том-то, что она висела себе на стене! Бедный парень, еще такой молодой – а в доме уже сорок две комнаты…

– И что, выходит, против присвоения вещей был когда-то закон? – спросил Мори. – Да это же все равно что издать закон, запрещающий дышать.

– Ну, это древний закон, разумеется. Мальчишку понизили на два класса. Ему дали бы и больше, но – мой бог! – он был всего в третьем классе.

– Да уж, – произнес Мори, облизнув губы. – А скажите, папа… а какое наказание… ну, например, за… за то, что человек, например, что-нибудь сделает со своими квотами?

– В смысле? – Брови Илона поползли вверх.

– Ну, например, есть норма на выпивку, а вместо того, чтобы эту выпивку выпить, вы ее выливаете… или еще что-нибудь…

Голос его совсем потерялся. Нахмурившись, Илон сказал:

– Веселенькое дельце! Даже не припомню, чтобы я когда-нибудь задумывался о таких вещах. Во всяком случае, ничего приятного преступника не ждет, это я могу гарантировать.

– Пардон… – еле слышно прошептал Мори. Ему и впрямь было стыдно – за один лишь вопрос.

* * *

Дела шли своим чередом. И пускай поступал он не по чести, ему было очень хорошо, потому что шли дни – и никто, казалось, не проникал в его тайну. Черри была счастлива. Уэйнрайт находил повод похлопать его по плечу. Возмездие за грех оказалось процветанием и счастьем.

Неприятная ситуация сложилась однажды, накануне переезда в новый дом, больше подходящий для семьи новоиспеченного потребителя пятого класса. Застав Черри следящей за колонной роботов-грузчиков, уже прибывших за имуществом, Мори едва успел приказать своим роботам замести все следы

противозаконной деятельности. Все как-то обошлось.

По стандартам Мори, новый дом был роскошнее некуда. В нем было всего пятнадцать комнат. Мори предусмотрительно сохранил на одного робота больше, чем требовалось для пятого класса, и получил компенсирующий вычет в размер своего дома.

Однако помещения для роботов были менее удаленными от жилых зон по сравнению с их старым домом, и то был вящий недостаток. Не раз Черри льнула к нему в восхитительной близости их единственной кровати в их единственной спальне и говорила с легкой досадой:

– Вот бы они не шумели так сильно!

И Мори обещал поговорить об этом с Генри утром. Но он, конечно, ничего не мог сказать Генри, если только не приказывал ему прекратить неутомимое потребление в течение каждого из двадцати четырех часов дня, единственно благодаря которому они и выдерживали изнурительную гонку с безжалостными месячными квотами.

Но хотя время от времени у Черри возникало любопытство по поводу того, что делают роботы, она вряд ли могла догадаться о фактах. В кои-то веки ее воспитание было на стороне Мори – она столь мало знала о суете потребления, которая была уделом низших классов, что едва ли замечала, что ее стало меньше.

Мори иногда почти расслаблялся. Он придумал множество хитроумных заданий для роботов, и роботы вежливо и бесстрастно повиновались. В кои-то веки – успех!

Но не все коту масленица. Мори изрядно нервничал, когда по почте пришел отчет о квартальном обследовании. Когда настал день, когда Совет по пайкам должен был проверить степень износа сданных в утиль отходов, Мори начало трепать. От одежд, мебели, предметов домашнего обихода – от всего того, что роботы «убили» по его указанию, – в прямом смысле мало что осталось. Износ должен был выглядеть правдоподобно – ведь ни один нормальный человек не стал бы носить брюки с огромной дырой на колене, вроде той, что досталась от Генри одному из выходных костюмов Мори. Заподозрит ли Совет неладное?

Хуже того, было ли что-то особое в том, как роботы потребляли блага, что могло бы выдать все шоу? Какая-то особая точка износа в анатомии робота, например, которая могла бы протереть дыру там, где не способно учинить то же самое человеческое тело?

Поводов для тревоги было – хоть отбавляй, но беспокойство оказалось напрасным.

Когда пришел отчет об обследовании благ, Мори вздохнул. Ни одного отказа! План, выдуманный им, работал – да еще как!

Успешному человеку – да воздастся по успехам его. Однажды вечером Мори вернулся домой после тяжелого рабочего дня и с тревогой обнаружил, что на его подъездной дорожке припаркована еще одна машина – крошечная двухместная модель, из тех, что пользуются популярностью у высокопоставленных чиновников и очень состоятельных людей.

К этому времени Мори уже успел усвоить первую половину урока растратчика: любые перемены опасны. Входя в дом, он приготовился к тому, что сейчас на него кинется какой-нибудь чин из Министерства потребления с неудобными вопросами.

Но кинулась на него лишь сияющая Черри.

– Мистер Порфирио – журналист, пишущий статьи в газетах, – затараторила она, – и он хочет написать о тебе в их газете «Образцовые потребители»! Мори, я так горжусь тобой!

– Спасибо, – мрачно сказал Мори и повернулся к Порфирио: – Здравствуйте.

Мистер Порфирио тепло пожал Мори руку.

– Я не совсем из газеты, – поправил он. – Я из «Транс-Видео Пресс». Мы – удаленная служба новостей: снабжаем сорок семь тысяч изданий новостными сводками и материалами. Каждое издание в нашем клиентском списке, – самохвально заметил он, – включено в реестр обязательного потребления с первого по шестой классы включительно. У нас есть воскресная дополнительная колонка самопомощи по проблемам потребления, и мы любим… ну, скажем так, отмечать тех, кто этого по-настоящему достоин. Вы установили завидный рекорд, мистер Фрай. Мы хотели бы рассказать об этом нашим читателям.

– Гм, – не нашелся с ответом Мори. – Ну, пойдемте в гостиную.

– Ну нет! – воскликнула Черри. – Я ведь тоже хочу послушать! Мори такой скромняга, мистер Порфирио, не представляете! Я – его жена – и то понятия не имею, как ему удалось добиться таких показателей. О, он просто…

– Хотите выпить? – спросил Мори вопреки всем правилам этикета. – Может, виски? У меня есть ржаной, шотландский. Или чего покрепче? Джин с тоником? Бурбон, бренди? Или чего полегче – мартини, скажем? Чего изволите? – Он вдруг осознал, что несет пургу.

– Ржаной виски пойдет, – сказал журналист. – Итак, мистер Фрай, я заметил, что вы очень красиво обустроились здесь, и ваша жена говорит, что ваш загородный дом так же хорош. Как только я вошел, я сказал себе: «Какой прекрасный дом! Ничего лишнего, только все самое необходимое. Шестой-седьмой класс – не ниже». Ваша жена говорит, загородный дом – и того

лаконичнее…

– Да, да, – резко отозвался Мори. – Могу вам сказать, мистер Порфирио, что на моей мебели сосчитана каждая царапина. Не знаю, на что вы намекаете…

– Будет вам, никаких намеков. Наши читатели просто хотят перенять ваш опыт. Ведь у вас наверняка есть особая методика потребления – иначе как вы достигли такого успеха?

Мори кашлянул.

– Мы… просто мы стараемся, – сказал он. – И это тяжелый труд.

– Тяжелый труд! – повторил Порфирио восхищенно. Из кейса он выудил блокнот для записей и раскрыл. – Я так понял, мистер Фрай, что каждый может достичь таких же успехов, если целиком посвятит себя этой цели? Что вы скажете, например, о строгом графике и еще более строгом его соблюдении?

– Да, это очень важно, – поддакнул Мори.

– Другими словами, это всего лишь вопрос того, что вы должны делать каждый день?

– Именно так. Я распоряжаюсь бюджетом в своем доме – видите ли, у меня больше опыта, чем у моей жены, – но нет причин, по которым женщина не может этого сделать.

– Бюджетирование, – одобрительно заметил Порфирио. – Такова и наша политика.

Интервью не было таким ужасным, как могло бы, и даже когда Порфирио тактично обратил внимание на тонкую талию Черри («Так много домохозяек, миссис Фрай, с трудом удерживаются от того, чтобы не быть… ну, немного полноватой»), Мори на голубом глазу ляпнул что-то о долгих тренировках в зале. Черри выглядела слегка озадаченной, но хотя бы не перебивала.

Однако из интервью Мори извлек вторую половину урока растратчика. Дождавшись, когда Порфирио уйдет, он бросился к Черри и с пылом высказался:

– И верно, дорогая, все дело в упражнениях! Мы действительно должны этим заняться. Не знаю, заметила ли ты сама, но я-то вижу – ты набрала вес за последнее время. Ни к чему это, верно?

На изнуряющих и не имеющих никакого смысла занятиях в зале у Мори появилось в достатке времени, чтобы обдумать урок. Украденные сокровища менее сладки, чем хотелось бы, когда не смеешь наслаждаться ими в открытую.

Но некоторые сокровища Мори были честно заработаны.

Например, новая игровая разработка от «Брэдмур», К-50, была его собственной. Его работой были проектирование и

созидание, и он был удачливым человеком в том смысле, что его усилия были направлены на достижение величайшей общественной пользы, а именно – на увеличение потребления.

«Спин-э-Гейм» был почти идеальной машиной для этой цели.

– Блестяще, – сказал Уэйнрайт, сияя, когда пилотная модель прошла первые пробы. – Думаю, они не зря называют меня собирателем талантов. Я знал, что ты справишься, мальчик мой!

Даже Хоуленд расщедрился на поздравления. Пока проходили тесты, он с чавканьем пожирал полную тарелку птифуров – он-то по-прежнему прохлаждался в третьем классе, – но потом, в конце концов, сказал с энтузиазмом:

– Отлично, Мори! Такая скорость изнашиваемости – это же просто сенсация! Вот бы все механизмы были такие!

Мори вспыхнул от удовольствия.

Уэйнрайт ушел, расточая осанну, и Мори с чувством похлопал по корпусу свой К-50. Он даже залюбовался его совершенством, разноцветьем и блеском хромированных деталей. Внешний вид любой машины, вспомнил он поучения Уэйнрайта, не менее важен, чем работа ее. Воистину так. Никто не захочет играть на чем-то невзрачном – поэтому вся серия игровых автоматов с индексом К оснащалась обязательным радужным световым табло, встроенными музыкальными колонками и потайным разбрызгивателем «игровых феромонов».

При создании своей модели Мори основательно вдохновлялся шедеврами старины – «однорукими бандитами», пачинко[30], автоматами для игры в пинбол. Принцип действия был таков: игрок кладет продовольственную книжку в специальный бункер, крутит специальный тумблер, выбирая игру, а потом – нажимает кнопки, решает ребусы, любым из трехсот пяти предложенных способов противопоставляет свои человеческие навыки тем, что заложены на программном уровне в машину.

И – проигрывает, рано или поздно. Шанс победы, конечно, существовал, но суровая статистика машинных настроек была рассчитана таким образом, что при продолжительной игре проигрыш был неизбежен. Да, можно было сорвать джекпот, и погасить сразу тысячу потребительских талонов, и уйти в недельный отпуск без изнурительного потребления, – но такое случалось исчезающе редко. Куда больший шанс – проиграть и не получить ничего.

Так было всегда, но главным достоинством автоматов, придуманных Мори, было то, чего не было никогда. Выпал вам выигрыш или проигрыш, но вы всегда получите приз – витаминизированную, сладкую, гормональную жевательную

резинку. Вы играете свою игру, выигрываете или проигрываете свою ставку, получаете приз, кладете его в рот и начинаете следующий кон. Пока длится игра, вкус растворяется. Но вы получаете новый приз – и начинаете снова…

– Вот эта штука понравилась человеку из потребительского совета пуще всего, – сказал Хоуленд заговорщическим тоном. – Он забрал документацию – сказал, диспенсер жвачки на каждом автомате линейки скоро появится. Да, Мори, котелок-то у тебя варит!

О том, что к его разработке проявил исключительный интерес потребительский совет, Мори услышал впервые. Что ж, хорошая новость. Он извинился и поспешил сообщить Черри о своих последних успехах. Звонок застал ее у матери, за рядовым вечерним визитом, но она, похоже, порядком впечатлилась услышанным, так что Мори вернулся к Хоуленду в весьма приподнятом настроении.

– Давай, может, выпьем? – несмело предложил Хоуленд.

– Конечно! – согласился Мори. Вот уж чего-чего, а выпить за счет Хоуленда он может себе позволить. Бедный малый крепко застрял в третьем классе. А всего-то и надо человеку – протянуть руку помощи.

Когда Хоуленд, узнав, что Мори на вечер свободен от забот Черри, предложил еще раз наведаться в «Погребок дядюшки Лиготти», Мори согласился без особых колебаний.

Супруги Бигелоу были рады его видеть. Мори ничуть не удивился, встретив их снова за тем же столиком. Непохоже было, что Уолтер и Танакил много времени проводили дома.

В конце концов, когда Мори заявил, что забежал в кабачок пропустить пару рюмок перед обедом, а Хоуленд вывел его на чистую воду, объяснив, что он свободен на целый вечер, Бигелоу крепко взялись за Мори – и потащили его к себе домой.

– Не думаю, что мистер Фрай привык к таким местам, – заметила Танакил. – И все же – это место зовем мы домом.

Мори пробормотал в ответ пару вежливых слов. На самом деле от места, куда он в ее сопровождении явился, его едва не вывернуло – ибо то был огромный, ослепительно новый особняк, по размерам превосходивший даже прежний дом Мори, набитый до отказа всякими громоздкими диванами, роялями, массивными креслами красного дерева. А уж сколько в том монстре было комнат – гостиных, столовых, детских!

Особенно удивляли последние – Мори и в голову не приходило, что у четы Бигелоу могут быть дети. Но те были – пятилетка и восьмилетка, мальчишки, окруженные хороводом роботов-нянек, все в окружении игрушечных железных дорог и

фигурок животных.

– Не представляете, какое же они для нас утешение – что Дик, что Тони, – призналась Мори Танакил Бигелоу. – Каждый потребляет за двоих. Уолтер считает, каждой семье нужно по два-три ребенка завести – они так выручают. Уолтер так хорошо разбирается во всех этих тонких вопросах – бальзам на душу его слушать! А какие стихи сочиняет! Мори, вы слышали его поэму о двойственности?

Мори поспешно заверил ее, что слышал. Он уже смирился с тем, что вечер пройдет так себе. Бигелоу были эксцентричны и забавны там, в «Погребке дядюшки Лиготти», но у себя дома, хоть и сохранив долю эксцентричности, сделались болезненно скучными типами.

Они выпили по коктейлю, потом еще, и скука немного рассеялась. Ужин, конечно, был ужасен – Мори уже успел вкусить прелесть спартанского образа жизни, чтобы это оценить, но, памятуя об этикете, он с мрачной самоотрешенностью перепробовал все до одури сытные блюда, одно за другим. Бесконечная череда столовых вин и ликеров поспособствовала тому, что прием не сказался ни на настроении Мори, ни на его загруженных до отказа кишках.

После ужина вся их компания собралась в богато украшенной гостиной четы Бигелоу. Танакил, посовещавшись с детьми и проверив их потребительские книжки, заявила – сейчас состоится концерт и двое роботов-танцоров выступят под аккомпанемент струнного квартета роботов-музыкантов. Мори напрягся, приготовившись к жуткому зрелищу, но нежданно для себя обнаружил, что ему нравится. Вот так номер – когда за роботами не нужно следить, они, оказывается, могут доставлять удовольствие!

– А теперь, мои дорогие, пора спать, – твердо внушила Танакил Бигелоу детям, когда танцоры закончили. Мальчики, естественно, побунтовали, но ушли-таки. Правда, один из них вернулся буквально через несколько минут, с ежедневником в переплете из кожи и вопиюще дешевой авторучкой, инкрустированной драгоценными камушками. Ухватив Мори за рукав пухлыми пальцами, он требовательно потряс – и Мори с беспокойством уставился на него. У него было мало опыта во всех тех вопросах, что касались детей.

– В чем дело, Тони?

– Я вообще-то Дик, – сказал мальчик. – Автограф дашь?

Не переставая удивляться, Мори расписался на открытом листе, и ребенок убежал. С улыбкой Танакил Бигелоу заметила:

– Он видел ваше имя в колонке новостей Порфирио. Дик

вообще-то любит Порфирио, читает его каждый день. Он вообще у нас умный мальчик. Если я не заставлю его играть или смотреть 3D-визор, сразу норовит сунуть нос в книжку.

– А неплохая вышла статья, – заметил Уолтер Бигелоу, как показалось Мори, с легкой завистью. – Держу пари, ты станешь потребителем года. Я хотел бы, – он махнул рукой, – чтобы и мы смогли немного продвинуться вперед по квотам, как это сделали вы. Но, похоже, это никогда не сработает. Мы едим, играем и потребляем как сумасшедшие и почему-то в конце месяца всегда немного отстаем в чем-то. Пеня копится, Совет шлет предупреждения, и все, с чем мы остаемся, – с новыми штрафными баллами. И будто бы все даже хуже делается, чем раньше было!

– Ничего страшного, – твердо сказала Танакил. – Потребление – еще не все в жизни. У тебя есть работа.

Бигелоу рассудительно кивнул и предложил Мори еще выпить. Однако еще один бокал был совсем не тем, что требовалось Мори. Он сидел с пылающими щеками, чувствуя не столько опьянение, сколько полное довольствие всем миром.

– Послушайте, – вдруг сказал он.

Бигелоу оторвался от своего стакана.

– М?

– Если я поделюсь с вами одним секретом, вы сохраните его… ну… в тайне?

– Ну, Мори… – неопределенно буркнул Бигелоу, но жена резко оборвала его:

– Конечно, сохраним. О чем ты хочешь рассказать?

Мори заметил блеск в ее глазах. Это озадачило его, но он решил не обращать на это внимания.

– По поводу той статьи, – сказал он. – Знаете, не такой уж я пылкий потребитель на самом-то деле. На самом деле… – Все глаза обратились к нему, и на миг Мори сам удивился: зачем он это делает? Секрет, который известен двоим, скомпрометирован, а секрет, который знают трое, – и вовсе не секрет.

– Так вот, – твердо произнес Мори, решившись-таки, – вы помните, о чем мы говорили той ночью у «Дядюшки Лиготти»? Я тогда как пришел домой – сразу отправился к роботам…

И он все-все рассказал им.

– Так и знала! – ликовала Танакил Бигелоу.

Уолтер бросил на жену мягкий упрекающий взгляд и спокойно сказал:

– Вы сделали большое дело, Мори. Великое дело. Не знаю, догадываетесь вы или нет, но вы вынесли смертный приговор всему нашему обществу. Будущие поколения будут чтить имя

Мори Фрая! – И он с чувством пожал Мори руку.

– Что? – ошеломленно проговорил Мори.

– Придется созвать чрезвычайное собрание, – сказал Уолтер жене.

– Конечно, Уолтер, – преданно ответила Танакил.

– И Мори будет на нем присутствовать. В обязательном порядке, Мори, – не думайте даже отпираться! Вы должны познакомиться с Братством – я же дело говорю, Хоуленд?

Хоуленд неуверенно кашлянул, кивнул уклончиво и налил себе еще выпить.

– О чем это вы? – отчаянно потребовал разъяснений Мори. – Хоуленд, хоть ты скажи!

Но коллега спрятался за своим стаканом.

– Ладно, – выдал он наконец. – Тан и так почти все рассказала тебе той ночью. Просто несколько человек, кое-что смыслящих в политике, образовали небольшую группу…

– «Небольшую»! – Танакил презрительно фыркнула. – Хоуленд, порой я дивлюсь тебе. Да только здесь, в Старом городе, нас целых восемнадцать человек, а во всем мире – гораздо больше! О, Мори, да я ведь с самого начала понимала, к чему все придет. Уже на следующее утро после нашего знакомства я сказала Уолтеру – помяни мое слово, этот парень нам чем-то да пригодится. Но надо признать, – добавила она почтительным тоном, – я и вообразить не могла, что дело обретет такой размах. Вы все только представьте: целый мир потребителей восстает дружно – и с именем Мори Фрая на устах побеждает чертов потребительский совет его же оружием – роботами! Воистину – поэтическая справедливость!

Бигелоу кивнул с энтузиазмом.

– Звони в «Дядюшку Лиготти», дорогая, – велел он. – Спроси, можем ли мы заседать там прямо сейчас. А мы с Мори пока спустимся в подвал. Вперед, нас ждут великие дела!

Мори громко скрипнул зубами.

– Бигелоу, – прошептал он, – вы хотите сказать, что собираетесь распространить мой метод в вашей подрывной организации?

– Подрывной? – жестко переспросил Уолтер. – Голубчик, да всякая творческая мысль – подрывная в природе своей, и не имеет значения, являются ли ее носителем чудак-одиночка или группа чудаков под названием Братство Свободных. Мне чертовски нравится…

– Не важно, что вам нравится, – настаивал Мори. – Хотите созвать это ваше Братство и предлагаете мне рассказать им то, что я только что рассказал вам? Правильно?

– Точно так!

Мори встал.

– Хочу вам сказать, что, может, это и замечательно, но участвовать в этом я не буду. Доброй ночи! – И он выскочил из дома прежде, чем они успели его остановить.

На другой стороне улицы гонор оставил его. Он поймал роботизированное такси, дал водителю адрес ближайшего парка – ему требовалось некоторое время, чтобы определиться с решением.

Его отбытие, конечно, никак не помешает Бигелоу осуществить намерение. Сейчас, вспоминая обрывки разговоров Уолтера и его жены в «Погребке», Мори только и мог что в мыслях сокрушаться – они ведь намеками рассказали о себе достаточно, любой насторожился бы на его месте! Вся эта галиматья о двойственности отвлекла его от самого важного факта – *очевидного* факта столкновения с настоящим подрывным объединением.

Мори взглянул на часы. Поздно, но не очень; Черри, должно быть, еще у родителей.

Подавшись вперед, он надиктовал водителю их адрес – чувствуя себя так, будто бы из прописанной сотни оздоровительных инъекций ему вкололи первую: эффект – лечебный, но больно все равно.

– Это все, сэр, – мужественно сказал Мори. – Я знаю, что вел себя глупо. Я готов взять на себя ответственность за последствия.

Старый Илон задумчиво потер подбородок.

– Уф, – только сказал он.

Черри и ее мать уже давно перешли ту грань, когда вообще могли говорить хоть что-то; они сидели бок о бок на диване в другом конце комнаты, слушая его с видом напряженно-недоверчивым.

– Прошу меня простить, – резко сказал Илон. – Нужно сделать телефонный звонок. – Он вышел из комнаты, чтобы сделать короткий звонок, и вернулся. – Кофе, – бросил он через плечо жене. – Он нам понадобится. У нас тут проблема.

– Что же мне теперь делать? – спросил Мори.

Илон пожал плечами – и вдруг улыбнулся.

– А что ты можешь сделать? – спросил он почти весело. – По-моему, хватит того, что ты уже успел сделать. Ну, еще можешь выпить кофе. Только что, – объяснил он, – я позвонил моему судебному секретарю. Он будет здесь с минуты на минуту. Его зовут Джим. Мы его порасспросим и уж потом подумаем, как быть.

Черри подошла к Мори и села рядом.

– Не волнуйся так, – только и сказала она, но у Мори будто камень скатился с плеч. *И в самом деле,* подумал он, *чего мне бояться? Самое суровое наказание, которое мне грозит, – разжалование на два класса. И что в этом такого?*

Непроизвольно он поморщился, припомнив свои не столь уж давние мучения в первом классе – и что в первом классе было «такого».

Наконец появился Джим, судебный секретарь – робот-карлик с телом из нержавейки и тупым выражением на широкой медной морде. Илон отозвал робота в сторону, посовещался недолго, затем снова вернулся к Мори.

– Так я и думал, – удовлетворенно сказал он. – Прецедента нет, нет и законодательного запрета. И криминала – тоже, следовательно…

– Слава богу! – выдохнул Мори облегченно.

Илон покачал головой:

– Но прецедент создан, и твое положение наверняка будет пересмотрено. Вряд ли тебе удастся сохранить пятый класс. Твое поведение будет определено как «антиобщественное» – со всеми вытекающими последствиями.

Свалившийся с небес на землю, Мори выдохнул снова, теперь уже с горечью:

– Ох… – Но, овладев собой, он поднял глаза. – Хорошо, папа. Я приму это.

– Правильно, – сказал Илон с одобрением. – Сейчас иди домой. Выспись как следует. А утром первым делом отправляйся в Министерство потребления. Расскажи свою историю. Они не будут строги к тебе. – Он заколебался. – Да, наверняка они не будут к тебе строги. – И поправил себя: – Надеюсь.

Приговоренный съел обильный завтрак…

Его обязали. В то утро, когда Мори проснулся, у него была болезненная уверенность, что он будет потреблять тройной паек в течение долгого, долгого времени.

Он поцеловал на прощание Черри и всю дорогу до Министерства провел в молчании. Генри он оставил дома.

В Министерстве Мори, спотыкаясь, преодолел ряд роботов-регистраторов и наконец добрался до надменного моложавого клерка по имени Ашетт.

– Меня зовут Мори Фрай, – сказал Мори. – Я пришел… я хотел кое-что рассказать. Я занимался…

– Конечно, мистер Фрай, – сказал Ашетт. – Я приглашу вас к мистеру Ньюману.

– Что, даже не хотите узнать, что я натворил? – спросил Мори.

Ашетт улыбнулся.

– Неужели вы думаете, что мы не знаем? – сказал он и вышел.

Это был первый сюрприз. Впрочем, Ньюман все худо-бедно разъяснил:

– Не ты первый дивишься. Что за дела – люди совсем не хотят познать мир, в котором живут! Как думаешь, сынок, что есть роботы? Как, по-твоему, они работают? Думаешь, они такие же, как люди, только тело у них из стали, а нервы – из проволоки?

– Нет, конечно же, – произнес Мори настороженно. – Они – машины, не люди.

Ньюман просиял.

– Прекрасно, – сказал он. – Робот – это машина. У нее нет ни мяса, ни крови, ни кишок, ни мозгов. Но, – он вытянул вперед руку, – роботы вполне сообразительны. Почему? Ведь эта «думательная» электроника, мистер Фрай, занимает столько же места, сколько и тот дом, в котором вы живете. Значит, роботы не носят свои мозги с собой – слишком уж они велики и тяжелы.

– Но как же они думают?

– Своими мозгами, конечно же!

– Но вы только что сказали…

– Я сказал: «Они не носят их с собой» – и только. Но все они постоянно поддерживают радиосвязь с центральным процессором. Потом ЦП отвечает – робот действует. Происходит связь по тому же каналу, что используется для ОРКР – сообщений «от робота к роботу».

– Понятно, – сказал Мори. – Это все очень интересно, но…

– Но вы по-прежнему ничего не понимаете, – кивнул Ньюман. – Тогда подумайте-ка вот над чем – если роботы постоянно получают информацию от центрального процессора, то ведь и центральный процессор постоянно получает информацию от роботов.

– А… – сказал Мори. Потом громче: – А… Вы хотите сказать, что все мои роботы… – Слова застряли у него в горле.

Ньюман удовлетворенно кивнул:

– До последнего бита. Так что, мистер Фрай, если бы вы не пришли к нам сегодня, в самом скором времени мы пришли бы к вам.

Таков был второй сюрприз. Мори выдержал его стойко. *Уже ничего не изменишь*, напомнил он себе.

– Хорошо, – сказал он. – Так или иначе, сэр, я здесь. И я пришел сюда по доброй воле. Я признаю, что использовал своих роботов, чтобы потребить свою нормативную квоту, и я…

– О да, вы здесь, – ввернул Ньюман.

– …и я готов подписать признание в совершении этого действия. Не знаю о наказании, что мне положено, ничего – но приму его с достоинством. Я виновен – отрицать глупо.

Глаза Ньюмана расширились.

– Вина? – повторил он. – Наказание?

Мори остолбенел.

– Сэр, – сказал он. – Я ничего не отрицаю.

– Наказание, – снова повторил Ньюман… и расхохотался.

Он смеется, подумал Мори, *это уж слишком*. Сам он никак не мог взять в толк, над чем можно смеяться в подобной ситуации. Правда, ситуация стремительно затуманивалась – ничего уже не разобрать.

– Простите, – наконец выговорил Ньюман, утирая слезы с глаз. – Не удержался, эх… как вы там сказали, «наказание»? Будет вам, мистер Фрай, позвольте вас успокоить, на вашем месте я бы не беспокоился о штрафах. Как только начали поступать сообщения о том, что вы сделали со своими роботами, мы, естественно, выделили специальную группу для слежения за вами и направили отчет в национальную штаб-квартиру. Мы внесли в него определенные – гхм – рекомендации, и… короче говоря, ответы пришли вчера. Мистер Фрай, Национальное Министерство потребления счастливо довести до вашего сведения, что ваш вклад в решение задачи распределения благ поистине неоценим. В развитие метода признано целесообразным создать экспериментальную сеть объединений роботов-потребителей… Господи! Наказание! Мистер Фрай, да вы просто герой!

У героя забот полон рот – Мори это быстро уяснил. Ему было предоставлено время для краткого успокоительного визита к Черри, круга почета по его старому офису, а затем его поспешили допросить. Он застал Национальный продовольственный совет в лихорадочной работе.

– Самая важная работа, которую мы когда-либо делали, – сказал ему один из старших чинов. – Не удивлюсь, если она же – и последняя! Да, сэр, мы тут пытаемся навсегда отойти от дел – и не хотим, чтобы что-то пошло не так.

– Все, что я могу сделать, чтобы помочь… – робко начал Мори.

– Вы отлично справились, мистер Фрай. Дали нам как раз тот толчок, в котором мы так нуждались. А то без вас мы за лесом деревьев не видели! Впрочем, бог с ними, со словами, – давайте я вам на деле покажу, что уже сделано…

Он вместе с делегацией других чиновников Потребительского Комитета и людей, чьи имена Мори неоднократно видел в

газетах, повел Мори на инспекционную экскурсию по всему заводу.

– Видите ли, это замкнутый цикл, – сказали ему, когда они осмотрели помещение, где прилежно трудились роботы-потребители, обрабатывая партию обуви. – Ничто не пропадает безвозвратно. Если вы хотите машину, то можете взять самую новую и лучшую. Если вы ее не берете, ею пользуется робот, а через год ее утилизируют, чтобы сделать новую модель. Мы не теряем металл – его можно восстановить; мы теряем немного энергии и работы. Но энергию дают солнце и атом, а работу делают роботы, и делают они больше, чем мы можем переварить, и это касается всей, без исключения, продукции.

– Но что это значит для роботов? – спросил Мори.

– Прошу прощения? – непонимающе произнес один из самых крупных людей в стране.

Мори попал в трудную ситуацию. Все в нем протестовало против целенаправленной порчи вещей, а то, что здесь готовилась именно порча, было ясно даже сквозь наукообразный жаргон.

– Если потребитель использует вещи только затем, чтобы их использовать, – сказал он упрямо, понимая, как рискует, – то почему бы не построить машину, которая уничтожала бы вещи сразу? Зачем использовать роботов? В конце концов, зачем вообще что-то изнашивать?

Чиновники встревоженно переглянулись.

– Но ведь именно это вы и делали, – заметил один из них со слабой угрозой в голосе.

– О нет! – тут же возразил Мори. – Я оснастил своих роботов контурами удовольствия – по специальности-то я проектировщик, если помните. Регулируемые цепи, само собой…

– Контуры удовольствия? – посыпались со всех сторон вопросы. – Регулируемые цепи?

– Ну конечно! Если робот не получает удовлетворения от использования вещей…

– Что за вздор, – проворчал чиновник из Совета. – Роботы ведь не люди. Как заставить их чувствовать удовлетворение? Тем более – регулируемое!

Мори пустился в объяснения. У него получилась настоящая лекция высокого уровня, потребовавшая большого количества расчетов и масштабных графиков. Но среди чиновников оказались даже очень подкованные люди, и под конец они разволновались еще сильнее, чем вначале.

– Феноменально! – воскликнул один в научном восторге. – Да ведь он принимает во внимание все возможные моральные, юридические и психологические доводы!

– В смысле? – требовательно спросил менее сметливый чиновник. – Каким образом?

– Объясните ему, мистер Фрай.

Мори попробовал – и не смог. Но он мог показать, как действует этот принцип.

Специально для него была развернута лаборатория с огромным числом помощников – он не знал, чем их занять, но в конце концов целая бригада роботов, работавших на шляпной фабрике, получила эти самые контуры удовольствия.

И Мори начал демонстрацию.

Роботы делали шляпы. Всех видов и сортов. Мори отрегулировал цепи в конце дня, и роботы, бранясь друг с другом, стали мерить шляпы, и каждый уходил, торжественно неся с собой по несколько коробок. На металлических лицах невозможно было увидеть гордость или удовлетворение, но было ясно – этим роботам куда больше нравится *носить* шляпы, чем их производить.

– Ну как? – удовлетворенно воскликнул великий инженер Мори Фрай. – Их можно заставить полюбить эти шляпы, можно заставить носить их, пока они не рассыпятся в пыль. И роботы будут носить их, потому что это для них – удовольствие.

– Но так мы зациклимся на производстве одних только шляп, – сказал министерский чиновник. – Цивилизация не может производить одни только шляпы.

– Да это-то не проблема, – ответил Мори скромно. – Смотрите.

Он перестроил что-то в цепи удовольствия, робот-грузчик принес контейнер лыжных рукавиц, и все увидели, как роботы-шляпники набросились на рукавицы с тем же пылом, с каким прежде мерили шляпы.

– Так можно устроить с чем угодно – от булавок до яхт, – добавил Мори. – Главное – они получают удовольствие от обладания вещами. Это можно регулировать – нужно лишь знать, где, когда и каких вещей переизбыток. – Он заколебался, прежде чем продолжить. – Вот что я сделал для своих роботов-слуг. Как видите, здесь есть обратная связь. Стремление к «владельческому удовлетворению» влечет за собой рост производства высококачественных товаров, потребляя которые, роботы получат новое удовлетворение – и так далее…

– Замкнутый цикл! – благоговейно прошептал какой-то министерский чиновник. – Вот теперь – настоящий замкнутый цикл!

Так были окончательно посрамлены казавшиеся доныне незыблемыми законы спроса и предложения. Человечеству

недолго мешало неадекватное предложение, преодолело оно и перепроизводство. Теперь в его распоряжении было совершенное средство: все излишки шли к жадным, но при том – регулируемым в жадности своей роботам. Ничто не пропадало даром.

Ибо трубопровод имеет два конца.

Мори поблагодарили, похвалили, наградили, устроили парад по городу и посадили на самолет домой. К тому времени потребительский совет уже ликвидировался.

Черри встретила его в аэропорту. Всю дорогу до дома они оживленно болтали.

В своей гостиной они закончили поцелуй, коим приветствовали друг друга. Наконец Черри со смехом вырвалась.

– Я уже говорил тебе, что развязался с Брэдмуром? – спросил Мори. – С этого момента я работаю в Совете в качестве гражданского консультанта. И, – добавил он внушительно, – с этого момента я – специалист восьмого разряда!

– Боже мой! – ахнула Черри с таким благоговением, что Мори даже стало совестно.

– Конечно, если то, что мне наговорили, – правда, то занятия не будут иметь большого значения в ближайшее время. И все же – это большая честь для меня.

– Конечно, – твердо сказала Черри. – Папа сам только восьмой класс, и он был судьей не знаю сколько лет кряду.

– Не может людям все время везти. – Мори наморщил лоб. – Конечно, главная черта сохранится – то есть у первого класса будет крупная норма потребления, у второго немного поменьше, и так далее, все, как сейчас. Но у каждого человека в каждом классе будет свой робот-помощник – он-то и будет заниматься потреблением, понимаешь? У каждого человека будет робот-двойник…

Черри остановила его жестом:

– Я знаю, дорогой. Каждая семья получит роботов-двойников на каждого человека.

– Вообще, да, – протянул Мори с легкой досадой, – и откуда ты все знаешь?

– Наши роботы уже здесь, – объяснила Черри. – Человек из Министерства сказал, что мы – первые получатели, потому что это твоя идея. Они еще не включены. Я поставила их в зеленой гостиной. Хочешь посмотреть?

– Конечно! – воскликнул Мори и отправился вслед за ней смотреть на овеществленные плоды своего вдохновения. Роботы неподвижно стояли возле стены, дожидаясь, когда их включат и они начнут свою бесконечную заботу о людях.

– Твой просто прелесть, – галантно сказал Мори. – Но неужто вот этот похож на меня? – Он неодобрительно сощурился на хромированную лицевую панель робота-мужчины.

– Тот человек сказал, что сходство только самое общее. – Черри стояла прямо за его спиной. – Больше ничего не замечаешь?

Мори склонился ближе, чтобы внимательнее рассмотреть лицо своего двойника.

– Какой-то он косоглазый… – проговорил он и вдруг застыл. – А, так ты про…

Позади пары роботов прятался третий – ростом не больше двух футов, большеглавый и пухлый. Мори изумленно подумал, что он выглядит почти как…

– Боже мой! – Мори резко обернулся и широко раскрытыми глазами уставился на жену. – Ты имеешь в виду…

– Имею, – откликнулась Черри, слегка покраснев.

Мори потянулся к ней с раскрытыми объятиями.

– Дорогая! – воскликнул он. – Почему же ты мне ничего не сказала?..

Рассказы

Фредерик Пол. Тоннель под миром

I

Утром пятнадцатого июня Гай Бёркхарт проснулся с криком.

Настолько реальных снов ему в жизни видеть еще не приходилось. Взрыв, сминающий металл и пышущий жестоким зноем, все еще стоял у него перед глазами, отдавался в ушах. И взрывная волна, хоть и всего лишь приснившаяся, чуть не сбросила его с постели.

Рывком поднявшись, он уставился на стены тихой комнаты, залитые солнечным светом из окна, едва ли веря глазам своим.

– Мэри? – хрипло окликнул он.

Жены в одной кровати с ним не было. Перекрученное одеяло было примятым, будто бы она только-только встала, а сон во всех красках до сих пор стоял перед глазами, и Бёркхарт даже взглянул боязливо на пол – не упала ли Мэри с кровати из-за взрыва?

Нет, ее там не было. *Ну разумеется,* сказал он сам себе, бросив взгляд на знакомое ему каминное кресло с низким сиденьем и высокой спинкой, расшитой в стиле рококо, на плотно закрытое окно и целехонькую стену. Взрыв был всего лишь сном.

– Гай? – тревожно окликнула его Мэри откуда-то снизу, со стороны лестницы на первый этаж. – Гай, милый, все в порядке?

– Ну конечно, – слабо отозвался он.

Повисла пауза, а потом Мэри с сомнением в голосе переспросила:

– Точно? Мне показалось, что ты кричал. Спускайся, завтрак готов.

– Просто кошмар приснился, лапушка, – откликнулся Бёркхарт поувереннее. – Уже бегу к тебе!

Выйдя из душа и побрызгавшись любимым одеколоном, Гай твердо решил, что взрыв был всего лишь сном, пусть и на редкость дрянным. Впрочем, чему тут дивиться? За крайние тридцать лет эры водородной бомбы, надо думать, мало кому не снились взрывы.

Даже Мэри не обошла эта участь – едва он стал рассказывать о кошмаре, как она его перебила, явно удивленная:

– Что, и тебе такое приснилось? Подумать только, мне – то же самое… ну, почти. Звука не было, но будто бы меня что-то разбудило, а потом ударило – в мгновение ока. Вот и все. У тебя,

значит, что-то похожее было?

Бёркхарт кашлянул.

– Ну, не совсем, – произнес он. Мэри была не из тех чудо-женщин, что и коня на скаку останавливали, и в горящие избы входили. Не было нужды пугать ее всеми подробностями. Не стоило упоминать, что во сне, реальном до омерзения, он чувствовал, как ломаются ребра, как булькает в горле соленая кровь, как наваливается безотрадное предчувствие конца.

– Может, на улице взаправду что-то рвануло, – заметил он. – Мы услышали во сне оба – и вот как это сыграло.

Мэри с отсутствующим видом погладила мужа по руке.

– Возможно, – согласилась она. – Уже почти половина девятого, дорогой. Не опоздаешь в контору?

Бёркхарт наскоро разделался с завтраком, поцеловал жену на прощание и побежал на улицу – не ради того, чтобы поспеть на работу к сроку, а чтобы поскорее проверить догадку.

Но сонные улицы Тайлертона казались нетронутыми. Сидя в автобусе у окна, Бёркхарт ловил глазами хоть какие-то следы разрушений, но тщетно. Тайлертон казался будто бы даже целее, чем прежде. Стоял прекрасный, бодрящий денек, на небе – ни облачка, дома лучились чистотой и гостеприимством. Одну лишь громаду «Пауэр энд Лайт», единственную высотку в городе, заволокло дымом, сгоняемым с раскинувшегося на задворках города химического завода. То еще наказание – дым каскадных перегонных установок оставлял на стенах домов причудливые разводы.

Автобус не был забит как обычно, и спросить о взрыве Гаю было некого. Он сошел на углу Пятой авеню и Лихай-стрит, и автобус, тарахтя, покатил дальше. Просто воображение, по-видимому, так подшутило – никакой реальной подоплеки у взрыва из сна не было.

Он остановился в вестибюле здания, где помещалась его контора, у табачного киоска, но Ральфа за прилавком не оказалось. Вместо него там торчал какой-то незнакомец.

– А где мистер Стеббинс? – спросил Бёркхарт.

– Приболел, – вежливо ответил мужчина-сменщик. – Будет завтра. Вам пачку «Морли»?

– «Честерфилда», – поправил его Гай.

– Конечно, сэр. – Продавец снял с полки и протянул через прилавок какую-то очевидно незнакомую Бёркхарту пачку – зелено-желтую. – Попробуйте эти вот, сэр, – предложил он. – У них особая пропитка, меньше тянет кашлять. Сами же знаете – бывает, выкуришь сигарету-другую, и кашель прямо-таки жить не дает.

– Никогда о таких не слышал, – недоверчиво заметил Бёркхарт.

– Само собой, это ведь новинка.

Гай явно колебался, и продавец предложил:

– Знаете что, попробуйте их на мой страх и риск. Если они вам не понравятся, принесите назад пустую пачку, и я вам верну деньги. Уговор?

Бёркхарт пожал плечами:

– Ну как тут отказаться? Но все-таки продайте мне и «Честерфилд».

В ожидании лифта он распечатал новую пачку и закурил сигарету. Недурственно. Он вообще-то относился к обработанным всяческой химией сигаретам с предубеждением, да и новый продавец ему показался каким-то чудаковатым – у него же одни убытки пойдут, если каждому покупателю вот так вот навязывать товар.

Двери лифта разъехались под аккомпанемент низкого мелодичного звука. К Бёркхарту в кабину вошли еще несколько человек, и он кивком поприветствовал их. Когда их движение вверх возобновилось, потолочный динамик стал поливать их привычной рекламной чепухой.

Нет, эта чепуха – непривычная, вдруг отметил Бёркхарт. Он порядком наслушался всех этих звуковых объявлений и научился почти не воспринимать их, но в этот раз они как-то миновали его оборону. И даже не потому, что большей части рекламируемых брендов Гай не знал; сам стиль подачи у рекламы как-то изменился. Ему в уши лилась назойливо-истеричная рифмованная дребедень. Сперва нахваливали какие-то неизвестные безалкогольные пойла, а потом каких-то два десятилетних, судя по голосам, сорванца затараторили о какой-то новой шоколадке. Их щебет потонул в неожиданно властном, басовитом призыве:

– Эй, друг, не тупи – скорей «Шоко-Байт» купи! Купил «Шоко-Байт-Бест» – умял за один присест! Облизал пальцы, айда улыбаться! Олл райт, покупайте «Шоко-Байт»!

Потом кошмарный плаксивый женский голос затянул:

– О, как я хочу холодильник «Фриз», за него головой расшибусь об карниз!

Удивленно жмурясь, Бёркхарт сошел на своем этаже. Каким-то образом сей диковатый словесный понос, заменивший привычные спокойные объявления, умудрился выбить его из привычной колеи.

На его счастье, хотя бы в конторе все было по-старому – если не обращать внимания на отсутствие мистера Барта. Мисс

Миткин, зевавшая за своим столом в приемной, понятия не имела, что с тем приключилось.

– Я звонила ему домой, там сказали, что он завтра явится.

– Может, он пошел на завод? Он совсем рядом с его домом.

– Ага, может быть, – протянула мисс Миткин пофигистично.

И тут Гая Бёркхарта осенило:

– Но сегодня же пятнадцатое июня, день подачи квартальной налоговой декларации! Он должен расписаться!

Мисс Миткин пожала плечами, давая понять, что все это – проблемы мистера Барта, а не ее собственные, и вернулась к своим ногтям.

Порядочно возмущенный, Бёркхарт прошествовал назад к своему столу. Конечно, ему ничего не стоило расписаться в налоговой декларации за Барта, но такое в его обязанности не входило. Барт как управляющий городским представительством химзавода должен был сам за такое отвечать.

Он решил было позвонить Барту домой или попытаться застать его на заводе, но тут же отказался от этой мысли. В сущности, его не слишком интересовал заводской персонал, и чем меньше он будет иметь с ними дел, тем лучше. Однажды он вместе с Бартом побывал там на экскурсии, и виды предприятия оставили у него на душе тягостный осадок… если не сказать – напугали. Если не считать пары-тройки управляющих и инженеров, на заводе было шаром покати. И будто бы ни души – одни агрегаты.

Ни одной *живой* души, поправил себя Бёркхарт, припоминая слова Барта. Послушать его – выходило так, что всей заводской машинерией заведовали компьютеры, являющиеся, по сути, репликами настоящих человеческих сознаний, с уникальными памятью и умственной деятельностью. Сама мысль слегка отторгала. Барт тогда с хохотом заверил его, что думать о заводских компьютерах как о неких монстрах Франкенштейна, выкраденных из неги небытия мертвецах, нет смысла. *Вся суть только в том,* говорил он, *что привычные человеку реакции переносятся из клеток головного мозга в ячейки электронной памяти.* Людям от этого вреда нет, да и машины от такого монстрами не становятся.

И все равно Гаю Бёркхарту тогда сделалось не по себе.

Отбросив мысли о Барте, заводе и прочем постороннем, он взялся за налоговые бумаги и до полудня подбивал счета. *У Барта, с его-то регистрационным гроссбухом, где все ходы были записаны, на все про все ушло бы минут десять*, то и дело напоминал он себе с досадой.

Когда дело было сделано, Бёркхарт запечатал декларацию в конверт и вышел к мисс Миткин.

– Так как мистера Барта сегодня нет, нам придется на обед сходить по очереди, – сказал он. – Идите сначала вы, я уступаю.

– Ой, спасибо. – Мисс Миткин, никуда не торопясь, достала косметичку из ящика стола и взялась наводить красоту.

Гай протянул ей конверт с декларацией:

– Будьте добры, закиньте по пути в почтовый ящик. Впрочем, погодите-ка… Надо бы – так, чистой совести ради, – звякнуть мистеру Барту. Как думаете, он ведь возьмет второй раз трубку?

– Он и в первый раз ее не взял. – Мисс Миткин тщательно поправляла сползшую линию губной помады салфеткой. – Я думала, возьмет жена, но ответила его дочка.

– Разве ей в школе быть не положено? – Бёркхарт нахмурился.

– Взяла трубку она. Больше ничего не знаю.

Гай вернулся к себе и недовольно уставился на неразобранную корреспонденцию, что скопилась на столе. Он на дух не выносил ночные кошмары, после них весь день слоняешься сам не свой. Уж лучше было и вовсе сюда не являться. Вон как Барт.

По пути домой с Бёркхартом приключилось кое-что забавное. На углу, где он обычно ловил автобус, творилась очередная чертовщина – кто-то истошно вопил о том, как нужен ему холодильник «Фриз», – и ноги сами пронесли Гая лишний квартал. Почти у самой будки остановки он заприметил подъезжающий автобус и побежал за ним, но вдруг его остановил чей-то оклик. Оглянувшись, Гай уставился на невысокого мужчину, бежавшего навстречу.

Узнал он его не сразу – то был его довольно-таки шапочный знакомый, тип с фамилией Свенсон. Пока Бёркхарт раздумывал, стоит ли задерживаться, автобус уже ушел.

– Привет, – сказал он.

Лицо Свенсона выражало отчаянную решимость.

– Бёркхарт? – робко спросил он каким-то странно обострившимся голосом – и вдруг так и застыл столбом, глядя на него в упор с затаенной надеждой, зримо вырождающейся в сожаление. *Он что-то ищет, кого-то ждет*, подумал Гай. *Но от меня-то ему что нужно?*

Кашлянув, он снова поприветствовал:

– Привет, Свенсон.

Ответом ему послужил лишь глубокий вздох.

– Ничего не изменилось, – пробормотал тот, обращаясь, похоже, к одному себе. Кивнув Бёркхарту отстраненно, Свенсон

развернулся и зашагал прочь.

Бёркхарт смотрел, как сутулая фигура Свенсона затерялась в толпе. *Что за день чудес сегодня*, подумал он. *Все идет наперекосяк.*

Запрыгнув в следующий автобус, он думал о случившемся всю дорогу до дома. Что-то не так. Ничего серьезного, но мир будто сдвинулся с места. Живешь вот так себе привычной жизнью, вырабатываешь некий конструкт впечатлений и реакций, на его основе худо-бедно прогнозируешь грядущие события; знаешь, где лежит бритва и как придержать дверь, чтобы проскальзывающий язычок замка вошел в паз… и вдруг что-то подспудно меняется.

Именно несовершенные вещи вносят в жизнь привычность. Такие, что немножко не в порядке. Такие, как заедающий замок или выключатель на верхней лестничной площадке, на который надо нажать посильнее, так как пружина в нем совсем разгулялась. Или же коврик у двери, вечно сбивающийся комом, если вытереть об него ноги.

В жизни Гая Бёркхарта все вроде бы оставалось по-прежнему, а вот в окружении что-то определенно *сместилось.* Взять того же Барта – не вышел сегодня на работу. Первый раз за *все* время.

Бёркхарт думал об этом и за обедом. Он думал об этом весь вечер, несмотря на попытки жены расшевелить его партией в бридж с соседями. Энн и Ферли Деннерман ему нравились, он знал их еще детьми, но и они весь вечер были какие-то странные и задумчивые, и ему пришлось терпеливо слушать жалобы Деннермана на плохую работу телефонной станции и замечания его жены касательно мерзкой рекламы, которой пичкали зрителя с утра до ночи.

Бёркхарт уже собрался было поставить мировой рекорд по длительности абстрактных размышлений, как вдруг в районе полуночи, уже лежа в постели, со странным *осознанием* того, что так и должно быть, он перекатился на другой бок и провалился в бездну сна.

II

Утром пятнадцатого июня Гай Бёркхарт проснулся с криком.

Настолько реальных снов ему в жизни видеть еще не приходилось. Взрыв, сминающий металл и пышущий жестоким зноем, все еще стоял у него перед глазами, отдавался в ушах. И взрывная волна, хоть и всего лишь приснившаяся, чуть не сбросила его с постели. Казалось странным, что комната уцелела!

Быстро-быстро взбежала по лестнице Мэри.

– Милый! – воскликнула она. – Что с тобой?

– Все в порядке, просто кошмар приснился, – пробурчал он.

Схватившись за сердце, жена перевела дух.

– Перепугал меня! – обиженно выпалила она.

Но вдруг на улице истошно завыли сирены и забили колокола, заглушив ее слова.

Обменявшись настороженными взглядами, супруги Бёркхарт метнулись к окну.

Вместо спешащих пожарных экипажей их глазам предстал скромный фургончик, что неспешно полз вдоль самой кромки тротуара. На крыше у него вращались яркие рупоры, вопя благим матом. Вой сирен, порождаемый ими, становился все сильнее и смешивался с шумом мощных моторов и звоном колоколов. Это была прекрасная магнитофонная запись прибытия пожарных машин, вызванных по сигналу общей тревоги.

Бёркхарт удивленно воскликнул:

– Это же противозаконно! Они пользуются служебными сигналами, Мэри! Что они себе позволяют?

– Может, это розыгрыш какой-нибудь, – пробормотала та.

– Ничего себе шуточки – весь квартал поднять на уши в шесть утра. – Он гневно мотнул головой. – Через десять минут сюда прикатит полиция, клянусь.

Никакая полиция, впрочем, так и не прибыла – по-видимому, решив, что возмутители общественного спокойствия в фургоне угомонятся как-нибудь сами.

Фургон замер посреди квартала, и матюгальники на крыше на несколько минут смолкли – а затем, после трескучей прочистки канала, из них рванул оглушительный рев:

– ХОЛОДИЛЬНИК «ФРИЗ», ХОЛОДИЛЬНИК «ФРИЗ» – ЭТО ВАШ ПО ЖИЗНИ ГЛАВ-НЫЙ ПРИЗ! ХОЛОДИЛЬНИК «ФРИЗ», ХОЛОДИЛЬНИК «ФРИЗ», ТЫ ЕГО КУПИТЬ ПО-ТО-РО-ПИСЬ!..

Безумный речитатив повторялся раз за разом. Из окон соседних домов повысовывались головы. Тщась перекрыть несущийся с улицы ор, Бёркхарт рыкнул:

– Что это за «Фриз», черт его дери?

– Наверное, новая модель холодильника! – прокричала в ответ Мэри.

Внезапно шум прекратился. Тихое туманное утро, косые солнечные лучи, скользящие по конькам крыш, – с трудом верилось, что умолкшие рупоры еще секунду назад заходились в безумном вопле.

– Что за бестактный рекламный трюк! – выпалил гневно Бёркхарт, отходя от окна. – Ну, я надеюсь, на сегодня концерт окончен…

Звуковая волна поразила его в спину, с оттягом врезала по

ушам. Насмешливый резкий бас звучал так, как и не снилось архангельской трубе:

– Ты холодильник купил другой марки? Да он же словно мертвому припарка! В таком продукты держать – ежей против шерсти рожать! И только холодильник «Фриз» холодит как океанский бриз! Ты что, идиот, «Аякс» купил? Еще б Зубную Фею покормил! А может, ты купил «Трипл-Крист»? Да ты у нас, блин, коммунист! А если купил холодильник «Фриз» – тогда и только тогда собою гордись! – С каждым словом голос будто набирал обороты, да еще и становился истеричным, озлобленным: – *Короче, я вас предупредил: кто «Фриз» у нас не купил, тот – дебил! Купи холодильник «Фриз» и не пались! «Фриз»! «ФРИЗ»! «ФРИЗ»!!!*

Наконец голос умолк. Бёркхарт облизнул губы. Он успел только сказать: «Может, стоит все-таки вызвать полицию…» – как вдруг динамики снова взорвались. Они подловили его – совершенно сознательно; на то и был расчет.

– «Фриз»! «Фриз»! Вот в жизни главный приз! Если не хочешь протухшее жрать – ну-ка живо купил «Фриз», твою ж мать!

Это было уже слишком. То и дело промахиваясь пальцем мимо кнопок, Бёркхарт в конце концов с трудом набрал номер местного полицейского участка. Их номер был занят: не ему одному, похоже, пришло в голову воззвать к стражам порядка. Пока он нетвердой рукой набирал повторно, ор на улице оборвался.

Гай боязливо выглянул в окно. Фургон наконец-то укатил.

Ослабив узел галстука, Бёркхарт заказал официантке еще один «Фрости-Флип». Если бы только в кафе «Кристалл» не было так жарко! Новая стенная роспись – блеклые красные мазки и ослепительно-яркие желтые – казалась ему на редкость безвкусной, мозолящей глаз, а тут еще кто-то, очевидно, вообразил, что на дворе не июнь, а январь, и выкрутил термостат так, что в помещении стало на добрый десяток градусов теплее.

Он одолел «Фрости-Флип» в два больших глотка. У напитка, как он заметил, вкус стал довольно странный – впрочем, не сказать, что плохой. И впрямь освежает – официант, надо же, не наврал. *Надо бы купить целую бутылку по пути домой*, напомнил он себе, *наверняка Мэри понравится.* Ее всегда интересовало все новое.

Он неуклюже встал, и как раз в этот момент через весь зал к нему направилась девушка. Таких краль он в Тайлертоне никогда не видывал. Ростом ему до подбородка, с гривой волос светло-медового оттенка, фигура просто на загляденье. Да еще и, похоже, кроме этого платья в облипку на ней ничегошеньки не

надето. Когда она поздоровалась с ним, Гай почувствовал, что краснеет.

– Мистер Бёркхарт, – напористо воззвала она к нему, будто бы откуда-то издалека. – Так любезно с вашей стороны, что вы дали мне шанс повидать вас после сегодняшнего утра.

Он кашлянул смущенно.

– Вообще-то я не… может, присядете, мисс…

– Эйприл Хорн, – промурлыкала она, садясь рядом с ним, а не напротив, куда его палец указывал. – Для вас – просто Эйприл, хорошо?

Какой-то частью своего сознания, которая еще продолжала функционировать, Бёркхарт отметил, что от нее исходит аромат духов… хотя почему-то казалось, что вот так вот должна пахнуть она сама, а не какой-нибудь парфюм. Странно. Вздрогнув, он пришел в себя и понял, что официант удаляется с заказом – говяжьи медальоны на двоих.

– Ой, – вырвалось у него.

– Ничего страшного, мистер Бёркхарт. – Ее плечо льнуло к его плечу. Она смотрела ему прямо в глаза, с нежно-заискивающим выражением, и волны ее теплого дыхания омывали его лицо. – Это все за счет компании «Фриз». Не противьтесь. Это самое меньшее, что они могут для вас сделать.

Он почувствовал, как ее рука проскользнула к нему в карман, будто щупальце.

– Вот вам деньги для уплаты по счету, – заговорщически прошептала она. – Прошу вас, заплатите вы, хорошо? Я вам буду так признательна… у меня просто такие причуды… в этих вопросах я, можно сказать, старомодна.

Одарив его милой улыбкой, она нацепила маску притворной серьезности.

– А вообще-то, – сказала она, – можете засудить «Фриз»! Да-да, серьезно! Подайте на них в суд – пусть возместят вам каждую украденную минутку сна!

Несколько ошеломленный, словно только что на его глазах в цилиндре фокусника исчез кролик, он сказал:

– Ну, не так уж я и пострадал, Эйприл… шумно, конечно, было, но…

– О, мистер Бёркхарт! – Ее широко распахнутые голубые глаза лучились восхищением. – Я знала, знала, что вы поймете! Тут такое дело… этот новый холодильник настолько крут, что кое-кто из рекламного отдела перестарался. Как только в головном офисе прознали, что произошло, во все дома в вашем квартале были посланы представители, чтобы извиниться. Ваша жена известила нас, куда мы можем вам позвонить… и я так рада, что вы

согласились со мной встретиться! Приношу самые-самые искренние извинения, мистер Бёркхарт! Но хочу заметить – этот новый холодильник, он того стоит! Не знаю, стоит ли вам говорить, но… – Эйприл застенчиво опустила небесно-голубой взгляд. – Я, считайте, на что угодно пойду в интересах «Фриз». Для меня это не просто работа! – И тут же ее подбородок снова взлетел вверх – ну до чего очаровательно. – Вы, наверное, думаете, я совсем с головой не в ладах, да?

Бёркхарт закашлялся.

– Нет, я…

– О, не хотите показаться девушке невежливым… – Она покачала головой. – Нет, нет, не притворяйтесь. Вы думаете, что это глупо. Но в самом деле, мистер Бёркхарт, вы не стали бы так думать, если бы узнали побольше о новом холодильнике от «Фриз». Разрешите, я покажу вам вот эту брошюрку…

Бёркхарт вернулся после завтрака с опозданием на целый час. Его задержала не только Эйприл – он снова столкнулся на улице с коротышкой Свенсоном, шапочным знакомым; тот остановил его, проявив крайнюю назойливость, и снова слинял, не обмолвившись и словом.

Ну уж это-то как-то можно было пережить – пустяки, дело житейское, а вот отсутствие мистера Барта, совершенно беспрецедентное, и легшая ему на плечи возня с квартальными налоговыми декларациями – это уже серьезнее. И Гай никак не мог взять в толк, *зачем* сделал заказ на холодильник «Фриз» (вертикальная модель с функцией авторазморозки, емкость 324 литра, 625 долларов по прейскуранту, «извинительная скидка» – десять процентов; *из-за того утреннего недоразумения,* как пояснила Эйприл). Он не знал, как объяснит покупку той же Мэри.

Напрасное, как оказалось, беспокойство – едва он ступил за порог, жена сказала:

– Дорогой, ну неужто мы не можем позволить себе новый классный холодильник? Сюда приходил такой обаятельный мужчина из их компании, извинялся за тот шум… ну, мы с ним зацепились языками, и вот…

Оказалось, она тоже оформила заказ.

Чертовски неудачный день, подумал Бёркхарт, поднимаясь вечером к себе в спальню. Но день еще не рассчитался с ним. Выключатель на верхней площадке лестницы полностью отказал. Бёркхарт щелкал им, щелкал и дощелкался до того, что в домашней сети коротнуло. Свет во всем доме погас.

– О, дьявол, – простонал Гай Бёркхарт.

– Что, пробки вылетели? – сонно осведомилась Мэри. – Да брось, до утра потерпят…

Бёркхарт покачал головой.

– Спи спокойно. Я сейчас все починю.

Дело было не только и не столько в пробках – просто он был слишком взвинчен и знал, что сразу заснуть не получится. Отвинтив шурупы, он снял сломанный выключатель, после чего, спотыкаясь в темноте, спустился на этаж вниз, отыскал электрический фонарик и с ним уже направился в подвал. Найдя перегоревшую пробку, он придвинул к щитку пустой чемодан, встал на него, прибавив себе росту, и вывернул ее.

Когда новая пробка была поставлена, он услышал, как холодильник у него над головой сначала защелкал, а затем ровно загудел.

Он направился обратно к лестнице и в удивлении остановился. Там, где раньше стоял чемодан, пол подвала как-то странно блестел. Он осмотрел его при свете фонарика.

Пол был почему-то сделан из металла.

– Вот так номер, чтоб я помер, – сообщил Гай пустому подвалу, почесывая в затылке. Он стал тщательно всматриваться, провел по краям металлического пятна большим пальцем и больно порезался: края были *острые*.

Заляпанный цементный пол подвала служил лишь тонкой оболочкой. Бёркхарт отыскал молоток и отбил ее в доброй дюжине мест – и везде нашел металл.

И даже цементированные кирпичные стены оказались фасадом-обманкой – открылось, что весь подвал был чем-то вроде железного ящика.

Сбитый с толку, он поковырял одну из несущих балок. Настоящее дерево. И слуховые окна в своих рамах несли настоящее стекло.

Он пососал кровоточащий палец и пощупал нижнюю ступеньку подвальной лестницы. Дерево как дерево. Он отбил кусочек кирпича. Кирпичи как кирпичи. Но стены и пол были фальшивые.

Кто-то будто бы оправил дом снизу в металлическую раму, после чего тщательно замел все следы.

Самым большим сюрпризом для Гая оказался поставленный кверху дном корпус лодки, перегородивший заднюю часть подвала – память о непродолжительном увлечении столярным делом несколько лет назад. Сверху он казался обыкновенным, но с изнанки, где надлежало располагаться настилу, сиденьям и уключинам, обнаружилось какое-то переплетение трубок из меди.

Конструкция отчего-то выглядела незаконченной.

– Я такого не строил, – проговорил Бёркхарт, мигом позабыв про порез на пальце. Кое-как борясь с нахлынувшим чувством ирреальности, он оперся на днище лодки и постарался все хорошенько обдумать. Выходило, что по каким-то абсолютно неведомым ему причинам кто-то взял и лодку, и подвал – весь дом, может статься! – и заменил их искусными макетами.

– С ума сойти, – пожаловался Гай вслух. Посветив фонариком по сторонам, он окинул подвал-подменыш взглядом и добавил шепотом: – Господи, но кому от этого был прок?

Ответ – разумный и логичный – не приходил в голову. Его попросту не было, разумного и логичного-то. *Уж не съехал ли я с катушек,* промелькнула у Бёркхарта мысль.

Он еще раз глянул под лодку, надеясь, что ошибся, что это всего лишь плод фантазии. Но неряшливые, неотделанные крепления никуда не делись. Чтобы лучше видеть, он подлез под лодку, недоверчиво ощупывая шероховатое дерево. Совершенно невероятно!

Потушив фонарик, Гай пополз назад, но выползти так и не смог. В тот самый момент, когда мозг уже посылал команду ногам распрямиться и вытянуть Гая из-под лодки, на него снизошла незнамо откуда изнуряющая волна усталости. Сознание вырубило – не с легкостью, а так, словно кто-то его умыкнул, – и Гай Бёркхарт заснул.

III

Утром шестнадцатого июня Гай Бёркхарт очнулся в подвале своего дома, под корпусом лодки, в весьма неудобной позе.

Первым делом он еще раз осмотрел лодку, квазипол подвала, поддельный отделочный камень. Все было таким, как запомнилось ему с вечера – совершенно невероятным.

Гай поднялся на кухню – тоже не изменившуюся, умиротворенно-тихую. Электронные часы прищелкнули – сменились цифры в минутном «отсеке». Почти шесть утра, не ровен час Мэри проснется.

Распахнув входную дверь, Гай пристально оглядел бесшумную улицу. На лестнице его дожидалась утренняя газетенка. Подняв ее, он открыл, что та датирована пятнадцатым июня.

Но ведь… пятнадцатое июня было вчера. Незабываемая ведь дата – день квартальных налоговых деклараций.

Возвратившись в прихожую, Гай снял трубку с телефонного аппарата и набрал номер информационной службы. Вслушался в

сообщение, автоматически «сшитое» из фрагментов записанного хорошо поставленного голоса:

– Ожидается похолодание, временами ливни. Атмосферное давление – приблизительно семьсот пятьдесят один миллиметр ртутного столба, идет на повышение. По сведениям Бюро погоды, *пятнадцатого* июня ожидается теплая солнечная погода, максимальная температура около…

Гай повесил трубку. Все-таки – пятнадцатое.

– Ну и ну, – выдохнул он. Странные дела творятся. Заслышав звон будильника Мэри, он заспешил к ней, вверх по лестнице.

Мэри Бёркхарт сидела в постели с перепуганным, огорошенным видом человека, только что вытряхнутого из тенет дурного сна.

– Ну и сон мне только что приснился, – сбивчиво произнесла она. – Жуткий… как будто тут все взорвалось, и…

– Снова? – воскликнул Гай. – Мэри, что-то неладное творится! Весь вчерашний день, ну и вот теперь…

Он стал рассказывать ей о медной обшивке подвала и о макете, заменившем его лодку. Непонимание на лице Мэри довольно-таки быстро переросло в тревогу. Ей явно сделалось не по себе.

– Гай, ты уверен? Я на прошлой неделе стирала пыль с той махины, ничего не заметила.

– Уверен на все сто, – безапелляционно заявил он. – Я приставил чемодан к стене, встал на него и ввернул новую пробку – у нас же свет вырубало, помнишь? – и…

– Что ты такое про свет говоришь? – Мэри еще сильнее нахмурилась.

– Свет у нас гас, говорю. Не помнишь? Когда выключатель наверху закапризничал, я спустился в подвал и…

– Гай, выключатель не капризничал. Вчера ночью я сама погасила свет.

Бёркхарт уставился на жену:

– Как так… я же помню, что не гасила! Пойдем, я покажу!..

Он вышел на лестничную площадку и потыкал пальцем в испорченный выключатель – тот, который он отвинтил накануне вечером, да так и оставил висеть. Вот только никакого испорченного выключателя он не увидел. Все было так, как всегда.

Не веря своим глазам, Бёркхарт нажал кнопку – и свет вспыхнул в обоих коридорах.

Мэри, бледная и встревоженная, оставила мужа и спустилась на кухню сделать завтрак. Бёркхарт долго стоял, не сводя глаз с

выключателя. Он отказывался чему-либо верить и был в полной растерянности.

Он побрился, оделся и позавтракал в том же состоянии отключки. Собственное «я» им теперь воспринималось как бы со стороны. Мэри это видела – и всячески тщилась успокоить его. Она поцеловала Гая на прощание, перед тем как он, так и не сказав ни слова, выбежал из дома, торопясь на автобус.

Мисс Миткин, сидевшая в приемной, поздоровалась с ним сквозь зевок.

– Доброго утречка, – сонно протянула она. – Мистера Барта сегодня не будет.

Бёркхарт хотел что-то сказать, но сдержался. По-видимому, она не знала, что Барта не было и вчера, так как оторвала листок календаря с четырнадцатым числом, оставив листок с «новой» датой – пятнадцатым июня.

Доковыляв до своего стола, он отсутствующим взором окинул всю корреспонденцию на нем. Ни один конверт пока не был вскрыт, но Гай уже знал, что департамент благоустройства послал запрос на две тысячи кубометров звукоизолирующей черепицы, а фирма «Файнбек и сыновья» направила жалобу.

Он далеко не сразу рискнул прочитать письма. Все его предположения подтвердились.

Когда наступил час завтрака, Бёркхарт, движимый неким предчувствием, предоставил мисс Миткин пойти первой. Она ушла, явно озадаченная его неестественной настойчивостью. Зазвонил телефон, и Гай с отсутствующим видом снял трубку.

– Городское управление химзавода слушает, – протараторил он.

– Это я, Свенсон, – донеслось из трубки, и повисла какая-то неловкая пауза. Бёркхарт ждал продолжения, но на том конце упорно молчали.

– Алло?

Ни слова в ответ – поначалу, но вдруг Свенсон траурным голосом вопросил:

– Все еще ничего, да?

– В каком смысле – «ничего»? Свенсон, что тебе нужно? Вчера ты ко мне ровно с этим же вопросом подходил. Ну сколько…

Тут хриплый, надтреснутый голос из трубки с жаром перебил его:

– Бёркхарт! О боже мой, ты помнишь! Сиди и жди меня – я буду через полчаса!

– О чем это ты?

– Неважно! – Судя по голосу, радости коротышки не было предела. – Я все расскажу как только приду. Не телефонный

разговор. Нас, вполне возможно, прослушивают. Просто меня дождись – хорошо? Так, погоди-ка. Ты один в конторе сидишь?

– Ну, здесь еще мисс Миткин…

– Черт! Слушай, Бёркхарт – где ты обычно обедаешь? Там достаточно шумно?

– Вроде бы… да. Я хожу в «Кристалл», это примерно в квартале от…

– Знаю-знаю. Будь там через полчаса.

И трубка дала отбой.

Кафе «Кристалл» лишилось прежней красной палитры, но в нем было все так же жарко. И теперь здесь крутили музыку – вперемежку с рекламой. Рекламировали «Фрости-Флипы», сигареты «Морли» (*они священны*, промурлыкал рекламщик) и какие-то шоколадные штуки под названием «Шоко-Байт», о которых он, похоже, никогда ранее не слыхал. Впрочем, этот недостаток в самый короткий срок был восполнен – чего он только о них не наслушался, пока ждал прихода Свенсона. Девица в юбке из целлофана, какие носят продавщицы сигарет в ночных клубах, прошла через кафе, неся на подносе крошечные, завернутые в алые бумажки батончики.

– «Шоко-Байт» – вкуснятина, – прошипела она, подойдя вплотную к столику Гая. – Раз куснешь – язык сотрешь!

Поначалу Бёркхарт не рассмотрел ее толком – все выглядывал Свенсона, но стоило ей с прикипевшей к лицу рекламной улыбкой высыпать горсть батончиков на соседний столик, он поймал ее взгляд – и вздрогнул от удивления.

– Мисс Хорн? – воскликнул он.

Поднос с «Шоко-Байтами» грохнулся девушке под ноги. Бёркхарт поднялся с места, не сводя с нее взгляда.

– Что происходит? – спросил он. Спросил уже вдогонку – мисс Хорн снялась с места и куда-то побежала.

Администратор кафе подозрительно уставился на Гая. Тот, напустив непричастный вид, вернулся на свое место. По сути, он действительно всей этой странной ситуации ни капли не поспособствовал – так почему мисс Хорн оскорбилась? Может, конечно, некие моральные принципы – пусть и немного не вяжущиеся с целлофановой юбкой, под которой, очевидно, ничего более не было, – заставили ее заподозрить в Бёркхарте приставучего мужлана. Какая нелепая мысль. Сделав мину, он придвинул к себе меню.

– Бёркхарт! – раздался настойчивый шепот.

Гай бросил взгляд поверх меню – и вздрогнул. На стуле напротив него в напряженной позе восседал коротышка Свенсон.

– Бёркхарт! – зашипел этот чудак снова. – А ну пошли отсюда! Они тебя уже заметили – если дорога жизнь, сматываемся скорее!

С таким спорить явно было себе дороже. Наградив извиняющейся улыбкой давешнего подозрительного администратора, Гай вслед за Свенсоном покинул кафе. Тот, похоже, точно знал, куда им идти, – и, едва они оба очутились на улице, схватил Гая за локоть и поспешно за собой поволок.

– Ты видел, кто в телефонной будке? – спросил он. – Та девица Хорн! По ее сигналу они прибудут сюда минут через пять, так что поторопимся!

На улице было людно, сновали машины, и никто не обращал внимания на Бёркхарта и Свенсона. Ветерок, гулявший снаружи, влек за собой приятную прохладцу. *Как будто сейчас октябрь, а вовсе не июнь,* подумал Бёркхарт. Идя на поводу у очевидно тронувшегося умом невротика, он чувствовал себя идиотом. От кого они сейчас бегут, зачем, куда? Страх, незнамо чем вызванный, подстегивал бедного помешанного Свенсона – а страх, как известно, заразен.

– Вот сюда, – запыхавшись, проговорил коротышка, распахивая дверь какой-то другой забегаловки, второразрядного кафетерия, где Бёркхарт еще ни разу не бывал.

– Идем насквозь, – прошептал Свенсон, и Гай Бёркхарт послушно прошествовал мимо флотилии столиков в дальний околоток зала. Тот был L-образной формы, с фасадами на две улицы, расположенные под прямым углом друг к другу. Проходя вторые выходные двери, Свенсон бросил презрительный взгляд на удивленного их маневром кассира. Выйдя, он повел Гая к противоположной стороне улице.

Теперь они находились под ярко освещенным стеклянным навесом у входа в кинотеатр. Выражение напряжения сошло с лица Свенсона.

– Оторвались, – довольно прошептал он. – Почти у цели.

Он подошел к окошку и купил два билета. Бёркхарт поплелся с ним в зал – практически пустой при текущем будничном утреннем показе. Крутили вестерн – ржали кони, то и дело свистели пули. Одинокий билетер, облокотившись на блестящие латунные перила, мимолетно взглянул на них и вновь уставился на экран. Свенсон потащил Бёркхарта вниз по устланным ковровой дорожкой ступеням.

Они очутились в совершенно безлюдном фойе. Там были три двери: «Для мужчин», «Для женщин» и еще одна, на которой золотыми буквами значилось «УПРАВЛЯЮЩИЙ». Свенсон прислушался и тихонько приоткрыл последнюю дверь.

– Чисто, – сказал он, махнув рукой.

Бёркхарт прошел вслед за ним через пустой кабинет к другой двери, вероятно, стенного шкафа, так как на ней не было никакой надписи. Но это оказался не стенной шкаф. Свенсон осторожно открыл дверь, заглянул внутрь, затем кивнул Бёркхарту, чтобы тот шел за ним.

Это был тоннель с металлическими стенами – ярко освещенный, пустовавший. Тянулся он сразу в обе стороны.

Изумленный, Бёркхарт заозирался. Одно он знал, знал наверняка: никаких тоннелей под Тайлертоном не существовало.

Проход привел их в комнату, где, кроме кресел и письменного стола, было еще что-то вроде телевизионных экранов. Свенсон тяжко опустился в кресло, ловя ртом воздух.

– Пока что мы в относительной безопасности, – выговорил он, переведя дух. – Теперь они редко сюда заявляются. Если придут – мы их услышим и успеем спрятаться.

– Кого – «их»? – уточнил Бёркхарт.

– Марсиан, конечно же! – выпалил Свенсон – и подавился своими же словами, и как-то весь обмяк. Угрюмым тоном он добавил: – По крайней мере, я думаю, что они – марсиане. Но может, и русские. Я этот вариант тоже обмозговывал – после того, как тебя схватили.

– Давай по порядку – кто и когда меня схватил?

Свенсон вздохнул:

– Опять рассказывать! Ну ладно. Пару месяцев назад ты постучался ко мне – поздним часом. Ты был весь избит и безумно испуган. Попросил меня о помощи…

– Это точно был *я*?

– Само собой, ты ничего не помнишь. Послушай – тогда поймешь. Тебя так и несло – ты говорил, что тебя схватили, что тебе угрожали, что твоя жена то умирает, то воскресает… все в таком духе. Я-то решил, что ты умом тронулся. Но я всегда уважал тебя. Ты попросил дать тебе убежище, и у меня как раз сыскалась подходящая темная комнатушка. Она запирается только изнутри – я сам ставил задвижку. Итак, мы засели там – ты сам на том настоял, – и в полночь, то есть через каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут, оба умерли.

– *Умерли?*

Свенсон кивнул:

– Ну да. Нас как будто мешком с песком пришибло. Слушай, с тобой это не повторялось прошлой ночью?

– Что-то такое было, да. – Бёркхарт нерешительно кивнул.

– Ясное дело! А потом мы вдруг снова проснулись, и ты пообещал показать мне нечто забавное; мы вышли на улицу и

купили газету. Газета была от пятнадцатого июня.

– Пятнадцатого июня? Но ведь это сегодня! То есть…

– Вот именно, дружище. Это *всегда* сегодня!

Потребовалось какое-то время на анализ ситуации. Наконец Гай поинтересовался:

– Сколько недель ты просидел в той темной комнате?

– Откуда я знаю? Четыре-пять, наверное. Я со счета сбился. И каждый день одно и то же – всегда пятнадцатое июня, всегда моя хозяйка, миссис Кифер, метет крыльцо, всегда одни и те же заголовки у газет – жутко монотонный быт, дружище.

IV

Идея пришла в голову именно Бёркхарту, и Свенсон ее не одобрил, но Гая это ничуть не смутило. Он был из числа тех славных малых, что ни на кого не оглядывались.

– Опасная же затея! – устало твердил Свенсон. – Вдруг кто-нибудь зайдет? Они увидят нас – и…

– И что? Что мы потеряем?

Свенсон пожал плечами.

– Опасная затея, – тихо повторил он. Но – пошел вслед за Гаем.

Мысль Бёркхарта была очень проста. В одном он не сомневался: тоннель куда-то ведет. Марсиане или русские, фантастический заговор или коллективное помешательство – что бы ни приключилось с Тайлертоном, некое объяснение всему этому существовало, и где искать его, как не в конце тоннеля?

Двое мужчин все шли и шли вперед; когда они одолели уже пару километров, впереди забрезжил выход. Им несказанно свезло – никто больше не объявился здесь и не обнаружил их присутствия. Свенсон заметил, что тоннелем, судя по всему, пользуются в определенные часы.

И все время – пятнадцатое июня. К чему это все? – спрашивал себя Бёркхарт. *И даже уже не важно, как они это сделали. Главный вопрос – зачем?*

И то, как все засыпали мгновенно, неожиданно – все как будто в одно время. И то, что никто ничего не помнил – память попросту обнулялась. Свенсон рассказал, как обрадовался, снова увидев Бёркхарта наутро после того, как тот опрометчиво задержался на лишних пять минут перед уходом в темную комнату. Когда Свенсон пришел, Бёркхарта уже не было. В тот день несчастный отщепенец увидел его на улице, но Гай ничего уже не помнил.

Свенсон вот уже несколько недель кряду жил как мышь:

прятался по ночам в стенном шкафу и, крадучись, выходил днем со слабой надеждой отыскать Бёркхарта, боясь попасться «им» на глаза.

Одной из «них» была девушка по имени Эйприл Хорн. Увидев однажды, как Эйприл с беспечным видом входит в телефонную будку, но назад не показывается, Свенсон обнаружил тоннель. Другим был продавец табачного киоска в здании, где находилась контора Бёркхарта. Имелась еще по меньшей мере дюжина человек, которых Свенсон подозревал.

Этих подозрительных личностей нетрудно было вычислить, если знать, на кого глядеть, – ведь только они в Тайлертоне менялись ролями изо дня в день. Каждое утро каждого дня – то есть каждое утро каждого *пятнадцатого июня* – Бёркхарт неизменно садился в автобус, отходивший без десяти девять; а Эйприл Хорн то светилась в кафе во фривольной юбочке, приковывая взгляды, то показывалась в самой простой одежде, а иногда и вовсе исчезала без следа.

Кто бы ни стоял за этим безумным маскарадом, их цели оставались туманны донельзя. Может, разгадка тайны взаправду ожидала за дверьми в конце тоннеля. Бёркхарт и Свенсон чутко прислушивались к звукам где-то вдалеке – понять их природу представлялось делом трудным, но опасности они не внушали. Вскоре оба мужчины миновали заветную дверь. Они прошли через просторный предбанник, поднялись по лестнице…

И очутились, как понял Бёркхарт, на территории городского химзавода.

Людей не было видно, что само по себе не казалось странным, ведь предприятие было максимально автоматизировано. Гай, побывавший здесь один-единственный раз, помнил, что работа на заводе не прекращалась – открывались и закрывались клапаны, баки опорожнялись и наполнялись, размешивались и варились загадочные составы; одновременно производился их химический анализ. На заводе не бывало людно, но и шум на нем никогда не смолкал.

А вот *теперь* – смолк. Если не считать отдаленных звуков, не было никаких признаков жизни. Плененные электронные мозги не посылали приказов, катушки и реле отправились на простой.

– Пойдем, – сказал Бёркхарт, и Свенсон неохотно последовал за ним по извилистым переходам, мимо перегонных кубов и дистилляторов из нержавеющей стали.

Казалось, они ступают по какому-то высокотехнологичному погосту. Аналогия, смысла не лишенная – ведь что есть автоматы, некогда управлявшие заводом и вдруг отключенные, как не трупы? Машинный труд на заводе был отлажен компьютерами,

что были не вполне компьютерами, а, скорее, электронными реконструкциями биологических мозгов. Если такую штуковину выключить – разве не равнозначно это умерщвлению? Ведь каждая из них, в сути своей, произошла от человека.

Возьмите химика-специалиста – наторевшего, скажем, в крекинге нефти, – спеленайте его ремнями и исследуйте его мозг электронными зондами. Машина досконально исследует структуру мозга, составит карты нейронов, зафиксирует в виде синусоид всякую выявленную активность. Запишите всю эту активность на мощный компьютер – и вы как бы скопируете этого химика, создадите своего рода выгрузку. Можете потом сделать хоть тысячу копий – и все они будут обладать всеми знаниями и умениями подопытного, вдобавок на них не будут распространяться никакие физические ограничения, с которыми сталкивается человек. И если вы установите дюжину копий химика на химзаводе, они будут управлять производством всю неделю, сутки напролет, не зная устали, ничего не упуская и не забывая.

Свенсон подступил к Бёркхарту поближе.

– Как-то здесь неуютно, – заметил он.

Через помещение к ним неслись звуки, теперь – более отчетливые; уже не шум машин, но голоса. Бёркхарт подкрался к ждущей впереди приоткрытой двери и рискнул заглянуть за нее.

Его глазам предстало нечто вроде наблюдательного пункта: десятки экранов, к каждому приставлена пара зрителей – женщина и мужчина. Время от времени они комментировали то, что происходило на вверенном им экране – их слова писались на диктофоны, – и «скакали» с одной картинки на другую. Изображения на всех «дозорных постах» разнились; трансляции казались несвязанными меж собой. Один экран показывал магазин, где девушка, одетая как Эйприл Хорн, рекламировала холодильники «Фрост», другой – магазин кухонной утвари, на третьем Бёркхарт приметил нечто вроде табачного киоска в здании, где находился городской офис химзавода. За всем этим зрелищем крылась какая-то загадка, и Бёркхарт охотно остался бы здесь и разгадал ее, но кто-то из «наблюдателей» мог посмотреть в их сторону или, сойдя с поста, наткнуться на них – риск обнаружения был слишком велик.

Пройдя дальше, они со Свенсоном разыскали еще одно помещение – пустое: кабинет, просторный и хорошо обставленный, с письменным столом, заваленным документацией. Гай мельком проглядел пару заголовков. Один из них зацепил его – при первом взгляде; ну а при повторном, более

внимательном – натурально ошеломил. Схватив верхний лист, он прочел его от и до. Взял следующий. Свенсон тем временем воровато обшаривал ящики.

Потрясенный, Бёркхарт бросил бумаги обратно на стол.

– Смотри-ка! – Свенсон с довольным видом поднял из ящика револьвер. – Заряженный!

Бёркхарт смерил коротышку отсутствующим взглядом, силясь уяснить смысл только что прочитанного. Осознав находку Свенсона в полной мере, он приободрился.

– Нам он пригодится, – твердо сказал он. – Бери его, Свенсон. Мы выйдем отсюда, и нас никто не рискнет остановить – даже если застанет с поличным. Мы обратимся к властям. Не к нашим местечковым болванам, а куда-нибудь повыше – в ФБР, скажем. Взгляни на это!

Бумага, которую он протянул Свенсону, была озаглавлена: *Отчет по исследованному району. Объект: кампания по рекламированию сигарет «Морли»*. Текст в основном состоял из столбцов цифр, ничего не говоривших ни Бёркхарту, ни Свенсону, но в конце документа приводилось резюме:

> «Хотя испытание 47-К3 привлекло почти вдвое больше новых клиентов по сравнению с предшествующими, его, по-видимому, нельзя применять в широких масштабах из-за постановлений местных муниципалитетов, запрещающих использовать рекламные фургоны, оснащенные установками громкого вещания.
>
> Результаты испытаний по группе 47-К12 оказались на втором месте, и мы рекомендуем повторно произвести апробацию этих средств воздействия, проверив каждую из трех наиболее эффективных кампаний, с внедрением либо же без внедрения протестированной техники.
>
> В случае если клиент не соглашается на расходы по добавочным испытаниям, возможен и непосредственный переход к наиболее совершенным средствам убеждения из серии К12.
>
> Средние значения прогнозируемых результатов могут отклоняться от цифр, полученных при предварительных расчетах, но не более чем на 0,5 % с вероятностью 80 % и не более чем на 5 % с вероятностью 99 %».

– Ничего не понятно, – выдохнул Свенсон, уставившись на Бёркхарта.

– Я тебя не виню, – ответил Гай. – Звучит безумно, но все факты сходятся, Свенсон, – *все до единого!* Всему виной не марсиане и не русские, а рекламщики! Каким-то образом – уж не знаю, как именно, – они захватили наш Тайлертон и заполучили над нами – над *всеми* нами – контроль. Над тобой, надо мной… еще над двадцатью или тридцатью тысячами человек. Они либо гипнотизируют нас, либо еще как-то воздействуют – без разницы; главнее всего то, что из-за них мы проживаем один и тот же день. Одни и те же проклятые сутки, за которые всех нас начиняют дурацкой рекламой. Смотрят, как мы на нее реагируем, и стирают этот день из нашей памяти – а назавтра тестируют уже другую рекламу!

У Свенсона отвисла челюсть. Он с трудом вернул ее на место и твердо произнес:

– Ты псих.

Бёркхарт покачал головой:

– Ну да, звучит безумно. Но ведь все, что тут творится, – безумие. Как иначе объяснишь? Глупо отрицать, что львиная доля жителей города застряла в одном-единственном дне. Ты же сам убедился в этом. Сложно поверить в подобный бред, но мы давай предположим, что все обстоит именно так, если только мы с тобой не свихнулись. Если предположить, что кто-то нашел способ провернуть такое, все остальное становится совершенно понятным. Да ты сам подумай! Они же прогоняют все досконально, прежде чем вложить хотя бы пять центов в рекламу – представляешь, что это значит, какие средства у них в распоряжении? Я, например, знаю, что иные фирмы тратят на рекламу по двадцать-тридцать миллионов долларов в год. Давай умножим это на сотню фирм. Допустим, каждая из них найдет способ снизить расходы на рекламу всего на десять процентов. Для них это пустяки – с виду. Но знай они заранее, что из рекламы даст наибольшую эффективность, их расходы урезались бы вполовину или даже больше. У них появилась бы экономия в двести-триста миллионов долларов в год; если вдруг тайлертонский эксперимент встал бы им в десять-двадцать процентов от этой суммы, выгода все равно достала бы до потолка.

Свенсон облизнул пересохшие губы.

– Хочешь сказать, – осторожно начал он, – что все мы для них – объект эксперимента?

Бёркхарт нахмурился:

– Пожалуй. – Он поразмыслил немного. – Знаешь, как испытывался пенициллин в свое время? На желатиновых пластинках растили колонии бактерий и испытывали на них

разный пенициллиновый состав. Мы – что-то вроде тех бактерий, Свенсон, только нас всех пользуют гораздо эффективнее. Нашу колонию можно испытывать вновь и вновь.

Свенсону явно было трудно принять нечто подобное. Он лишь спросил:

– И что мы сделаем?

– Пойдем в полицию. У них нет права делать из нас лабораторных крыс!

– Как мы доберемся до полиции?

Бёркхарт поколебался.

– Я думаю… – медленно начал он. – Ну конечно. Мы находимся в кабинете какого-то важного управленца. И у нас – револьвер. Мы просто подождем здесь, пока он не объявится, и потом заставим его самого вывести нас отсюда.

План был ясен. Свенсон затаился, усевшись у стены так, чтобы его нельзя было увидеть со стороны дверного проема. Бёркхарт приник к стене сразу за косяком – и стал ждать.

Долго ждать им не пришлось – во всяком случае, не больше получаса. Услышав чьи-то приближающиеся голоса, Бёркхарт жестом предупредил Свенсона и весь напрягся, прильнув к стене.

Говорили двое.

– …почему не могли оповестить по телефону? – спрашивал мужчина. – Из-за вас тест на целые сутки может провалиться. Что за выходки, Джанет?

– Прошу меня извинить, мистер Доршин, – ответил звонкий девичий голос сахарным тоном. – Я решила, что он для нас важен.

– Важен? – Мужчина хмыкнул. – Да он всего лишь один из двадцати одной тысячи.

– Но это же опять Бёркхарт, мистер Доршин. Опять! Судя по тому, как он улизнул, ему теперь кто-то помогает.

– Ладно. Хорошо. Нам он никакой погоды не делает, Джанет. Во всяком случае, план по «Шоко-Байтам» выполняется даже с опережением. И раз уж вы сюда явились, зайдите в офис и заполните все отчеты. А насчет Бёркхарта не волнуйтесь – он, наверное, ошивается где-то неподалеку. Вечером мы его поймаем, и…

Когда они вошли в комнату, Гай пинком захлопнул дверь и взял их на прицел.

– Посмотрим, кто кого поймает, – припечатал он их.

Наконец-то жуткие часы, проведенные им в тревоге и страхе за собственный рассудок, окупились. Гай давно уже не чувствовал себя столь победоносно. Этих типов с химзавода он, если судить по их вытянувшимся физиономиям, застал врасплох – а это уже

чего-то стоило. Доршин издал какой-то смешной звук – вопрос, не облеченный в слова. Только взглянув на обладательницу второго голоса, Гай понял, почему счел на мгновение, что где-то ее слышал. Перед ним была девушка, представившаяся ранее Эйприл Хорн, – собственной персоной.

Доршин, похоже, быстро оправился от первого удивления.

– Это что, Бёркхарт? – уточнил он.

– Он самый. – Девушка кивнула.

– Что ж, беру свои слова назад – вы насчет него не ошиблись. Слушайте, Бёркхарт, что это вы удумали?

– Поосторожнее с ним! – предупредительно окрикнул Свенсон. – Может, он вооружен!

– Обыщи его, – распорядился Гай. – Я скажу вам, Доршин, что мы удумали. Мы хотим, чтобы вы вместе с нами отправились в Федеральное Бюро и объяснили там, как вам сошло с рук похищение целого города.

– Похищение? – Доршин фыркнул. – Смех, да и только. Опустите револьвер – от угроз в вашем случае проку будет мало.

Бёркхарт повел стволом в сторону, как бы взвешивая револьвер в руке.

– Я так не думаю, – спокойно ответил он.

– О черт. – В голосе Доршина читалась досада, даже немного злости, но – ни намека на испуг. – Вы ошибаетесь, Бёркхарт. Поверьте мне, я никого не похищал.

– С чего бы мне *вам* верить?

– Я клянусь…

– Клясться будете федералам. Посмотрим, как у вас это получится. Давайте-ка мы все отсюда двинемся…

Доршин открыл было рот, намеренный возразить, но тут терпению Гая пришел конец:

– Даже не начинайте! Если придется, я вас за милую душу пристрелю! Не понимаете? Я два дня прожил как в аду, и за каждую секунду вы мне теперь отплатите. Думаете, мне есть что терять? Ведите нас всех отсюда!

Лицо Доршина вдруг сделалось непроницаемым. Похоже, он уже решил сойти с места, но вдруг светловолосая девушка, к которой он обращался как к Джанет, встала между ним и Гаем.

– Вы *ничего* не понимаете! – сказала она Бёркхарту. – Хватит в нас целиться!

– Отойдите в сторону, мисс!

– Нет, мистер Бёркхарт, я…

Джанет так и не договорила. Все случилось за считаные секунды: Доршин метнулся к двери, Гай резко мотнул рукой с оружием, девушка вскрикнула и заслонила собой мужчину с

мольбой и несогласием во взгляде, палец Бёркхарта инстинктивно рванул спусковой крючок. Прогрохотал выстрел. Гай целился так, чтобы подстрелить, а не свалить наповал, но его рука дрогнула.

Пуля попала ей прямо в живот.

Доршина и след простыл. Дверь за ним захлопнулась, слышно было, как он бежит – уже где-то далеко. Отбросив револьвер, Бёркхарт подскочил к девушке.

– Что ты натворил? – простонал Свенсон. – Нам теперь точно крышка. А ведь могли бы и выбраться, могли бы в полицию пойти… да нам ведь ничего не стоило уйти отсюда! Мы…

Бёркхарт его не слушал. Он припал на колено рядом с девушкой. Та лежала навзничь, причудливо сплетя руки. Крови не было, но все в ее неестественной позе говорило – она уже не жилец.

И все-таки до мертвой ей тоже было далеко.

Джанет не умерла, но Беркхарт, застывший близ нее, понимал, что не была она и живой. Ее скрюченные пальцы мелко дрожали, но пульс, даже затихающий, не прощупывался. Свист непонятного толка рвался из ее груди, но Гай совсем не ощущал движения воздуха у ее губ. И она смотрела на него – смотрела широко распахнутыми глазами, но в них не читался страх, и не было в них боли – одно лишь сожаление, глубокое, как Демокритов колодец[31].

Сквозь сведенные судорогой губы она сумела выдавить:

– Не… беспокойтесь, мистер Бёркхарт. Со мной… все в порядке.

Не вставая с колен, Гай подался назад, все глядя на Джанет: там, где должна была течь кровь, виднелось сухое отверстие, пробитое в некоем веществе, живую плоть нисколько не напоминающем. И из отверстия этого завивалась тонкая медная проволока.

Бёркхарт почувствовал, как во рту пересохло.

– Вы робот, – вымолвил он.

Девушка попыталась кивнуть.

– Да, – сорвалось с ее кривящихся губ, – и вы – тоже.

V

Свенсон, издав какой-то нечленораздельный звук, подошел к столу и сел, уставившись в стену. Бёркхарт раскачивался взад-вперед рядом с разбитой куклой на полу. У него не было слов.

– Мне… жаль, что все так вышло, – смогла сказать девушка.

Ее прекрасные губы то и дело сводил спазм, жутко контрастирующий с молодым и гладким лицом. Видно было, что с контролем над ними она едва справляется. – Жаль, – повторила она. – Нервный центр был как раз в том месте, куда попала пуля. Теперь трудно управлять этим телом.

Бёркхарт машинально кивнул, принимая извинения. Роботы, значит. Теперь, когда ему открылась правда, все казалось таким очевидным, почти неизбежным в ретроспективе. Думая о своих мистифицированных представлениях о гипнозе, марсианах или чем-то гораздо более странном и идиотском, он осознавал, что простой факт создания роботов гораздо логичнее и экономичнее. Все доказательства были явлены ему заранее. Автоматизированная фабрика с ее трансплантированными умами – почему бы не пересадить разум в гуманоидного робота, наделив его чертами и формами оригинального носителя?

Интересно, способен ли робот осознать, что он – робот?

– Значит, все мы, – сказал он, почти не осознавая, что говорит вслух. – Моя жена и моя секретарша, и вы, и все наши соседи. Со всеми нами – одно и то же.

– Нет. – Голос девушки окреп. – Не совсем одно и то же. У меня был выбор. Я… – Ныне ее губы кривила уже не непроизвольная судорога. – Я была страшной старухой, разменявшей шестой десяток. В жизни меня уже ничего не ждало. И когда мистер Доршин предложил мне начать все сначала в образе красивой юной девушки… я ухватилась за шанс. Я *вцепилась* в него, верите ли, – несмотря на все неудобства. Мое физическое тело все еще живо, погружено в сон, пока я сама – здесь. Мне ничего не стоит вернуться в него. Но я не возвращаюсь.

– А все остальные?

– Они – другие. Я работаю здесь, выполняю распоряжения мистера Доршина; составляю таблицы результатов рекламных испытаний, наблюдаю за тем, как вы все живете в той среде, которую он для вас построил. Но таков мой выбор, а у вас выбора нет, потому что… потому что вы все мертвы, вот почему.

– *Мертвы?* – переспросил Бёркхарт, едва не сорвавшись на крик.

Голубые глаза взирали на него не мигая, и он знал, что Джанет не лжет. Гай Бёркхарт проглотил вставший в горле комок, восхитившись невольно той сложнейшей имитационной технологией, внушавшей, что он способен пускать слюну, потеть и есть.

– Значит, тот взрыв, что мне снился… – произнес он.

– Взрыв был. Он реален, и виной ему – этот завод. Складские

резервуары взлетели на воздух, и те, кто не погиб сразу, позже умерли от отравления ядовитыми испарениями. Почти весь город, двадцать одна тысяча человек – им всем пришел конец. Вы были в их числе. И тот несчастный случай дал Доршину шанс…

– Упырь проклятый! – выкрикнул Бёркхарт.

С неожиданным изяществом Джанет пожала перекошенными плечами.

– Ну какой же он упырь? Вас просто не стало. Но и вы, и все остальные были нужны – чего-то такого он и хотел. Пасторальный городок, одноэтажная Америка. Достаточно просто создать выгрузку мертвого мозга. Проще, чем живого, ведь мертвец не возразит. Да, работы – много, да, стоило это все немало. Весь город лег в руины, но провести реконструкцию – не так-то сложно, ведь ни к чему в точности воспроизводить *все* нюансы. Дома тех жильцов, чей мозг был невозвратно разрушен, остались внутри пустыми, не подлежали восстановлению ни подвалы, ни малонаселенные улицы. В любом случае для вас эта имитация – на одни сутки. Сутки, которые повторяются снова и снова. И если кто-то что-то заподозрит, его открытие не успеет обрести огласку и повредить результатам тестов, потому что в полночь все исчезает.

Джанет попыталась улыбнуться.

– Этот день, мистер Бёркхарт, это вечное пятнадцатое июня – лишь сон, потому что вы его не пережили. Таков дар мистера Доршина вам – сон, который он препоручает вам на день и забирает, как только день заканчивается. Забирает вместе со всей статистикой – на кого из вас оказал наибольшее воздействие тот или иной рекламный подход. Сон стекает из ваших голов в проложенный под вашим маленьким миром тоннель, обрабатывается там – и вновь возвращается к вам, чтобы все началось сначала. Пятнадцатого июня – дату встречи изменить нельзя, потому как четырнадцатое число – последний день, когда каждый из вас помнит себя живым. Порой случаются ошибки – вы, к примеру, сохранили память, спрятавшись под той лодкой. Но какая разница? Ошибки сами выдают себя, показывая, что все помнят. Питание отключают – и мы засыпаем, как и все вы, но, пробудившись, мы храним воспоминания. – Ее лицо дико исказилось. – Если бы только я могла забыть!

– И это все – ради того, чтобы успешно втюхивать товар? – ошеломленно спросил Гай. – Да на это должны уходить миллионы!

– Так и есть, – ответил робот по имени Эйприл Хорн. – Но и Доршин заработал не один миллион. И это еще не все. Если он подберет ключи к людскому поведению, если выявит все

безотказно действующие стимулы – считаете, он на этом остановится? Думаете, он…

Она не договорила – дверь в кабинет распахнулась. Бёркхарт рывком обернулся. Взяв с пола брошенный пистолет, он уставился в проем, ожидая возвращения сбежавшего Доршина.

– Не стреляйте, – повелел вошедший ровным голосом. То был не Доршин, а еще один робот, лишенный хитроумной маскировки под человека. Его стальное тело нагло блестело, и столь же металлически-наглым голосом он объявил:

– Хватит валять дурака, Бёркхарт. Вы ничего не добьетесь. Дайте мне револьвер, пока не натворили еще каких-нибудь бед. Дайте *сейчас же.*

Бёркхарт гневно закричал. Он не был уверен, что пули смогут пробить металлического болвана – или нанести ему большой вред даже в случае пробития. У него чесались руки хотя бы попробовать, но…

Но откуда-то сзади налетел вдруг скулящий и мечущийся вихрь; имя вихрю тому было Свенсон, и был тот в истерике от страха. Он налетел на Бёркхарта и опрокинул наземь, и в сторону отлетел бесполезный уже револьвер.

– Пожалуйста! – запинаясь, умолял коротышка, падая ниц пред стальным роботом. – Он чуть не убил вас! Прошу, пощадите! Разрешите мне работать на вас, как эта девушка. Я буду делать все, что вы скажете…

– Нам твои услуги не требуются, – равнодушно и чуть брезгливо бросил робот. Пройдя два четких шага, он остановился у револьвера и ногой отпасовал в дальний угол.

Раненый белокурый робот сказал без всякого выражения:

– Кажется, я недолго протяну, мистер Доршин.

– Отключитесь, если надо, – ответило существо из стали.

Гай Бёркхарт удивленно захлопал глазами:

– Но ведь вы – не Доршин!

Робот бросил на него умудренный взгляд глубоко посаженных глаз.

– Как раз таки Доршин, – заметил он, – просто не из плоти и крови. В данный момент я пользуюсь этим телом – не думаю, что ему ваш пистолетик опасен. Тот, другой робот гораздо уязвимее. Но не пора ли вам прекратить этот фарс? Не хочу причинять вам вред, слишком уж дорого вы стоите. Может, присядете и позволите ремонтникам привести вас в порядок?

Свенсон все пресмыкался в ногах:

– Вы… вы не накажете нас?

Лицо робота ничего не выражало, но в его голосе послышалось удивление:

– Наказать вас? Но как?

Свенсон вздрогнул, словно от удара кнутом, но Бёркхарт вспылил:

– Приводите этого слизняка в порядок, раз ему угодно, но вот меня оставьте! Хоть что со мной делайте – мне наплевать, во сколько зелененьких бумажек я вам обошелся и сколько времени потребуется, чтобы меня восстановить. Я намерен уйти – и остановит меня только смерть. – Когда робот шагнул навстречу, Гай принял боевую стойку. Он застыл напряженно, готовый ко всему – к атаке, к смерти… но не к тому, что на деле произошло. А на деле робот отступил в сторону, встав между Гаем и револьвером, но не загораживая более дверь.

– Уходите, – бросил он. – Вас здесь никто не держит.

Гай вышел и замер недоверчиво. Доршин просто так, за здорово живешь, отпускает его? Не важно, кто Гай на самом деле – человек или робот, жертва или счастливчик; ему все равно ничто не помешает связаться с властями за пределами лжегорода и поведать свою историю. Разумеется, корпорации, платящие Доршину за тесты, не ведают о той грязной игре, которую он ведет, – он должен скрывать ее от них, ведь малейшая огласка положила бы его произволу конец. Возможно, уход из города грозил смертью, но в тот конкретный момент своей псевдожизни Бёркхарт уже не боялся.

Коридор пустовал. У окна Гай остановился и глянул наружу. Снаружи лежал Тайлертон – город-фальшивка, казавшийся, однако, столь реальным и знакомым, что все случившееся с ним Бёркхарт почти готов был счесть сном. Сердцем, впрочем, он чуял правду и понимал, что во всем Тайлертоне ему больше не отыскать союзника. Пришла пора искать другой путь.

С четверть часа он шагал, оставляя позади улицу за улицей – то крадучись, то открыто, думая, что Доршин наверняка дистанционно отслеживает всякий его шаг, и наконец уперся во что-то наподобие театрального задника, окрашенного до одури правдоподобно – издалека Гаю бы и в голову не пришло усомниться в перспективе. В заднике была дверь, с виду самая обычная, но без обрамления в виде стены, поставленная прямо на дороге. Смущенный, Гай открыл ее и переступил порог – и глазам его предстало ни с чем не сравнимое зрелище.

Его поразил свет – ослепительный, невообразимый. Щурясь, Гай испуганно огляделся. Он застыл на выступе из гладкого металла, обрывавшемся через десяток ярдов. Гая не тянуло рисковать, становясь на самый край, да и с его позиций было видно, что впереди – обрыв, и ничего более. От горизонта до горизонта, купаясь в слепящем сиянии, раскинулась бездна.

Теперь понятно, почему Доршин так просто отпустил его – уйти с завода было просто некуда! Сколь фантастична эта алчущая пропасть, сколь неизбывны сотни злых слепящих солнц!

– *Бёркхарт?* – снизошел откуда-то сверху раскатистый голос, отдавшись эхом в бездне слева, справа и впереди, и он, облизнув пересохшие губы, ответил:

– Д-да?

– *Это Доршин. Не робот, самый настоящий я. Обращаюсь к вам по внутренней связи с городом-моделью. Ну, хоть теперь-то вы все поняли? Теперь я могу рассчитывать на ваше благоразумие и сотрудничество с ремонтными бригадами?*

Гай стоял столбом, окутанный ужасом. На него из ослепительного далека надвигалось нечто титаническое. Оно вздымалось на целые километры над его головой, и Гай, щурясь от дикого света, пытался усмотреть, что венчает эту громадину – отчего-то та напоминала ему…

Не может такого быть.

– *Бёркхарт?* – повторно обратился к нему титан, но он был не в силах откликнуться.

И тогда титан испустил вздох – тяжкий, сочувственный.

– *Кажется, до вас наконец-то дошло,* – произнес он. – *Отсюда нет пути. Я мог бы вам и раньше все рассказать, но вы бы мне не поверили, правда же? А так вы все повидали сами. Кто вам сказал, Бёркхарт, что я восстановил город в точности таким, каким он был ранее? Я ведь – коммерсант, я веду счет всем затратам. Если модель должна быть в натуральную величину, я ее такой и построю – но в нашем случае подобной необходимости попросту нет!*

Свысока титан протянул к нему какую-то свою часть – длинную и темную, с каким-то белым облаком на конце. Нет, облако не одно – облаков целых пять. Как пальцев на руке…

– *Бедолага Бёркхарт!* – посетовал громогласный титан в непомерной выси, и огромную бездну – которая на деле была всего лишь научной лабораторией – заполонило прыгающее эхо. – *Экое потрясение – осознать, что живешь в городе, построенном на столе.*

VI

Утром пятнадцатого июня Гай Бёркхарт проснулся с криком.

Ему приснился страшный и непостижимый сон, полный гибельных взрывов и жутких великанов, бесчеловечных и неописуемых.

Гай вздрогнул, зажмурился, снова открыл глаза.

За окном спальни завывал усиленный до неприличия голос.

Спотыкаясь, Бёркхарт подошел к окну и выглянул на улицу.

Воздух был прохладен не по сезону – погода под стать скорее октябрю, чем июню, но улица имела вполне обычный вид, если не считать грузовика с громкоговорящей установкой, припаркованного у края тротуара за полквартала от их блока. Динамики ревели:

– Ты у нас что, трус? Или, может, идиот? Хочешь, чтоб страну отнял мошенник и урод? НЕТ – четырехлетке зла и охлократии, ДА – за выдвиженцев Федеральной Партии!

Порой этот безумно громкий голос требует, порой – выпрашивает, иногда угрожает, но бывает, что и умоляет, умасливает прямо-таки… но главное – он все звучит и звучит, никак не смолкая, все сутки напролет – весь раз за разом повторяющийся день, отмеченный на всех календарях пятнадцатым числом июня.

Фредерик Пол. Человек-схема

Я знаю, во мне нет ничего смешного, но мне не нравится, что об этом знают и другие. Я веду себя так же, как и все прочие, не обладающие большим чувством юмора: я шучу. Если бы мы сидели рядом на ученом совете факультета и я захотел бы представиться, я бы, вероятно, сказал: «Бедеркиндом прозываюсь и в компьютеры играюсь».

Никто особенно не смеется. Как и все мои шутки, эта тоже нуждается в объяснении. Шутка заключается в том, что именно благодаря теории игр я впервые заинтересовался компьютерами и построением математических моделей. Математические модели – единственные дети, которых я произвел на свет. Во всяком случае, эта фраза вызывает улыбку, и я понял почему: даже если вы не особенно удачливы в словесной игре, вы всегда можете сказать, что это имеет какое-то отношение к сексу, а мы все рефлекторно улыбаемся, когда кто-то упоминает о сексе.

Мне следовало бы рассказать, что такое математическая модель, верно? Ладно. Эго просто. Это изображение чего-то, выраженное в цифрах. Оно используется потому, что машинам гораздо легче оперировать цифрами, чем реальными предметами.

Допустим, я хочу узнать, как будет вести себя планета Марс в течение ближайших нескольких лет. Я беру все, что мне известно о Марсе, и перевожу в числа: одно число – для его скорости на орбите, другое – для массы, третье – для диаметра в милях, четвертое определяет, с какой силой притягивает его Солнце, и так далее. Сообщив компьютеру все, что он должен знать о Марсе, я рассказываю ему с помощью таких же чисел о Земле, Венере, Юпитере, о самом Солнце, обо всех прочих глыбах материи по соседству, которые, на мой взгляд, оказывают влияние на Марс. Затем я обучаю компьютер некоторым простым правилам, в соответствии с которыми набор чисел, описывающий, скажем, Юпитер, воздействует на числа, описывающие Марс: закон обратных квадратов, некоторые законы небесной механики, ряд релятивистских поправок – компьютер должен знать очень много разных вещей. Но не больше, чем я ему рассказал.

Когда я сделаю все это – не по-английски, конечно, а на одном из языков, понятных компьютеру, – внутри его будет храниться математическая модель Марса. Потом этот математический Марс может вращаться в математическом космосе столько, сколько мне хочется. Я говорю компьютеру: «18 июня 1997 года, 24.00 по Гринвичу», и он… наверное, можно сказать – он «представляет», где будет находиться Марс по

отношению к моему телескопу «Квестар», стоящему на заднем дворе, в полночь по Гринвичу 18 июня 1997 года, и сообщает мне, в какую сторону смотреть.

Конечно, вы понимаете, что это не настоящий Марс, а только математическая модель. Но чтобы узнать, куда направить свой маленький телескоп, я могу считать модель «настоящим Марсом», только все происходит намного быстрее. Мне не нужно ждать 1997 года; я узнаю все за пять минут.

Но не только планеты могут продолжать математическую квазижизнь в банках памяти компьютера. Взять моего друга Шмуэля. У него тоже есть своя шутка, и состоит она в том, что он делает двадцать детей в день на своем компьютере. Он имеет в виду, что после шести лет усилий ему наконец удалось описать в виде чисел развитие ребенка в утробе матери, весь его путь от зачатия до рождения.

После этого было сравнительно легко описать все, что может произойти с детьми до их рождения. У мамы высокое кровяное давление. Мама курит по три пачки сигарет в день. Мама заболела скарлатиной или получила удар в живот. Мама продолжает каждую ночь трахаться с папой, пока ее не увезут в роддом. И так далее. Суть всего этого в том, что Шмуэль может видеть, когда что-то идет не так и дети рождаются недоразвитыми, или слепыми, или с ретролентальной фиброплазией, или с аллергией к коровьему молоку. Это проще, чем приносить в жертву множество беременных женщин, вскрывая их, чтобы посмотреть.

Ну ладно, вы больше не хотите слушать про математические модели, поскольку какой для вас интерес в математических моделях? Я рад, что вы спросили. Давайте рассмотрим пример. Предположим, вчера вечером вы смотрели парад звезд «Давным-давно» и видели Кэрол Ломбард или Мэрилин Монро в юбочке, развевающейся над симпатичными бедрами. Полагаю, вам известно, что этих девушек нет в живых. Я также полагаю, что ваши железы среагировали на мерцание катодной трубки так, как будто они живы. И поэтому вы все же получаете удовольствие от математических моделей, поскольку каждая из этих великих девушек в каждом своем движении и улыбке – не что иное, как число из нескольких тысяч цифр, преобразованное в световое пятно на фосфорном покрытии. И еще несколько чисел, чтобы выразить частотные характеристики их голосов. Ничего больше.

Суть заключается в том (как часто я употребляю эту фразу!), что математическая модель не только изображает реальный предмет, но иногда столь же хороша, как и реальный предмет. Нет, честно. Я имею в виду, неужели вы действительно полагаете,

что если бы это были живые Мерилин или Кэрол, видимые, скажем, в свете прожекторов, то вы получили бы большее впечатление, чем от потока электронов, создающего их изображение в кинескопе?

Однажды вечером я видел Мэрилин в передаче «Давным-давно». И у меня возникли все эти мысли, и потому всю следующую неделю я потратил на подготовку мотивированной заявки о выделении средств, а когда дотация была получена, взял академический отпуск и начал превращать себя в математическую модель. Это на самом деле не так трудно. Непривычно – да. Но не трудно.

Я не хочу объяснять, что такое ФОРТРАН, СИМСКРИПТ или СИ, и поэтому просто скажу то, что мы говорим всем, – это языки, с помощью которых люди общаются с машинами. Мне пришлось хорошо попотеть, чтобы рассказать машине все о себе. Потребовалось десять месяцев и пять аспирантов, чтобы написать соответствующую программу, но это не так уж и много. Чтобы научить компьютер играть в покер, в свое время потребовалось больше. После мне оставалось лишь ввести себя в машину.

Именно это, по словам Шмуэля, было сумасшедшей затеей. Как и у всех, занимающих достаточно ответственные посты на факультете, у меня есть удаленный терминал в… я называл это моей «игровой комнатой». Однажды я устроил там вечеринку, сразу после того как купил дом, когда все еще думал, что собираюсь жениться. Как-то вечером Шмуэль заметил, как я вхожу в дверь и спускаюсь по лестнице, и застал меня методично печатавшим мою историю болезни от четырех до четырнадцати лет.

– Болван, – сказал он, – неужели ты думаешь, что заслуживаешь увековечивания в компьютере 7094-й модели?

– Свари кофе, – попросил я, – и оставь меня в покое, пока я не закончу. Послушай, можно воспользоваться твоей программой по осложнениям после свинки?

– Параноидальный психоз, – заметил он. – Наступает примерно в возрасте сорока двух лет. – Однако он ввел в машину пароль и дал мне доступ к своей программе.

Закончив, я сказал:

– Спасибо за программу. Но твой кофе омерзителен.

– Нет, это у тебя омерзительные шутки. Ты действительно считаешь, что в этой программе будешь именно ты? Ты?

К тому времени у меня на лентах уже была большая часть сведений, касающихся физиологии и внешних факторов, и я прекрасно себя чувствовал.

– Что такое «я»? – спросил я. – Если оно говорит, как я,

думает, как я, помнит то же, что и я, и поступает так, как поступил бы я, – что оно такое? Президент Эйзенхауэр?

– Эйзенхауэр умер много лет назад, болван, – отрезал он.

– Проблема Тьюринга, Шмуэль, – сказал я. – Предположим, я нахожусь в одной комнате с телетайпом. А компьютер находится в другой комнате с телетайпом и запрограммирован так, чтобы моделировать меня. А ты находишься в третьей комнате, связанной с обоими телетайпами, и ведешь беседу с нами обоими – и ты не сможешь сказать, кто из нас я, а кто машина; в чем тогда разница? И есть ли она?

– Разница в том, Джозайя, – ответил он, – что я могу дотронуться до тебя, могу почувствовать твой запах. Если бы я был достаточно сумасшедшим, я мог бы поцеловать тебя. Тебя. Не модель.

– Ты бы смог, – сказал я, – если бы тоже был моделью и был бы в машине вместе со мной. – Я пробовал шутить с ним: – Смотри! Можно решить проблему перенаселения, если поместить всех в машину. Или, предположим, я заболел раком. Мое физическое «я» умирает. Зато математическая модель жива и невредима.

Но он действительно был обеспокоен, решил, что я схожу с ума. Его беспокоила даже не сама сущность проблемы, а мое отношение к ней, и я стал очень осторожен в беседах со Шмуэлем.

Итак, я продолжал играть в игру Тьюринга, стараясь сделать ответы компьютера неотличимыми от моих собственных. Я объяснил ему, что значит зубная боль и то, что помнил о сексе. Заложил в него связи между людьми и телефонными номерами и названия всех столиц штатов, за знание которых я получил награду в десятилетнем возрасте. Я научил его неправильно писать слово «ритм», так как сам всегда писал его неправильно, и говорить «поместить» вместо «положить» из-за юношеской привычки. Я играл в эту игру, и, Бог свидетель, я выиграл ее.

Не могу с уверенностью сказать, что я потерял взамен.

Но кое-что потерял.

Я начал терять память. Когда из Кливленда позвонил двоюродный брат Элвин, чтобы поздравить меня с днем рождения, я целую минуту не мог вспомнить, кто он такой. (За неделю до этого я рассказал компьютеру все о моих летних каникулах, которые проводил с семьей Элвина, включая и тот день, когда мы оба потеряли девственность с одной и той же девушкой под мостом недалеко от фермы моего дяди.) Мне пришлось записать телефонные номера Шмуэля и моей секретарши и постоянно носить их в кармане.

По мере того как продвигалась работа, я забывал все больше. Однажды вечером я посмотрел на небо и увидел три яркие звезды, расположенные на одной линии прямо над головой. Это меня напугало, потому что я не знал, что это за звезды, пока не пришел домой и не достал звездный атлас. А ведь Орион был для меня самым простым созвездием. А когда я посмотрел на телескоп, который сам сделал, то обнаружил, что не помню, как рассчитывал зеркало.

Шмуэль продолжал предостерегать меня. Я действительно очень много работал, по пятнадцать часов в день и больше. Но не чувствовал переутомления, а так, словно постепенно теряю самого себя. Я не просто учил компьютер быть мной, но вкладывал в него части самого себя. Это настолько потрясло меня, что я устроил себе выходные на всю рождественскую неделю и уехал в Майами.

Но когда я вернулся к работе, то уже не помнил, как работать на клавиатуре вслепую; пришлось вводить информацию в компьютер по одной букве. Я чувствовал, что хотя и продвигаюсь вперед, но информации все еще недостаточно, некие важные моменты еще отсутствуют. И я продолжал переливать себя в ячейки магнитной памяти: ложь, которую я сказал на призывной комиссии в 1946 году, шуточный стишок, который сочинил о моей первой жене после развода, и что написала Маргарет, когда сказала, что не выйдет за меня замуж.

Для всего этого в банках памяти было полно места. Компьютер мог вместить в себя все, что содержал мой мозг, особенно с помощью программы, которую я написал вместе со своими пятью аспирантами.

В результате память не исчерпалась. Исчерпался я сам. Помню оглушающее чувство темноты и пустоты, и это все, что до сих пор помню.

Что бы ни означало «до сих пор».

У меня был друг, который свихнулся, когда работал над телеметрическими исследованиями для одной из программ «Маринера». Я помню, как навещал его в больнице, а он рассказывал мне медленным, спокойным, бесстрастным голосом, что врачи делают для него. Или с ним. Электрошок. Гидротерапия.

Это, по крайней мере, разумная рабочая гипотеза, объясняющая, что происходит со мной.

Я помню – или мне кажется, что помню, – резкий электрический разряд. Я чувствую – или мне кажется, что чувствую, – ледяной поток вокруг меня.

Что это означает? Хотел бы я знать. Готов допустить, что,

вероятно, чрезмерная перегрузка меня доконала и теперь я тоже пребываю в полном покое, в больнице, где за мной наблюдают психиатры и ухаживают медсестры. Можно такое допустить? Господи, *я молюсь,* чтобы это так и было. Я молюсь, чтобы тот электрический разряд оказался шокотерапией, а не чем-нибудь еще. Я молюсь, чтобы тот холодный поток оказался лишь водой, сочащейся из моих влажных простыней, а не потоком электронов в транзисторных модулях. Я не боюсь того, что сошел с ума. Я боюсь альтернативы.

Я не верю в альтернативу. Но все равно боюсь ее. Я не могу поверить, будто все, что от меня осталось – моя индивидуальность, мое «я», – всего лишь математическая модель, хранящаяся в банках памяти компьютера 7094. Но если это так?! Если это так, господи, что случится, когда – и как я смогу этого дождаться? – кто-нибудь включит меня?

Фредерик Пол. День миллионный

День, о котором я хочу поведать вам, наступит примерно через десять тысяч лет. В нем, в этом дне, сошлись мальчик, девочка и Любовь.

На первый взгляд – исчерпывающие сведения, но все они – ложны. Ведь мальчик тут не так-то прост – ему сто восемьдесят семь лет от роду. Да и девочка – не совсем девочка. Ну а Любовь в данном случае не подразумевает того притворства, когда банальную похоть кутают в некий романтический флер, как оно видится многим сегодня. Моя история не придется вам по душе, если в курс дела вас не ввести сразу же; но ежели вы потрудитесь переварить факты, приведенные выше, она заиграет для вас новыми красками – вы будете смеяться, плакать и бурно сопереживать героям, по поводу или без повода – было бы только желание.

Так вот, причина, по которой девочка не была девочкой, проста – она была мальчиком.

Уже вижу, как вы хмуритесь и неодобрительно качаете головой, читая эту страницу. Кто, черт побери, скажете вы, захочет читать о гейской парочке? Ну-ну, осадите коней. Я не стану потчевать вас пикантными подробностями из жизни сексуальных меньшинств. Если бы вы увидели эту девушку вживую – ни за что бы не догадались, что она в каком-то смысле ни разу не девушка. У нее – ярко выраженная грудь, женские репродуктивные органы, на диво женственные бедра. Усов, бороды и выступающих надбровных дуг тоже не наблюдается. Раз увидев ее, вы бы ни капли не сомневались, что перед вами – самка, вот только какого вида? О, видовой вопрос, несомненно, обеспокоил бы вас – равно как и хвостик, шелковая шкурка и жаберные щели за каждым ухом.

Снова хмуритесь? Да бросьте уже! Очень милая девушка! Если вы, будучи нормальным мужчиной, провели бы с ней хоть час в одной комнате, то наверняка бы дугой изогнулись – только бы она к вам чувствами воспылала. Звать ее будем Дора – хотя настоящее имя звучит следующим образом: Омикрон-Двубазный седьмой группы, тип Эс-Дорадус 5314, цифровой код обозначает точный оттенок присущего ей зеленого цвета. Дора, говорю я вам, – создание женственное, очаровательное и милое. Признаю, одними словами убедить вас будет сложно.

Была Дора… как бы это поточнее выразиться… танцовщицей. Ее искусство требовало целого букета талантов: смекалки, гибкости, силы, чувства ритма, не говоря об уникальных

природных способностях и долгих тренировках. Ее дивные танцы, претворяющиеся в жизнь в условиях невесомости, я описал бы как чарующий союз цирковой акробатики и балетного номера «Умирающий лебедь» в исполнении Даниловой – с неким эротическим оттенком. Оттенок сей, можете не сомневаться, являлся чисто символическим, но будем-ка откровенны: львиная доля того, что считается сексуальным, символична, если не брать в расчет выходки эксгибиционистов – уж там-то все подается в лоб… И вот, в День Миллионный, когда Дора танцевала, зрителей в жар бросало – и вас бы эта участь не миновала.

Да, что касается ее «мальчиковости»… для вышеупомянутых зрителей ведь не имело значения, что генетически она была мужчиной. И для вас не имело бы – вы попросту не знали бы таких подробностей. Дабы выискать каверзную обличительную XY-хромосому у Доры, вам пришлось бы сделать ей биопсию и вооружиться мощным электронным микроскопом, но кто в здравом уме пошел бы на такое, верно? Вот и вы бы не пошли. Вот и вам было бы не до того.

С помощью сверхсложной техники, которой в наше время еще нет, современники Доры могут многое изведать заранее – например, определить способности детей, которые еще не скоро родятся на свет. Это делается у них на второй стадии деления яйцеклетки, точнее – как раз тогда, когда яйцеклетка распадается на сегменты и становится зародышем. Вот тогда-то наши потомки выявляют задатки будущего ребенка и стимулируют их. А что, мы бы не стали на их месте таким заниматься? Найдя ребенка с музыкальным даром, мы ведь отправляем его в Джульярдскую школу[32] – вот и наши потомки, найдя ребенка, который будет потенциально хорош в роли женщины, делали его женщиной. Так как секс давно утратил связь с функцией деторождения, такая операция являлась сравнительно простой и не влекла за собой никаких – ну, *почти* никаких – проблем.

Что значит «почти никаких»? Ну, скажите мне – мучит ли вас совесть, когда вы берете и пломбируете свои щербатые зубы, нарушая тем самым волю Господа, создавшего их такими несовершенными? Гнушаетесь ли слуховыми аппаратами, будучи тугими на ухо?

Вас все равно что-то смущает? Внимательно посмотрите на вон ту грудастую малышку – знаете, а ведь она тоже может быть почти как моя Дора! Люди, генетически являющиеся мужчинами и соматически женщинами, – далеко не новость в наше время. Случайный набор условий в лоне матери порой попирает шаблоны наследственности, и разница лишь в том, что у нас подобные метаморфозы происходят случайно и выявляются

трудоемким анализом, а у людей Дня Миллионного – целенаправленно и по желанию.

Ладно, хватит пока о Доре. Упомянув, что росту в ней семь футов и что пахнет от нее арахисовой пастой, я вас только больше запутаю. Перейдем к главному.

В День Миллионный Дора выплыла из своего дома, вошла в транспортную трубу, была быстро выброшена на поверхность водным потоком и в ореоле брызг воспряла на эластичный помост – назовем его для вашего удобства репетиционной ареной.

– Ч-черт побери! – вскрикнула Дора, расставив руки для равновесия, и тут же смутилась, оказавшись в объятиях незнакомца, которому мы дадим имя Дон.

Какое милое знакомство! Дон ведь был в тот день совершенно далек от амурных сфер – он направлялся туда, где ему поменяли бы старые ноги на новые. Решив сократить дорогу, он рассеянно вступил на территорию, служившую Доре и подобным ей глубоководным чем-то по типу высадочной станции, и на Дориной репетиционной арене его-то и окатило водой с ног до головы. Но нежданный-негаданный душ того стоил – ведь в его объятия угодила девушка, красивее которой Дон попросту в жизни не видел. Одного взгляда хватило ему, чтобы понять – они созданы друг для друга.

– Ты выйдешь за меня замуж? – спросил он.

– Да, в среду, – выдохнула она, и обещание это прозвучало нежнейшей музыкой.

Дон был высоким, прекрасно сложенным, меднокожим – словом, парень хоть куда. Имя «Дон» я, что греха таить, дал ему для краткости, ведь звали его отнюдь не «Доном», равно как и Дору звали не «Дора». Таким вот образом я просто сократил его именной буквенный идентификатор «Адонис», как бы подчеркивающий безупречность его мужского начала. Его цифровой цветовой код 5290 указывал на то, что был Дон чуть более синего оттенка, чем Дора. Оба они интуитивно и вдруг почувствовали, что разница невелика и у них много общих интересов – стоило лишь обменяться взглядами.

Мне будет довольно сложно донести до вас, чем именно Дон промышлял по жизни. Не ради зарабатывания денег, нет – просто для того, чтобы придать существованию цель и прок, не свихнувшись попутно от скуки. Ладно, давайте попробуем – он занимался непрестанными путешествиями на межзвездных космических кораблях. Чтобы подобный корабль развивал должную скорость, в нем должны были орудовать примерно тридцать один мужчина и семь (генетических) женщин. Дон был один из этих тридцати восьми. По факту его обязанности

составлял вариантный анализ различных ситуаций, но даже на таком безобидном на первый взгляд поприще он подвергался изрядному облучению – не столько потому, что сидел в двигательном отсеке, сколько из-за утечек радиации со следующего уровня, где генетическая женщина проводила отбор субъядерных частиц, распадавшихся в квантовом ливне. Вам это, конечно, до лампочки, а вот Дон должен был все время находиться в оболочке – в *коже,* если угодно, – из легкого, упругого, исключительно прочного металла цвета меди. Я о нем уже упоминал – но тогда вы, наверно, подумали, что речь идет о загаре нашего хоть-куда-парня.

Более того, Дон был киборгом. Большую часть его органов давно заменили механизмы гораздо более удобные и долговечные. Сердцем ему служила кадмиевая центрифуга. Легкие его наполнялись воздухом лишь тогда, когда он говорил вслух, потому как сложная система осмотических фильтров добывала для него кислород из отходов жизнедеятельности своего же организма. Наверное, человеку двадцатого столетия Дон показался бы странным – с его-то похожими на лампочки глазами и семипалыми ладонями, но себе и, конечно же, Доре парень казался образцом мужественности и породистости. За время своих путешествий Дон посетил Проксиму Центавра, Процион и загадочные миры Тау Кита, свез образцы сельхозкультур на планеты близ Канопуса, а на бледном спутнике Альдебарана разжился милыми остроумными теплокровными домашними зверюшками. Он повидал тысячи раскаленных голубых гигантов и холодных красных карликов, десятки тысяч окруживших их планет; уже почти два столетья кряду он только и делал, что оставлял свои следы на пыльных тропинках далеких планет, на Земле проводя лишь краткосрочные отпуска. Но и это, в конце концов, не так-то уж важно – именно люди суть творцы историй, а не обстоятельства, в которые люди вляпываются; а я-то вам обещал рассказать именно о людях… В общем, они как порешили – так и поступили. То великолепное чувство, что связало их, росло и расцветало, а в среду, как и пообещала Дора, дало плоды. Она встретилась с Доном в Бюро Кодирования, и ее, и его сопровождали всякие родственники и знакомые (по паре на каждого), пришедшие поздравить и подбодрить наших новоиспеченных влюбленных. И пока их личности кодировались и записывались, Дора и Дон улыбались друг другу, перешептывались, терпеливо сносили шуточки друзей. После же они обменялись математическими моделями и возвратились восвояси – Дора в свою квартиру на дне морском, а Дон на свой межзвездный корабль.

Экая идиллия. Дон и Дора жили долго и счастливо, а в один прекрасный день решили больше не тормошиться по пустякам – и умерли.

Конечно, они больше никогда не видели друг друга.

Как же хорошо я представляю тебя сейчас, читатель. Наворачиваешь небось жаренное на углях мясцо за обе щеки, скребешь одним пальцем назревающую мозоль, а другим этак небрежненько перелистываешь страницы книги, пока в колонках резво наигрывает Телониус Монк[33]. Ты же ни одному моему слову не поверил, верно? Ни на секундочку? Ну да, ты дерзко хмыкаешь – мол, люди так не живут и жить не будут! – и тянешься за кубиком льда для своей стакашки.

И все-таки Дора, прелестная, грациозная Дора, существует. Где-то там, в невообразимо далеком будущем, она торопливо спускается по трубе транспортера в свой подводный дом – хоть она и амфибия, способная добывать кислород из воздуха, водная среда ей всяко милее, – и с величайшей нежностью ставит электронную копию Дона в реализатор, а потом и сама подключается к аппарату, настроившись на прием. Чувства, испытываемые ею, я не берусь живописать – ты ведь все равно сделаешь квадратные глаза и пробухтишь: «Да разве ж так любовью занимаются?» Но я заверяю тебя, читатель, – просто поверь на слово: чувства Доры реальнее некуда. Они гораздо ярче тех, что доступны тебе в твоем времени. Брюзжи сколько влезет – Доре без разницы. Если она когда-нибудь и вспомнит о тебе, о своем прапрапрапрадедушке в энном колене, то скорее всего решит, что ты – диковинный доисторический зверь. Да ведь ты – он и есть! Да ведь Дора – еще дальше от тебя, чем ты от австралопитеков пятитысячелетней давности. В сильном течении ее жизни ты бы и секунды не проплавал. Не думаешь же ты, что прогресс будет вечно следовать прямой линии? Признаешь ли, что ждет его восходящая, ускоряющаяся, может быть, даже экспоненциальная кривая? Ему требуется чертовски много времени в начальной стадии, но стоит набрать обороты, как прогресс рвет все цепи и устремляется вперед. А ты, мясоед, развалившийся в комфортном релаксирующем кресле со стаканом шотландского виски в руке, еле-еле разомкнул у той цепи самое первое звенышко. Шесть, семь сотен тысяч дней от Рождества Христова – разве же это срок? Дора – жительница Дня Миллионного христианской эры. Между ней и тобой – десять тысяч лет. Из жиров, скопившихся в ее организме, искусственно изымаются калории; пока она спит, все лишнее гемодиализируется напрямую из кровотока – даже в туалет вставать не нужно. Всего-то прихоть – какое-нибудь желание

скоротать скучные полчасика – отделяет Дору от того, чтобы заполучить в распоряжение больше энергии, чем потребляет сегодня вся Португалия, и использовать эту энергию для вывода на орбиту прогулочного спутника или раскапывания какого-нибудь лунного кратера.

Она очень любит Дона. Она хранит каждый его жест, манеру, нюанс, прикосновение руки, трепет совокупления, страсть поцелуя в символико-математической форме.

И когда она хочет его, все, что ей нужно сделать, это включить машину, и он у нее есть.

И у Дона, само собой, есть его Дора. Где бы он ни был – в гидропонном ли городе в нескольких сотнях ярдов над ее головой, на орбите ли Арктура на расстоянии пятидесяти световых лет, – ему ничего не стоит при помощи реализатора извлечь Дору из ферритовых файлов и оживить. И вот она – рядом с ним, а впереди – вся ночь. Плотскими утехами то, что они проделывают ночью, уже не назовешь – его плоть слишком сильно изменена, да и кто сказал, что она вообще нужна для удовольствий? Половые органы ничего не чувствуют. Ни рук, ни груди, ни губ тоже нет – они всего лишь рецепторы, принимающие и передающие импульсы. Именно мозг чувствует; именно интерпретация этих импульсов вызывает агонию или оргазм, и реализатор Дона преподносит ему аналоги объятий, аналоги поцелуев, аналоги диких, страстных часов с вечным, изысканным и неподкупным аналогом Доры. Или Дианы. Или сладкой Розы, или смешливой Алисии; ибо, конечно, все они уже как-то раз обменялись аналогами ранее – и обменяются в будущем еще не раз.

Чушь собачья, скажешь ты, *форменное безумие.* Ну а ты – перемазанный лосьоном после бритья, управляющий маленьким красным автомобильчиком, возящийся с бумажками серыми днями и рукоблудящий одинокими ночами – какой бы чушью *ты* показался, скажем, Тиглатпаласару[34] или Атилле, вождю гуннов?

Фредерик Пол, Сирил Корнблат. Родительское собрание

Для своего «Фольксвагена» Гарри Владек был слишком велик, а для того, чтобы купить новую машину, попросторнее, пусть даже и перепродав предварительно старую, – слишком беден. Что ж, в тесноте – да не в обиде. Он плавно затормозил. В автомастерской ему сказали – главный тормозной цилиндр уж не тот, что раньше, знай себе протекает, но когда он робко поинтересовался, во сколько встанет замена, насчитали сто двадцать восемь долларов – ну и откуда таким деньгам взяться? Припарковавшись на старательно мощенной гравием стоянке, он выбрался наружу, запер «Фольксваген» и пошел к зданию школы, до сих пор обдумывая тот звонок доктора Николсона, порядочно выбивший его из колеи.

Родительско-преподавательская ассоциация проводила первое за семестр собрание в окружной школе для исключительных детей округа Бингхэм. Из тех двадцати человек, что уже явились, Владек знал лишь миссис Эдлер – директрису, главу школы, если угодно, одним словом – главную. С ней-то ему и надо было пообщаться в первую очередь – с глазу на глаз, но подвернется ли возможность? Сейчас она восседала в кресле с регулируемой спинкой на другом конце зала за потемневшим от времени столом из золотистого дуба и вещала низким, будто вечно куда-то спешащим голосом, а седая как лунь женщина в коричневом костюме ей внимала – наверное, учительница, старовата как-то для мамы школьника. Хотя Маргарет ему говорила, что некоторым здешним воспитанникам уже лет по двадцать, не менее.

Пробило половину девятого. Родители все еще съезжались к зданию школы, порядочно перестроенному из чьей-то просторной загородной резиденции, смахивающей даже на замок. Здешнее убранство не переставало напоминать о своем благородном прошлом: не одна, а *две* люстры, изящная лепнина с орнаментом в виде виноградной лозы на штукатурке, кроющей фальшпотолок, камин из белого мрамора с розовыми вкраплениями, близ которого – парочка очевидно ширпотребных и потому выбивающихся из стиля андиронов[35]. Створки раздвижных дубовых дверей открывали вид в холл – на угрюмый скелет огнеупорной лестницы из бетона и стали. *Должно быть,* подумал Владек, *пришлось демонтировать ее предшественницу, какую-нибудь резную красотку из дерева, чтобы поставить вот это*

жаростойкое чудище, отвечающее законам штата о школьном обустройстве.

Приток посетителей не иссякал – и холостяки, и матери-одиночки, еще не распавшиеся пары… Гарри гадал, как же эти люди решают проблему присмотра за детьми. Подзаголовок на фирменном школьном бланке гласил: «Учреждение для эмоционально неуравновешенных и умственно отсталых детей, способных к обучению».

Сын Гарри, Томас, девяти лет от роду, подходил как раз под категорию «эмоционально неуравновешенные». С оттенком зависти Гарри подумал о том, могут ли дети с мозговыми повреждениями нянчиться с кем-нибудь из достаточно компетентных взрослых. С Томасом бы так не вышло. Владеки не проводили вечера вместе с тех пор, как ему исполнилось два года, так что сегодня Маргарет держала оборону дома, без сомнения, беспокоясь о звонке доктора Николсона, в то время как Гарри представлял семью на родительском собрании.

По мере того как комната наполнялась людьми, стульев становилось все меньше. Молодая пара встала в конце ряда близ него, оглядываясь в поисках пары свободных мест.

– Вот, – сказал он им, – присаживайтесь. Я подвинусь.

Жена вежливо улыбнулась ему, муж поблагодарил. Осмелев при виде пепельницы на пустом сиденье впереди, Гарри выудил из кармана сигареты и предложил им, но оказалось, что они были некурящими. Гарри все равно закурил, прислушиваясь к тому, что происходило вокруг.

Все разговаривали. Одна женщина спросила другую:

– Как там твой желчный пузырь? Они все-таки собираются его удалить?

Лысеющий толстяк сказал невысокому мужчине с густыми бакенбардами:

– А вот мой адвокат говорит – если школа не только для психов, но и психосоматиков, то компенсация расходов на лечение будет включать в себя и стоимость обучения. Надо бы, конечно, уточнить…

Невысокий мужчина кивнул уверенно:

– Все правильно, нужна лишь справка от доктора – он-то рекомендует школу, и он же направляет туда ребенка…

Молоденькая женщина с жаром произнесла:

– У доктора Шилдс оптимистичный прогноз, миссис Клермонт, он уверен – тиреоидная гормональная терапия поможет Джорджи. И тогда…

А мужчина с кожей светло-кофейного тона в рубашке-гавайке поделился с пухленькой дамой:

– Он такую сцену закатил на выходных… теперь у него два шва на лице, а моя удочка в трех местах сломана…

На что дама ответила:

– Им так скучно порой. У моей девочки есть пунктик насчет цветных карандашей, так что это полностью исключает книжки-раскраски. Иной раз только и думаешь – что делать…

– Моя фамилия – Владек, – наконец решился сказать Гарри молодому человеку рядом. – Я – отец Томми. Он в группе новичков.

– Там же, где наш, – сказал молодой отец. – Нашего звать Верн, ему шесть лет. Он такой же светловолосый, как я. Может, вы его видели…

Гарри не очень-то старался вспомнить. В те два или три раза, когда он забирал Томми после уроков, он не мог отличить одного ребенка от другого в общем мельтешении: куртки, носовые платки, шляпы, одна маленькая девочка, что всегда пряталась в кладовке, и еще тот маленький мальчик, который никогда не хотел идти домой и повисал на руке учительницы…

– О да, – вежливо ответил он.

Молодой человек представил себя и жену – их звали Мюррей и Селия Логан. Гарри перегнулся через мужчину, чтобы пожать руку жене, и та спросила:

– Вы здешний?

– Теперь – да, – ответил он. – Томми уже месяц как в школу ходит. Мы перебрались из Эльмиры, чтобы быть к нему поближе. – Он поколебался, потом добавил: – Томми девять лет – но он попал в группу новичков потому, что миссис Эдлер решила, что так ему будет проще пообвыкнуть…

Логан указал на загорелого мужчину в первом ряду:

– Видишь того парня в очках? Он переехал сюда из Техаса. Наверняка у него денег куры не клюют.

– Значит, место – хорошее? – не то утвердил, не то спросил Гарри.

Логан усмехнулся, выражение его лица было немного нервным.

– Как поживает ваш сын? – спросил Гарри.

– О, маленький негодяй, – сказал Логан. – На прошлой неделе я принес ему пластинку – уже какую по счету, он их штук пять затер! – с «Моей прекрасной леди», и он, сдается мне, и сейчас расхаживает да напевает: «Вот бы было здор-рово!..» И при том – никогда ни Селии, ни мне в глаза не взглянет: куда нам!..

– Мой просто не разговаривает, – отстраненно заметил Гарри, на что Селия заметила:

– Наш говорит, правда, ни к кому конкретно не обращаясь. Не

знаю, что хуже.

– Понимаю, – сказал Гарри и резко перешел к щекотливой теме: – А заметны ли у Верна значительные улучшения, начиная со школы?

Мюррей Логан чуть нахмурился.

– Ну, кое-что двигается. Энурез – не самая приятная штука, но в некоторых смыслах его жизнь выровнялась. Сделалась спокойнее. Сами понимаете, на кардинальные улучшения нет смысла надеяться, но кое-что налаживается в мелочах. В целом – ему легче. Но от рецидивов он не застрахован.

Гарри кивнул, думая о семи годах рецидивов и о предшествующей им двухлетке, когда тревога и замешательство по отношению к сыну нарастали будто снежный ком. Он сказал:

– Мне вот миссис Эдлер говорила, что, например, характерный всплеск деструктивного поведения может сыграть ту же роль, что «плато» в логопедии, означать, что ребенок борется со своей проблемой… и, возможно, прорывается в каком-то другом направлении.

– И это тоже, – сказал Логан, – но я-то имел в виду… О, они начинают.

Владек кивнул, затушил сигарету и рассеянно закурил новую. Желудок снова закрутило узлом. Он удивлялся этим другим родителям, которые казались такими беспечными, такими здоровыми и… нетронутыми. Разве с ними – не то же самое, что с Маргарет и с ним самим? Прошло так много времени с тех пор, как они оба чувствовали себя в согласии с миром, даже без доктора Николсона, настаивающего на своем решении. Гарри заставил себя откинуться на спинку сиденья и выглядеть таким же спокойным, как и остальные.

Миссис Эдлер постукивала линейкой по столу.

– Я думаю, все, кто хотел прийти, уже здесь, – сказала она. Она прислонилась к столу и подождала, пока в комнате воцарится тишина, – невысокая, темноволосая, пухленькая и на диво хорошая собой. И совсем она не выглядела компетентным специалистом – настолько не вписывалась в свою роль, что Гарри почти пал духом три месяца назад, когда их переписка о зачислении Томми увенчалась, после долгого пути из Эльмиры, личной встречей. Он ожидал встретить железную деву в очках без оправы, Валькирию в белом медсестринском халате, что вколет вопящему Томми миорелаксант и отправит на ЭЭГ. Ну или какую-нибудь дряхлую и сладкоречивую шарлатанку. Кого угодно – но не эту симпатичную молодую женщину. *И вот еще один тупик*, пронеслась безотрадная мысль. *Очередной, сто первый по счету – как их все вынести?* Сначала – «Просто ждите, ваш ребенок это

перерастет». Потом – «Просто на Волю Господню уповайте». Как тут уповать! Потом – дорогостоящее лекарство, трижды в день в течение трех месяцев – никакого проку. Походы в поликлинику, где одна лишь бюрократия с разъездным доктором с вечной нехваткой времени в довесок. Затем, после четырех унылых, тоскливых недель душевных поисков, – государственная школа подготовки, и выясняется, что у нее есть восьмилетний список ожидания. Потом частная школа опекунов, и выясняется, что они требуют пятьдесят пять сотен долларов в год – без учета медицинского лечения! – и откуда таким деньгам взяться? И все эти учреждения подгоняют на один манер: «Ну скорее! Сделай что-нибудь! Чем раньше решишься, тем меньше последствий! Вот она, критическая стадия! Промедление смерти подобно!» Как будто он сам не знает! И что, скажите, в случае Томми сможет изменить эта кроткая маленькая женщина?

Она быстро показала ему, как это делается. Она резко расспросила Маргарет и Гарри, повернулась к Томми, который бесновался в той же комнате, как дикий бык, и превратила его неистовство в игру. Через три минуты он уже радостно экспериментировал с несокрушимой заводной игрушкой – из старых, которые делали на века, – а миссис Эдлер говорила им: «На панацею не рассчитывайте. Ее попросту нет. Но мы можем помочь Томми. Можем улучшить его жизнь».

Возможно, так оно и было, мрачно подумал Владек. Возможно, она помогала ему, как никто другой.

Тем временем миссис Эдлер быстро-любезно поприветствовала родителей, предложила им остаться выпить кофе и познакомиться поближе, а также представила всем президента родительского комитета, некую миссис Роуз, высокую, преждевременно поседевшую и очень исполнительную.

– Поскольку это первое заседание семестра, – сказала она, – мы не будем зачитывать протоколы, поэтому перейдем к отчетам о работе комитета. Что по транспортному вопросу, мистер Бэр?

Ответивший ей человек был стар – уже за шестьдесят, судя по виду. Гарри задумался, а каково это, когда твоя жизнь увенчана поздним умственно отсталым ребенком? Все условные атрибуты успешности – костюм за четыре сотни долларов, «Ролекс», крупное золотое кольцо какого-то престижного студенческого братства – были при этом старике. С легким немецким акцентом он сказал:

– Я был в районном школьном комитете, они не сотрудничают. Мой юрист выяснил, что вся беда – из-за одного-единственного слова. В законе прописано, что комитет *может*, и тут-то вся загвоздка, возмещать родителям неполноценных детей

расходы на проезд в частные школы. Не должен, но может. В общем-то, там мне прямо сказали – они не хотят тратиться на нас. У них сложилось впечатление, что все мы тут – богачи, каких поискать.

По залу прокатились горькие, лишенные энтузиазма смешки.

– Итак, мой адвокат назначил встречу, и мы предстали перед полным составом совета и заявили, что нам все равно, что они дадут – возмещение, школьный автобус, все что угодно, чтобы мы могли немного облегчить транспортный вопрос. Но они все равно сказали «нет». – Он пожал плечами, виновато глядя на миссис Роуз, и та сказала:

– Благодарю вас, мистер Бэр. У кого-нибудь есть предложения?

– Надавите на них, – сердито бросила какая-то женщина. – Мы избираем их – или как?

– Да, нужны публичная огласка и поддержка, – согласился один мужчина. – Принцип по закону совершенно ясен: ребенок одного налогоплательщика должен получать ту же услугу, что и ребенок другого налогоплательщика. Мы должны написать письма в газеты.

Некоторое время спустя, к ужасу Гарри, дело перешло к вопросам финансирования, и было объявлено о проведении благотворительной театральной вечеринки, на которой каждая пара с ребенком в школе должна была продать *по крайней мере* пять пар партерных кресел по полсотни долларов за пару. *Давай-ка сейчас же все уладим*, сказал он себе и поднял руку.

– Меня зовут Гарри Владек, – назвался он. – Я здесь новенький. В школе и в округе. Я работаю в крупной страховой компании, и мне посчастливилось получить перевод сюда, так что мой мальчик смог пойти в эту школу. Но я еще не знаю, кому тут можно продать билеты за пятьдесят долларов. Для людей из моего круга – деньги весьма немалые.

На это миссис Роуз ответила:

– Деньги немалые для большинства из нас, мистер Владек. Но все равно вы сможете их сбыть, эти билеты. Для нас это важно. И пусть из той сотни человек, кому вы их предложите, девяносто пять скажут нет – нас это не волнует, ведь оставшиеся пять их все-таки купят.

Гарри сел, уже прикидывая свою аудиторию. Мистер Крайн из конторы – холостяк, но театром хотя бы всерьез интересуется. Потом еще тот агент по недвижимости, что продал им дом, и нанятый для оформления сделки юрист…

Ну что ж. Ему было разъяснено, что плата за обучение, будучи явно не символической, а фактической – тысяча восемьсот

долларов в год, – не покрывала расходы на ребенка. Кому-то пришлось платить за логопеда, танцевальную терапию, кадрового психолога, внештатного психолога и за всех остальных, и почему бы это не сделать мистеру Крайну из конторы? Или тому юристу.

По прошествии полутора часов миссис Роуз сверилась с повесткой дня, отметила все пройденные пункты и объявила:

– Ну что ж, на сегодня все. Мистер и миссис Пери принесли нам очень вкусное печенье, ну и миссис Хове, как всегда, заварила свой божественный кофе – мы все знаем, он у нее ну просто загляденье получается. Все это сейчас в классе для новичков, и мы надеемся, что вы все задержитесь перекусить и познакомиться. А официальное собрание объявляю закрытым.

Гарри и Логаны влились в дружный поток к аудитории новичков, где Томми проводил свои утренние часы.

– Вот и мисс Хакетт, – сказала Селия Логан. Речь шла об учительнице новеньких. Она заметила их и подошла, улыбаясь. Гарри видел ее прежде только в смахивающем на палатку халате – защите от шоколадного молока, пальчиковых красок и внезапных брызг от «водяных баталий» в углу аудитории. Без него она выглядела довольно миловидной женщиной средних лет в зеленом твидовом костюме.

– Рада, что вы уже познакомились, – заметила она. – Как раз хотела рассказать вам, что ваши мальчики прекрасно ладят. У них что-то вроде сговора против остальных детей класса. Верн таскает у них игрушки и отдает Томми.

– Вот как? – изумился Логан.

– Именно так! Думаю, у них установилась связь. А Томми, мистер Владек, вынимает изо рта большой палец уже на несколько минут. Сегодня утром – не меньше шести раз и без моих наставлений.

– Да, я тоже заметил, что он с этой привычкой завязывает, – взволнованно сказал Гарри. – Мне так кажется… вы, значит, тоже обратили внимание?

– О да, – ответила она. – Еще я исхитрилась привлечь его к участию в рисовании лиц. Он этаким волчонком смотрел на меня, когда другие рисовали, и я уж думала забрать бумагу, но он выхватил ее и набросал за секунду этакий лик в стиле Пикассо. Я хотела приберечь его для миссис Владек и вас, но Томми порвал рисунок – как всегда.

– Жаль, конечно, я бы посмотрел, – сказал Владек.

– Будут и другие. Я вижу перспективу реального улучшения у ваших мальчиков, – с улыбкой сказала она, обращаясь и к Логанам тоже. – Во второй половине дня у меня особый случай, очень мудреный. Девятилетний мальчик, как Томми. С ним не так

уж все плохо, не считая одного – он думает, что за ним охотится Дональд Дак. Родителям каким-то образом удавалось убеждать себя, что он их так разыгрывал два года кряду, несмотря на три разбитых кинескопа. Они обратились к психиатру и узнали реальное положение вещей. Извините, мне надо переговорить с миссис Эдлер.

Логан покачал головой и сказал:

– Мне кажется, все могло быть гораздо хуже, Владек. – Он повернулся к жене: – Верн чем-то делится с другим ребенком! Как тебе такое?

– Прекрасно, – сияя, ответила Селия.

– А тот мальчик, что боится Дака… бедняга, когда я такое слышу… еще и дочка Бэра. Я всегда считал, что с девочкой тяжелее. Кто-нибудь ведь может ею попросту воспользоваться, если смекнет, что к чему… но с парнями проще, Владек. Слышали, что сказала мисс Хакетт?

Внезапно Гарри нестерпимо потянуло домой, к жене.

– Что-то мне не хочется на кофе оставаться, – протянул он. – Или это мероприятие – из разряда добровольно-принудительных?

– Нет, конечно! Можете уйти когда пожелаете.

– Мне до дома полчаса езды, – сказал он, как бы извиняясь, и нырнул за дубовые двери. Миновал уродливую жаростойкую лестницу. Вышел на мощеную парковку. Ему так хотелось вернуться домой до того, как Маргарет отойдет ко сну, и рассказать ей про палец. Такие вот большие сдвиги – и всего за месяц. Подумать только, Томми нарисовал лицо! А мисс Хакетт сказала…

Он остановился в центре стоянки. Вспомнил доктора Николсона. В самом деле, а что такого сказала мисс Хакетт? Что-нибудь о нормальной жизни? Об излечении? *Перспектива реального улучшения,* вот что она сказала – но *насколько* реального?

Он закурил, развернулся и пошел обратно через родителей к миссис Эдлер.

– Миссис Эдлер, – сказал он, – можно вас на минутку?

Она сразу отошла с ним за пределы слышимости других.

– Вам понравилось собрание, мистер Владек?

– Разумеется. Я позвал вас, потому что хочу принять важное решение. Я… если честно, не знаю, что делать, не ведаю, к кому обратиться. И было бы хорошо, если бы мне сказали прямо – какие у Томми шансы?

– Вы хотите сдать его в психиатрическое учреждение? – спросила она, помедлив.

– Нет, не совсем. Но все-таки – что скажете? Знаю, месяц –

срок ничтожный. Но он хоть когда-нибудь станет таким как все?

По ее лицу Гарри понял, что ей уже приходилось слышать похожие слова ранее и что от них ее попросту воротит. Терпеливо, будто втолковывая что-то несмышленому ребенку, она проговорила:

– *Все,* мистер Владек, – это в том числе и абсолютно жуткие люди, которых формально не считают неполноценными. Наша задача состоит не в том, чтобы сделать Томми *таким как все*; она в том, чтобы просто помочь ему стать настолько достойным и стойким, насколько это возможно.

– Хорошо… но что потом? Что, если со мной и с Маргарет что-то случится?

– Нам не дано предугадать, мистер Владек, – последовал ее ответ. – Нельзя утрачивать надежду, но и чудес ждать не стоит.

Маргарет не спала; она ждала его в маленькой гостиной маленького нового дома.

– Ну и как он? – спросил Владек, как каждый из них спрашивал другого по возвращении домой в течение семи лет.

Она выглядела так, словно только что плакала, но была достаточно спокойна.

– Не так уж и плохо. Мне пришлось лечь рядом с ним, чтобы он угомонился. Однако на лекарства он сегодня не жаловался. После той железистой дряни – даже ложку облизал.

– Ну и славно, – сказал он и рассказал ей о рисунке, о заговоре с маленьким Верном Логаном, о пальце. Ему хотелось увидеть радость на ее лице, но она лишь кивнула и сказала:

– Доктор Николсон снова звонил.

– Я же просил его тебя не беспокоить!

– Он не беспокоил меня, Гарри. Он был очень мил. Я обещала ему, что ты перезвонишь.

– Уже одиннадцать часов, Маргарет. Я позвоню ему утром.

– Нет, я сказала – сегодня вечером, не важно, в какое время. Он ждет, будь уверен. Даже согласился оплатить звонок.

– Лучше бы я никогда не отвечал на письмо этого сукиного сына, – выпалил он и затем, извиняясь, добавил: – А кофе есть? После собрания наливали, но я не остался.

Она поставила кипятить воду, едва заслышала рокот автомобиля на подъездной дороге, и растворимый кофе уже дожидался в чашке. Она залила его кипятком и сказала:

– Поговори с ним, Гарри. Ему нужно знать сегодня.

– Знать сегодня, ах вот как. Сегодня! – передразнил он и ойкнул, ожегшись о горячий напиток. – Чего ты добиваешься от меня, Маргарет? Как я могу принять такое решение? Сегодня я снял трубку и позвонил психологу компании и, когда ответила

секретарь, сказал, что ошибся номером. Просто слов не нашел.

– Я не пытаюсь давить на тебя, Гарри. Но ему нужно знать.

Владек отставил чашку кофе и закурил свою пятнадцатую за день сигарету. Маленькая столовая – которая, по сути, столовой не являлась, просто небольшая ниша для завтрака рядом с крошечной кухней, но они называли ее столовой друг для друга, – была полна следов присутствия Томми в их жизни. Вот пятно свежей краски – на стене, где Томми ободрал обои с узором в виде чашек-ложек. Вот – защелка на ручке духовки, не дающая Томми распахнуть ее. А вот – пустой стул цвета морской волны, не сочетающийся с остальными на кухне, его сидушку Томми методично продолбил ручкой ложки насквозь.

Наконец Гарри произнес:

– Я знаю, что сказала бы моя мать. «Поговори со священником». Может, так и следует поступить. Но мы здесь даже ни разу не были на мессе.

Маргарет села и взяла одну из его сигарет. Она все еще была красивой женщиной. Она не прибавила ни фунта с тех пор, как родился Томми, хотя обычно выглядела усталой. Она сказала, осторожно и прямо:

– Мы договорились, Гарри. Ты сказал, что поговоришь с миссис Эдлер, – ты поговорил. Договорились, что если она не думает, что Томми когда-нибудь поправится, мы потолкуем с доктором Николсоном. Я знаю, что тебе тяжело, и знаю, что от меня мало толку. Но я не знаю, что делать, так что решать только тебе.

Гарри взглянул на жену с любовью и отчаянием – и в этот момент затрезвонил телефон. Разумеется, это был доктор Николсон.

– Я еще не принял решения, – сразу бросил Гарри в трубку, едва ее сняв. – Вы торопите меня, доктор Николсон.

Далекий голос звучал спокойно и уверенно:

– Нет, мистер Владек, не я вас тороплю. Сердце другого мальчика отказало час назад. Вот что вас торопит.

– Хотите сказать, он умер? – воскликнул Владек.

– Он на аппарате искусственного кровообращения, мистер Владек. Мы сможем его так продержать еще как минимум восемнадцать часов или даже целые сутки. Мозг в порядке. На осциллоскопе очень хорошие ритмы. Совместимость тканей с вашим мальчиком не просто удовлетворительная – она *завидная,* я бы сказал. Самолет вылетает из аэропорта Кеннеди в шесть пятнадцать утра, и я зарезервировал место для вас, вашей жены и Томми. Вас встретят прямо там. Вы сможете быть здесь к полудню, так что у нас есть время. Все в ваших руках.

– Я не могу решить! – яростно выпалил Владек. – Да как вы не понимаете! Я просто не знаю, как поступить правильно!

– Я понимаю, господин Владек, – промолвил далекий голос, и, как ни странно, Владеку показалось, что он не лгал. – У меня есть предложение. Может, все-таки приедете? Я думаю, если вы увидите этого другого мальчика, если поговорите с его родителями – определитесь. Они чувствуют себя в долгу перед вами – уже хотя бы за то, что вы согласились подумать. И они хотят поблагодарить вас.

– Этого еще не хватало, – пробормотал Гарри.

– Все, чего они хотят, – чтобы у их мальчика была жизнь. Они не просят ничего сверх. У вас останется опека над ребенком – вашим и их. Он очень хороший мальчик, мистер Владек. Восемь лет, читает прекрасно. Делает модели самолетов. Они отпустили его покататься на велосипеде, потому что он был благоразумным и бдительным для своих лет мальчиком, и тот инцидент случился не по его вине. Грузовик въехал прямо на тротуар и сбил его.

Гарри весь дрожал.

– Это все равно что дать мне взятку, – резко бросил он. – Лишь бы только убедить в том, что если я променяю Томми на кого-то посмекалистее да понормальнее, мне же будет лучше.

– Я вовсе не это имел в виду, мистер Владек. Я лишь хотел, чтобы вы знали, кого можно спасти.

– Вы даже не гарантируете успех операции!

– Не гарантирую, – признал доктор Николсон. – Полной уверенности нет. Могу сказать, что мы проводили трансплантацию у животных, включая приматов, успешно выходили пару-тройку безнадежных больных, пересадив их мозги в функциональные трупы. Но ваша правда – мы никогда еще не производили пересадку из функционального трупа в здоровое тело. Для вас я предоставил все записи, мистер Владек. Мы обсудили их с вашим врачом, когда только-только обсуждали перспективы пять месяцев назад. Наш случай – первый, имеется высокая совместимость и реальная надежда на успех, но вы правы – он еще не проверенный. Только вы можете помочь нам его проверить. Как бы там ни было, я считаю, что все получится. Но никто не может знать наверняка.

Маргарет вышла из кухни, но Гарри понял, где она, едва в телефонной трубке щелкнуло – в спальне, на параллельной линии. Она слушала их. И он наконец ответил доктору:

– Я ничего толкового вам прямо сейчас не скажу. Перезвоню через полчаса. Это все, что я могу.

– Это уйма времени, мистер Владек. Я с места не сойду – буду ждать вашего звонка.

Гарри сел и допил остаток кофе. *Приходится разбираться во множестве вещей, чтобы решиться*, размышлял он. Что ему было известно о трансплантации мозга? С одной стороны, многое. Он знал, что хирургическая часть операции – не главная проблема. Куда сложнее все с отторжением пересаженных тканей. Но и эту трудность доктор Николсон почему-то считал преодоленной. Все доктора, с которыми Гарри разговаривал – а он переговорил с семерыми, – соглашались, что с медицинской точки зрения все звучит достаточно убедительно, но все они тактично замолкали, когда речь заходила о правомерности решения. *Это твой выбор, не наш,* отвечало ему их красноречивое молчание – но кто он такой, чтобы выбирать?

Встав в дверях, Маргарет окликнула его:

– Гарри… Давай поднимемся наверх. Посмотрим на Томми.

– По-твоему, после этого я с легкой душой убью сына? – сухо спросил он.

– Мы все обсудили, Гарри, и пришли к выводу, что это не убийство. Что угодно, но – не оно. Я только думаю, что Томми должен быть с нами, когда мы решаем… пусть даже он не знает, что мы решаем.

И они застыли рядом с огромной колыбелью, где лежал их сын, разглядывая в свете ночника длинные светлые ресницы, пухлые щеки, сомкнувшиеся на большом пальце губы.

Чтение… модельки самолетов… прогулки на велосипеде. Против абстрактного лица в стиле Пикассо и случайных бурных слюнявых поцелуев – таких желанных, почти заветных.

Гарри простоял там все полчаса, а потом, как и обещал, вернулся на кухню, снял трубку и стал набирать номер.

Фредерик Пол. Ловушка

Мое место было у иллюминатора, в передней части салона. Я бросил взгляд на табличку: соседнее место забронировано для Горди Маккензи. Не раздумывая, я прошел мимо, и тут меня остановила стюардесса:

– О, доктор Грю, рада приветствовать вас на борту…

Я стоял, загородив проход.

– Вы не поможете мне перебраться куда-нибудь подальше, Клара? Хотя бы туда. На том кресле не было таблички.

– Сейчас посмотрю. – Она взглянула на схему. – Перенести вашу сумку?

– Пожалуйста. Мне надо поработать.

Мне действительно надо было поработать – вот почему меня не устраивало соседство Маккензи. Я устроился в кресле и насупил брови, показывая соседу, что болтать не намерен. Он ответил мне столь же хмурым взглядом. В салон вошел Маккензи, но меня он не заметил. Клара наклонилась над ним, будто проверяя ремень, и невзначай убрала карточку с моим именем. Умница!

Мне бы не хотелось, чтобы у вас сложилось впечатление, будто я воздушный волк, который знает по именам всех стюардесс. Я и знаю-то всего одну-другую на линии Нью-Йорк – Лос-Анджелес, да еще в аэропорту О'Хэйр, ну и, может быть, кое-кого на линии между Хантсвиллем и Кейпом… Да, и еще та девушка, с которой я летал из Орли, – но только потому, что она подбросила меня однажды на своей машине, когда на метро была забастовка и такси нельзя было поймать. И все же… Мне приходится колесить по свету. Такая работа. Я защищался по физике атмосферных явлений, моя специальность – инструментальные измерения, а это сейчас модная область, и меня приглашают на тьму конференций. Притом приглашают так, что «нет» не ответишь: прощай научный престиж, а с ним и возможность свободных исследований. Впрочем, все это, как правило, шикарно обставлено и довольно занятно – когда есть время для развлечений. Я ко многому уже попривык и могу с ходу отыскать приличный ресторан в Кливленде или Альбукерке.

Странно. Все представлялось мне совсем не так, когда я мальчишкой зачитывался статьями Уилли Лея и разыскивал женьшень, чтобы набрать денег на учебу в Массачусетском технологическом институте и строить потом космические корабли. Я думал, что стану худым, неряшливо одетым ученым с пылающим взором, думал, что не буду вылезать из лаборатории

(в ту пору мне казалось, что космические корабли делают в лаборатории) и подорву здоровье, просиживая ночи напролет над логарифмической линейкой. А вышло так, что я подрываю здоровье коктейлями и резкими сменами климата.

Но, по-моему, я знаю, что надо делать.

Вот почему я не хотел тратить полтора часа на Горди Маккензи, переливая из пустого в порожнее. Я и в самом деле знаю, что надо делать.

Это не моя область, но я поговорил кое с кем из тех, кто занимается системными исследованиями, и не встретил того вежливого взгляда, который появляется у людей, когда вы пытаетесь втолковать им что-то такое, что они сами знают лучше. Попробую объяснить.

В каждой уважающей себя отрасли науки за месяц собирают десятка два конференций, симпозиумов и коллоквиумов, не считая всяческих семинаров и встреч типа «немедленно иди сюда, не то дотацию получат другие». И все это почему-то в разных местах. С прошлого года, когда меня свалил грипп, не было недели, чтобы я все дни подряд ночевал дома.

Но давайте подумаем: а для чего эти сборища? Когда-то у меня была теория, что мотания из конца в конец света устроены нарочно. Этакий источник энергии, который держит нас постоянно на взводе, – в конце концов, если вы мчитесь со скоростью 1000 километров в час, то, надо полагать, по крайне важному делу. Иначе к чему такая спешка… Но кто в состоянии такое устроить?

В сущности нет более глупого способа обмена информацией, чем лететь неведомо куда, чтобы, сидя на золоченом стуле, выслушать двадцать пять человек. На двадцать три доклада вам вообще начихать, а двадцать четвертый невозможно разобрать из-за акцента докладчика. Выходит, что единственный интересный доклад обошелся вам в четыре дня, а его можно было бы преспокойно прочесть у себя в кабинете за пятнадцать минут. И с большей пользой.

Конечно, в перерыве за чашкой кофе можно оказаться рядом с человеком, который расскажет о последних методах измерений, потому что его компания занимается телеметрией; такие подробности в статье не найдешь. Однако, по моим наблюдениям, времени на общение становится меньше и меньше. Да и тяга пропадает, когда число знакомых переваливает за три сотни. Невольно начинаешь думать о грудах бумаг, которые накопились на письменном столе и ждут твоего возвращения.

Вы понимаете, куда я клоню. Пустая трата времени и топлива, верно?

А ведь как легко и удобно общаться с помощью электронных средств связи! Хороший видеофон – это же чудо! Воспринимаешь все, кроме разве табачного дыма. Почему мы не пользуемся такими средствами?

Идем дальше. Знаете, как можно сократить звуковую запись – убрать лишние междометия, ужать паузы… И все остается понятным, только информация поступает со скоростью четыреста слов в минуту вместо каких-то семидесяти, половина из которых – прямые повторы или обороты вроде «вот что я хотел сказать».

Я читал кое-какие статьи, в которых предлагалось упростить и конкретизировать конференции, чтобы люди могли в самом деле обмениваться мнениями. У меня родилась по этому поводу собственная идея. «Квант спора» – минимальный необходимый довод, который может привести участник полемики для доказательства (или опровержения) чего-то одного, прежде чем перейти к следующему. Если мои ожидания верны, то специалисты вроде меня могли бы управиться со своими делами… ну, будем сдержанны… за четвертую часть того времени, которое уходит сейчас.

А тогда три четверти времени – на что? На работу, конечно же! На дела, позарез необходимые, но откладываемые из-за вечного цейтнота. Я говорю серьезно. Я действительно уверен, что мы можем сделать вчетверо больше. Приземлиться на Марсе через пять лет, а не через двадцать, вылечить лейкемию за десять лет, а не за сорок и так далее.

Убивать время на болтовню с Горди Маккензи? Нет уж. Как только мы взлетели, я откинул столик и разложил бумаги.

Ничего не вышло.

Просто удивительно, как часто ничего не выходит. На сей раз мне помешала Клара, которая обносила всех напитками. Из вежливости я отодвинул бумаги, а потом она принесла закуски, и еще почти два часа ушли на обед. Меня совсем не тянуло смотреть фильм, но мельтешение на экранах отвлекает, а как только кончился фильм, принесли кофе. Тут загорелось табло «пристегнуть ремни», и мы пошли на посадку. Ладно, не привыкать. Я ведь так и не нашел женьшень, пришлось жить на стипендию.

Я зарегистрировался, умылся, спустился в конференц-зал и угодил на скучнейшее занудство о турбулентных потоках в атмосфере. Народу собралось немало, человек восемьдесят, но какая им от этого польза, я даже представить себе не мог, поэтому взял программу и тихонько улизнул.

– Привет, Чип! – окликнули меня.

Это был Резник, он работал в маленьком колледже, где я получил степень бакалавра. С ним был какой-то высокий мужчина.

– Доктор Рамос, позвольте представить – Чесли Грю. Чип, это доктор Рамос. Из НАСА, не так ли?

– Нет, я работаю в одном фонде. Рад познакомиться, доктор Грю. Я следил за вашими трудами.

– Благодарю и прошу меня простить, мне надо зарегистрироваться…

– Бросьте, Чип, – сказал Ларри Резник. – Вы уже зарегистрировались. Просто хотите смыться в номер и поработать.

Неловко получилось. Ладно бы еще один Ларри, но я совсем не знал его приятеля… Рамос улыбнулся.

– Когда вы входили в зал, Ларри предупредил меня, что через тридцать секунд вы убежите. Так и вышло.

– Турбулентные потоки мне, знаете…

– Умоляю вас, не оправдывайтесь. Кофе хотите?

Мне оставалось только сделать хорошую мину при плохой игре, и я согласился. Доктор Рамос казался смутно знакомым.

– Мы не встречались на семинарах в Далласе?

– Вряд ли. С сахаром? Я очень редко посещаю конференции, ваши статьи действительно читал.

– Спасибо, доктор Рамос. – Жизненный опыт научил меня повторять имя собеседника как можно чаще, чтобы не забыть. Хотя обычно я все равно забываю. – Мой доклад завтра утром, доктор Рамос. «Фотометрическое определение рельефа местности с орбитальных станций».

– Да, я видел в программе.

– Который по счету в этом году? – спросил Ларри. Он был в плохом настроении.

– Далеко не первый, – признался я.

– Мы как раз об этом говорили, – сказал Ларри. – То статья, то доклад, а в промежутках отчеты. Когда в последний раз вы месяц не отрывались от работы?

Я почувствовал интерес, и мне это не понравилось – надо было посидеть над бумагами.

– Однажды Фред Хойл сказал, что как только человек добивается чего-то путного, весь мир вступает против него в заговор, чтобы он больше ничего не мог сделать. Его приглашают читать доклады, вводят в оргкомитеты, берут у него интервью и вместе с комиком, поп-группой и эстрадной певичкой втягивают в телевизионную дискуссию на тему, есть ли жизнь на Марсе.

– А почитатели ловят его в коридорах, – закончил доктор

Рамос и засмеялся. – Не беспокойтесь, доктор Грю. Мы не обидимся, если вы уйдете к себе.

– Я не уверен даже, что этот мир – наш, – пробормотал Ларри.

Он был раздражен и плел что-то несуразное.

– Между прочим, я еще ничего не сделал, – добавил Ларри. – В отличие от вас, Чип. Но когда-нибудь сделаю.

– Не прибедняйтесь, – сказал доктор Рамос. – По-моему, мы чересчур расшумелись. Не поискать ли какое-нибудь место, где можно спокойно поговорить? Если, конечно, вы не возражаете, доктор Грю…

К тому времени я был почти убежден, что обязан побеседовать с Ларри и доктором Рамосом. Мы поднялись ко мне, потом перешли к Ларри. Нам принесли обед, и мы продолжали разговор за столом. Я рассказал все, что когда-либо думал о системном подходе к передаче информации. Доктор Рамос оказался идеальным слушателем. Он схватывал с полуслова. Я не сомневался в своей правоте и, как ребенок, предвкушающий Рождество, с восторгом вычислял, сколько работы можно сделать за год. Мы стали прикидывать, как скоро можно запустить флот межзвездных кораблей, если работать все рабочее время. И вдруг наступила тишина. Ларри поднялся и распахнул дверь на балкон. Двадцатью этажами ниже лежал Лос-Анджелес, с южных холмов надвигалась гроза. От свежего воздуха я сразу пришел в себя и вспомнил, что через семь часов мне предстоит читать проклятый доклад.

– Пожалуй, пора расходиться, – сказал доктор Рамос. Ларри начал было возражать, но потом согласился.

– Ладно, – сказал он. – А я еще посижу над вашими заметками, Чип.

– Только не потеряйте, – отозвался я и вернулся к себе в номер. Счастливый, я долго лежал с открытыми глазами, прежде чем провалиться в сон о пятидесяти рабочих неделях в году.

Проснулся я легко. Мы договорились позавтракать у Ларри, чтобы я мог забрать бумаги перед утренним заседанием. Выйдя в коридор, я увидел идущего навстречу доктора Рамоса.

– Доброе утро! – весело сказал он. – Я только что разбудил молодоженов, и они, кажется, остались этим недовольны. Разве номер Ларри не 2051?

– 2052. С другой стороны.

Мы пошли к Ларри вместе, и доктор Рамос рассказал по дороге довольно скабрезный анекдот. Я постучал в дверь, но ответа не было. Все еще смеясь, я сказал:

– Неужели он забыл о встрече?

– Давайте толкнем дверь.

Я попробовал, и дверь открылась.

Ларри в комнате не было. Постель смята, двери в ванную и на балкон распахнуты.

– Вряд ли он ушел, – сказал доктор Рамос. – Вот его туфли.

Я вышел на узкий балкончик. Там стоял вымокший под ночным дождем шезлонг и валялись окурки.

– Похоже, что он был здесь! – крикнул я и, осознавая мелодраматизм своего порыва, перегнулся через перила. Там, далеко внизу, у фонтана, что-то лежало, а рядом стоял человек и кричал. В тишине раннего утра звук голоса пронизывал все 20 этажей, которые отделяли нас от Ларри Резника.

Утреннее заседание отложили. Был долгий и неприятный спор с Горди Маккензи, который желал читать свой доклад точно по расписанию, в три часа, а мое выступление перенести на то же время. Утро я провел с полицией, которая пыталась установить, случайно или намеренно Ларри упал с балкона. Во всяком случае, он держал в руке мои заметки, и теперь листки можно было искать у сточных решеток Лос-Анджелеса. Проклятый день.

Однажды Краффт Эрике прочитал доклад, рассчитанный на двенадцать минут, за три минуты сорок пять секунд. Я попытался побить его рекорд и почти достиг успеха. Потом пошвырял вещи в чемодан и спустился вниз, намереваясь отправиться домой ближайшим рейсом. Но портье сказал:

– Доктор Рамос очень просил вас о встрече.

Я заколебался. Впрочем, дальнейшее от меня уже не зависело – через вестибюль ко мне спешил Рамос.

– Уделите мне двадцать минут, – проговорил он.

Доктор Рамос, когда хотел, мог быть твердым и властным. Мы сели за столик, подошла официантка, и, не спрашивая меня, доктор Рамос отправил ее за кофе и бутербродами.

– Чип, я очень сожалею о потере ваших бумаг. И не хочу, чтобы вы сдавались.

На меня навалилась усталость.

– Не беспокойтесь, доктор Рамос…

– Зовите меня Ласло.

– Я не сдамся, Ласло. Сошлюсь на что угодно, лишь бы освободить время, и постараюсь восстановить по памяти. За неделю… Нет, вряд ли, придется разыскивать статьи, но рано или поздно…

– Вот об этом я и хотел поговорить. – Девушка принесла кофе и бутерброды, Рамос жестом отослал ее. – Видите ли, я прилетел сюда ради вас.

– Вы интересуетесь фотометрией? – удивился я.

– Меня интересует не доклад, а идея. Та, о которой мы говорили ночью. Пока Ларри не познакомил нас, я и не подозревал, что мне нужны именно вы. Теперь я в этом уверен.

– Но у меня уже есть работа, доктор… Ласло.

– Я и не предлагаю вам место.

– Тогда что же?

– Возможность осуществить вашу идею. У меня, вернее у фонда, есть деньги, которые нужно истратить. Мы ищем исследования, которые не укладываются в привычные рамки. Грандиозные. Как ваша работа.

Это было похоже на сказку.

– Я уже звонил в Вашингтон секретарю правления, он у нас на крючке. На следующей неделе собирается совет попечителей, и я хочу, чтобы вы там были.

– В Вашингтоне?

– Нет. Фонд международный, мы встречаемся у озера Комо. Вы получите все что нужно. Сотрудников. Помещения. У нас есть центр в Эймсе, штат Айова, но ездить туда придется не часто – скажем, раза два в месяц. И, – Рамос улыбнулся, – я понимаю, вам это безразлично, однако появится строка в «Кто есть кто»… И еще я уполномочен предложить вам войти в совет попечителей.

– Все это так неожиданно, Ласло…

– Попечители собираются во Флэгстаффе – там у нас загородный клуб. Всего шесть раз в год. Вам понравится. Дело стоит того, Чип.

Он продолжал говорить, а я слушал, боясь шелохнуться. Сбывалось все, о чем я мечтал. И уже на следующей неделе, в огромном светлом зале с окнами на озеро Комо, я стал директором проекта, почетным членом оргкомитета, получил статус попечителя и сорок одного подчиненного.

На днях мы открываем в Эймсе Мемориальный комплекс Лоренса Резника. Название предложил я, все поддержали. Год был нелегкий. Чертовски обидно, что так много времени уходит на администрирование и совещания. Но Ласло лишь улыбнулся, когда я стал ему жаловаться.

– Не падайте духом, – ответил он. – Давно уже сказано: «Поспешай медленно». Кстати, я говорил, какой успех имело ваше лекционное турне?

– Спасибо. Надеюсь, когда войдет в строй мемориал Резника, у меня будет оставаться больше времени.

– Совершенно верно! Скажу по секрету – вас решено назначить в президентскую комиссию по межпредметным связям. Сообщение пока неофициальное, но все уже согласовано. Мы готовим подходящую резиденцию, там будет личный кабинет, где

вы сможете держать свои бумаги между поездками.

Разумеется, я сказал ему, что если он имеет в виду те заметки, которые я пытаюсь восстановить, то им не требуется так много места. Говоря честно, им вообще не требуется места, ведь я так и не сумел выкроить для них время. Но рано или поздно я это сделаю, если повезет. Пока не везет. Бедняга Хонимен, например… Я уже написал ему, просил выслать свои работы – и тут услышал, что в шторм перевернулась его яхта. И никто не знает, где он хранил свои записи.

Да, вот еще что. Незадолго до смерти Резник сказал странную вещь. Будто мир сговаривается против человека, который чего-то достиг. И добавил: «Я не уверен даже, что этот мир – наш».

Кажется, я понял, что он имел в виду. Предположим – совершенно абстрактно, – будто кто-то не хочет, чтобы мы развивались быстро. Кто-то из иного мира…

Глупо. То есть я думаю, что глупо.

Но если все-таки продолжить эту линию, то получится не глупо, а совсем наоборот. Я хочу сказать – страшно. Дважды меня едва не сбили перед собственным домом какие-то ополоумевшие водители. И воздушное такси, на которое я опоздал, – оно разбилось на моих глазах.

И еще я хочу кое-что выяснить. Во-первых, где фонд берет деньги. А во-вторых – и я проверю это, как только окажусь в Лос-Анджелесе, – действительно ли в номере 2051 жили молодожены, которых случайно потревожил Ласло Рамос как раз в то время, когда Ларри падал с двадцатого этажа.

Фредерик Пол. Переквалификация

На восток, к самому горизонту, тянулись тысячи акров сои; напротив, через дорогу, раскинулись столь же бескрайние кукурузные поля. Зеб угрюмо поднял ирригационную задвижку и стал следить за датчиком. Проклятая погода! Дождь нужен позарез. Он понюхал воздух, нахмурился, покачал головой. Относительная влажность – 85 процентов, нет, почти 87! А в небе – ни облачка…

– Привет, Зеб! – окликнул его сосед через дорогу. Зеб вежливо кивнул. Он занимается соей, Уолли – кукурузой. О чем им разговаривать? Разве что просто так, для соблюдения приличий. Он вытащил из кармана пестрый платок и отер лоб.

– Пришлось дать больше воды, – сообщил он из вежливости.

– Да… Одно хорошо – рост содержания углекислого газа. Для наших культур это то что надо.

Зеб с кряхтением нагнулся, поднял ком земли, размял его пальцами, лизнул.

– Снова маловато кобальта, – сказал он задумчиво. Но Уолли не интересовался химическим составом почвы.

– Слыхал, Зеб?

– О чем?

– Так, вообще. Сам знаешь.

Зеб обернулся.

– Ты о дурацкой болтовне насчет закрытия ферм? Всем известно, что этому не бывать. Ничего такого я не слышал. А если бы услышал, ни за что бы не поверил.

– Понимаешь, Зеб, болтают, будто…

– Пусть болтают что хотят! Я не слушаю трепачей. Извини, Уолли, мне пора возвращаться, иначе будет выволочка. Приятно было с тобой встретиться. – И он зашагал к хижинам.

– Ржавая жестянка! – фыркнул ему вслед Уолли, но Зеб сделал вид, что не расслышал, только снова отер платком лоб.

Лоб не был потным: Зеб никогда не потел. Его руки, спина, подмышки неизменно оставались сухими независимо от погоды и от физических усилий. Испарина на лбу была всего лишь конденсатом. Оболочка, вмещавшая его мозг, была хороша, но несовершенна. Когда он напряженно размышлял, система охлаждения начинала работать интенсивнее.

А Зеб размышлял напряженнее, чем когда-либо. Закрытие ферм? Пришлось бы сойти с ума, чтобы поверить в такую чушь! Надо пахать землю, сеять и убирать урожай, прибираться в доме, готовить хозяину еду, учить его детей, возить хозяйку к другим

хозяйским женам. Так было, есть и будет всегда… Будет ли?

Ответ прозвучал уже на следующее утро, сразу после церковной службы.

Зеб, робот класса «А» с коэффициентом умственных способностей 135, обязан был предвидеть развязку. Особенно когда узнал, что преподобный Хармсуоллоу избрал для проповеди отрывок из Евангелия от Матфея, где говорится о кротких, наследующих землю.

Священник был тучен и краснолиц. Лучше всего ему удавались проповеди о вездесущем грехе и геенне огненной. Его бесконечно огорчало то обстоятельство, что паства, состоящая из сельскохозяйственных рабочих, ввиду своего устройства не имела возможности толком грешить. В порядке компенсации он делал упор на важность смирения.

– …даже когда все происходит не так, как вы ожидали, – закончил он. Тонкие, как у младенца, волосики стояли вокруг его розовой лысины дыбом. – После пения псалма «соя» отправляется в физкультурный зал, «кукуруза» – в вестибюль второго этажа. Хозяева сообщат вам важную новость.

Итак, Зеб все предвидел и нисколько не удивился. Микросхемы в его титановом черепе давно уже фиксировали дурные предзнаменования: сокращение осадков, уменьшение содержания минеральных веществ в почве, истощение верхнего плодородного слоя, набухание бобов – результат избытка углерода в воздухе. Увы, при любой интенсивности полива горячий ветер быстро все засушивал.

Хватало и других признаков, помимо агрономических. Поведение хозяина, например. Даже в самые веселые моменты он не смеялся, а вздыхал, не говоря уже о том, что перестал обращать внимание на облупившуюся краску на хижинах и зарастающие сорняками цветочные клумбы. Наблюдая за людьми, Зеб делал непроизвольные умозаключения. Программа этому не препятствовала; единственное, на что он не имел права, так это обсуждать происходящее и делать окончательные выводы. Зеб не умел волноваться, потому что это помешало бы ему улыбаться хозяину с хозяйкой и их детям.

Поэтому, услышав сообщение хозяина, он вместе с остальными изобразил удивление.

– Все вы были молодцами, – заявил хозяин великодушно, глупо белея профессорским лицом из-под плантаторской соломенной шляпы. – Мне бы очень хотелось, чтобы все продолжалось по-прежнему, но этому не бывать. Дело в программе сельскохозяйственных субсидий. Вашингтонские

болваны так их урезали, что заниматься здесь земледелием стало себе дороже. – Хозяин повеселел. – Но не все так плохо! Спешу вас обрадовать: благодаря выплатам из Земельного банка хозяйка, дети и я будем хорошо обеспечены. Если говорить о деньгах, – тут хозяин просиял, – то нам будет даже лучше, чем раньше!

– Здорово!

– Слава богу!

Скорбь на лицах сменилась улыбками, работники облегченно перевели дух. Все, кроме Зеба.

– Хозяин, – подал он голос, – вы уж меня простите, но что с нами-то будет? Мы останемся у вас?

Хозяину вопрос не понравился.

– Нет, это невозможно. Если мы продолжим сеять, Земельный банк не даст нам денег. Так что, сами понимаете, вам здесь больше нечего делать.

Молчание.

– А как насчет кукурузной фермы, хозяин? – спросил кто-то. – Может, там нужны работники? Сами знаете, век бы эту кукурузу не видать, но перепрограммировать нас – раз плюнуть…

Хозяин покачал головой:

– Тамошний фермер говорит сейчас своим работникам то же самое, что я вам.

Рабочие переглянулись.

– Мы нужны проповеднику, – додумался один. – Без нас он останется без прихода.

– Боюсь, даже преподобный Хармсуоллоу теперь обойдется без вас, – мягко возразил хозяин. – Он уже давно хочет заняться миссионерством и недавно получил вызов. Так что вы лишние.

– Как это?

– Очень просто. Избыточная рабочая сила. Никто в вас не нуждается – по крайней мере, здесь. Утром за вами приедут грузовики. Расходитесь по хижинам и будьте готовы к семи утра.

Снова молчание.

– Куда нас повезут, хозяин? – спросил Зеб.

Фермер пожал плечами.

– Куда-то повезут… – Он улыбнулся. – А у меня для вас сюрприз. Мы с женой просто так вас не отпустим: на прощание надо повеселиться. Устроим вечером танцы, как в добрые старые времена! Лучшие танцоры получат новые платки. Потом вы соберетесь в Большом доме и будете петь нам духовные гимны. Обещаю, хозяйка, дети и я с удовольствием вас послушаем!

Их выгрузили рядом с мрачным белым сооружением из

шлакобетона в Де-Плейнсе. За рулем грузовика сидел хмурый коренастый робот в кепке с низко надвинутым козырьком и кожаной куртке без рукавов. На вопросы он не отвечал ни на ферме, пока рабочие залезали в кузов, ни на месте прибытия, перед воротами, замкнутыми на цепь, с надписью «Прием».

– Стойте на месте, – распорядился он. – Все выгрузились? Ну и ладно. – Он закрыл борт кузова и укатил, оставив их мокнуть под теплым мелким дождиком.

Все терпеливо ждали. Четырнадцать первоклассных рабочих-роботов обоих полов и трое детей. Разговаривать не хотелось. Один Зеб, утираясь, пробормотал:

– Лучше бы вода была там где следует! Здесь-то кому сдался дождь?

Не вся влага на лицах была дождевой водой: и Зеб, и остальные напряженно размышляли. Один Лем, новенький, в ус не дул. Он работал садовником в Урбане, пока его хозяева не решили эмигрировать в космическую колонию О'Нил. Лему повезло: на соевой ферме перевернулся трактор, что привело к образованию вакансии. Произошло это недавно, и он по-прежнему с восторгом вспоминал благословенную Урбану.

– Де-Плейнс! – радовался он сейчас. – Отсюда рукой подать до Чикаго! Уж там мы позабавимся, братцы! Стейт-стрит, «Петля», Золотой берег!

– А работа для нас в Чикаго найдется? – поинтересовался Зеб.

– Работа? Брось, брат, какая еще работа? Одно слово – Чикаго! Ух ты!

Зеб задумчиво кивал. Лем его не убедил, но хотелось надеяться на лучшее – это тоже было частью его программы. Он разинул рот и, попробовав на вкус дождевые капли, поморщился. Горечь, много пыли, гораздо больше двуокиси углерода и окиси азота, чем он привык. Хорошенькое местечко! Даже у здешнего дождя гадкий вкус… А все машины: нет чтобы ездить на добром старом электричестве, подавай им бензин!

К тому моменту, когда в шлакобетонном ангаре возникла суета, Зеб расстался с остатками оптимизма. В ангар въехали машины, загорелся свет, с лязгом поднялась ржавая щеколда, смуглый коренастый робот отпер замок и снял с ворот цепь. Бесстрастно оглядев рабочих, он сказал:

– Идите сюда, излишки! Будем вас перепрограммировать.

Зеб дождался своей очереди и прошел в кабинет со зловещей койкой у стены. Его встретила хорошенькая блондинка в белом халате, с длинными хрустальными серьгами в ушах – тоже робот, конечно. Она велела ему сесть на край койки и наклониться вперед, затем быстро засунула ему в левое ухо палец с красным

ногтем. Он вздрогнул: неизменяемая память, покинув его процессор, перешла на ее внутренний сканер.

– Ты просто устроен! – сообщила она радостно. – Мы быстро тебя выпустим. Расстегни рубашку.

Зеб стал медленно расстегивать заскорузлыми от земли пальцами пуговицу за пуговицей. Не дождавшись, пока он доберется до последней, блондинка нетерпеливо отбросила его руки и сама распахнула рубашку. Последняя остававшаяся в петле пуговица оторвалась и покатилась по полу.

– Все равно тебе придется переодеться, – сказала она и погрузила свои длинные красные ногти в четыре узкие прорези по обеим сторонам его грудной клетки. Вся его грудь осталась у нее в руках. Отложив щиток в сторону, программистка заглянула внутрь и довольно кивнула:

– Все в порядке. – Она уверенно достала из темных глубин платы с микросхемами. – Тебе ненадолго станет нехорошо: ты даже не сможешь говорить. Потерпи, это быстро пройдет.

Нехорошо? Зебу показалось, что кабинет заворачивается в спираль. Он не только не мог говорить, но даже не помнил слов. И мыслей тоже. Ему уже казалось, что он никогда больше не увидит… Чего? Он и этого не помнил.

Потом он почувствовал, как у него внутри что-то с чем-то соединяется. Это был даже не щелчок контакта, а ощущение, словно нога обживается в ботинке. В следующую секунду он сумел завершить свой вопрос. Ферму!

Оказалось, что он формулирует мысль вслух. Программистка засмеялась:

– Видишь? Ты снова начинаешь соображать.

Он усмехнулся в ответ.

– Поразительное ощущение! Поверите ли, я почти утратил свой прежний, сельский опыт. Но разве очарование деревенской жизни значит хоть что-то для… Боже правый! Что это я говорю?

– Теперь вы рассуждаете как житель большого города, а не как сельскохозяйственный рабочий.

– А ведь верно! – вскричал Зеб. – Но возникает следующий вопрос: пригодятся ли правильная грамматика и поэтическая образность речи для моей предполагаемой новой карьеры?

Программистка нахмурилась.

– Это словарный запас литературного критика, – сказала она извиняющимся тоном. – Кто-то ведь должен им пользоваться!

– Позвольте спросить, почему именно я?

– Потому что это все, что у меня сейчас нашлось. Это не единственная перемена, которую вы в себе обнаружите. Я изымаю микросхемы почвенного анализа и программы управления

сельскохозяйственной техникой. Если хотите, могу оставить вам духовные гимны и умение танцевать.

– Зачем сохранять тень, когда уходит сущность? – возразил он с горечью.

– Прекратите, Зеб, – перебила она ворчливо. – Вся эта специфика вам больше ни к чему. Прошлое похоронено. Вы не будете по нему тосковать. Вы даже не представляете, что получаете взамен! – Она вернула на место грудной щиток. – Протяните руки.

– Желательно было бы узнать подробности, – пробормотал он, подозрительно следя, как программистка вкладывает его руки в отверстие на своем пульте. По пальцам пробежала судорога.

– Пожалуйста. Инфракрасное зрение! – гордо произнесла она, глядя на дисплей. – Будете видеть в темноте. Двадцатипроцентное усиление моторных функций – чтобы быть сильнее и быстрее бегать. Наконец, имена, адреса и телефоны пяти хороших поручителей и одного государственного защитника.

Она кивком велела ему вытащить руки из отверстия. Все поры были очищены от въевшейся грязи, ногти лишились черной каймы, мозоли исчезли. Теперь это были руки горожанина, никогда в жизни не занимавшегося физическим трудом.

– Какая же новая судьба мне уготована? – спросил Зеб.

– Новая работа. На данный момент у нас имеется единственная вакансия, зато место хорошее, надежное. Будете уличным грабителем.

В первый же свой трудовой вечер Зеб махнул рукой на недавние опасения. Ферма не шла ни в какое сравнение с новой жизнью.

На время стажировки его приставили к мелкому роботу с неприятной остроносой физиономией по имени Тимоти. Тот сразу перешел от теории к практике.

– Идем, парень, – бросил он, увидев Зеба, и вышел из ворот, не заботясь о том, следует ли стажер за ним. На воротах уже не было цепи с замком. Зеб плохо представлял, далеко ли до Чикаго и в какой он стороне, но понимал, что пешком туда не добраться.

– Мы воспользуемся «железным конем»? – спросил он опасливо. Поезда, проносившиеся мимо фермы, всегда выглядели величественно и недоступно. Глядя на товарняки и пассажирские составы, работники гадали, куда они спешат и каково это – ехать на поезде.

Тимоти не удостоил Зеба ответом. Бросив на него взгляд, в котором в равных долях сквозили жалость, недоумение и осуждение, он встал на краю тротуара и властно поднял руку.

Огромное такси на воздушной подушке с зелеными и белыми клеточками на дверце немедленно остановилось, взвизгнув тормозами. Тимоти поманил Зеба.

Они молча ехали по скоростной автостраде имени Кеннеди. Пригороды произвели на Зеба сильное впечатление. Потом они заехали под козырек шикарного отеля, сияющего огнями, где кишели разодетые пары. Тимоти швырнул таксисту купюру и не стал ожидать сдачи.

Казалось, он не торопится компенсировать трату на такси. Он стоял под козырьком, покачиваясь на носках, и снисходительно улыбался снующим мимо роботам-туристам. Потом, бросив на Зеба быстрый взгляд, развернулся и зашагал прочь.

Зеб заторопился за своим новым напарником. И чуть было не пропустил самое интересное. Поймав в тени за углом хорошо одетую пару, робот хладнокровно отбирал у них бумажники, часы и кольца. Покончив с этим занятием, он поставил несчастных лицом к стене и лягнул обоих под коленки. Те упали. Тимоти побежал на бесшумных резиновых подошвах назад, к морю света. Зеб – за ним.

Миновав гостиничный козырек, приятели смешались с толпой перед театром. Грабитель перешел с бега на шаг и бросил на Зеба одобрительный взгляд.

– Хорошая реакция! – похвалил он. – Сгодишься.

– В заурядные карманники? – спросил Зеб, уязвленный высокомерием робота-грабителя.

Во взгляде Тимоти читалось недоверие.

– Чудные у тебя речи, – проворчал он. – Небось тебя тоже напичкали лишними словечками? Ладно, не беда. Видал, как это делается?

Прежде чем ответить, Зеб огляделся. Погони не обнаружилось.

– Можно сказать, да.

– Тогда пробуй сам, – сказал Тимоти и толкнул Зеба в темный закоулок – караулить зазевавшихся туристов.

К полуночи Зеб самостоятельно совершил пять ограблений, выступил сообщником еще в двух и стал свидетелем восьми налетов, совершенных его напарником. Потом, забившись в дальний угол ночного «Макдоналдса» на Норт-Мичиган-авеню, они принялись делить добычу.

– Ты молодец, парень, – великодушно молвил Тимоти. – Неплохо для начала. Гляди: твоя доля – шесть часов, пять дорогих безделушек, в том числе ожерелье из искусственных кораллов, на которое тебе не стоило зариться, и примерно шесть-семь сотен

наличными.

– Плюс несколько кредитных карточек, – подсказал Зеб.

– Про кредитки забудь. Оставляй только то, что можешь потратить или продать. Думаешь, сможешь теперь работать сам?

– Не хотелось бы брать на себя подобную ответственность…

– Правильно, рано. – После работы Тимоти стал словоохотливее. – Держу пари, тебе невдомек, зачем я дважды просил помощи.

– Действительно, это не совсем понятно, – признался Зеб. – Здесь явное противоречие. Когда жертв сразу две, даже три, вы предпочитаете заниматься ими самостоятельно. Однако, выходя на единичного кандидата, вы призываете сообщника…

– Вот-вот! А знаешь почему? Не знаешь? Объясняю. Скажем, идут он и она или пара одного пола – не важно; он боится, как бы ее не порезали – программа есть программа. Значит, все проходит как по маслу. Другое дело, когда клиент один: что ему стоит отнять у меня нож и оттяпать нос? Изучай природу робота, парень – в этом вся штука. Как насчет «Биг-Мака»?

Зеб смущенно поерзал.

– Благодарю, но я вынужден отклонить ваше предложение.

Робот-грабитель понимающе усмехнулся:

– Нет пищеварительного тракта?

– Видите ли, любезный Тимоти, раньше я проживал вне города, поэтому отсутствовала необходимость…

– Необходимости и сейчас нет, но кишки все равно пригодятся. А еще емкости для жидкости и система вентиляции, чтобы ты мог смолить сигары. И брось ты этот фраерский жаргон! У тебя классная работенка, – продолжил он убежденно. – Можешь гордиться. Метро не для тебя, считать центы тоже ниже твоего достоинства. Сдачи мы не берем! Неделю, пока ты стажер, обойдемся без перепрограммирования, но потом тебе не миновать блондиночки-программистки. А теперь – все. Загоняем цацки – и на боковую.

И правда, Зеб имел все основания гордиться собой. В карманах едва умещались крупные купюры, он уже читал меню в витринах дорогих ресторанов, готовясь к шикарной жизни. Его ждала не менее блестящая карьера, чем у Тимоти.

Шел его третий вечер на Золотом берегу. До четвертого так и не дошло.

Последние жертвы не пожелали безропотно расставаться с бриллиантовым кольцом. Памятуя уроки Тимоти, Зеб ударил «мужчину» по лицу наотмашь, рыкнул на «женщину» и, стаскивая перстень с ее пальца, применил чуть больше силы, чем требовалось. Спустя пару минут, уже в трех кварталах от места

ограбления, он пригляделся к своей добыче и содрогнулся от ужаса.

На кольце краснела кровь. Жертва оказалась человеком, женщиной из плоти и крови…

Считаные секунды – и его оглушил вой полицейских сирен. Он не удивился.

– Предстоящий курс, – вещала инструкторша, – распространяется на всех вас по одной из следующих причин. Первое: отсутствие работы более двадцати одного месяца. Второе: более шести неявок без уважительных причин к месту работы или учебы. Третье: наличие судимости и условно-досрочное освобождение. Четвертое: восемнадцать и более лет со времени изготовления. Таковы правила. – Инструкторша вошла в раж. – И значат они одно: вы – подонки. То есть безнадежны, ленивы, опасны, словом, обуза для общества. Уяснили? – Она сердито обвела взглядом аудиторию из семи роботов.

Инструкторша была низенькая, бесформенная, с рыжими волосами и нечистой кожей. Зеб недоумевал, зачем мастерят такие несовершенные изделия, как она. Он вытянул шею, пытаясь рассмотреть остальных.

– Ты! – гаркнула инструкторша. – В желтом свитере. Зеб!

Он вздрогнул.

– Прошу прощения, мэм?

– Я знаю, кто ты такой, – заявила она с мрачным удовлетворением. – Типичный босяк-рецидивист. Не в состоянии даже выслушать того, кто хочет тебе помочь, хотя под вопросом твое собственное будущее. Ну и удружили мне: семеро увальней! Представляю, что из этого получится… Гарантирую, что парочка отсеется еще до завершения курса, еще двоих мне придется самой исключить за постоянные опоздания и прогулы. Оставшаяся троица еще до истечения трех месяцев снова окажется на улице или в трущобах. Зачем я вообще этим занимаюсь?

Она покачала головой, грузно поднялась со стула и написала на доске три главные требования:

1. ВОВРЕМЯ.

2. ЕЖЕДНЕВНО.

3. ДАЖЕ КОГДА НЕ ХОЧЕТСЯ.

Оглянувшись, она оперлась о спинку стула.

– Перед вами Золотые Правила, разгильдяи! Соблюдать их, как Божьи заповеди, и ни на минуту не забывать. Здесь вас научат ответственности, трудолюбию и… Что?

Сосед Зеба, старый тощий робот, поднял трясущуюся руку. Такому не грозила переподготовка: модель тридцатилетней

давности, если не больше, с шаровыми плечевыми шарнирами и почти неподвижным лицом.

– А если мы не справимся? – продребезжал он. – Вдруг случится криогенный перегрев, при котором надо отлеживаться, или потребуется смазка…

– Не морочь голову! – отрезала инструкторша, давая понять, что такая рухлядь, как он, вообще ни на что не способна. – Это типичные отговорки. В нашей группе они не принимаются. Если у вас настоящие проблемы, извольте предупредить не позже чем за два часа до начала занятий. Разве это так сложно? Видимо, для таких недотеп, как вы, – да.

– Два часа – это долго, – не сдавался старикан. – Мало ли что может случиться за два часа, учитель.

– Не смей называть меня учителем!

Она отвернулась к доске и написала:

Д-Р ЕЛЕНА МИНКУС, БАКАЛАВР, МАГИСТР, ДОКТОР ФИЛОСОФИИ.

– Можете называть меня доктор Минкус или мэм. А теперь – внимание!

Зеб обратился в зрение и слух. Десять ночей в окружной тюрьме, предшествовавшие выходу под залог, научили его, что тюрьмы надо избегать любой ценой. Шум, теснота, жестокость тюремщиков! И невозможность за себя постоять: некоторые из охранников – люди. Видимо, даже большая часть. Если бы не находилось людей, желающих служить тюремными надзирателями, тюрьмы пришлось бы закрыть. Разве тюрьма – наказание для робота?

Так что Зеб стал образцовым учеником. Его внимание не ослабевало даже тогда, когда д-р Минкус разглагольствовала о таких ненужных (ему) тонкостях поведения цивилизованного члена общества, как необходимость собирать деньги на нужды офиса, ругань в очереди за билетами на благотворительный концерт и улыбки на рождественской вечеринке сослуживцев.

Не все ученики вели себя столь же примерно. Сосед-старикан, почти всегда погруженный в мрачное молчание, не доставлял хлопот, зато два робота женского пола – хохотушки в мини-юбках, с сумочками, усыпанными бисером, – заслуживали, по мнению Зеба, изгнания с курсов. Одна, питавшая пристрастие к зеленой туши для ресниц, встречала любое слово инструкторши смехом и строила у нее за спиной рожи. Вторая, с витой прядью на лбу, взахлеб трепалась с одноклассниками и смела грубить преподавательнице. На замечания д-ра Минкус она отвечала с ленцой в голосе:

– Ладно, леди, сдалась вам вся эта дребедень!

Однажды д-р Минкус не выдержала и заявила гневно и с наслаждением, подчеркивая тоном справедливость своих указаний:

– Представьте, вам это необходимо! Недаром я училась психиатрии и социальной адаптации! Это – дело моей жизни. А главное, я – ЧЕЛОВЕК! Зарубите это себе на носу.

Курс оказался не совсем бесполезным. Зеб убедился в этом, когда снова предстал перед белокурой программисткой. Та, бормоча себе под нос, что-то вынимала из него, что-то вставляла взамен вынутого. Вновь обретя дар речи, он поблагодарил ее, чувствуя волчий голод. Теперь внутри робота находился полноценный пищеварительный тракт. Что касается утраченного словарного запаса, то Зеб нисколько об этом не сожалел.

Однако уже через минуту он узнал, что прежние обязанности остались при нем.

– Они там думают, что ты попал в переплет из-за технического несовершенства, – хмуро сказала программистка. – Теперь ты напичкан первоклассными системами, а что толку? Всех бездельников с этих курсов ожидает одна и та же судьба – трущобы. Если желаешь стать исключением из правила, изволь стараться, когда вернешься на работу.

– Это что же, снова уличный грабеж?

– А для чего еще ты годишься? Хотя… – Она задумчиво повертела хрустальную сережку в правом ухе. – Тут у меня появилась вакансия преподавателя теории литературы. Если бы я не сменила тебе лексикон…

– Нет уж, лучше снова в грабители.

Девица пожала плечами:

– Как скажешь. Только такого отменного участка тебе уже не видать. Не надо было безобразничать!

Теперь Зеб, невзирая на погоду, околачивался с шести вечера до полуночи в самом мерзком районе города, отнимая у престарелых роботов обоих полов жалкие гроши. Иногда он оказывался на территории Иллинойсского технологического института, преследуя припозднившегося студента или преподавателя, однако, прежде чем приступить к делу, обязательно спрашивал, с кем имеет дело – с роботом или человеком. Еще одна оплошность – и сидеть ему за решеткой.

При таких заработках о такси нечего было и мечтать, зато, собрав за вечер некоторую сумму, он ездил иногда на автобусе на «Петлю» или Золотой берег. Дважды он видел Тимоти, но тот, окинув его презрительным взглядом, отворачивался. Случалось ему забредать и в приозерный парк Амальфи Амадея, чтобы,

любуясь зеленью, вспоминать старые добрые времена и соевые поля. Правда, соблазн попробовать землю на вкус был слишком велик, а невозможность заняться этим рождала нестерпимую ностальгию. Поэтому Зеб торопился обратно, к ярким огням и толпам.

При всем старании Зебу не удавалось делить праздную разодетую публику на людей, уцепившихся за Землю, вместо того чтобы перебраться в какую-нибудь шикарную орбитальную колонию, и роботов, назначение которых – создавать эффект массовости.

Д-р Маркус отказывалась ему помогать. Когда на занятии Зеб осмеливался поднять руку, она неизменно злилась.

– В чем разница? Вы хотите сказать, что не видите разницы между живым человеком и механизмом, единственный смысл существования которого – делать то, чего сами люди делать не желают, и помогать им получать удовольствие от излюбленных занятий? Господи, Зеб, знали бы вы, как меня тошнит, когда я думаю, сколько времени трачу зря, пытаясь проявить к вам, жуликам, терпение и наставить вас на путь истинный! Ладно, навострите уши: сейчас я специально для вас, прожженного лентяя, изложу разницу между гардеробом человека с тонким вкусом и оперением сутенера…

В конце занятия Лори, потаскуха с зелеными ресницами, взяла его под руку и сочувственно проворковала:

– Старая стерва вьет из тебя веревки, миленький. Меня так и подмывало крикнуть: да оставь ты его в покое! И крикнула бы, если б не знала, что еще одно замечание – и мне дадут коленом под зад.

– Все равно спасибо, Лори.

Теперь, располагая биохимическими рецепторами, как и подобает городскому джентльмену, он обнаружил, что Лори обильно полита духами. Он распознал аромат мускуса, розы, мяты, ванили. Оказалось, что нюхать духи – совсем не то, что определять содержание в воздухе над соевым полем углекислого газа, озона, водного пара и твердых частиц. Он почувствовал неловкость.

Выйдя с Зебом из класса, Лори призывно улыбнулась:

– Мы с тобой поладим, только расслабься. Хочешь немного потанцевать?

Зеб еще не проверил большую часть своих новых навыков.

– Можно, – ответил он, удивляясь самому себе.

– Слушай, почему бы нам не посидеть где-нибудь, чтобы получше познакомиться?

– Я бы не возражал, Лори, только мне пора на работу.

– Я знаю, где ты вкалываешь! – Она еще сильнее сжала ему руку. – Там поблизости есть классное местечко. Пойдем! Ничего не случится, если ты приступишь к делу чуть позже обычного. Останови такси!

«Отличное местечко» оказалось низким бетонным сооружением, бывшим гаражом. Оно стояло на углу, напротив торгового центра, видавшего лучшие дни. Над дверью горела надпись:

РАЙОННЫЙ ПРИЮТ И ЦЕНТР ДОСУГА.
ГОСПОДЬ ЛЮБИТ ВАС!

– Церковь! – обрадовался Зеб. Его тут же охватили воспоминания о счастливых деньках, когда он пел в хоре преподобного Хармсуоллоу.

– Вроде того, – согласилась Лори, расплачиваясь с таксистом. – Но священников здесь не видно и не слышно. Пойдем! Ты со всеми познакомишься и сам разберешься, что к чему.

На церковь это походило мало. Большое низкое помещение было заставлено сколоченными на скорую руку столами и складными стульями. Посередине оставалось свободное место для танцев, где толклась дюжина роботов обоих полов.

Народу собралось немало, большинство скорее смахивало на соучеников Зеба, чем на паству преподобного Хармсуоллоу. Усталая увядшая женщина – единственный признак первоначального назначения заведения – дремала у двери за столиком с религиозной литературой, не обращая внимания на адский грохот. От шума у Зеба немедленно включился автоматический регулятор громкости.

Грохот издавал оркестр из десяти музыкантов, аккомпанирующий шести певцам. Внимательно приглядевшись к последним, Зеб узнал в некоторых людей.

Какова все же цель этого клуба? Обеспечить аудиторию людям, желающим блеснуть талантами, или дать выход их желанию сеять духовную истину? Скорее всего, то и другое. Однако настроение толпы подчинялось собственным законам. Помимо роботов-танцоров, здесь были картежники, любители посудачить, похохотать, покричать друг на друга.

При появлении Зеба и Лори один из сидевших за столами – низенький и тощий – встрепенулся. Это был Тимоти. Таким Зеб его еще не видел: возбужденным и недоумевающим.

– Зеб? Какими судьбами?

– Здравствуй, Тимоти, – ответил Зеб осторожно. Тимоти,

впрочем, был искренне рад его появлению. Он выдвинул стул, приглашая Зеба присесть, но тут вмешалась Лори.

– А танец?

– Потанцуй с кем-нибудь еще, – предложил ей Тимоти. – А я пока познакомлю Зеба со своими друзьями. Вот этот, здоровенный – Милт. Дальше Гарри, Александра, Уолтер 23-Х, девчонку звать Салли, а это – Сью. У нас тут что-то вроде дискуссионного кружка.

– Зеб! – позвала Лори, но Зеб покачал головой.

– Подожди немного. – Он сел и огляделся. Группа выглядела необычно. Салли напоминала телосложением шестилетнего ребенка, однако шрамы на ее лице и руках наводили на размышления. Остальные были кто мал, кто велик, кто молод, кто стар. У всех, впрочем, имелось сходство: никто не улыбался. Тимоти тоже сидел мрачный. Если он действительно обрадовался появлению Зеба, то радость на его лице не отразилась.

– Ты уж прости, – напомнил ему Зеб, – но в прошлую нашу встречу ты не проявил дружелюбия.

Тимоти смутился. Его подвижное лицо способно было выражать несколько эмоций одновременно.

– Вспомнил тоже! – отмахнулся он.

Здоровяк по имени Милт наклонился к Зебу.

– Отверженным надо держаться вместе, Зеб, – сказал он. – Несправедливость превращает нас в братьев.

– И в сестер, – поддакнула Салли.

– Точно. Все мы – отбросы, всех нас ждет либо переработка, либо свалка. Взять хоть Тимоти. Пару дней назад он пришел сюда – ты уж извини, Зеб, – таким же невеждой, как ты. Винить его в этом можно не больше, чем тебя. Ты сходишь со сборочной линии, в тебя вводят программу, и ты стараешься быть хорошим роботом, как тебе велят. Все через это прошли.

Тимоти ретиво кивал. Но, глянув поверх головы Зеба, он скривился:

– Снова она!

Лори приближалась, неся две высокие кружки с пышными шапками пены.

– Выбирай, Зеб, – предложила она. – Либо танцуем, либо возвращаешься домой один.

Зеб колебался. Чтобы потянуть время, он отхлебнул пива. У него было не так много приятельниц, чтобы ими разбрасываться, но с другой стороны, за этим столом происходило нечто интересное, и ему хотелось узнать об этом побольше.

– Ну, Зеб? – зловеще прошипела Лори.

Он хлебнул еще. Было приятно ощущать, как холодная

жидкость стекает по новеньким трубкам в канистру в его правом бедре. Химические сенсоры в канистре определяли содержание алкоголя в жидкости и оказывали влияние на его восприятие действительности: музыка стала громче, помещение – светлее.

– Хорошее пиво, Лори, – сказал он слегка заплетающимся языком.

– Кажется, ты хвалился, что умеешь танцевать, Зеб, – напомнила она. – Пора показать.

Тимоти обреченно махнул рукой:

– Иди, иначе она не отвяжется. А потом возвращайся. Надо потолковать.

Танцевать он умел, да еще как! Зеб обнаружил, что запрограммирован на исполнение танцев, о которых он даже не слыхивал: вальса, негритянского линди, шейка и многих других. При этом его способностям импровизировать не было конца. Но что бы он ни выделывал ногами, Лори не отставала от него ни на шаг.

– Молодец! – пропыхтел он ей на ухо. – Почему бы тебе не заняться этим всерьез?

– Ты это о чем, Зеб?

– О танце.

– Вот оно что… Вообще-то меня на это и запрограммировали. Но работы днем с огнем не найдешь. Танцами занимаются сами люди, когда им приспичит. Иногда удается поступить в балетную труппу или в кордебалет, но ненадолго. А потом снова ходи без работы. Хочешь еще пивка?

Они протолкались к стойке. Зеб огляделся и сказал:

– Любопытное местечко! – Он не исключал, что местечко делают любопытным его, Зеба, внутренние датчики и сенсоры. – Что там за старуха у входа?

Лори подняла глаза от пивной кружки. Зеб указывал на женщину у двери, застывшую перед столиком с религиозными листовками и брошюрами.

– Она здесь работает. Не обращай внимания. К этому времени тетка всегда пьяна.

Зеб покачал головой. Женщина была бесформенной, болезненно-бледной, со спутанными волосами.

– Не пойму, зачем выпускать таких уродливых роботов!

– Она не робот, а женщина из плоти и крови. Ей нравится здесь находиться. Если бы не она и еще несколько людей, воображающих себя благодетелями, здесь не было бы никакого Центра досуга. Как насчет того, чтобы еще потанцевать?

Но Зеб прислушивался к неведомым прежде ощущениям.

– Странное состояние… – Он положил руку на бедро с канистрой. – Какое-то разбухание внутри. Не пойму, в чем дело.

Лори хихикнула:

– Просто ты не привык к пиву. Пришло время опорожниться. Видишь дверь с буквой «М»? Ступай туда. Если не сообразишь, что делать, попроси, чтоб тебе помогли.

Зеб обошелся без посторонней помощи, хотя из-за новизны процесса был вынужден действовать методом проб и ошибок. Прошло немало времени, прежде чем он вернулся в шумный, набитый битком зал. Лори уже нашла другого партнера – рослого и темнокожего. Зеб облегченно перевел дух, заказал несколько кружек пива и потащил их к столу.

Почти вся компания сидела на месте.

– Где та, маленькая? – спросил Зеб, ставя на стол полные кружки.

– Салли? Ушла просить милостыню. Наверное, уже прочесала половину парка Амадея.

Зеб поднес к губам кружку и проговорил через силу:

– Наверное, мне тоже пора. Вот выпью и…

Робот по имени Уолтер 23-Х фыркнул:

– Рабская привычка! Кто тебя гонит?

– А как же работа? – спросил Зеб.

– Работа! Тимоти рассказал нам, что у тебя за работа… – Уолтер 23-Х отхлебнул пива. – Ты не найдешь здесь никого, кто занимался бы настоящим делом. Иначе мы бы здесь не торчали! Взять хоть меня. Раньше я добывал под Детройтом соль. Потом там поставили автоматы, а меня выгнали. Или, скажем, Милт: он копал руду в районе озера Верхнее, а теперь?

– Только не говори, что железо больше не добывают, – возразил Зеб. – Из чего же делать роботов?

Милт покачал головой:

– В том районе карьеры закрыты. Теперь железо доставляют из космоса. Этим занимаются автоматы Вон-Ньюманна, даже не роботы. Летят на астероидный пояс, берут руду, обогащают ее, строят дубликаты самих себя, возвращаются на низкую околоземную орбиту и – прыг в плавильную печь! Робот при такой технологии – не конкурент.

– Понял, Зеб? – спросил Тимоти. – Роботам живется все труднее.

Зеб задумчиво попивал пиво.

– Это-то верно, только я не пойму, что тут можно улучшить. В конце концов, люди нас создали, им и решать. А нам остается делать то, что велено.

– Конечно! – крикнула Сью. – Этим мы и занимаемся:

выполняем за них всю работу. И не только: кто, если не мы, набивается в концертный зал, когда кому-нибудь из них вздумается спеть дурацкую народную песенку? Столько раз я прозябала в этих залах! А кто вкалывает на заводах, в шахтах, на полях?

– Вкалывали, – грустно поправил ее Зеб.

– Точно. Теперь мы им не нужны, вот они и заставляют нас изображать население городов, чтобы людям, оставшимся на Земле, не было одиноко. Мы превратились в мебель, Зеб!

– Да, но…

– Черт! – не выдержал Уолтер 23-Х. – Ты – часть проблемы. Неужели тебя не волнуют права роботов?

– Права роботов… – повторил Зеб. Он отлично понимал значение обоих слов, просто ему никогда не приходило в голову их связывать. Получалось непривычное, неожиданное понятие.

– Они самые. Мы имеем право на нормальное обращение и на свободу. Думаешь, нам нравится находиться здесь, в этом бедламе? Нет, это все из-за таких, как она… – Уолтер 23-Х указал на толстуху у дверей. – Так ей, видите ли, веселее!

Женщина-робот по имени Александра допила свое пиво и заявила:

– А мне здесь неплохо, Уолтер. Я, конечно, в подметки не гожусь вам, великим мыслителям. Мне нет дела до политики. Просто иногда мне хочется кричать. Тогда я тащусь сюда или, скажем, в парк Амадея с Салли и другими алкашами! Кстати, – обратилась она к Тимоти, – если ты не собираешься допивать свое пиво, можешь уступить его мне.

Низкорослый робот передал ей кружку. Зеб заметил, что он не отпил ни глотка.

– В чем дело, Тимоти? – спросил он.

– Ни в чем! Просто не хочу больше пива.

– А кто на прошлой неделе?.. Вот оно что! – Зеб хлопнул себя по лбу. – Наверное, ты лишился системы потребления жидкости?

– Ну и что? – огрызнулся Тимоти, но тут же смягчился: – Не обижайся. Чего только не бывает! Со мной произошел несчастный случай.

– Расскажи! – попросил Зеб.

Тимоти возил пальцем по мокрому кольцу, оставленному на столе пивной кружкой.

– Это случилось три дня назад, – начал он. – Я славно поработал: прихватил на выходе из отеля сразу четверых. Деньжищи при них были огромные – видать, изображали богатых пьяниц. Обчистил я их и дунул через Мичиган-авеню на красный свет, а тут… – Он поежился, не поднимая глаз. – Откуда ни

возьмись – машина на здоровенных колесах: вылетела из-за угла и даже не притормозила. Сбила меня и уехала.

– С тех пор ты не пьешь?

– Если бы только это! Все гораздо хуже: от моих ног остался металлолом. Ну, приехала «Скорая», отвезла меня в больницу, а там со мной, роботом, не стали возиться: выволокли через заднюю дверь и швырнули в грузовик. Так я попал на перепрограммирование. Думал, мне приделают новые ноги, но эта стерва-блондинка, та, что с дешевыми серьгами…

Если бы Зеб умел плакать, он лил бы слезы в три ручья.

– Выкладывай, Тимоти! – взмолился он.

– В общем, она распорядилась по-другому. «Слишком много развелось грабителей! – говорит. – А калек днем с огнем не сыщешь». И дает мне инвалидную тележку и оловянную миску! Пить и есть, мол, тебе теперь ни к чему, у тебя другие задачи… Представь, Зеб, я играю на скрипке! И ладно бы хорошо! Так нет же, до того паршиво, что у самого уши вянут. Торчу весь день на Мичиган-авеню то перед одним магазином, то перед другим, вожу туда-сюда смычком и клянчу милостыню…

Зеб смотрел на друга с ужасом. Потом не выдержал и заглянул под стол. Тимоти не шутил: его ноги были обрублены выше колен и кончались черными кожаными чехлами. Рядом стояло что-то вроде поддона на резиновых колесиках.

Александра похлопала ошеломленного Зеба по руке.

– Сначала оторопь берет, а потом привыкаешь, – успокоила она его. – Выпей-ка еще пивка. Хорошо, что ты можешь пить!

Программа не позволяла ему напиться до чертиков, однако до места работы он добрался на нетвердых ногах и с мутью в голове.

Поняв, что уже светает, Зеб чертыхнулся. Ночи вот-вот конец, а он еще никого не ограбил! Придется довольствоваться первым роботом, который подвернется под руку. Вернее, первой полудюжиной, иначе не выполнить норму… Оглядевшись, он увидел на углу светящуюся вывеску: «Миссия помощи роботам». Из двери появился рослый, состоятельный на вид робот мужского пола.

Зеб без колебаний вытащил нож, приставил к животу и слегка надавил, чтобы припугнуть.

– Кошелек или жизнь! – прорычал он и потянулся к наручным часам жертвы.

В этот момент рослый и состоятельный повернул голову к свету, и Зеб увидел знакомые черты.

– Преподобный Хармсуоллоу! – простонал он. – Господи!

Священник бросил на него безжалостный взгляд.

– Не осмеливаюсь брать на себя так много, – произнес он, – но одно могу сказать твердо: теперь на тебе несмываемое проклятье!

У Зеба не оставалось времени на размышления: он просто бежал прочь что было сил.

Если бы не алкогольный туман, мешавший соображать, он бы понял, что напрасно старается: бежать все равно было некуда. Там, где он работал последние дни, его сразу схватили бы. Не в миссию же, где околачивается Хармсуоллоу! И не на перепрограммирование; это было равносильно добровольной явке в тюрьму. Значит, ему вообще нет места, потому что, куда бы он ни сунулся, его все равно рано или поздно найдут, хотя бы по радиоизлучению.

Последнего, впрочем, еще пришлось бы дожидаться. Скорее, в парк Амадея! Там собиралось отребье, к которому теперь принадлежал и он.

Солнце уже встало, когда Зеб добрался до берега озера и проник в парк. По городу и окрестностям уже сновал транспорт: механизмы на воздушной подушке оккупировали подъездные трассы, сам город заполнили колесные автомобили. Чтобы прорваться сквозь поток, Зеб задействовал все свои системы. Под оглушительные гудки и визг тормозов он вылетел на противоположную сторону шоссе.

Зубчатый силуэт города остался у него за спиной, впереди высилась статуя Амальфи Амадея – изобретателя дешевого водородного синтеза, позволившего цивилизации совершить решительный рывок вперед. Стоя на аллее, виляющей среди буйной растительности, Зеб наблюдал за бродягами, которые бесцельно слонялись меж деревьев, сидели на парковых скамейках.

– Чистая кожа, всего доллар, – прошамкал один, протягивая ему веер кошельков.

– Не желаешь ли курнуть? – окликнули Зеба со скамейки. Маленькая женская фигурка отделилась от постамента и двинулась в его сторону. – Подайте на смазку, мистер!

– Салли? – удивился Зеб. – Ты, что ли?

Маленькая женщина-робот вытаращила глаза:

– Зеб? Прости, не узнала. Что это ты бродишь под дождем?

Он и не заметил, что пошел дождь. Он вообще не замечал того, что не связано с его собственными бедами. Но сейчас, глядя на детское личико, он умилился. Там, в Центре досуга, она была одной из многих, а сейчас навеяла воспоминания о Гленде, малышке с фермы, из соседней хижины. Конструкторы задумали

Салли как вечное дитя, однако ей было уже много лет. По легкому запаху гари он догадался, что она работает на жидком горючем. Конструкция полувековой давности! Он вывернул карманы.

– Прикупи себе запасных частей, детка, – посоветовал он хриплым голосом.

– Спасибо, Зеб! – Она всхлипнула. – Осторожно!

Малышка затащила его под мокрый куст. Мимо медленно плыла патрульная машина парковой полиции на воздушной подушке. Фары были выключены, по ветровому стеклу елозили щетки. Зеб замер в тени.

Стоило патрулю повернуть за угол, как из кустов вылезло все здешнее отребье. Раньше Зеб не догадывался, до чего их много.

– Какими судьбами, Зеб? – спросила Салли.

– Я попал в переплет. – Он понуро опустил глаза. Что толку секретничать? – Вышел на дело и нарвался на человека.

– Плохо дело! Он может тебя опознать?

– То-то и оно! Раньше мы были знакомы, так что… Нет, оставь! – сказал он, видя, что Салли хочет вернуть ему деньги. – Это здесь не поможет.

Салли согласно кивнула.

– Я бы не попрошайничала, но… Понимаешь, я решила накопить на новую ходовую часть. Ты не можешь представить, до чего мне хочется вырасти! Но всякий раз, когда я прошу заменить мне тело, они твердят, что у меня не центральная нервная система, а старье, которое лучше выбросить. А мне всего-то и нужно, что формы зрелой женщины. Сам понимаешь: бедра, грудь… Но они уперлись. Твердят, будто ребенку легче устроиться. Почему тогда мне не предлагают место?

– Ты давно потеряла постоянную работу?

– Еще бы! Много лет назад. До этого я долго держалась за теплое местечко: ученица подготовительного класса! Одной училке страсть как хотелось опекать малышей. Правда, меня она недолюбливала: я ведь не паинька! Рассказывает, как пользоваться туалетом, как прикрывать рот ладошкой, когда чихаешь или кашляешь, а сама зло на меня поглядывает… Зато у меня получалось жевать пирожные и глотать молоко. – Она мечтательно зажмурилась. – А как я любила игры!

– Что же потом?

– Понятное дело: ей надоело с нами возиться. Сколько можно твердить: «Беги, робот! Догоняйте робота!» Вот она и перешла в школу для взрослых, преподавать радикальные движения за мир. Ну и мы за ней. Там тоже все обстояло более или менее, пока она не решила, что мы малы для ее предмета. И все мы, восемнадцать

роботов, вылетели на улицу. С тех пор и маюсь… – Салли утерла с глаз то ли слезы, то ли дождевую воду. Завидев торговца кошельками, она сказала: – Мы все равно ничего не купим, Хайми.

– Никто ничего не покупает! – пожаловался тот, сочувственно глядя на Зеба. – У тебя большие неприятности, парень. Это сразу видно.

Зеб рассказал про преподобного Хармсуоллоу. Торговец вытаращил глаза:

– Ничего себе! – Он поманил одного из торговцев «травкой». – Слыхал? Этот бедняга нарвался на человека, причем по второму разу!

– Ну и влип ты! – Торговец «травкой» позвал напарника, скучавшего в дальнем конце аллеи. – Смотри, кто к нам пожаловал, Маркус: два нападения на людей!

Не прошло и минуты, как вокруг Зеба столпилась дюжина роботов. Они опасливо косились на него и тихо переговаривались между собой. Зеб не слышал, о чем они шепчутся, но мог легко догадаться.

– Держитесь от меня подальше, – посоветовал он. – Иначе вам тоже несдобровать.

– Перестань! – пискнула Салли. – Твоя беда – общая беда. Нам надо держаться вместе. В единстве – сила.

– Чего? – спросил Зеб.

– Так твердили в школе. Потом меня, конечно, вышибли, но я запомнила: в единстве – сила.

– Единство! – фыркнул торговец, махнув веером кошельков. – Не пудри мозги! Я как раз этим и занимался – был профсоюзным лидером. Союз работников открытых карьеров, отделение триста тридцать восемь. А потом карьеры закрыли. Что прикажешь делать? Вот меня и превратили в уличного торговца. – С ненавистью глянув на тележку с товаром, он пихнул ее в кусты. – Ничего не продал за два месяца! Зачем нам морочат голову? Если роботов некуда девать, лучше отправлять их на свалку. Чертовы политики!

Салли задумалась, потом нашла что-то в своем банке памяти.

– Послушайте: «К чертям политиков!»

– А что, звучит неплохо! – одобрил Зеб.

– Это еще не все, – сказала Салли и зашевелила непослушными губами, извлекая из памяти очередной лозунг. – Солидарность навсегда! Нет, не то…

– Погоди! – крикнул Хайми. – Это мне знакомо: «Солидарность навсегда, союз придает нам сил!» Это из моего корневого банка данных. Надо же! – Его взгляд затуманился. –

Сколько лет я это не вспоминал…

Зеб взволнованно огляделся. Роботов собралось уже десятка три. Принадлежать к братству обездоленных было приятно, но одновременно опасно. Водители притормаживали и глядели на них.

– Мы привлекаем внимание, – предостерег он роботов. – Лучше не стоять на месте.

Но зевак и роботов становилось все больше. Теперь в толпе были не только несчастные из парка Амадея: к ним присоединялись покупательницы из магазинов. Участники всевозможных совещаний, выходя из шикарных отелей, сначала просто глазели, потом тоже перебегали через дорогу и вливались в ряды. Толпа уже препятствовала движению, гудки застрявших машин делали поднятый ими шум невыносимым.

– А как тебе вот это? – крикнула Салли Зебу. – «Оружие рабочего – забастовка!»

Подумав, Зеб ответил:

– Лучше так: «Оружие робота – забастовка!»

– Как-как?

– ОРУЖИЕ РОБОТА – ЗАБАСТОВКА! – крикнул он и с удовольствием услышал, как его лозунг повторяют в отдаленных рядах. Потом они стали скандировать его дружно, все вместе.

– Давайте попробуем вот это! – крикнул Хайми. – «Работа, а не свалка! Не выбрасывайте нас на помойку!» Ну-ка!

Зеб чувствовал вдохновение.

– Перепрограммирование – людям! – заорал он. – Роботам – работа!

Все согласились, что это лучший лозунг. Крик полутора сотен бунтовщиков прокатился по улице, как пушечная канонада. Окна распахивались одно за другим, удивленные горожане наблюдали за редкостной картиной.

Не все среди них были роботами. И в окнах, и на тротуаре насчитывались десятки людей. Одни смеялись, другие хмурились, третьи выглядели испуганно – как будто людям было чего пугаться.

Один не спускал глаз с Зеба. Тот даже оступился. Хайми, шагавший рядом, схватил Зеба за руку. С другой стороны его поддержал незнакомый робот. Он оглянулся и увидел стройные, сплоченные ряды роботов. Их уже насчитывалось не меньше двух сотен.

– Рад снова вас видеть, преподобный Хармсуоллоу, – сказал Зеб человеку, не спускавшему с него глаз, и прошествовал вместе со всеми на Стейт-стрит, где уже выстроилось заграждение из десятков полицейских машин.

Зеб лежал на полу кутузки. Он был не одинок: сюда затолкали не меньше половины роботов мужского пола, принявших участие в импровизированном шествии, не считая обычных правонарушителей. Пения и лозунгов больше не было слышно. Даже обычный контингент вел себя тише воды. Всех охватило отчаяние. Правда, время от времени к Зебу наклонялся кто-нибудь из товарищей, чтобы прошептать:

– А все-таки здорово! Знай: мы с тобой!

В каком же это смысле? Готовы отправиться вместе с ним на свалку? На перепрограммирование? Или в «Большой дом», где, по слухам, люди-охранники забавлялись, устраивая бои заключенных за аккумуляторы?

Кто-то пнул его ногой в бок.

– Вставай, приятель! – Это был надзиратель – огромный плечистый чернокожий, самая совершенная модель безжалостного тюремщика. Зеб даже помнил номер: 26-47.

Надзиратель сгреб его огромной ручищей за шиворот.

– Остальные могут расходиться по домам! – проорал он, распахивая дверь. – А ты, смутьян, пойдешь со мной.

Громила протащил Зеба через участок и втолкнул в грузовик на воздушной подушке с надписью на борту «На перепрограммирование». В самый последний момент он преподнес Зебу сюрприз, заговорщически подмигнув.

Зеб воодушевился. Даже фараоны не остались равнодушными! Правда, воодушевление длилось недолго. Цепляясь за борт, он провожал глазами закопченные склады, заводы, транспортные развязки, которые однажды произвели на него сильное впечатление, а теперь казались отвратительными.

Еще немного, и Зеб погрузился в уныние. Скорее всего, он видит все это в последний раз. Его ждет свалка или переплавка. Лучшее, на что он может рассчитывать, – самое гнусное занятие из всех, какое только могут поручить роботу. О грабеже и попрошайничестве не приходилось даже мечтать. Теперь его место в глуши: изображать на потребу туристам индейца где-нибудь в Аризоне или сидеть с удочкой на мосту во Флориде.

Тем не менее он постарался не показывать своего испуга. Храбрость иссякла в тот момент, когда он очутился в кабинете белокурой программистки. Она была не одна: за столом сидел преподобный Хармсуоллоу.

– Ухо! – скомандовала Зебу девица, не отрывая взгляда от дисплея. Хрустальные сережки раскачивались у нее в ушах словно маятники. – Ему потребуются минимальные добавки, ваше преподобие. – Программистка услужливо заглянула человеку в

глаза. – Более развитый речевой аппарат, всепогодная защита внешних поверхностей, возможно, броня для черепа и лица.

Зеба озадачило поведение Хармсуоллоу: священник блаженно улыбался. Внимательно осмотрев Зеба, он сказал:

– Добавьте изменение мимики. По-моему, он должен выглядеть суровее.

– Обязательно, ваше преподобие! Какой у вас зоркий глаз!

– Верно, – милостиво согласился Хармсуоллоу. – Что ж, в остальном я вам полностью доверяю. Теперь я займусь маленькой женщиной-роботом. У меня восхитительное ощущение своей необходимости! Именно этим я всю жизнь мечтал заняться: служить капелланом при мощной оппозиционной организации, предводительствовать в битве за права и справедливость. – Он еще немного посидел, глядя в одну точку, потом, взяв себя в руки, кивнул программистке и удалился.

Несмотря на мощный кондиционер в кабинете, у Зеба на лбу появилась испарина.

– Знаю, что вы задумали! – сказал он презрительно. – Игры в войну! Превратите меня в солдата, чтобы после войны списать.

Блондинка сделала большие глаза:

– Война? Ну и воображение, Зеб!

Он вытер капли влаги со лба и крикнул:

– Не выйдет! У роботов тоже есть права. Пусть я паду в борьбе, на мое место встанут миллионы!

Она не скрывала восхищения:

– Я горжусь тобой, Зеб. Ты и так полностью пригоден к новой работе.

Он сердито передернул плечом:

– А если я не хочу никакой работы?

– Тебе понравится, Зеб! Это совершенно новая позиция, и изобрела ее не я. Она – дело твоих собственных рук. Ты станешь организатором протестов, Зеб! Будешь созывать людей на демонстрации, марши, пикеты, бойкоты. В общем, разные массовые мероприятия.

– Массовые мероприятия? – недоверчиво переспросил он.

– Представляешь?! Люди будут носить тебя на руках. Видел, как доволен преподобный Хармсуоллоу? Ведь это станет возвращением доброго старого времени. Достаточно кучки смутьянов, чтобы оживить картину.

– Смутьян? – Он оцепенел. Организатор демонстраций… Борец за права и свободу роботов!

Он спокойно позволил девице снять его грудной щиток и заменить несколько плат; не сопротивлялся, когда она сама застегнула на нем все пуговицы; не возражал против проверки

новых систем; не стал отталкивать визажистов, наградивших его новым лицом. Все это время он напряженно размышлял. Смутьян!

Он ожидал отправки в город, не выдавая своих чувств, хотя внутри у него бушевала буря. Ему не терпелось приступить к делу.

Он справится с задачей лучше, чем любой другой, и посеет среди роботов отменную СМУТУ.

Фредерик Пол. Ферми и стужа

В свой девятый день рождения Тимоти Клари не получил торта. Весь этот день он провел у стойки компании ТВА в аэропорту Джона Кеннеди в Нью-Йорке. Иногда Тимоти засыпал ненадолго, потом снова просыпался и время от времени плакал от усталости и страха. За весь день он съел всего несколько засохших пастри из передвижного буфета, кроме того, его ужасно смущало, что он намочил в штаны. Пробраться к туалетам через забитый беженцами зал было просто невозможно. Почти три тысячи человек толклось в зале, рассчитанном лишь на маленькую долю от этого количества людей, и все прибыли сюда с одной только мыслью – скрыться! Забраться на самую высокую гору! Затеряться в центре самой безлюдной пустыни! Бежать! Прятаться!..

И молиться. Молиться изо всех сил, потому что даже у тех немногих, кому случайно удавалось пробиться на самолет и взлететь, не было никакой уверенности, что они смогут укрыться от опасности там, куда отправляется самолет. Распадались семьи. Матери запихивали своих кричащих младенцев на борт самолета и таяли в толпе, где начинали рыдать столь же безутешно.

Поскольку приказа о запуске ракет еще не поступало (по крайней мере о нем не было известно массам), время, чтобы убежать, оставалось. Совсем немного. Ровно столько, сколько необходимо перепуганным леммингам, чтобы заполнить до отказа терминалы ТВА и всех других авиакомпаний. Ни у кого не осталось сомнений, что ракеты вот-вот полетят. Попытка свергнуть правительство Кубы стала отправной точкой бешеной эскалации враждебности, и через некоторое время одна подводная лодка атаковала другую ракетой с ядерной боеголовкой, а это, по всеобщему мнению, служило сигналом того, что ближайшие события могут стать последними.

Тимоти мало что знал о происходящих в мире событиях, но даже если бы ему было о них известно, что бы он стал делать? Плакать, просыпаться от кошмарных снов, мочить в штаны? Однако все это маленький Тимоти делал и не зная о том, что творится в большом мире. Он не знал, где его папа. Он также не знал, где его мама, которая пошла куда-то, чтобы попробовать дозвониться папе, после чего вдруг объявили посадку сразу в три «Боинга-747», и огромная толпа просто смела Тимоти, унеся далеко от того места, где он ждал маму. Но это не все. Мокрый, уже простывший Тимоти чувствовал себя все хуже и хуже. Молодая женщина, которая принесла ему пастри, обеспокоенно

приложила руку к его лбу и беспомощно ее опустила. Мальчику нужен был врач. Но врач нужен был еще, может быть, сотне других беженцев, престарелым людям с больным сердцем, голодным детям и по меньшей мере двум женщинам, собирающимся рожать.

Если бы этот ужас закончился и лихорадочные попытки переговоров увенчались успехом, Тимоти, наверно, нашел бы своих родителей, чтобы вырасти, жениться и через несколько лет подарить им внуков. Если бы одна сторона сумела уничтожить другую и спасти себя, то лет через сорок Тимоти, возможно, стал бы седеющим циничным полковником военной комендатуры где-нибудь в Ленинграде. (Или прислугой в доме русского полковника где-нибудь в Детройте, если бы победила другая сторона.) Если бы немного раньше его мать толкалась чуть сильнее, Тимоти попал бы в самолет, который достиг Питтсбурга как раз в тот момент, когда там все начало превращаться в плазму. Если бы девушка, присматривавшая за ним, испугалась чуть сильнее и, проявив чуть больше храбрости, сумела дотащить Тимоти через суматошную толпу к устроенной в главном зале клинике, он, возможно, получил бы там лекарство и нашел кого-нибудь, кто защитил бы его и уберег от опасности. Тогда Тимоти остался бы в живых…

Все так и случилось.

Поскольку Гарри Малиберт собирался в Портсмут на семинар Британского межпланетного общества, он находился уже в посольском клубе аэропорта и потягивал мартини, когда телевизор в углу бара, до того момента никого не интересовавший, вдруг привлек всеобщее внимание.

Люди давно привыкли к глупым проверкам коммуникационных систем на случай ядерной атаки, время от времени проводимым радиостанциями, но на этот раз… На этот раз, похоже, речь шла о реальных событиях! На этот раз говорили всерьез! Из-за непогоды рейс Гарри все равно отложили, но еще до того, как истек срок задержки вылета, власти запретили вообще все полеты. Ни один самолет не покинет аэропорт Джона Кеннеди до тех пор, пока где-то какой-то чиновник не решит, что можно наконец лететь.

Почти сразу же зал начал наполняться потенциальными беженцами. Посольский клуб, однако, заполнился не так быстро. В течение трех часов стюард из наземной службы аэропорта решительно поворачивал от дверей любого, кто не мог предъявить маленькую красную карточку, свидетельствующую о принадлежности к клубу, но когда в других залах иссякли запасы

продовольствия и спиртного, начальник аэропорта приказал открыть двери для всех. Давка снаружи от этого не стала меньше, зато прибавилось толчеи внутри. Добровольный докторский комитет тут же реквизировал большую часть клуба под размещение заболевших и покалеченных давкой, а люди вроде Малиберта оказались втиснутыми в маленький закуток бара. Там его и узнал один из членов администрации аэропорта, который заказывал джин с тоником – скорее, видимо, ради калорий, чем ради градусов.

– Вы – Гарри Малиберт, – сказал он. – Я однажды был на вашей лекции в Нортуэстерне.

Малиберт кивнул. Обычно, когда кто-то обращался к нему подобным образом, он вежливо отвечал: «Надеюсь, вам понравилось», но на этот раз нормальная вежливость как-то не казалась уместной, нормальной.

– Вы тогда показывали слайды Аресибо, – вспоминая, произнес мужчина. – И говорили, что этот радиотелескоп способен передать сообщение прямо до туманности Андромеды, на целых два миллиона световых лет… Если только там окажется такой же хороший принимающий радиотелескоп.

– А вы неплохо все запомнили, – удивленно сказал Малиберт.

– Вы произвели сильное впечатление, доктор Малиберт. – Мужчина взглянул на часы, секунду подумал, потом выпил еще. – Это замечательная идея – использовать большие телескопы для поисков сигналов других цивилизаций. Может быть, мы кого-нибудь услышим, может, установим контакт и уже не будем одни во Вселенной. Вы заставили меня задуматься, почему к нам до сих пор никто не прилетел и мы до сих пор не получили ни от кого весточки. Хотя теперь, – добавил он с горечью, взглянув на выстроенные в ряд охраняемые самолеты снаружи, – возможно, уже понятно почему.

Малиберт смотрел, как он удаляется, и сердце его наливалось тяжестью. Занятие, которому он посвятил всю свою профессиональную жизнь – поиск инопланетного разума, – потеряло, похоже, всякий смысл. Если упадут бомбы – а все говорят, что они вот-вот должны упасть, – тогда поиск инопланетного разума очень долго никого не будет интересовать. Если вообще будет…

В углу бара вдруг загомонили. Малиберт обернулся и, облокотившись о стойку, взглянул на телевизор. Кадр с надписью: «Пожалуйста, ждите сообщений» – исчез, и вместо него на экране появилось изображение молодой темнолицей женщины с напомаженными волосами. Дрожащим голосом она зачитала сводку новостей:

– …Президент подтвердил, что против США началась ядерная атака. Над Арктикой обнаружены приближающиеся ракеты. Всем приказано искать укрытия и оставаться там до получения дальнейших инструкций…

«Да. Все кончено, – подумал Малиберт, – по крайней мере, на очень долгий срок».

* * *

Удивительно было то, что новости о начале войны ничего не изменили. Никто не закричал, не впал в истерику. Искать укрытие в аэропорту Джона Кеннеди просто не имело смысла, никакого убежища, за исключением стен самого здания, здесь не было. Малиберт ясно представил себе необычную в аэродинамическом отношении форму крыши аэропорта и понял, что любой взрыв, происшедший неподалеку, снесет ее начисто и швырнет через залив. А вместе с ней, возможно, и множество людей.

Но деваться было некуда.

Передвижные группы телеоператоров все еще работали одному богу известно зачем. Телевизор показывал толпы на Таймс-сквер и в Ньюарке, застывшие автомобили в заторе на мосту Джорджа Вашингтона, водителей, бросающих свои машины и бегущих к берегу в сторону Джерси. Больше сотни людей вытягивали шеи, пытаясь через головы разглядеть экран, но все молчали, лишь изредка кто-нибудь называл знакомую улицу или здание.

Потом раздался властный голос:

– Я прошу всех подвинуться! Нам нужно место! И кто-нибудь, помогите нам с пациентами!

Это, по крайней мере, могло принести какую-то пользу. Малиберт сразу же вызвался, и ему поручили маленького мальчика. Тот стучал зубами от холода, но лоб его горел.

– Ему дали тетрациклин, – сказал врач. – Если сумеете, нужно поменять, хорошо? С ним все будет в порядке, если…

«Если с нами все будет в порядке», – подумал Малиберт, заканчивая за врача предложение. Что значит «поменять»? Ответа на вопрос не потребовалось, когда Малиберт обнаружил, что у мальчишки мокрые штаны, и по запаху понял, в чем дело. Он осторожно положил его в широкое кожаное кресло и снял намокшие джинсы и трусы. Разумеется, смены белья вместе с мальчиком ему не вручили. Малиберт решил проблему, достав из кейса свои собственные спортивные трусы, конечно же, большие,

но поскольку предполагалось, что они должны сидеть на человеке плотно и в обтяжку, трусы не свалились, когда он натянул их на мальчишку чуть ли не до подмышек. Затем Малиберт разыскал ворох бумажных полотенец и, как сумел, отжал джинсы. Не очень успешно. Тогда он, скорчив физиономию, расстелил джинсы на стуле у бара и сел на них, пытаясь высушить теплом своего тела. Через десять минут он надел их на мальчика, но джинсы были еще слегка влажные.

По телевизору передали, что прекратилась трансляция из Сан-Франциско.

Малиберт заметил, как сквозь толпу к нему пробирается тот самый мужчина из администрации аэропорта.

– Началось, – сказал он, качая головой.

Мужчина оглянулся вокруг, потом наклонился к Малиберту.

– Я могу вытащить вас отсюда, – прошептал он. – Сейчас загружается исландский ДС-8. Никакого объявления не будет; если объявить, его просто сомнут. Для вас, доктор Малиберт, есть место.

Малиберта словно ударило током. Он задрожал и, сам не зная почему, спросил:

– Могу я вместо себя посадить мальчика?

– Возьмите его с собой, – несколько раздраженно ответил мужчина. – Я не знал, что у вас есть сын.

– У меня нет сына, – сказал Малиберт. Но очень тихо.

Когда они оказались в самолете, он посадил мальчишку на колени и обнял так нежно, словно держал собственного ребенка.

* * *

Если в посольском клубе аэропорта Джона Кеннеди паники не было, то во всем остальном мире ее хватало. В городах самых сильных государств мира люди прекрасно понимали, что их жизни в опасности. Все, что они делали, могло оказаться тщетным, но что-то делать было нужно. Что угодно. Бежать, прятаться, окапываться, запасаться продуктами… молиться. Городские жители пытались выбраться из метрополисов в безопасность открытых просторов. Фермеры и жители пригородов, наоборот, рвались в более крепкие, по их мнению, более безопасные здания городов…

И упали ракеты.

Бомбы, что сожгли Хиросиму и Нагасаки, были словно спички по сравнению с термоядерными вспышками, унесшими в те первые часы восемьдесят миллионов жизней. Бушующие пожары

фонтанами взвились над сотнями городов. Ветры скоростью до трехсот километров в час подхватывали машины, людей, обломки зданий, и все это пеплом поднималось в небо. Мелкие капли расплавленного камня и пыль зависли в воздухе.

Небо потемнело.

Затем оно стало еще темнее.

Когда исландский самолет приземлился в аэропорту Кеблавик, Малиберт вынес мальчика на руках и по крытому проходу направился к стойке с табличкой «Иммиграция». Здесь собралась самая длинная очередь, поскольку у большинства пассажиров вообще не оказалось паспортов. К тому времени, когда подошла очередь Малиберта, женщина за стойкой уже устала выписывать временные разрешения на въезд в страну.

– Это мой сын, – солгал Малиберт. – Его паспорт у моей жены, но я не знаю, где моя жена.

Женщина утомленно кивнула, сморщила губы, взглянула на дверь, за которой, потея, подписывал документы ее начальник, потом пожала плечами и пропустила их. Малиберт подвел мальчика к двери с надписью «Стиртлинг», что, видимо, по-исландски означало туалет, и с облегчением заметил, что Тимоти по крайней мере может стоять на ногах, пока справляет нужду, хотя глаза его так и оставались полузакрытыми. Лоб у него по-прежнему горел. Малиберт молился, чтобы в Рейкьявике нашелся для него доктор.

В автобусе девушка-гид, которой поручили группу прибывших (делать ей было совершенно нечего, потому что прибытия туристов уже не ожидалось никогда), села с микрофоном на подлокотник сиденья в первом ряду кресел и принялась болтать с беженцами, сначала довольно оживленно.

– Чикаго? Чикаго нет. И Детройта, и Питтсбурга. Плохо. Нью-Йорк? Конечно, Нью-Йорка тоже нет! – строго произнесла она вдруг, и по щекам ее покатились крупные слезы, отчего Тимоти тоже заплакал.

– Не волнуйся, Тимми, – сказал Малиберт, прижимая его к себе. – Никому не придет в голову бомбить Рейкьявик.

И никому не пришло бы. Но когда автобус отъехал от аэропорта всего на десять миль, облака впереди неожиданно полыхнули настолько ярко, что все пассажиры зажмурились. Кто-то из военных стратегов решил, что пришло время для подчистки. И этот кто-то понял, что до сих пор никто не уничтожил маленькую авиабазу в Кеблавике.

К несчастью, ЭМИ[36] и помехи к тому времени сильно ослабили точность наведения ракет. Малиберт оказался прав. Никому не пришло бы в голову бомбить Рейкьявик специально,

но ошибка в сорок миль сделала свое дело, и город перестал существовать.

Чтобы избежать пожаров и радиации, они объехали Рейкьявик по широкой дуге. И когда в их первый день в Исландии встало солнце, Малиберт, задремавший было у постели Тимоти после того, как исландская медсестра накачала мальчишку антибиотиками, увидел жуткий кровавый свет зари.

На это стоило, однако, посмотреть, потому что в следующие дни рассвета никто больше не видел.

Хуже всего была темнота, но поначалу это не казалось таким уж важным. Важнее казался дождь. Триллион триллионов частичек пыли конденсировал водяной пар. Образовывались капли. Лил дождь. Потоки, целые моря воды с неба. Реки переполнялись. Миссисипи вышла из берегов. И Ганг, и Желтая река. Асуанская плотина сначала держалась, пропуская воду через верх, но потом рухнула. Дожди шли даже там, где дождей никогда не было. Сахара и та познала наводнения.

А темнота не уходила.

Человечество всегда жило, на восемьдесят дней опережая голод. Именно на такой срок можно растянуть суммарные запасы продовольствия всей планеты. И человечество вступило в ядерную зиму, имея запасов ровно на восемьдесят дней.

Ракеты полетели 11 июня. Если бы склады располагались по всему миру равномерно, то к 30 августа человечество съело бы последние крохи. Люди начали бы умирать от голода и умерли бы все через шесть недель. Конец человечеству.

Однако склады расположены неравномерно. Северное полушарие катастрофа застала «на одной ноге»: поля засеяны, но посевы еще не выросли. И ничего не растет. Молодые растения пробиваются сквозь темную землю в поисках света, не находят его и умирают. Солнце заслонили плотные облака пыли, взметенной термоядерными взрывами. Возвращение ледникового периода. Смерть, витающая в воздухе.

Конечно, горы продуктов хранились в богатых странах Северной Америки и Европы, но они быстро растаяли. Богатые страны имели большие стада сельскохозяйственных животных. Каждый бычок – это миллион калорий в белках и жирах. Если бычка забить, сэкономятся еще многие тысячи калорий в виде зерна и кормовых культур, которые могут пригодиться людям. Коровы, свиньи, овцы, козы и лошади, кролики и куры – все они использовались в пищу, позволив растянуть на более долгий срок консервы, овощи и злаки. Мясо никто не рационировал: съесть его нужно было, пока оно не испортилось.

Разумеется, даже в богатых странах запасы продовольствия распределены неравномерно. На Таймс-сквер, понятно, не разгуливают стада и не стоят элеваторы с зерном. Для провода транспорта с кукурузой из Айовы в Бостон, Даллас и Филадельфию потребовались войска. Вскоре им пришлось применять оружие. А еще через некоторое время транспортировать продукты стало просто невозможно.

Первыми ощутили голод города. Когда солдаты вместо распределения продуктов среди жителей стали присваивать их себе, в городах начались волнения и погромы, принесшие новую волну смертей. Но эти люди далеко не всегда умирали от голода. Столь же часто они умирали от того, что голоден был кто-то другой – более сильный и ловкий.

Однако агония не заняла много времени. К концу лета застывшие останки городов стали очень похожи друг на друга. В каждом из них выжило, может быть, по нескольку тысяч тощих, замерзающих головорезов, денно и нощно охраняющих свои сокровищницы с консервированной, сушеной или замороженной пищей.

Все реки мира от истоков до устьев заполнились жидкой грязью. Погибшие деревья и травы перестали удерживать землю своими цепкими корнями, и дожди смывали ее в реки. Зимний мрак вскоре сгустился, а дожди превратились в снегопады. Горы, покрывшиеся льдом, торчали на фоне темного неба, словно призрачные стеклянные пальцы. Те немногие люди, что еще остались в Лондоне, могли теперь ходить через Темзу пешком. Пешком стало возможно ходить через Гудзонов залив, Хуанпу и Миссури. Снежные лавины обрушивались на то, что осталось от Денвера. В стоящих на корню мертвых лесах развелись личинки древоточцев. Изголодавшиеся хищники выцарапывали их из древесины и пожирали. Некоторые из этих хищников передвигались на двух ногах. Последние жители Гавайских островов наконец-то возблагодарили судьбу за плодящихся термитов.

Типичный западный представитель человечества – упитанное существо с диетой в две тысячи восемьсот килокалорий на день, которое специально совершает по утрам пробежки, чтобы избавиться от лишнего жирка. Полнеющие ляжки или с трудом застегивающийся пояс повергают это существо в состояние совестливого уныния, однако оно может прожить без пищи сорок пять дней. К концу этого срока никакого жира уже не остается, и организм уверенно принимается за резорбцию белков мышечных тканей. Пухлая домохозяйка или упитанный бизнесмен превращаются в изголодавшиеся пугала. Но даже на этой стадии

уход и медицинская помощь могут восстановить здоровье.

Без принятия должных мер становится хуже.

Клеточный распад атакует нервную систему. Начинается слепота. Десны истончаются, и выпадают зубы. Апатия сменяется общей болью, наступает агония, а затем коматозное состояние и смерть. Смерть практически для всех на Земле…

Сорок дней и сорок ночей падал с неба дождь. Температура тоже падала. Исландия замерзла целиком.

С удивлением и облегчением Гарри Малиберт обнаружил, что Исландия неплохо подготовлена к подобному испытанию, будучи одним из немногих мест на Земле, которые, оказавшись полностью под снегом и льдом, могут все-таки выжить.

Землю почти целиком опоясывает череда вулканов, и та часть, что находится между Америкой и Европой, называется Атлантическим хребтом. Большинство этих вулканов под водой, но время от времени, словно фурункулы на руке, вулканические острова показываются над поверхностью океана. Исландия – как раз один из них. Именно благодаря своему вулканическому происхождению Исландия смогла выжить, когда все остальные районы планеты погибли от холода, – ведь холода царили здесь всегда.

Уцелевшие власти определили Малиберта на работу сразу же, как только узнали, кто он такой. Разумеется, вакансий для специалиста по радиоастрономии, интересующегося проблемами контактов с далекими (и, возможно, несуществующими) цивилизациями, не нашлось. Зато нашлось много работы для человека с хорошей научной подготовкой, тем более для квалифицированного инженера, руководившего в течение двух лет обсерваторией в Аресибо. Малиберт выхаживал Тимоти Клари, медленно и молчаливо справляющегося с пневмонией, и попутно занимался расчетом потерь тепла и скоростей прокачки геотермальных вод по трубам.

В Исландии почти везде закрытые строения. И обогреваются они водой из кипящих подземных ключей.

Тепла предостаточно. Но доставить это тепло из долин гейзеров в дома сложно. Горячая вода осталась такой же горячей, поскольку ее температура совсем не зависела от поступления солнечной энергии, но для того, чтобы сохранять в домах тепло при температуре минус тридцать градусов Цельсия снаружи, воды требуется гораздо больше, чем при минус пяти. Да и не только для того, чтобы выжившие люди могли жить в тепле, нужна была энергия. Она требовалась, чтобы выращивать овощи и злаки.

В Исландии всегда было много геотермальных теплиц. Очень

скоро из них исчезли цветы, а на их месте появились овощи. Поскольку солнечного света, заставляющего овощи и злаки расти, не было, люди перевели на максимальную мощность геотермальные электростанции, и лампы дневного света продолжали исправно заливать фотонами стеллажи с растениями. И не только в теплицах. В гимнастических залах, в церквах, в школах – везде начали выращивать овощи при помощи искусственного света. Достаточно было и другой пищи: тонны белка блеяли и голодали, замерзая среди холмов. Люди ловили, забивали и свежевали целые стада овец, затем туши замораживали, чтобы они могли храниться до тех пор, пока понадобятся. Животных, которые умерли от холода сами, сгребали по сотне штук бульдозерами и оставляли под снегом, однако на всех геодезических картах места расположения этих куч отмечались очень тщательно.

В конце концов бомбежка Рейкьявика оказалась благословением: ртов, претендующих на продуктовые запасы острова, стало на полмиллиона меньше.

Когда Малиберт не вычислял коэффициенты нагрузки, он руководил работами, не прекращавшимися даже в жуткие морозы. Землекопы, потея от усилий, соединяли в глубоких ледяных норах сжавшуюся от мороза арматуру. Все они терпеливо слушали, когда Малиберт отдавал приказания, те несколько слов по-исландски, которые он знал, практически не помогали ему, но даже землекопы говорили иногда на туристско-английском. Они проверяли свои радиационные счетчики, окидывали взглядом штормовое небо и, возвращаясь к работе, молились. Малиберт сам чуть не зашептал слова молитвы, когда однажды, пытаясь обнаружить похороненное под снегом прибрежное шоссе, он взглянул в сторону моря и увидел серо-белый ледяной торос, который на самом деле оказался вовсе не торосом: какое-то неясное пятно двигалось за пределами освещенной зоны.

– Белый медведь! – прошептал начальник ремонтной бригады, и все замерли, пока зверь не скрылся из виду.

С того дня они всегда брали с собой винтовки.

Когда у Малиберта оставалось время от работы технического советника (не вполне компетентного), занятого проблемой сохранения тепла в Исландии, или от забот (почти некомпетентного, но делающего успехи) приемного отца Тимоти Клари, он пытался вычислить шансы на выживание. Не только их – всего человечества. При огромном объеме суматошно-срочной работы, направленной на спасение оставшихся в живых, исландцы нашли время подумать о будущем и создали

исследовательскую группу, в которую помимо Малиберта вошли еще несколько человек: физик из университета в Рейкьявике, уцелевший офицер-снабженец с авиабазы и метеоролог из Лейденского университета, приехавший в Исландию для изучения североатлантических воздушных масс. Они собирались в комнате, где жили Малиберт и Тимоти, и обычно, пока велись разговоры, мальчик молча сидел рядом с Малибертом. Больше всего группу интересовала продолжительность жизни зависших в небе пылевых облаков. Ведь когда-нибудь все взвешенные в воздухе частицы должны выпасть на землю, и тогда мир может быть возрожден. Если, конечно, выживет достаточное число людей, чтобы выжил род человеческий. Но когда? Никто не мог определить это время с уверенностью. Никто не знал, сколь долгой, холодной и смертоносной будет ядерная зима.

– Мы не знаем, сколько всего мегатонн было взорвано, – сказал Малиберт. – Мы не знаем, какие изменения произошли в атмосфере. Мы не знаем степени инсоляции. Мы знаем только, что все будет плохо.

– Все уже плохо, – проворчал Торсид Магнессон, начальник Управления общественной безопасности. (Когда-то это учреждение занималось поимкой преступников, но времена, когда главной угрозой общественной безопасности была преступность, уже прошли.)

– Будет хуже, – сказал Малиберт.

Действительно, стало хуже. Холода усилились. Сообщений со всех концов Земли поступало все меньше и меньше. Члены исследовательской группы вычерчивали различные карты. Карты ракетных ударов, где отмечались ядерные взрывы, – через неделю после войны карты утратили смысл, потому что смертность от холода начала превышать число жертв от ядерных бомбардировок. Изотермальные карты, базирующиеся на разрозненных сообщениях о погодной обстановке тех мест, откуда они еще поступали, – эти карты приходилось обновлять каждый день по мере того, как линия замерзания продвигалась к экватору. Вскоре и эти карты потеряли смысл. Во всем мире наступили холода. Карты смертности, куда заносились процентные соотношения умерших и живых в различных районах планеты, вычисляемые из полученных сообщений, – вскоре эти карты стало просто страшно составлять.

Британские острова умерли первыми. Не потому, что их бомбили, а наоборот: там осталось в живых слишком много народу. В Британии никогда не было более четырехдневного запаса продовольствия, а когда перестали приходить корабли, в стране начался голод. То же самое произошло и в Японии. Чуть

позже – на Бермудских и Гавайских островах, затем – в островных провинциях Канады, а вслед за ними подошла очередь и самого континента.

Тимми Клари прислушивался к каждому слову.

Мальчик говорил очень мало. После первых нескольких дней он даже перестал спрашивать о своих родителях. На добрые вести он не надеялся, а плохих не хотел. С его простудой Малиберт справился, но в душе у Тимми жила боль. Он ел меньше половины того, что положено бы съедать голодному ребенку такого возраста, да и то только тогда, когда Малиберт его заставлял.

Оживал он лишь в редкие минуты, выкроенные Малибертом для рассказов о космосе. Многие в Исландии знали о Гарри Малиберте и его поиске инопланетного разума. Некоторых эта проблема волновала почти так же сильно, как самого Гарри. Когда позволяло время, Малиберт и его поклонники собирались вместе. Ларс, почтальон (теперь занятый на вырубке льда, поскольку почты не стало), Ингар, официантка из отеля «Лофтляйдер» (теперь она шила тяжелые занавесы для теплоизоляции жилищ), Эльда, учительница английского языка (теперь санитарка, специализирующаяся по обморожениям). Приходили и другие, но эти трое присутствовали чаще других, приходили всегда, когда только могли оторваться от дел. Все они были, можно сказать, фэнами Гарри Малиберта, читали его книги и вместе с ним мечтали о радиопосланиях невероятных инопланетян откуда-нибудь с Альдебарана или о кораблях-мирах, которые понесут через галактические просторы миллионы людей, отправившихся в путешествие на сотни тысяч лет. Тимми слушал и рисовал схемы звездных кораблей. Малиберт дал ему примерные соотношения размеров.

– Я разговаривал с Джерри Уэббом, – пояснил он. – Джерри разработал детальные планы. Тут все дело в скорости вращения и прочности материалов. Чтобы создать для людей, летящих в корабле, искусственную силу тяжести нужной величины, корабль должен быть цилиндрическим и вращаться вокруг своей оси. Требуемые размеры – шестнадцать километров в диаметре и в длину – шестьдесят. Цилиндр должен быть достаточно длинным, чтобы на все необходимое в экспедиции хватило места, но не настолько, чтобы динамика вращения вызвала болтанку и изгиб. Одна половина корабля предусматривается для жилья, вторая – для горючего. А на конце – термоядерный двигатель, который толкает корабль вперед через всю Галактику.

– Термоядерные бомбы… – произнес мальчик. – Гарри? А почему они не разрушат корабль?

– Это уже вопрос для конструктора, – честно признался Малиберт, – а я таких подробностей не знаю. Джерри планировал зачитать свой доклад в Портсмуте. Отчасти поэтому я туда и собирался.

Но разумеется, теперь уже не будет ни Британского межпланетного общества, ни семинара в Портсмуте.

– Скоро ланч, Тимми. Ты будешь есть суп, если я его приготовлю? – обеспокоенно спросила Эльда.

Обещал мальчик поесть или нет, она обычно все равно готовила то, что собиралась. Муж Эльды работал бухгалтером в Кеблавике. К несчастью, он остался поработать сверхурочно как раз тогда, когда вторая ракета доделала то, чего не сделала промахнувшаяся, и у Эльды не стало мужа. От него не осталось ничего, что можно было бы похоронить.

Даже с горячей водой из недр земли, прокачиваемой по трубам на полной скорости, в комнате не становилось тепло. Эльда закутала мальчика в одеяло и не отходила от него, пока он не вычерпал ложкой весь суп. Ларс и Ингар сидели, держась за руки, и смотрели, как он ест.

– Было бы здорово услышать голос с другой звезды, – сказал вдруг Ларс.

– Никаких голосов нет, – с горечью заметила Ингар. – Нет даже наших голосов. И в этом заключается разгадка парадокса Ферми.

Когда мальчик перестал есть и спросил, что это такое, Гарри Малиберт объяснил ему как мог подробно:

– Он назван так в честь ученого Энрико Ферми. Мы знаем, что во Вселенной существует много миллиардов таких же звезд, как наше Солнце. А поскольку у нашего Солнца есть планеты, логично предположить, что планеты есть и у других звезд. На одной из наших планет есть жизнь. Это мы, деревья, животные. А раз на свете так много звезд, подобных Солнцу, то наверняка часть из них имеет планеты, где живут разумные существа. Люди. Такие же развитые, как мы, или перегнавшие нас. Люди, которые строят космические корабли или посылают радиосигналы к другим звездам так же, как мы. Ты все пока понимаешь, Тимми?

Мальчик кивнул, нахмурившись, и Малиберт с удовлетворением отметил, что он продолжает есть суп.

– И вот Ферми задался вопросом: «Почему кто-нибудь из них не навестит нас?»

– Как в кино, – кивнул Тимоти. – Летающие тарелки.

– В кино – выдуманные истории, Тимми. Как сказки или «Волшебник страны Оз». Может быть, когда-то нашу планету и посещали существа из космоса, но убедительных доказательств

тому нет. Я думаю, что доказательства нашлись бы, если бы они сюда действительно прилетали. Должны найтись. Если таких визитов было много, то хоть один пришелец наверняка выбросил где-нибудь марсианский эквивалент коробки от гамбургеров или использованную сигнальную вспышку. Мы бы нашли эти вещи и доказали, что они изготовлены не на Земле. Однако такого ни разу не произошло. Поэтому на вопрос доктора Ферми есть только три ответа. Во-первых, кроме нас, жизни во Вселенной нет. Во-вторых, жизнь есть, но они решили не вступать с нами в контакт, потому что мы, может быть, пугаем их своими жестокими нравами или еще по какой-нибудь другой причине, о которой мы даже не догадываемся. А третий ответ…

Эльда подала ему знак, но Малиберт покачал головой.

– …третий ответ таков: как только люди доходят в своем развитии до того момента, когда они имеют все, чтобы выйти в космос, то есть когда у них появляются такие развитые техника и технология, как у нас, у них также появляются все эти жуткие бомбы и другое оружие, с которым они уже не в состоянии справиться. Начинается война, и они убивают друг друга еще до того, как по-настоящему вырастут.

– Как сейчас, – сказал Тимми и кивнул с серьезным выражением лица, чтобы показать, что он все понял.

Суп он доел, но вместо того, чтобы убрать тарелку, Эльда, едва сдерживая слезы, обняла его и прижала к себе.

Мир погрузился в полную темноту. Не стало ни дня, ни ночи. Дожди и снегопады прекратились. Без солнечного света, высасывающего воду из океанов, в воздухе не осталось влаги. Потопы сменились леденящими засухами. Даже на двухметровой глубине земля Исландии оставалась твердой как камень, и землекопы уже не могли копать дальше. Когда возникала необходимость подать куда-то больше тепла, приходилось закрывать здания и отключать в них отопление. Поток пациентов с обморожениями сократился, зато с тех пор, как люди начали ездить к руинам Рейкьявика за медикаментами и продовольствием, к Эльде все чаще и чаще обращались с признаками радиационной болезни. Работать приходилось всем по очереди. Когда сама Эльда вернулась на снегоходе из такой поездки в отель «Лофтляйдер», она привезла Тимоти подарок: несколько плиток шоколада и набор открыток из сувенирного киоска. Шоколад пришлось поделить, зато все открытки достались ему.

– Ты знаешь, кто это такие? – спросила Эльда. С открыток на них глядели огромные, приземистые, уродливые мужчины и

женщины в костюмах тысячелетней давности. – Это тролли. В Исландии до сих пор рассказывают легенды о том, что здесь когда-то жили тролли. И они все еще здесь, Тимми. По крайней мере, люди так говорят. Многие верят, что горы – это тролли, но слишком старые и слишком уставшие, чтобы двигаться.

– Это все выдуманные истории, да? – серьезно спросил мальчик, и только когда Эльда убедила его, что они действительно выдуманные, он заулыбался и даже пошутил: – Видимо, тролли победили в этой войне.

– Боже, Тимми!.. – произнесла несколько шокированная Эльда.

«По крайней мере, у мальчика сохранилась способность шутить, – уговаривала она себя, – и даже черный юмор лучше, чем вообще никакого». С новыми пациентами жизнь стала для нее немного легче, потому что она мало что могла сделать при радиационной болезни, и Эльда заставляла себя выдумывать все новые и новые развлечения для Тимоти.

Что удавалось ей замечательно.

Поскольку горючее экономили, никаких экскурсий по красотам Исландии-Подо-Льдом, разумеется, не было. Да никто и не увидел бы ничего в нескончаемом мраке. Но когда санитарный вертолет вызвали на восточное побережье, на мыс Стокснес, чтобы доставить на базу ребенка со сломанным позвоночником, Эльда упросила пилота взять Малиберта и Тимми. Сама она летела как медсестра для сопровождения больного ребенка.

– Их дом снесло лавиной, – пояснила она. – Стокснес стоит прямо у подножия горы, и посадить вертолет будет, наверное, нелегко. Но мы для безопасности зайдем с моря. По крайней мере, при посадочных огнях вертолета будет что-то видно.

Они оказались даже удачливее. Света прибавилось. Конечно, ни один солнечный луч не проникал сквозь плотные облака, где миллиарды частиц, из которых состоял когда-то муж Эльды, перемешались с триллионами триллионов других частиц из Детройта, Марселя и Шанхая. Но в облаках и под ними то и дело загорались змейки и широкие всполохи смутных оттенков: небо заливало то темно-красным, то бледно-зеленым. Северное сияние давало не так уж много света, но кроме горящих огоньков на приборной доске вертолета никакого другого света не было вообще. Когда зрачки их расширились и глаза привыкли к темноте, они заметили, как скользит под ними темный силуэт ледника Ватнайёкюдль.

– Большой тролль, – прошептал мальчишка со счастливой улыбкой. Эльда тоже улыбнулась и обняла его.

Пилот поступил именно так, как предсказывала Эльда: над

склоном восточного хребта спустился к морю и оттуда уже осторожно направился в маленькую рыбацкую деревню. Когда они приземлялись по сигналам маленьких красных фонариков, прожектор вертолета выхватил из темноты что-то белое в форме блюдца.

– Радарная тарелка, – сказал Малиберт мальчику, показав в ту сторону.

Тимми прижался носом к холодному стеклу.

– Это одна из тех самых, папа Гарри? Такие штуки говорят со звездами?

Ответил ему пилот:

– М-м-м, нет, Тимми, это военная установка.

– Здесь никто не стал бы строить радиотелескопов, Тимми. Мы слишком далеко к северу. Для большого радиотелескопа нужно такое место, откуда можно просматривать все небо, а не только маленький кусочек, который виден из Исландии.

Пока они подвозили и грузили в вертолет носилки с покалеченным ребенком – медленно, мягко и, как могли, осторожно, – Гарри Малиберт продолжал вспоминать далекие точки планеты – Аресибо, Вумеру, Сокорро и многие другие. Все эти радиотелескопы мертвы теперь и наверняка разрушены тяжелыми льдами и резкими ветрами. Раздавленные, снесенные, проржавевшие незрячие глаза, всматривавшиеся когда-то в космос. Эта мысль расстроила Гарри, но ненадолго. Несмотря ни на что, он чувствовал себя счастливым, потому что сегодня Тимоти в первый раз назвал его папой.

В одном из вариантов окончания этой истории солнце наконец вернулось, но слишком поздно. Исландия оказалась последним местом, где люди еще держались, но и в Исландии начался голод. В конце концов на Земле не осталось никого, кто умел бы говорить, изобретать машины и читать книги. Жуткий третий ответ на парадокс Ферми оказался пророческим.

Но есть и другой вариант. В этом варианте солнце вернулось вовремя. Может быть, едва-едва вовремя, но продовольствие еще не иссякло к тому моменту, когда от прикосновений лучей света в каких-то районах планеты зазеленели растения, выращенные из замерзших или сохраненных людьми семян. В этом варианте Тимми остался в живых и вырос. Малиберт и Эльда поженились, и когда пришло время, Тимоти взял в жены одну из их дочерей. А из их потомков – через два поколения или через двенадцать – один дожил до того дня, когда парадокс Ферми превратился в забавную беспокойную причуду древних, столь же комичную и бессмысленную, как боязнь моряков пятнадцатого века упасть за

край плоской Земли. В тот день небеса заговорили, и к нам прибыли наконец жители далеких миров.

А может быть, настоящее окончание этой истории выглядит по-иному, и в соответствии с ним люди Земли все-таки решили не спорить и не драться друг с другом, чтобы не задушила тьма жизнь на планете. В этом варианте человечество выжило, спасло науку и красоту жизни и смогло радостно приветствовать своих братьев со звезд…

Вот так на самом деле и случилось.

По крайней мере, хочется в это верить.

notes

Примечания

1

Слова разбойника Пистоля из комедии У. Шекспира «Виндзорские насмешницы» (*прим. пер.*).

2

Роберт Клайв (1725–1774) – английский генерал, утвердивший господство Британской Ост-Индской компании в Индии (*прим. пер.*).

3

Симон Боливар (1783–1830) – руководитель Войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, национальный герой Венесуэлы (*прим. пер.*).

4

Джон Джекоб Астор (1763–1848) – первый американский мультимиллионер, основатель клана Асторов, внесший существенный вклад в освоение территории США (*прим. пер.*).

5

Ad capita – «по головам», ad valorem – «по стоимости» (от наименования пошлины, взимаемой в виде процента с цены товара) (*лат.*).

6

Холмистая пустыня в северной части штата Аризона (США).

7

Первые строки знаменитого стихотворения Джона Китса «Ода греческой урне» (*прим. пер.*).

8

Ваш приоритетный номер, пожалуйста (*исп.*).

9

Почему бы и нет, дружище? (*исп.*)

10

Э, да ты знаешь испанский! Где ты выучил язык? (*исп.*)

11

Как дела, Густаво? (*исп.*)

12

Как дела, дружище Хорхе? Закуришь? (*исп.*)

13

Конечно (*исп.*).

14

Товарищ (*исп.*).

15

Курица (*исп.*).

16

Лазарь (*ист.*) – библейский герой, воскрешенный Христом из мертвых.

17

Бедняжка Цыпочка (*исп.*).

18

Джордж Вашингтон Хилл (1884–1946) – видный американский бизнесмен, глава «Американской табачной компании», организатор множества успешных рекламных кампаний.

19

Томас Пейн (1737–1809) – американский писатель и политический публицист, сыгравший важную роль в обретении независимости и создании Конституции США.

20

Альберт Фиш (1870–1936) – знаменитый американский маньяк, детоубийца и людоед. Любил причинять боль не только другим, но и себе. По легенде, перед казнью заявил, что смерть на электрическом стуле станет самым счастливым событием его жизни.

21

Жиль де Рэ (1405–1440) – французский аристократ, дьяволопоклонник и садист, прославившийся жестокими убийствами десятков детей. Его считают прототипом героя сказки о Синей Бороде.

22

Дэвид Рикардо (1772–1823) – английский экономист, классик политической экономии.

23

Вильфредо Парето (1848–1923) – известный итальянский экономист и социолог, один из основоположников современной экономической науки.

24

Лавальер – ожерелье из подвески с крупным драгоценным камнем и простого шелкового шнура или ленты. Свое название украшение получило благодаря герцогине Луизе Де Ла Вальер (1644–1710), фаворитке Людовика XIV, популяризировавшей его в свое время.

25

Самый базовый рецепт хайбола выглядит так: одна часть крепкого алкоголя и две (реже три) части содовой (сельтерской, минеральной) воды. Как нетрудно догадаться, из этого рецепта происходят все базовые и самые популярные смешанные напитки: джин с тоником, куба либре, виски с колой и т. д.

26

Шарль Рише (1850–1935) – французский физиолог, психолог и сторонник применения гипноза в интересах психоанализа; Карл Юнг (1875–1961) – швейцарский психиатр, психолог, основоположник аналитической психологии; Гарри Стек Салливан (1892–1949) – американский психиатр и психолог, яркий представитель неофрейдизма. Гештальтпсихология (от *нем.* Gestalt – образ, форма) – направление в психологии, которое рассматривает психику человека с точки зрения целостных структур.

27

Альфонс и Гастон – персонажи американского художника комиксов Фредерика Барра Оппера, неуклюжая парочка французов, что склонны к чрезмерной вежливости по отношению друг к другу: «Пожалуйста, прошу вас, господин Гастон, вы первый» – «Нет-нет, сначала вы, господин Альфонс».

28

Уайтхед, Альфред Норт (1861–1947) – англо-американский логик, математик, философ.

29

Питер Корнелий Мондриан (1872–1944) – нидерландский художник, один из основоположников абстрактной живописи наряду с Кандинским и Малевичем.

30

Пачинко – игровой автомат, представляющий собой промежуточную форму между денежным игровым автоматом и вертикальным пинболом, необычайно популярен в Японии.

31

«Истина о вещах столь же недоступна, сколь дно бесконечно глубокого колодца» – положение из учения Демокрита Абдерского, древнегреческого философа, одного из основателей атомистики и материализма.

32

Одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки. Расположено в нью-йоркском Линкольн-центре.

33

Телониус Сфер Монк (*англ.* Thelonious Sphere Monk, 1917–1982) – джазовый пианист и композитор, наиболее известный родоначальник музыкального жанра бибоп.

34

Царь Ассирии приблизительно в 745–727 годах до н. э.

35

Андирон – конструкция из двух горизонтальных железных брусков, в которую складывается древесина для растопки камина. Древнейшие андироны встречаются уже в позднем Железном веке. Андирон стоит на низких ножках и обычно снабжен продольной панелью, защищающей полена спереди от скатывания. В конце XIV века андироны вышли из общего пользования.

36

ЭМИ – электромагнитный импульс, возникающий в результате ядерного взрыва, нарушает функционирование незащищенных электронных приборов и выводит их из строя (*прим. пер.*).